

СОДЕРЖАНИЕ

ПАЛЕОЭКОЛОГИЯ. КАМЕННЫЙ ВЕК

- Деревянко А.П., Рыбалко А.Г., Зенин В.Н., Янина Т.А.** Исследования раннепалеолитической стоянки Дарвагчай-Залив-4 в Дагестане 3
- Тетенькин А.В., [Ветров В.М.], Демонтерова Е.И., Пашкова Г.В., Канева Е.В.** Аргиллитовые артефакты как источник информации о связях населения бассейна Витима в эпоху финального плейстоцена – среднего голоцена 16

ЭПОХА ПАЛЕОМЕТАЛЛА

- Молодин В.И., Дураков И.А.** Захоронения с литейными формами на могильнике позднекротовской (черноозёрской) культуры Тартас-1 (Барабинская лесостепь) 25
- Ткачёв А.А., Ткачёва Н.А.** Женский костюм андроновской эпохи по археологическим материалам могильника Майтан (Центральный Казахстан) 35
- Савенкова М.М.** Декор на текстиле и орнамент на андроновской керамике: возможности реконструкции 43
- Волкова Е.В.** Бинокулярный анализ керамики бронзового века лесной зоны Восточной Европы (к обсуждению термина «фатьяноидная» керамика) 52
- Полосьмак Н.В., Шах М.А., Кундо Л.П.** Петроглифы на плитах Занскара (Индия): материалы 2016 года 60
- Астафьев А.Е., Богданов Е.С.** Жертвенные приношения вещей гуннского облика в каменных оградах Алтынказгана на восточном берегу Каспийского моря 68
- Кубарев Г.В.** Древнетюркские оградки Кызыл-Шина (Юго-Восточный Алтай) 79
- Агатова А.Р., Непоп Р.К., Слюсаренко И.Ю., Панов В.С.** Новые данные комплексных исследований памятников железоплавильного производства в долинах рек Куектанар и Тюргун (Юго-Восточный Алтай) 90
- Доброва О.П.** Техники производства стеклянных бусин по материалам Гнёздова (Смоленская область) 100
- Усманова Э.Р., Дрёмов И.И., Панюшкина И.П., Колбина А.В.** Монгольские воины Улуса Джучи по материалам могильника Карасуыр (Улытау, Центральный Казахстан) 106
- Федорова Н.В.** Серебряные сосуды золотоордынского времени из Среднего Приобья 114
- Горохов С.В., Бородовский А.П.** Некрополь Умревинского острога (Верхнее Приобье) 123
- Косинцев П.А., Бачура О.П., Панов В.С.** Бурый медведь (*Ursus arctos* L.) из святилища в Канинской пещере (Северный Урал) 131
- Лобанова Т.В., Кардаш О.В.** Костные остатки животных в ритуально-обрядовых комплексах Городка Монкысь урий 140

ЭТНОГРАФИЯ

- Березкин Ю.Е.** Отражение картины мира в традиционных нарративах: реконструкция глобальных тенденций распространения и хронологической последовательности появления мотивов мифологии 149

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ 158

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ 159

CONTENTS

PALEOENVIRONMENT. THE STONE AGE

- A.P. Derevianko, A.G. Rybalko, V.N. Zenin, and T.A. Yanina.** Excavations at Darvagchay-Zaliv-4: An Early Paleolithic Site in Dagestan 3
- A.V. Tetenkin, V.M. Vetrov, E.I. Demonterova, G.V. Pashkova, and E.V. Kaneva.** Argillite Artifacts and Final Pleistocene to Middle Holocene Cultural Links Across the Vitim River Basin (Baikal Region) 16

THE METAL AGES AND MEDIEVAL PERIOD

- V.I. Molodin and I.A. Durakov.** Late Krotovo (Cherno-Ozerye) Burials with Casting Molds from Tartas-1, Baraba Forest-Steppe 25
- A.A. Tkachev and N.A. Tkacheva.** The Andronovo Age Women's Costume, Based on Finds from Maytan, Central Kazakhstan 35
- M.M. Savenkova.** Textile Decoration and Patterns on the Andronovo Vessels: Possible Reconstructions 43
- E.V. Volkova.** A Study of Bronze Age Ceramics from the Forest Zone of Eastern Europe: What Does the Term "Fatyanovo-like" Mean? 52
- N.V. Polosmak, M.A. Shah, and L.P. Kundo.** Petroglyphs of Zanskar, India: Findings of the 2016 Season 60
- A.E. Astafyev and E.S. Bogdanov.** Offerings of Hunnic-type Artifacts in Stone Enclosures at Altynkazgan, the Eastern Caspian Region 68
- G.V. Kubarev.** Old Turkic Stone Enclosures at Kyzyl-Shin, Southeastern Altai 79
- A.R. Agatova, R.K. Nepop, I.Y. Slyusarenko, and V.S. Panov.** New Data on Iron-Smelting Sites in the Kuektanar and Turgun Valleys, Southeastern Altai 90
- O.P. Dobrova.** The Technology of Manufacturing Glass Beads at Gnezdovo, Smolensk Region 100
- E.R. Usmanova, I.I. Dremov, I.P. Panyushkina, and A.V. Kolbina.** Mongol Warriors of the Jochi Ulus at the Karasuyr Cemetery, Ulytau, Central Kazakhstan 106
- N.V. Fedorova.** Silver Vessels of the Golden Horde Era from the Middle Ob Basin 114
- S.V. Gorokhov and A.P. Borodovsky.** The Cemetery at Fort Umrevinsky, in the Upper Ob Basin 123
- P.A. Kosintsev, O.P. Bachura, and V.S. Panov.** Remains of Brown Bear (*Ursus arctos* L.) from the Kaninskaya Cave Sanctuary in the Northern Urals 131
- T.V. Lobanova and O.V. Kardash.** Animal Bones in Ritual Accumulations at Monkys Uriy 140

ETHNOLOGY

- Y.E. Berezkin.** Manifestation of Worldviews in Traditional Narratives: Reconstruction of Global Tendencies in the Spread and the Chronology of Emergence of Mythological Motifs 149

ABBREVIATIONS 158

CONTRIBUTORS 159

DOI: 10.17746/1563-0102.2018.46.2.003-015
УДК 902.01

А.П. Деревянко¹, А.Г. Рыбалко¹, В.Н. Зенин¹, Т.А. Янина²

¹Институт археологии и этнографии СО РАН

пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия

E-mail: derev@archaeology.nsc.ru; rybalko@archaeology.nsc.ru; vzenin@archaeology.nsc.ru

²Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

ГСП-1, Ленинские горы, Москва, 119991, Россия

E-mail: didacna@mail.ru

Исследования раннепалеолитической стоянки Дарвагчай-Залив-4 в Дагестане

В статье представлены новейшие результаты комплексных исследований стоянки Дарвагчай-Залив-4, расположенной в северо-восточной части Кавказа. Центральное место отведено описанию и анализу коллекции каменных артефактов, а также ее сопоставлению с индустриями наиболее значимых раннепалеолитических комплексов ашельского облика Дагестана и Кавказа в целом. Каменная индустрия стоянки характеризуется в первую очередь слабой типологической выраженностью и неустойчивостью нуклевидных и орудийных форм. Количество функциональных типов среди орудий невелико, это скребловидные, шиповидные, выемчатые и комбинированные изделия. Наиболее выразительной частью орудийного набора являются крупные галечные (чопперы) и бифасиально обработанные (рубила, орудия пик) изделия. Коллекции артефактов с памятника Дарвагчай-Залив-4 демонстрируют полное сходство по основным технико-типологическим параметрам. Допустимо рассматривать эти материалы как остатки нескольких стоянок, существовавших на данной территории в течение определенного периода. Вместе с тем результаты анализа каменного инвентаря свидетельствуют о том, что в период формирования культуросодержащих слоев на данной территории обитали носители одной индустриальной традиции, базировавшейся на местной полисырьевой базе. Имеющиеся данные позволяют рассматривать памятник как многократно посещаемую, базовую стоянку-мастерскую. На основании подробного технико-типологического анализа сделан вывод о принадлежности коллекций к индустриям ашельского облика. С помощью палеонтологических данных (анализ малакофауны) и результатов палеомагнитных исследований определены хронологические рамки памятника. Согласно информации, полученной методами естественных наук, время формирования культуросодержащих горизонтов соответствует возрасту ~ 0,4–0,3 млн л.н. (МИС 11–9).

Ключевые слова: Дагестан, каменные индустрии, ранний палеолит, плейстоцен, морские трансгрессии.

A.P. Derevianko¹, A.G. Rybalko¹, V.N. Zenin¹, and T.A. Yanina²

¹Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch,

Russian Academy of Sciences,

Pr. Akademika Lavrentieva 17, Novosibirsk, 630090, Russia

E-mail: derev@archaeology.nsc.ru; rybalko@archaeology.nsc.ru; vzenin@archaeology.nsc.ru

²Lomonosov Moscow State University,

GSP-1, Leninskiye Gory, Moscow, 119991, Russia

E-mail: didacna@mail.ru

Excavations at Darvagchay-Zaliv-4: An Early Paleolithic Site in Dagestan

This article outlines the results of multidisciplinary studies at Darvagchay-Zaliv-4—an Early Paleolithic site in northeastern Caucasus. We focus on lithics, which we compare with those from key Early Paleolithic sites in Dagestan and other regions of Caucasus. Based on the totality of typological and technological criteria, the industry is Acheulean and is characterized by the scarcity of distinct core-shaped forms and tools. The few functional types include side-scrapers, becs, notched and combined pieces. The most salient specimens are pebble tools (choppers) and bifacial tools such as handaxes and picks. Technologically, all specimens are very uniform and may be viewed as representing several camps, whose inhabitants practiced one and the same tradition. This might have been a workshop that was visited several times. The analysis of malacofauna and paleomagnetic analysis suggest that the site dates to 0.4–0.3 Ma BP (MIS 11–9).

Keywords: Dagestan, stone industry, Early Paleolithic, Pleistocene, sea transgressions.

Введение

Большинство известных палеолитических стоянок на Кавказе сосредоточено в центральной части региона, в Закавказье или вдоль черноморского побережья. Территория Северо-Восточного Кавказа, особенно часть, прилегающая к Каспийскому морю, до недавнего времени была изучена очень слабо. Первые сведения о палеолите этого региона были получены М.З. Паничкиной в конце 1930-х гг. (сборы у с. Геджух) [Замятин, 1950]. Поисками палеолитических местонахождений здесь в 1950–1960-е гг. занимался В.Г. Котович. В ходе работ в предгорной зоне Дагестана ему удалось обнаружить около десятка местонахождений с поверхностным залеганием археологического материала. Наиболее древние артефакты были найдены на местонахождении Чумус-Иниц в среднем течении р. Дарвагчай и предварительно отнесены к ашельскому времени [Котович, 1964]. После создания в 1970-х гг. Геджухского водохранилища в результате размыва на некоторых участках его берегов появились крутые склоны и эрозионные обнажения, представленные отложениями раннего – среднего неоплейстоцена. Данное обстоятельство значительно облегчило в дальнейшем поиск новых археологических местонахождений. Новый этап исследования палеолита в этих районах Дагестана начался в 2003 г. и связан с работами со-

вместных экспедиций ИАЭТ СО РАН и ИА РАН под общим руководством акад. А.П. Деревянко. В результате многолетних работ на западном побережье Каспия открыто более 20 местонахождений каменного века, в т.ч. несколько многослойных стратифицированных стоянок. Обнаруженные и изученные каменные индустрии относятся к периоду от нижнего до начала верхнего палеолита, что позволяет представить общую картину развития древнейших культур на территории Приморского Дагестана [Деревянко и др., 2012]. Одним из таких стратифицированных объектов является памятник Дарвагчай-Залив-4. Наиболее характерной чертой данного комплекса является присутствие в коллекции каменных артефактов крупных бифасиально обработанных орудий.

История исследований

Местонахождение Дарвагчай-Залив-4 открыто в 2010 г. сотрудниками Кавказского палеолитического отряда ИАЭТ СО РАН (рис. 1, 2) в ходе рекогносцировочного обследования правого берега р. Дарвагчай (Дербентский р-н, Республика Дагестан) [Зенин и др., 2010]. Стоянка расположена в районе небольшого залива Геджухского водохранилища на склоне высокого (ок. 20 м) останца третьей древнекаспийской террасы, образованного серией морских осадков, которые были перекрыты сверху рыхлыми отложениями в виде супесей и суглинков. Памятник ориентирован в северо-восточном направлении, находится на высоте ок. 125 м над ур. м.; его координаты 42°08'06" с.ш., 48°01'44" в.д. Место расположения стоянки соответствует переходу от предгорий (абсолютная высота 120–270 м) к равнинной части (< 90 м) Западного Прикаспия. Граница предгорий хорошо выделяется в рельефе структурным уступом и подчеркивается многочисленными обнажениями ракушняка и песчаника (бакинского возраста). В районе местонахождения на берегах водохранилища к настоящему времени обнаружено несколько пунктов с палеолитическими артефактами. Все они связаны с крутыми береговыми склонами и обнажениями, в которых снизу вверх прослеживаются прибрежно-морские и континентальные осадки.

Разведочные исследования стоянки*, проведенные в 2011 г., позволили получить

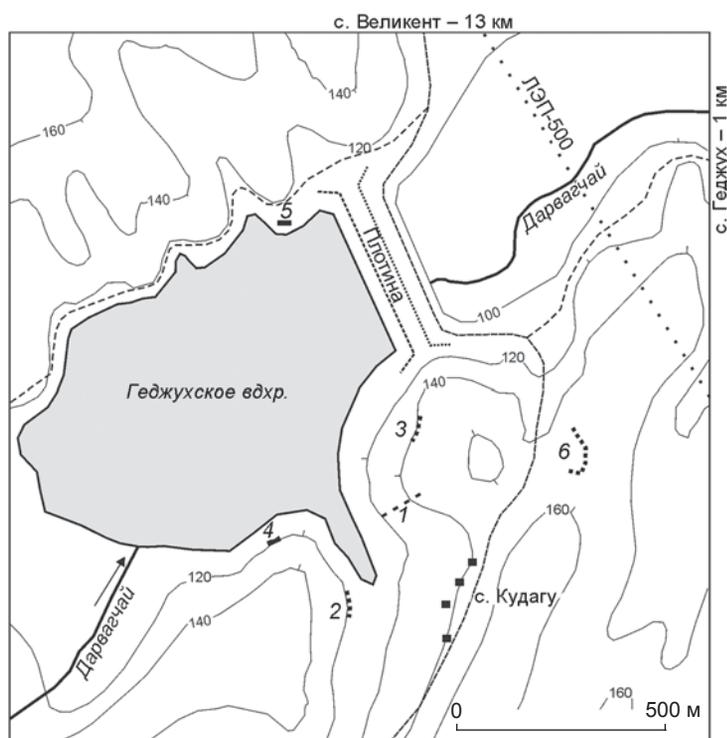

Рис. 1. Местоположение стоянок в районе Геджухского водохранилища. 1 – Дарвагчай-Залив-1; 2 – Дарвагчай-Залив-2; 3 – Дарвагчай-Залив-3; 4 – Дарвагчай-Залив-4; 5 – Дарвагчай-1; 6 – Дарвагчай-Карьер.

*Помимо сотрудников ИАЭТ СО РАН в этих работах принимали участие геологи (аспиранты Томского государственного университета) Д.Е. Лунева и А.В. Ахтерякова.

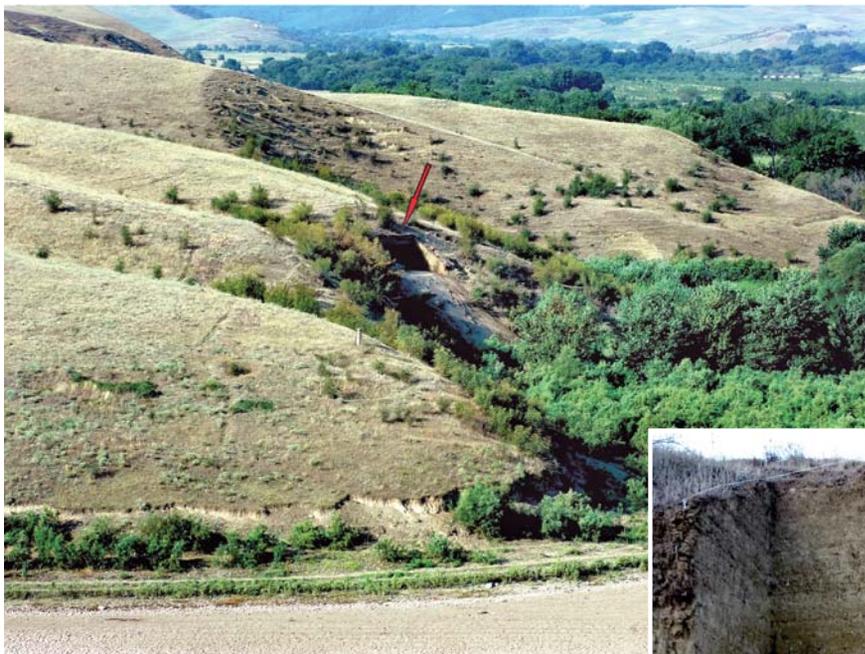
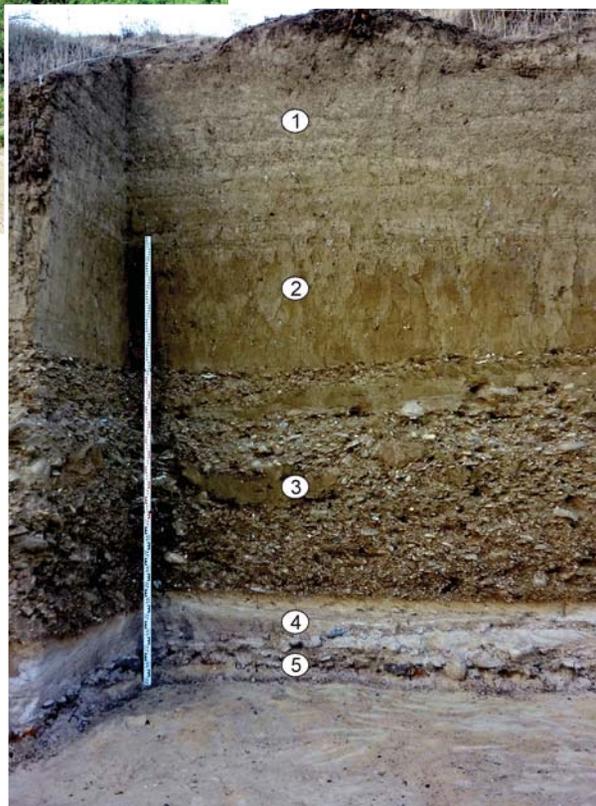

Рис. 2. Стоянка Дарвагчай-Залив-4. Вид с С.

Рис. 3. Северо-восточная и юго-восточная стенки раскопа 2015 г.

предварительные сведения о стратиграфии объекта, а также обнаружить выразительный набор палеолитических изделий, включающий орудия со следами бифасиальной обработки [Деревянко и др., 2012]. В 2014–2015 и 2017 гг. на местонахождении были продолжены археологические раскопки. В ходе стационарных исследований единым раскопом было вскрыто ок. 90 м² площади отложений, в которых выявлено ок. 700 каменных артефактов.

Стратиграфическая ситуация и возраст стоянки

Во время раскопок стоянки была получена серия разрезов правого берега р. Дарвагчай, которые вместе с обнажениями на прилегающих к раскопу участках послужили основой для детальных стратиграфических исследований и установления условий залегания археологических материалов (рис. 3, 4). В разрезе местонахождения (слои 1–5) и на прилегающем участке склона террасы (слои 6–11) прослежены следующие отложения (сверху вниз):

Слой 1. Серо-коричневый опесчаненный суглинок, рыхлый, пылеватый (в сухом состоянии). Текстура слоя неоднородная. Генезис отложений субэвральный (элювиально-делювиальный). Слой по всей толще содержит многочисленные включения карбонатных солей в виде небольших стяжек, редко встречаются гравий и галька. Подошва слоя субгоризонтальная, граница с нижележащим слоем четкая. Мощность до 1,4 м.

Слой 2. Темно-коричневый тяжелый суглинок, карбонатизированный, в кровле более плотный, освет-

ленный, с редкими включениями гравия и мелкой гальки. Текстура слоя однородная, залегание неслоистое. В подошве имеются линзы разноместного коричневого песка, мощность линз меняется от 0,01 до 0,07 м. Генезис субэвральный (преобладание склоновых и эоловых процессов). Кровля слоя частично разрушена. Подошва резкая, четкая, субгоризонтальная. Слой содержит единичные палеолитические артефакты. Мощность до 1,5 м.

Слой 3. Гравийно-галечные отложения с примесью валунов, глыб и обломков ракушняка (диаметр до 0,7 м) различной степени окатанности. В заполнителе – дресва, глинистый песок, суглинки. В центре и подошве слоя встречаются линзы серых алевроитов с пятнами ожелезнения мощностью до 0,3 м. Гальки

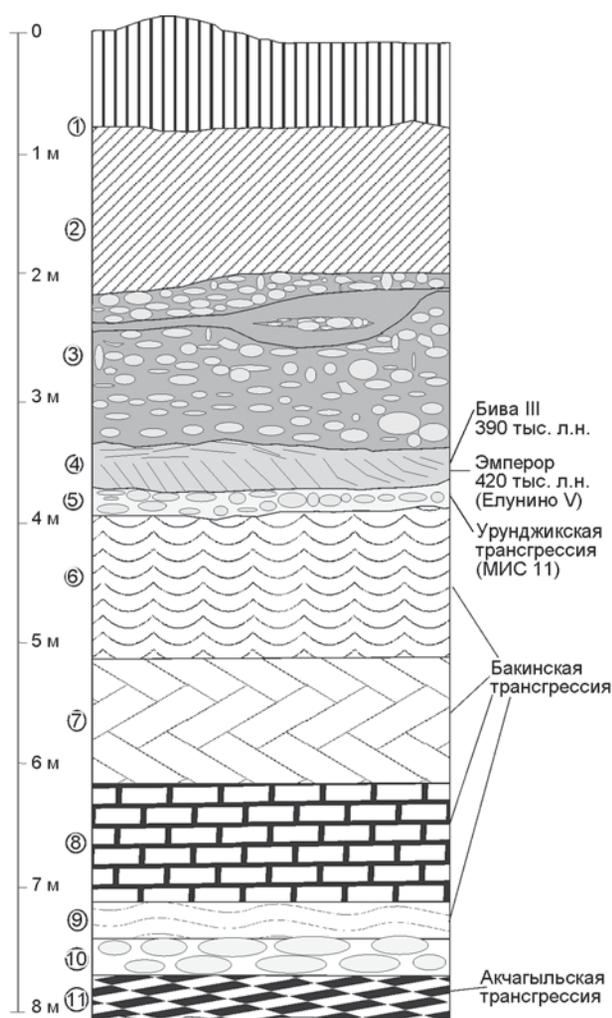

Рис. 4. Общая схема стратиграфического разреза стоянки Дарвагчай-Залив-4 (раскоп и нижерасположенный участок террасы).

и валуны залегают под разным углом, ориентированы в основном по длинной оси вдоль склона в северо-восточном направлении. Сортировка обломков практически отсутствует, наблюдается локально в нижней части слоя. Генезис отложений сложный, ведущую роль в нем, вероятно, играли пролювиально-делювиальные и аллювиальные (горный аллювий) процессы. Угол падения кровли слоя (азимут 150–170°) составляет 7–14°. Подошва неровная, четкая. Слой содержит палеолитические артефакты. Мощность до 2 м.

Слой 4. Прибрежно-морские пески, светло-серые, в кровле – желтые, охристые, косослоистые, разнонаправленные, с раковинным детритом и редким включением грубообломочного материала (гравий, галька, щебень). В кровле слоя встречаются небольшие линзочки зеленовато-серых алевритов мощностью до 0,1 м. Подошва слоя неровная, четкая. Мощность до 0,45 м.

Слой 5. Гравийно-галечные отложения. В заполнителе разнозернистый светло-коричневый песок с включением раковин морских моллюсков разной сохранности. Обломки хорошо окатаны, залегают субгоризонтально. В слое встречаются глиняные окатыши желтого цвета, линзы ожелезнения. Отложения сформированы, по-видимому, при абразии горного аллювия и последующего его переотложения в прибрежной зоне морского пляжа (средняя глубина до 2 м). Контакт с нижележащими отложениями четкий и ясный. Слой содержит палеолитические артефакты. Мощность до 0,45 м.

Слой 6. Тонко слоистые серые пески с горизонтальными прослоями детритусового песчаника. Включают створки раковин морских моллюсков хорошей сохранности. Для сцементированных прослоев песчаника характерна текстура ряби волнения по оси С–Ю, их мощность изменяется от 0,05 до 0,2 м. Генезис отложений прибрежно-морской. Мощность до 1,5 м.

Слой 7. Песчаники детритусовые, монолитные. Видимая мощность более 1 м.

Слой 8. Органогенно-обломочный известняк (ракушняк) с включениями гравия и гальки, плотный, монолитный, массивный. Цвет породы темно-серый с различными оттенками. Отложения не выдержаны по простиранию, представлены лишь частично в виде выступающих на поверхности склона глыб. Видимая мощность более 1 м.

Слой 9. Пески тонкозернистые, сыпучие, желто-серые. Видимая мощность до 0,3 м.

Слой 10. Галечно-валунные отложения. Обломки (песчаник) хорошо окатаны, частично сцементированы (конгломерат). Видимая мощность до 0,3 м.

Слой 11. Глинистые светло-серые очень плотные алевриты с тонкими прослоями серого песка. Предположительно отложения акчагыла. Видимая мощность 0,4 м.

Анализ данного разреза местонахождения Дарвагчай-Залив-4 позволяет выделить три разновозрастные пачки отложений со специфическими чертами седиментогенеза, отделенные друг от друга стратиграфическими перерывами со следами размыва и тектоническими нарушениями. Пачка 1 (слои 1–3) образована преимущественно в субаэральных условиях, вероятно, в постбакинское время. Ведущую роль в осадконакоплении играли элювиально-делювиальные и пролювиальные процессы. Пачка 2 (слои 4–10) сформировалась преимущественно в субаквальных условиях морского побережья, во второй половине раннего неоплейстоцена (бакинское время). Пачка 3 (слой 11) образована отложениями прибрежно-морского генезиса, которые соответствуют переходной зоне между шельфом и побережьем (акчагыльское время). Предполагаемая хронология формирования литологических горизонтов основана на сравнении

описанного разреза с данными по стратиграфии памятника Дарвагчай-1, относительный возраст культуросодержащих отложений (интервал бакинской трансгрессии Каспийского моря) которого установлен по результатам анализа малакофауны (раковины морских моллюсков) и микрофауны (остракоды, фораминиферы) [Там же].

Более точно определить хронологические рамки культуросодержащих слоев памятника Дарвагчай-Залив-4 позволяет анализ малакофауны. В ходе археологических раскопок из слоя 5 были отобраны все целые (пригодные для определения) раковины моллюсков. В их составе преобладают каспийские кардииды – раковины моллюсков рода *Didacna* Eichw., единичны представители рода *Dreissena* van Beneden. Род *Didacna*, обладающий высокой скоростью эволюционного развития на видовом и подвидовом уровне, имеет руководящее значение для стратификации морского неоплейстоцена Каспия и палеогеографических реконструкций его бассейнов.

В составе дидакн четко выделяются две группы. Первая представлена раковинами с явными следами переотложения (окатанность, потертости, «размытость» ребер). В ней преобладают *Didacna rudis* Nal., встречаются *D. cf. parvula* Nal., *D. lindleyi* (Dash.) Fed., *D. golubyatnikovii* Yan. Это представители бакинской (позднебакинской) фауны Каспия, характерным видом которой является *D. rudis*.

Вторая группа содержит раковины хорошей сохранности, с четкими контурами, замочным аппаратом и ярко выраженными (неистертыми) ребрами. Наличие раковин с такими характеристиками не только взрослых особей, но и молодых свидетельствует о залегании этого малакофаунистического сообщества *in situ*. В его составе преобладают *Didacna eulachia* (Bog.) Fed. и *D. kovalevskii* Bog., единичны *D. pravoslavlevii* Fed. Малакофауна (и включающие ее отложения) урунджикского возраста, ее характерными видами являются *Didacna eulachia* и *D. kovalevskii*.

Вопрос о стратиграфическом положении (относительном возрасте) культуросодержащих отложений принципиально важен, поэтому необходимо рассмотреть представления исследователей неоплейстоцена Каспия об урунджикском этапе в развитии региона. Урунджикский этап в развитии Каспийского бассейна и его побережий был выделен П.В. Федоровым по результатам анализа малакофауны из четвертичных отложений Юго-Западной Туркмении [1948] и Куринской депрессии в Азербайджане [1957] и отнесен сначала к первому периоду хазарской, а затем – к завершающему этапу бакинской трансгрессивной эпохи. Его выделение в Западной Туркмении, но в ином объеме было поддержано Л.А. Невесской [1958]. Б.Г. Векиловым установлено наличие такого этапа (под названием «мингечаурский») для азербайджанского побе-

режья Каспия в конце бакинской эпохи [1969]. Позднее Т.А. Яниной на основе изучения всех известных местонахождений малакофауны Каспийского региона было доказано существование самостоятельного урунджикского трансгрессивного этапа [2008]. Хотя по вопросу о времени проявления урунджикской трансгрессии (конец бакинской эпохи, начало хазарской, самостоятельная трансгрессия в начале среднего неоплейстоцена) у специалистов нет солидарного мнения, очевидно, что накопление осадков, содержащих раковины моллюсков, происходило в эпоху после позднебакинской трансгрессии Каспия в Урунджикском бассейне, в котором раковины бакинских моллюсков переотложены. К настоящему времени большинством исследователей признаны урунджикский этап в развитии бассейна и урунджикский горизонт (слои) в стратиграфической схеме каспийского неоплейстоцена. Морской бассейн был изолированный, тепловодный, с повышенной (по сравнению с современной) соленостью. Время этого события – начало среднего неоплейстоцена, лихвинское межледниковье (МИС 11).

В 2015–2016 гг. на местонахождении Дарвагчай-Залив-4 были проведены палеомагнитные исследования*, результаты которых дали возможность существенно уточнить возраст культуросодержащих слоев**. Из северо-восточной стенки раскопа в стратиграфическом интервале от –420 до –720 см (слои 2–4) были отобраны ориентированные образцы-кубики с ребром длиной 2 см. Шаг отбора составлял 5–10 см. Коллекция включает 19 образцов. В разрезе выделены две зоны магнитной полярности: хорошая прямая полярность в верхней части и разброс обратных направлений в морских песках (слой 4). С учетом палеонтологических данных и общей геологической истории Каспийского бассейна в четвертичное время наиболее вероятным представляется следующий вариант интерпретации палеомагнитных данных: все магнитозоны отвечают хрону Брюнес, а разброс обратных направлений экскурсам: Бива III – 390 тыс. л.н. и Эмперор (Елунино V) – 420 тыс. л.н.

Таким образом, по данным, полученным методами естественных наук, археологические материалы, зафиксированные в слоях 3 и 5, накапливались в субаэральных и субаквальных условиях морского побережья (пляжная и предфронтальная зоны) (рис. 4). Время формирования культуросодержащих слоев соотно-

*Исследования выполнялись в лаборатории Главного геомагнитного поля и петромагнетизма Института физики Земли им. О.Ю. Шмидта РАН, а также в лаборатории Палеомагнитного центра Института нефтегазовой геологии и геофизики им. А.А. Трофимука СО РАН по стандартным методикам.

**Работы выполнены д-ром геол.-минер. наук А.Ю. Казанским.

сится с разными фазами активности Каспийского моря (позднебакинское и постбакинское время) и, согласно принятым стратиграфическим схемам, соответствует возрасту ок. 0,4–0,3 млн л.н. (МИС 11–9).

Характеристика каменной индустрии

На памятнике обнаружены 672 артефакта, из них в слое 2 – 2 экз., слое 3 – 511, слое 5 – 140, в осыпи на месте обнажения – 19 экз.

Слой 2 представляют обломок и отщеп с фасетированной площадкой. Они не могут служить культурно-хронологическими маркерами, как и материалы из осыпи, включавшие наряду с отщепами и обломками атипичный скребок, выемчатое и шиповидное орудия, которые не отличаются от таковых в основном массиве находок. При анализе индустрии памятника Дарвагчай-Залив-4 следует опираться только на материалы из слоев 3 и 5.

Слой 3 включает каменные изделия, различающиеся по степени сохранности поверхности. Они в основном средне окатанные, на гранях сколов встречаются выкрошенность и следы забитости. На части кремневых артефактов имеется желто-белесая патина. В коллекции имеются также предметы слабо окатанные и с относительно «свежими» гранями. Условия залегания и состояние изделий из камня указывают на частичную переотложенность комплекса. Сам галечник, как и найденные в нем артефакты, не сортирован, на одном уровне попадают крупные и мелкие предметы.

К числу нуклевидных изделий отнесено 37 предметов: 3 гальки с единичными сколами, 15 нуклевидных обломков и 19 нуклеусов. Преобладают простейшие одно- и двухплощадочные монофронтальные ядрища со следами минимальной предварительной подготовки фронта и ударной площадки или без таковых (рис. 5, 3, 4; 6, 7). Одно изделие овальной формы соответствует категории радиальных монофронтальных ядрищ. Наиболее тщательно оформлен нуклеус размерами 4,0 × 4,8 × 1,8 см, имеющий признаки, характерные для леваллуазской системы расщепления – фасетированную выпуклую ударную площадку, частично оформленные сколами и ретушью латерали и негатив пластинчатого снятия (рис. 7, 4). Основную часть продуктов первичного расщепления составляют сколы (299 экз.), значительная часть которых сохраняет в той или иной степени желвачную корку. Определенные остаточные ударные площадки преимущественно гладкие и естественные, единичны фасетированные и двухгранные. Сколы в большинстве случаев укороченные, среднего размера, с ярко выраженным ударным бугорком, неправильных очертаний. Многие отражают смещение оси заготовки относительно направления снятия. На преобладающей части обломков и осколков (161 экз.), объемных угловатых кусков породы, разных по размерам и форме, прослежены небольшие участки галечно-желвачной корки. Некоторые из них имеют признаки вторичной обработки. Плитки и гальки (14 экз.) крупных и средних размеров несут следы вторичной обработки. Одна галька имеет признаки использования в качестве отбойника.

Категория орудий насчитывает 158 изделий. Большая часть выполнена на сколах,

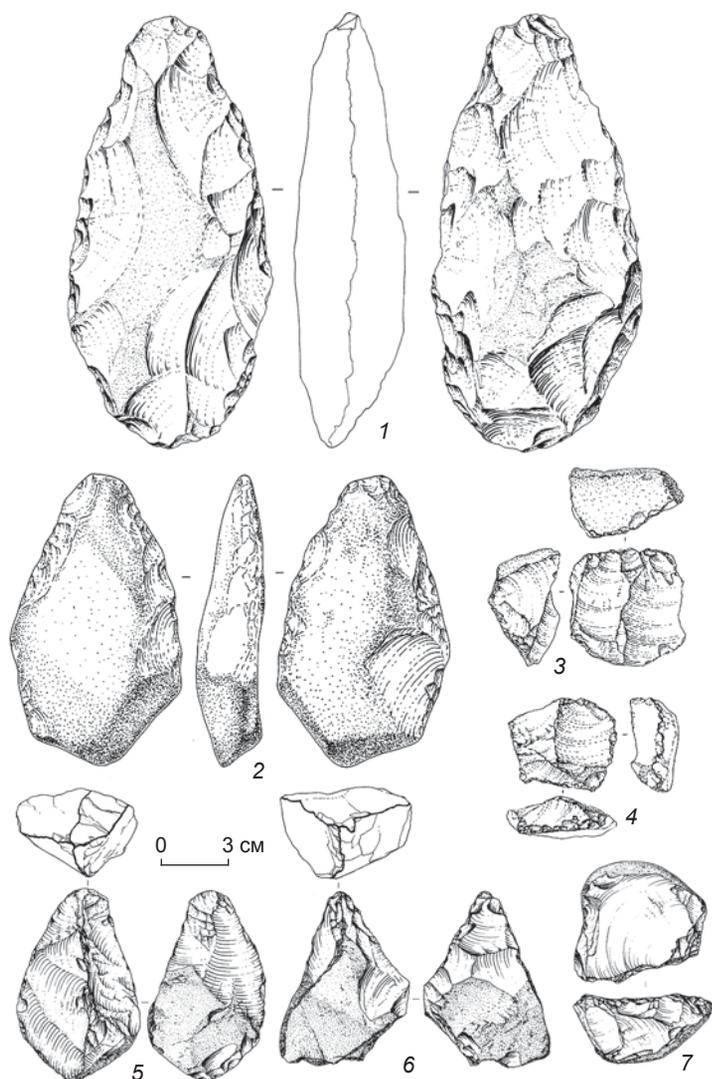

Рис. 5. Каменный инвентарь из слоя 3. 1, 2 – бифасы; 3, 4 – нуклеусы; 5, 6 – орудие пик; 7 – нуклевидный скребок.

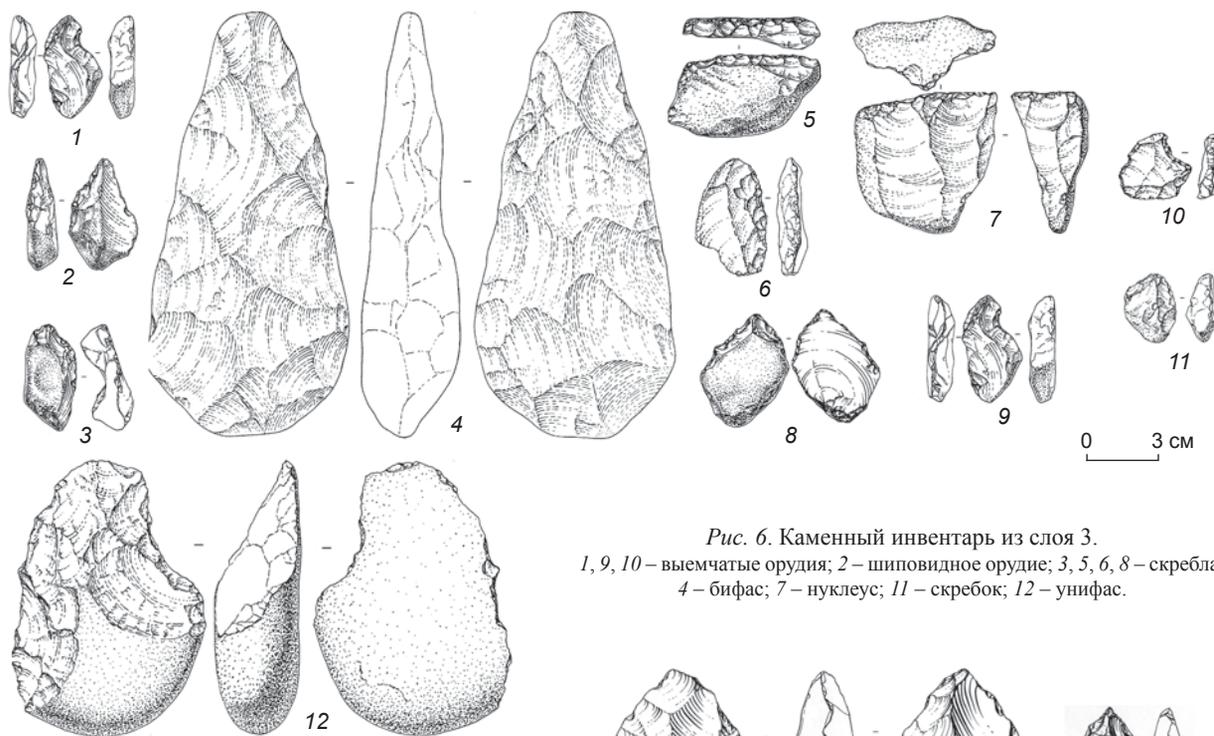

Рис. 6. Каменный инвентарь из слоя 3.
1, 9, 10 – выемчатые орудия; 2 – шиповидное орудие; 3, 5, 6, 8 – скребла;
4 – бифас; 7 – нуклеус; 11 – скребок; 12 – унифас.

некоторые – на плоских обломках и гальках. Орудийный набор составляют 6 бифасов, 1 унифас, 4 орудия пик, 3 нуклеидных скребка, 1 чоппер, 2 орудия с носиком, 21 скребло, 2 ножа, 4 атипичных скребка, 4 острия, 26 шиповидных, 32 выемчатых и 5 комбинированных изделий, 30 отщепов и 17 обломков с ретушью.

Наиболее яркими типами макроорудий являются бифасы (рубилы) и унифас, различающиеся по размерам и способам оформления. Первый бифас размерами $17,5 \times 8,2 \times 4,0$ см выполнен из песчаника темно-серого цвета. Изделие сильно окатанное, копьевидной формы, двояковыпуклое в сечении, по краям обработано плоскими сколами. Дистальный конец является наиболее плоской частью изделия и напоминает окончания ланцетовидных рубил (см. рис. 6, 4). Второй бифас тщательно оформлен, это самое крупное (размеры $20,5 \times 10,0 \times 5,4$ см) и массивное изделие в коллекции, выполненное на гальке из серо-коричневого окремненного известняка. Орудие средне окатанное, правильной миндалевидной формы, линзовидное в сечении, по краям обработано сколами и крупной ретушью. Максимальные ширина и толщина приходятся на середину орудия. Лезвия выпуклые, с извилистой кромкой, дистальный конец заужен боковыми сколами с двух сторон, не образует четко выраженного острия. По этому признаку изделие может быть определено как рубило с «плечиками» (см. рис. 5, 1; 8, 1). Бифас размерами $13,6 \times 8,3 \times 3,2$ см под-

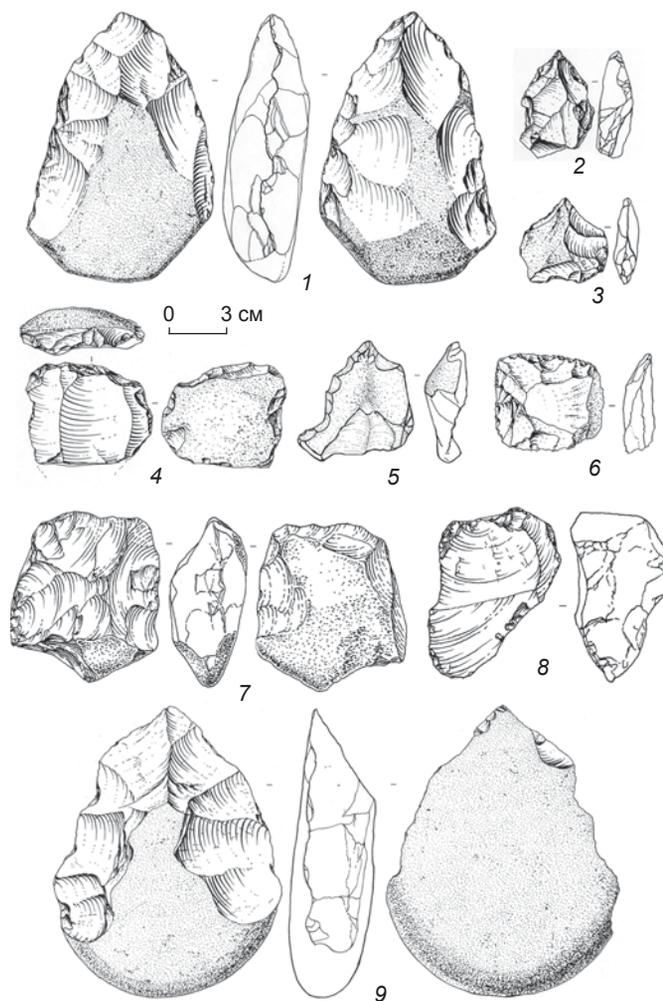

Рис. 7. Каменный инвентарь из слоев 3 (1, 2, 4) и 5 (3, 5–9).
1 – бифас; 2, 3 – шиповидные орудия; 4, 7, 8 – нуклеусы; 5 – комбинированное орудие; 6 – скребло; 9 – унифас.

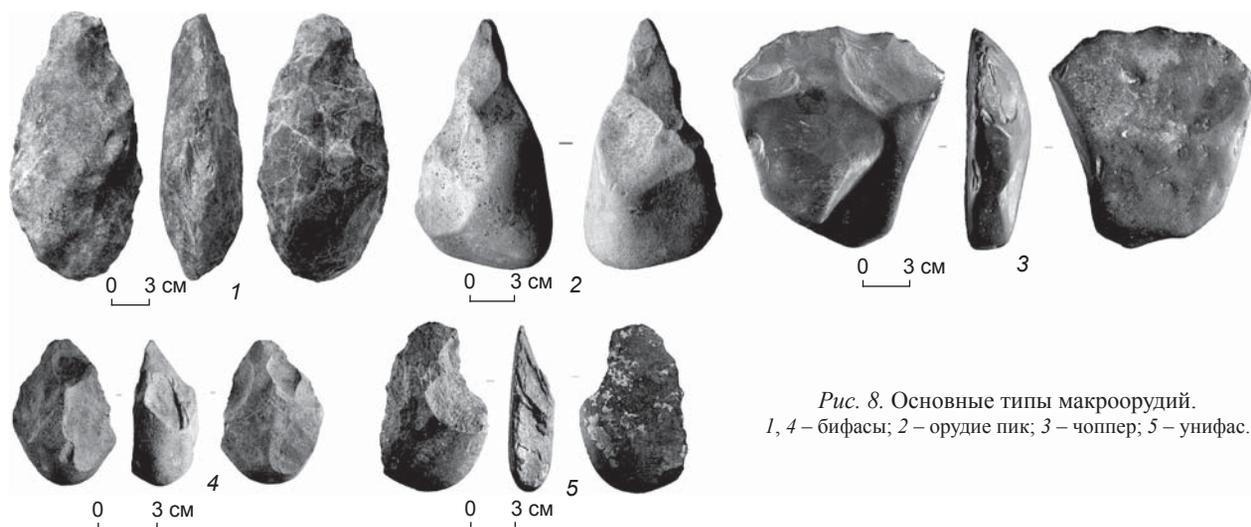

Рис. 8. Основные типы макроорудий.
1, 4 – бифасы; 2 – орудие пик; 3 – чоппер; 5 – унифас.

готовлен на удлиненной и плоской гальке из песчаника. Орудие сильно окатанное, со следами частичной отделки, по морфологическим признакам миндалевидное, в поперечном сечении плоско-выпуклое. В дистальной части изделие плоское, что в большей степени обусловлено использованием уплощающей оббивки, основание угловато-выпуклое, на большей части сохранена галечная корка (см. рис. 5, 2). Орудие размерами $11,0 \times 7,5 \times 3,0$ см выполнено на гальке из известняка; оно миндалевидной формы, двояковыпуклое, две трети заготовки оформлено сколами, лезвия слабоизвилистые, пятка галечная, на острие видны более свежие сколы (см. рис. 7, 1). Рубильце размерами $5,0 \times 4,0 \times 3,0$ см изготовлено из кремня, плоско-выпуклое, с галечным основанием, округлым острием и следами забитости. Изделие размерами $6,0 \times 4,0 \times 2,6$ см – заготовка бифаса – выполнено на обломке кремня пирамидальной формы, острие четко выражено; с одной стороны предмет оформлен двусторонними сколами. Унифас крупных размеров ($11,2 \times 7,6 \times 3,2$ см), удлиненной формы, с одной стороны обработан сколами, с другой стороны и в пяточной зоне сохраняет галечную корку (см. рис. 6, 12; 8, 5).

Два орудия пик размерами $7,5 \times 7,0 \times 3,5$ и $9,5 \times 6,0 \times 6,0$ см изготовлены на кремневых обломках пирамидальной формы; изделия четырехугольные в сечении, имеют следы использования в виде мелких сколов (см. рис. 5, 5). Два других орудия размерами $9,5 \times 6,0 \times 4,5$ и $7,0 \times 4,0 \times 3,0$ см трехгранные, выполнены из кремневых обломков, грани оформлены крупными сколами, острия – мелкими (см. рис. 5, 6).

Наиболее выразительный нуклевидный скребок (размеры $7,0 \times 5,5 \times 3,4$ см) изготовлен из кремня; он подпрямоугольной формы, его рабочая часть оформлена на торце сколами и ретушью (см. рис. 5, 7).

Орудия на отщепках и обломках также весьма многочисленны и разнообразны, имеют признаки стан-

дартизации, серийности. Среди скребел преобладают однолезвийные обушковые формы (см. рис. 6, 3, 5, 6); одно может быть отнесено к конвергентным разновидностям (см. рис. 6, 8). Среди выемчатых орудий встречаются формы как с клетонскими анкошами, так и подготовленные ретушью. Выемки на всех изделиях единичные, небольшой протяженности и глубины (см. рис. 6, 1, 9, 10). При создании шиповидных орудий учитывались естественные очертания заготовок либо выполнялись одна или две сопряженные выемки. Практически у всех изделий шипы небольшие или немного удлиненные, подработанные с одной или двух сторон мелкой ретушью (см. рис. 6, 2; 7, 2). Все скребки атипичные, выполнены на мелких отщепках и плоских обломках, рабочие элементы орудий оформлены мелкой краевой ретушью (см. рис. 6, 11). Отщепы и обломки несут следы нерегулярной обработки по одному краю, ретушь мелкая, прерывистая.

Коллекция артефактов из слоя 5 характеризуется средней и слабой степенью окатанности. Материалы, извлеченные из нижнего слоя галечника, представляют в целом более однородный, по сравнению с индустрией слоя 3, комплекс, все изделия близки по сохранности поверхности. Если часть артефактов из слоя 3 имеет сглаженные грани, следы соударения, забитости, переноса, то изделия из слоя 5, как правило, подобных признаков не несут.

Нуклевидных форм обнаружено 15 экз.: 5 нуклевидных обломков и 10 нуклеусов, которые относятся к простейшим формам одноплощадочных монофронтальных ядрищ (см. рис. 7, 8; 9, 5). Одно изделие соответствует категории радиальных монофронтальных нуклеусов (см. рис. 7, 7). Основную часть продуктов первичного расщепления составляют сколы (69 экз.), преимущественно укороченные, средних и крупных размеров. Среди огранок в дорсальной части примерно в равных пропорциях представлены субпарал-

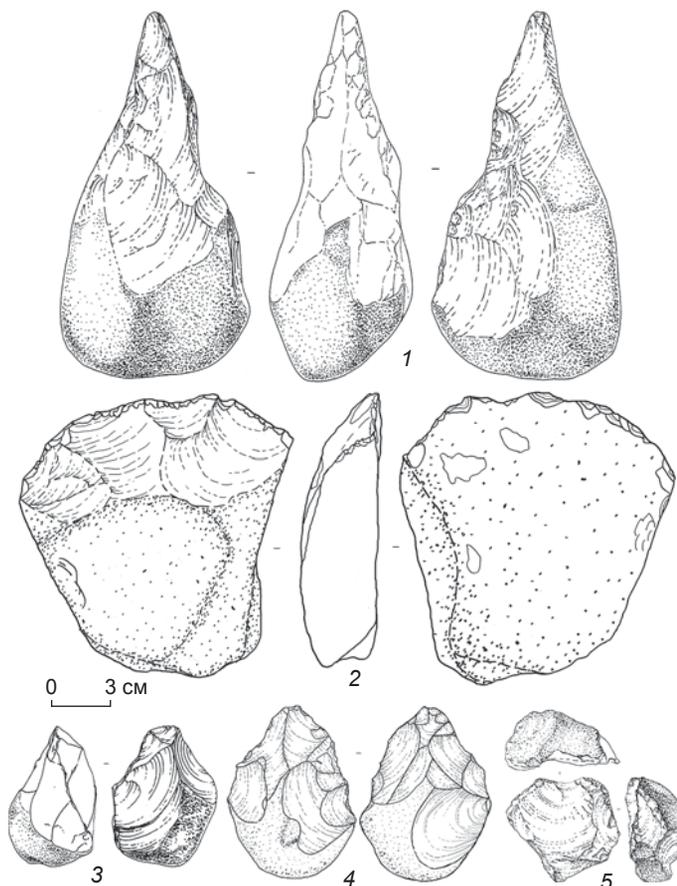
Рис. 9. Каменный инвентарь из слоя 5.

1 – орудие пик; 2 – чоппер; 3, 4 – бифасы; 5 – нуклеус.

лельные и ортогональные разновидности. Остаточные ударные площадки в основном гладкие и естественные. Единичны фасетированные и двухгранные. Обломки (46 экз.), составляющие ок. 30 %, в длину чаще всего не более 5 см, часто плиткообразные. Гальки (10 экз.) крупных и средних размеров, одна из них – с характерными следами забитости на торце – имеет все признаки использования в качестве отбойника.

Орудийный набор состоит из 48 предметов. В качестве заготовок использовались в основном сколы, в некоторых случаях плоские гальки и обломки. К орудиям отнесены: 4 бифаса, 1 унифас, 2 чоппера, 3 орудия пик, 1 нож, 5 скребел (см. рис. 7, 6), 4 атипичных скребка, 7 выемчатых, 10 шиповидных (см. рис. 7, 3) и 2 комбинированных (см. рис. 7, 5) изделия, 9 отщепов и обломков с ретушью.

Наиболее выразительными изделиями являются бифасы, унифас и орудия пик. Бифас размерами $9,5 \times 7,3 \times 4,5$ см выполнен на кремневой гальке коричневого цвета. Изделие округлой формы, плоско-выпуклое в сечении. Края, сужающиеся в дистальной части, грубо оббиты крупными сколами. Полностью двусторонней обработке подверглась дистальная часть, представленная в виде короткого поперечного лезвия. Более половины орудия (включая массивное основание) не обработано. Рубило размерами $7,5 \times 5,4 \times 3,4$ см изготовлено на небольшой гальке из желтовато-серого кремня. Орудие подтреугольной формы, плоско-выпуклое, широкие плоскости обработаны сколами, одна боковая грань и острие дополнительно оформлены средней ретушью, массивная пятка галечная (см. рис. 8, 4; 9, 4). Коллекция включает еще два бифасиально обработанных изделия: небольшие кремневые гальки, частично оформленные с двух сторон сколами, с естественным основанием. У обоих орудий в дистальной части край приострен. Данные изделия типологически можно отнести к проторубилам (см. рис. 9, 3). Унифас (размеры $12,5 \times 9,5 \times 2,8$ см), выполненный на плоской гальке из песчаника, миндалевидной формы, одна плоскость оформлена крупными и средними сколами, острие четко выражено (см. рис. 7, 9). Среди орудий пик обращает на себя внимание изделие размерами $18,6 \times 9,9 \times 6,8$ см, изготовленное на гальке из серовато-желтого песчаника. Его рабочим элементом является хорошо выраженное острие, треугольное в поперечном сечении. Продольные края прямые или слабоизвилистые, грубо обработаны крупными сколами. Основание широкое,

массивное, представляет собой неоформленный край гальки (см. рис. 8, 2; 9, 1). Другие орудия пик (размеры $8,5 \times 4,0 \times 3,0$ и $6,8 \times 5,0 \times 3,5$ см) изготовлены из кремня. Они подтреугольной формы, с признаками использования в виде забитостей и мелких сколов на остриях.

Чоппер выполнен на плоской гальке крупных размеров ($14,5 \times 13,4 \times 4,3$ см). Поперечный край несколькими широкими крупными сколами преобразован в рубящее лезвие, на котором видны следы забитости, появившиеся, возможно, в процессе эксплуатации (см. рис. 8, 3; 9, 2).

Основные приемы получения заготовок и вторичной отделки, формы и типы орудий на сколах и обломках из слоя 5 в целом не отличаются от таковых из слоя 3.

Результаты исследования

Каменная индустрия памятника Дарвагчай-Залив-4 сформировалась на местной полисырьевой базе. В качестве исходного сырья использовались пластовый и желвачный кремль, сильно окремненный известняк с наружной части кремневых желваков и слабо окремненный опесчаненный известняк в виде галек

и желваков*. Перечисленный материал встречается в верхнемеловых (датский ярус) известняках (Cr_{2d}) в виде линз различной мощности и протяженности, а также желваков (в среднем не более 0,3 м в поперечнике). Данные разновидности камня являются составляющей культуросодержащих горизонтов стоянки и хорошо прослеживаются в нескольких обнажениях на близлежащей территории. Указанные породы весьма разнообразны по своим поделочным свойствам, что в значительной мере определяло типы производимых орудий. Анализ археологической коллекции показал, что в качестве сырья на стоянке использовался в основном кремь (доля изделий из него составляет не менее 80 % от общего количества артефактов). В галечно-гравийных горизонтах он представлен небольшими гальками или обломками, диаметр которых редко превышает 10 см. Крайне редко встречаются валуны кремня (до 30 см в диаметре). Для кремня из галечно-гравийных горизонтов характерно большое количество внутренних дефектов, прежде всего, трещиноватость, а также наличие инородных включений и каверн. Как показали наблюдения и эксперименты, процесс его расщепления трудно контролировать, сколы часто прерываются трещинами, они массивные и короткие, неровных очертаний, ударные площадки разрушаются при ударе твердым отбойником. Вероятно, ввиду этих особенностей сырья при изготовлении орудий широко использовались несковольные основы. Указанные характеристики кремня обуславливали многочисленность в культуросодержащих слоях обломков, внешне напоминающих артефакты, и осложняли вторичную обработку.

Артефакты с памятника Дарвагчай-Залив-4 различаются по сохранности поверхности: от изделий с несглаженными «свежими» ребрами – до сильно окатанных предметов. При этом не прослеживается какая-либо зависимость степени сохранности поверхности артефактов от их планиграфической и стратиграфической позиции. Следы соударений в водном потоке на поверхности каменных отделеностей относительно редки. Отсутствие таких следов на артефактах и наличие в составе слоя в качестве рыхлого заполнителя большого количества песчинок кварца позволяют считать, что такая абразия происходила в водно-песчаной взвеси в приливно-отливной пляжной зоне. О переносе и перемешивании артефактов в береговой зоне свидетельствует их «взвешенное» положение и различия в сохранности поверхности. Следует также учитывать, что ок. 25 % предметов вообще не имеют на своей поверхности следов какого-либо сглаживающего воздействия.

Набор типов орудий и характер вторичной обработки практически не изменяются по культурно-литологическим подразделениям, но разнообразие орудийных форм, как и их количество, нарастает вверх по разрезу, достигая максимума в слое 3. При этом, несмотря на, вероятно, небольшой хронологический разрыв в формировании культуросодержащих горизонтов, по основным технико-типологическим характеристикам комплексы близки. Сходство проявляется в первичном расщеплении и вторичной обработке, типах и формах орудий и нуклеусов, наличии бифасильно обработанных орудий.

Анализ планиграфии и стратиграфии показывает, что артефакты претерпели минимальные пространственные перемещения в постседиментационный период. Высокая концентрация артефактов (для раннего палеолита), полный набор продуктов первичного расщепления (включая мелкие отщепы и чешуйки) и разнообразие орудий (среди которых выделяются достаточно наглядные серии) соответствуют полноценной раннепалеолитической индустрии. Коллекции артефактов памятника Дарвагчай-Залив-4 демонстрируют глубокое сходство по основным технико-типологическим параметрам. Допустимо рассматривать эти материалы как остатки нескольких стоянок, существовавших на данной территории в течение определенного периода. Вместе с тем результаты анализа каменного инвентаря свидетельствуют о том, что в период формирования слоев 3 и 5 на данной территории обитали носители одной индустриальной традиции, базировавшейся на местной полисырьевой базе. Данное свидетельство имеет большое значение как для составления полноценной характеристики обнаруженных археологических материалов, так и для дальнейшей корреляции их с коллекциями других раннепалеолитических стоянок, для определения места данного комплекса среди аналогичных местонахождений исследуемого региона.

Общий анализ археологических материалов позволяет сделать следующие выводы о характере индустрии стоянки Дарвагчай-Залив-4. Приемы первичного расщепления и вторичной обработки относятся к простейшим вариантам. Предварительная подготовка ядрищ для регулярного расщепления была минимальной, в основном использовались удобные естественные поверхности. Есть свидетельства применения дробления и долечной техники (признаки использования обломков кремня для вторичной обработки и единичные долечные сколы). Среди сколов преобладают массивные подпрямоугольные и широкие заготовки. Более 40 % отщепов полностью или частично сохраняют галечную корку. Огранка дорсалов, как правило, гладкая, естественная или бессистемная. Вторичная обработка в виде ретуши чаще всего краевая, лишь в редких случаях она изменяла морфологию

*Петрографические исследования проведены канд. геол.-минер. наук Н.А. Кулик.

заготовки; широко использовались оббивка и приемы получения клетонских анкошей. Среди выделенных категорий орудий преобладают скребловидные, шиповидные и выемчатые. Наиболее яркую «маркирующую» часть орудийного набора составляют крупные галечные и бифасиально обработанные изделия, немногочисленные, но представляющие собой морфологически выразительные образцы, многие из которых соответствуют самым строгим представлениям о типе археологической классификации (см. рис. 8). Материалы местонахождения отражают все циклы обработки камня (от апробации сырья до изготовления орудий), что позволяет рассматривать памятник как многократно посещаемую базовую стоянку-мастерскую, где происходило массовое изготовление серий артефактов, в т.ч. сложных орудий.

Заключение

Наиболее полную информацию об индустриях поздних этапов раннего палеолита на территории Приморского Дагестана дают наряду с комплексами находок из слоев 3 и 5 стоянки Дарвагчай-Залив-4 материалы стратифицированных памятников Дарвагчай-1 (слой 8) и Дарвагчай-Залив-1 (раннепалеолитический комплекс), а также каменные изделия, обнаруженные в ходе подъемных сборов на местонахождениях Дюбекчай, Дарвагчай-Залив-2, Дарвагчай-Карьер и Чумус-Иниц [Деревянко и др., 2012]. Эти индустрии в целом характеризуются параллельными и радиальными нуклеусами, выемчатыми и шиповидными изделиями, однолезвийными скреблами и атипичными скребками, не многочисленными, но разнообразными галечными (чопперы, чоппинги) и бифасиально обработанными (рубила, орудия пик) изделиями. Специфические черты этих индустрий, облик основных категорий типологически выраженных артефактов, а также возраст культуросодержащих отложений позволяют отнести данные материалы к числу среднепозднеашельских комплексов Кавказа.

Появление и дальнейшее распространение на территориях Африки и Евразии ашельских индустрий, для которых характерно наличие ручных рубил (бифасов), – одна из наиболее обсуждаемых тем в археологическом сообществе. Чтобы выявить особенности каменной индустрии стоянки Дарвагчай-Залив-4, необходимо сопоставить ее с таковыми наиболее значимых, хорошо изученных и синхронных кавказских археологических объектов.

На Кавказе значительная часть ашельских артефактов залегает вне стратиграфического контекста. Выделяется несколько зон распространения таких комплексов, различающихся как по составу, так и по типу используемого сырья: южно-армянская

и южно-грузинская (обсидиан, андезит: Сатани-дар, Арзни, Джрабер, Чикиани и др.), югоосетинская (кремень, базальт, андезит: Лаше-Балта, Калети и др.), причерноморская и закубанская (кремень, песчаник: Яштух, Игнатенков Куток, Абадзехское и др.) [Любин, 1998; Любин, Беляева, 2006]. В последнее десятилетие большое количество подъемных материалов этого периода было обнаружено в ходе исследовательских работ на Лорийском плато (северо-запад Армении), а также в районе Мингечаурского водохранилища (запад Азербайджана) [Беляева, Любин, 2013; Кулаков, Зейналов, 2014]. Характерной чертой этих индустрий является наличие двухсторонне оформленных орудий разных типов (бифасы, кливеры, орудия пик и т.д.), которые часто выступают основным датирующим признаком. Специфика данных комплексов (залегание вне стратиграфического контекста, смешанный и неполный состав коллекций) позволяет рассматривать их как общий культурный фон, демонстрирующий распространение и разнообразие ашельских индустрий на территории Кавказа.

Одним из основных опорных памятников на территории Кавказа, где ашельские материалы залегают в четких стратифицированных условиях, является многослойная пещерная стоянка Кударо I (Южная Осетия), возраст которой определяется в пределах 0,4–0,3 млн л.н. [Любин, Беляева, 2004; Любин, Беляева, 2006, с. 47–49]. Коллекция каменных артефактов насчитывает ок. 5,5 тыс. предметов, из которых ок. 20 % составляют орудия. Индустрия полисырьевая, с доминированием кремневых песчаников и сланцев, с редким использованием кремня, обсидиана и андезита. В первичном расщеплении преобладает параллельная техника; подготовка ядрищ, как правило, ограничивалась оформлением прямой или скошенной площадки одним или несколькими сколами. Основными заготовками служили отщепы, на которых выполнена большая часть орудий. Вторичная обработка производилась оббивкой и ретушью, в основном краевой и нерегулярной. Орудийный набор представлен скреблами различных модификаций (~ 40 %), зубчато-выемчатыми (~ 17 %), клювовидными (~ 10 %) изделиями и макроорудиями (~ 9 %). Последние достаточно разнообразны: включают чопперы, чоппинги, рубила, нуклевидные скребки.

Материалы, близкие к кударинским ассамбляжам, найдены в пещере Цона, расположенной в этом же районе. В коллекции каменных изделий наиболее представительны по количеству и разнообразию орудийные формы, в составе которых ок. 50 % составляют двухсторонне обработанные орудия (рубила и кливеры), остальная часть – это скребловидные и клювовидные инструменты. Индустрия полисырьевая; использовались аргиллит, андезит, кремль, песчаник и другие породы. Ввиду малочисленности

находок и посвященных им публикаций сравнение этой индустрии с другими ашельскими комплексами Кавказа затруднено. Отметим, что В.П. Любин подчеркивает культурную и хронологическую близость ассамблежей стоянок Цона и Кударо I [Любин, Беляева, 2004, с. 260–265].

Один из самых известных археологических памятников Кавказа – пещера Азых (Нагорный Карабах). В ней выявлены два слоя с материалами ашельского облика – слои VI и V, возраст которых по комплексу естественно-научных данных (палеонтология, палинология) определяется интервалом ~ 0,5–0,3 млн л.н. Археологические материалы демонстрируют полный цикл каменного производства, ориентированного на использование галечного материала, в основном кремня и кремнистого сланца. Первичное расщепление представлено небольшим количеством диско-видных (радиальных) и параллельных ядрищ, преимущественно сильно сработанных. Преобладающая часть орудий выполнена на сколах и их фрагментах. Вторичная обработка производилась мелкими сколами и ретушью, как правило, регулярной мелкой краевой, на части изделий – многорядной ступенчатой, иногда – бифасиальной. Широко применялся прием фрагментирования заготовок. Ведущей категорией орудийного набора являются скребла разных модификаций: двухлезвийные, в т.ч. конвергентные и угловатые. Представительны зубчато-выемчатые изделия и атипичные скребки. Макроорудия (чопперы, чоппинги, рубила, кливеры) составляют ок. 10 % [Гусейнов, 2010].

Индустрия памятника Дарвагчай-Залив-4 наиболее близка к рассмотренной группе пещерных комплексов, которую многие исследователи называют кударинским вариантом верхнего ашеля Кавказа. Сравнимые индустрии сформировались на местной полисырьевой базе, включающей известняки, песчаники и низкокачественный кремль. Они характеризуются низким процентом макроорудий (аналогичных типов), состоящих из галечных и бифасиально обработанных изделий. Отдельные типы рубил (ланцетовидное, с «плечиками» и поперечным лезвием) имеют прямые аналоги в ашельских комплексах Кударо I и Цоны [Любин, Беляева, 2004, с. 105, рис. 47, 1; Любин, 1998, с. 105, рис. 55, 2]. Следует отметить высокий процент и разнообразие орудий на отщепях, среди которых выделяются большие серии скребло-видных, шиповидных, выемчатых, зубчатых и комбинированных изделий. Вместе с тем между материалами стоянки Дарвагчай-Залив-4 и указанных пещерных памятников Кавказа имеются принципиальные различия. Каменные коллекции пещерных комплексов выглядят более развитыми по сравнению с материалами памятника Дарвагчай-Залив-4. Они включают хорошо выраженные пластинчатые заготовки и име-

ют признаки усложнения вторичной обработки, более частого использования регулярной многорядной ретуши, а также применения приема подтески оснований заготовок. Среди ярких типов орудий отмечены изделия типа «цалди», лимасы, сложные формы скребел (конвергентные, угловатые), остроконечники, отдельные экземпляры которых соответствуют остриям тейак и кинсон.

Обсуждая ашельские индустрии Кавказа, исследователи отмечают разнообразие локальных вариантов, но значительно расходятся по вопросам, касающимся принципов их выделения, хронологии, границ распространения и т.д. [Любин, 1998; Любин, Беляева, 2006; Дороничев и др., 2007; Амирханов, 2016]. По мнению А.П. Деревянко, ашельские индустрии в традиционном понимании этого термина появляются на Кавказе в связи с миграцией на эту территорию популяций людей (*Homo erectus*) с Ближнего Востока не ранее 600–500 тыс. л.н. и широко распространяются в более позднее время. Ашельские комплексы на Кавказе характеризуются наличием рубил и крайне малым количеством кливеров. Среди ашельских местонахождений выделяются локальные группировки, которые существенно различаются между собой и отличаются от памятников с аналогичными индустриями других регионов Евразии в целом. Бифасиальная техника могла прийти на Кавказ эстафетным путем или сформироваться на основе местных традиций двусторонней обработки каменных орудий, возникших здесь более 1 млн л.н. В любом случае нет оснований объединять бифасиальную индустрию Кавказа с аналогичными индустриями других регионов в некую общую т.н. ашельскую культуру [Деревянко, 2014]. Различия в поделочных свойствах использовавшегося сырья, разнообразие его форм и размеров определили большую вариабельность бифасиально обработанных орудий. При этом вырабатывались наиболее оптимальные для конкретного сырья технологии и приемы изготовления.

В этом контексте поздние раннепалеолитические комплексы Юго-Восточного Дагестана, видимо, следует рассматривать как еще один местный вариант развития каменного производства, относящийся к общекавказской зоне распространения и развития индустрий ашельского облика. Для изучаемого региона отмечена такая общая для всего Большого Кавказа особенность, как относительная малочисленность рубил. Наблюдается большое разнообразие в типах, формах и приемах отделки двухсторонних орудий, которые практически все индивидуальны и не образуют выраженных типологических групп. При этом тщательно обработанные, геометрически правильные, классические изделия, представленные стандартными массовыми типами в других ашельских индустриях, здесь немногочисленны. Преобладают

т.н. частичные бифасы, иногда в виде грубо оббитых галек, асимметричные по контуру, с неровными лезвиями. Технологические особенности сырья, а также чрезвычайно разнообразные формы исходных заготовок обусловили большое многообразие морфологических форм и соответственно низкую стандартизацию указанных орудий.

Благодарность

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-50-00036).

Список литературы

- Амирханов Х.А.** Северный Кавказ: начало преистории. – Махачкала: МавраевЪ, 2016. – 344 с.
- Беляева Е.В., Любин В.П.** Ашельские памятники Северной Армении // Фундаментальные проблемы археологии, антропологии и этнографии Евразии. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2013. – С. 37–52.
- Векилов Б.Г.** Антропогенные отложения Северо-Восточного Азербайджана. – Баку: ЭЛМ, 1969. – 217 с.
- Гусейнов М.** Древний палеолит Азербайджана. – Баку: Текнур, 2010. – 220 с.
- Деревянко А.П.** Бифасиальная индустрия в Восточной и Юго-Восточной Азии. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2014. – 372 с.
- Деревянко А.П., Амирханов Х.А., Зенин В.Н., Аноikin А.А., Рыбалко А.Г.** Проблемы палеолита Дагестана. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. – 292 с.
- Дороничев В.Б., Голованова Л.В., Барышников Г.Ф., Блэквелл Б.А.Б., Гарутт Н.В., Левковская Г.М., Молодьков А.Н., Несмеянов С.А., Поспелова Г.А., Хоффер Д.Ф.** Треугольная пещера. Ранний палеолит Кавказа и Восточной Европы. – СПб.: Островитянин, 2007. – 270 с.
- Замятнин С.Н.** Изучение палеолитического периода на Кавказе за 1936–1948 гг. // Материалы по четвертичному периоду СССР. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. – Вып. 2. – С. 127–139.
- Зенин В.Н., Рыбалко А.Г., Колташов М.С., Кулик Н.А.** Новый ашельский комплекс в долине реки Дарвагчай (Дагестан) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2010. – Т. XVI. – С. 99–105.
- Котович В.Г.** Каменный век Дагестана. – Махачкала: Дагестан. фил. АН СССР, 1964. – 225 с.
- Кулаков С.А., Зейналов А.А.** Первый топорик (hachereau sur éclat, flake cleaver) в ашеле Кавказа // Stratum Plus. – 2014. – № 1. – С. 17–27.
- Любин В.П.** Ашельская эпоха на Кавказе. – СПб.: Петербург. востоковедение, 1998. – 192 с.
- Любин В.П., Беляева Е.В.** Стоянка Homo erectus в пещере Кударо 1, Центральный Кавказ. – СПб.: Петербург. востоковедение, 2004. – 272 с.
- Любин В.П., Беляева Е.В.** Ранняя преистория Кавказа. – СПб.: Петербург. востоковедение, 2006. – 108 с.
- Невесская Л.А.** Четвертичные морские моллюски Туркмении. – М.: Изд-во АН СССР, 1958. – 82 с.
- Федоров П.В.** Каспийские моллюски Западной Туркмении // Бюл. Комиссии по изучению четвертичного периода. – 1948. – № 13. – С. 54–67.
- Федоров П.В.** Четвертичные отложения и история развития Каспийского моря. – М.: Изд-во АН СССР, 1957. – 305 с.
- Янина Т.А.** Урунджикский этап в плейстоценовой истории Каспийского региона // Изв. РАН. Сер. геогр. – 2008. – № 4. – С. 60–73.

Материал поступил в редколлегию 10.01.18 г.

DOI: 10.17746/1563-0102.2018.46.2.016-024
УДК 903.2

**А.В. Тетенькин¹, В.М. Ветров², Е.И. Демонтерова³,
Г.В. Пашкова³, Е.В. Канева⁴**

¹Иркутский национальный исследовательский технический университет
ул. Лермонтова, 83, Иркутск, 664074, Россия
E-mail: altet@list.ru

²Педагогический институт Иркутского государственного университета
ул. Нижняя Набережная, 6, Иркутск, 664011, Россия

³Институт земной коры СО РАН
ул. Лермонтова, 128, Иркутск, 664033, Россия
E-mail: dem@crust.irk.ru; pashkova.gv@yandex.ru

⁴Институт геохимии им. А.П. Виноградова СО РАН
ул. Фаворского, 1А, Иркутск, 664033, Россия
E-mail: kaneva@igc.irk.ru

Аргиллитовые артефакты как источник информации о связях населения бассейна Витима в эпоху финального плейстоцена – среднего голоцена

В статье представлены результаты рентгенофлуоресцентного и рентгеноструктурного исследования артефактов из аргиллита с местонахождений Коврижка I в нижнем течении Витима и Усть-Каренга XVI в верхнем. Комплекс культурного горизонта 2 Коврижки I относится ко времени ок. 6 тыс. л.н. и принадлежит кругу бескерамических культур микропластинчатого облика. Две ритуальные ямы Усть-Каренги XVI датируются 7–6 тыс. л.н., приходятся на поздний этап усть-каренгской неолитической культуры. В них были скопления артефактов из темно-коричневого аргиллита, включающие призматические нуклеусы, пластины, вкладыши и концевые скребки из пластин. На обоих памятниках в разные годы найдены морфологически идентичные концевые скребки на крупных пластинчатых сколах из коричневого аргиллита. Химический анализ субстрата показывал идентичность образцов с обоих пунктов, что рассматривается как свидетельство коммуникативных связей древнего населения. Расстояние между Усть-Каренгой XVI и Коврижкой I по реке составляет ок. 700 км. В археологии севера Байкальской Сибири связь столь удаленных друг от друга объектов выявлена впервые. Ранее установлено, что предмет из вулканической пемзы, найденный в Усть-Каренге XVI, был доставлен с Удоканского вулканического поля. Оттуда же происходит кусок вулканической пемзы из культурного горизонта 3 Коврижки III. Это рассматривается как свидетельство эксплуатации одних и тех же источников сырья разными группами населения в течение длительного периода. В приведенном в статье обзоре указаны различия в археологической картине первой половины голоцена на нижнем и верхнем Витиме, на основе чего авторы склоняются больше в сторону предположения об отдельных контактах, чем о наличии единой группы населения, обитавшей в пределах Усть-Каренги – Коврижки.

Ключевые слова: мобильность населения, древние коммуникации, рентгеноструктурный анализ, Витим, финальный плейстоцен, ранний и средний голоцен, Коврижка, Усть-Каренга.

**A.V. Tetenkin¹, V.M. Vetrov², E.I. Demonterova³,
G.V. Pashkova³, and E.V. Kaneva⁴**

¹Irkutsk National Research Technical University,
Lermontova 83, Irkutsk, 664074, Russia
E-mail: altet@list.ru

²Pedagogical Institute of the Irkutsk State University,
Nizhnaya Naberezhnaya 6, Irkutsk, 664011, Russia

³Institute of the Earth's Crust, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences,
Lermontova 128, Irkutsk, 664033, Russia
E-mail: dem@crust.irk.ru; pashkova.gv@yandex.ru

⁴Vinogradov Institute of Geochemistry, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences,
Favorskogo 1A, Irkutsk, 664033, Russia
E-mail: kaneva@igc.irk.ru

Argillite Artifacts and Final Pleistocene to Middle Holocene Cultural Links Across the Vitim River Basin (Baikal Region)

This paper presents the results of X-ray fluorescence and X-ray diffraction analyses of argillite artifacts from Kovrizhka I on the lower Vitim and Ust-Karenga XVI on the upper Vitim. The specimens from layer 2 of Kovrizhka I date to ca 6 radiocarbon ka BP and belong to a non-ceramic culture with microblades. Two ritual pits at Ust-Karenga XVI, dating to 7–6 radiocarbon ka BP and associated with the late stage of the Ust-Karenga Neolithic culture, contained clusters of artifacts made of dark-brown argillite, including prismatic cores, blades, inserts, and end-scrapers made on blades. At both sites, similar argillite end-scrapers made on large blade-like spalls were found in different years. Their chemical analysis suggests that the raw material was the same, attesting to cultural ties. The distance between the sites along the river is ca 700 km—the largest range of connections evidenced to date in the prehistoric Baikal area. It was previously demonstrated that the artifact from volcanic pumice, found at Ust-Karenga XVI, had been transported from the Udokan volcanic field, which was also a source of a piece of volcanic pumice from Kovrizhka III layer 3. The same sources of raw material, then, were exploited by different populations over a long period. Our review favors the idea of episodic contacts rather than a single population dispersed across a territory between Ust-Karenga and Kovrizhka.

Keywords: Population mobility, ancient communications, X-ray analysis, Vitim River, Final Pleistocene, Early Holocene, Middle Holocene, Kovrizhka, Ust-Karenga.

Введение

Общей тенденцией в стремлении расширить познавательные возможности археологии является привлечение методов естественных наук. При идентификации каменного сырья используются различные методы анализа вещества, например, минералого-петрографический и рентгеновские. Ведутся работы по изучению источников и составов различных литоресурсов: обсидиана [Glascock, Braswell, Cobean, 1998; Kimura, 1998; Вулканические стекла..., 2000; Reuther et al., 2011], порцелланита [Mandal et al., 1997], аргиллита [Didier, 1975] и др. На основе полученных результатов строятся модели транспортировки и использования каменного сырья в общей системе древних технологий производства и жизнеобеспечения [Кулик, Шуньков, 2000; Кулик, Маркин, 2003; Дороничева, 2013; Дервянко и др., 2015].

Данное исследование продолжает многолетние работы по изучению состава экзотических пород каменного сырья с археологических объектов в бассейне Витима, одного из крупнейших притоков средней Лены (рис. 1) [Инешин, Ревенко, Секерин, 1998; Ветров и др., 2000; Алексеев и др., 2006; Демонтерова и др., 2014]. В 1974–1976 гг. в верхнем течении Витима, в устье р. Каренга, иркутские археологи М.П. Аксенов и В.М. Ветров обнаружили и с тех пор исследовали группу археологических местонахождений Усть-Каренга I–XVI [Аксенов и др., 2000]. С открытием в 1985 г. Е.М. Инешиним и В.М. Ветровым стоянки Большой Якорь I началось изучение нижнего течения Витима (Бодайбинский р-н Иркутской обл.). В районе устья р. Мамакан в разные годы были открыты памятники каменного века Инвалидный III, Мамакан VI, Коврижка I–V, этот участок долины получил обозначение «Мамаканский

геоархеологический район» [Белоусов и др., 2002]. В течение последующих десятилетий на основе изучения прежде всего усть-каренгских и мамаканских местонахождений для верхнего и нижнего Витима были выстроены культурно-хронологические модели, характеризующие оба района в финале плейстоцена, раннем и среднем голоцене [Ветров, 1992, 1997; Инешин, Тетенькин, 2010, с. 209–213; Тетенькин, 2011]. Одним из направлений исследований в археологии бассейна Витима стало выявление территориальных связей

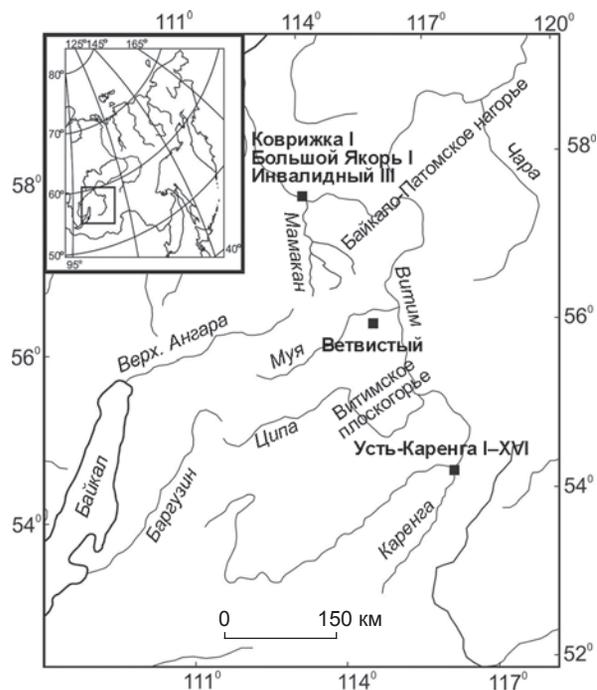

Рис. 1. Расположение археологических местонахождений с аргиллитовыми артефактами в долине р. Витим.

древнего населения [Инешин, Тетенькин, 2011; Демонтерова и др., 2014].

Данная работа посвящена изучению артефактов из темно-коричневого аргиллита со стоянок Коврижка I на нижнем Витиме и Усть-Каренга XVI на верхнем. Для их комплексной идентификации и сопоставления между собой привлечены рентгенофазовый и рентгенофлуоресцентный методы.

Материалы и методы

Группа местонахождений Усть-Каренга I–XVI находится на правом берегу верхнего Витима, в районе устья р. Каренги (рис. 1). В 1979 г. в пункте Усть-Каренга XVI В.М. Ветров обнаружил две ямы размерами 1,25 × 0,75 м и 0,70 × 0,47 м, глубиной до 1,0 м, на дне которых компактно лежали артефакты. Ямы расположены в 2 м друг от друга на песчаной релке с отметкой 25 м над уровнем реки. Их донья оказались засыпанными охрой, поэтому эти объекты определены как ритуальные [Ветров, 2008а]. Свыше 90 % всех артефактов, найденных в ямах, изготовлены из темно-коричневого аргиллита. Нигде более на местонахождениях Усть-Каренга I–XVI аргиллит такого цвета, качества и химического состава не встречен. Лишь в горизонте 7 Усть-Каренга XII обнаружено несколько аргиллитовых артефактов, но они немного отличаются по химическому составу и цвету.

Коллекция из ритуальных ям насчитывает 311 экз. (60 из 1-й и 251 из 2-й). Типологически аргиллитовые изделия представлены призматическими нуклеусами, соразмерными с их негативами пластинками, крупными пластинами и концевыми скребками из таких пластин, ретушированными пластинками-вкладышами, комбинированными орудиями [Там же]. Кроме них, найдены «утюжок» из вулканической пемзы и шлифованный ромбовидный артефакт из графитита.

Исходя из того, что заплечики обеих ям прослежены из слоя с фрагментами погребенной почвы, отно-

сящейся к атлантическому оптимуму, ямы датированы в интервале 7–6 тыс. л.н. На это время в верховьях Витима приходится поздняя стадия усть-каренгской неолитической культуры. Материал из ям не совсем типичен для нее: нет усть-каренгской керамики, клиновидных нуклеусов и трансверсальных резцов. Вместе с тем призматические нуклеусы вполне традиционны для среднего и позднего этапов этой культуры.

Визуально аналогичные по материалу и морфологии артефактам из ритуальных ям Усть-Каренги XVI аргиллитовые изделия были найдены на Коврижке I (рис. 2). Это сходство концевых скребков из пластинчатых сколов отмечалось во всех публикациях, затрагивающих археологические материалы данной стоянки [Тетенькин, 1999, 2000, 2010]. Она расположена в нижнем течении Витима, на правом берегу, в 4 км ниже устья р. Мамакан (см. рис. 1). Культурные остатки залегают на глубине 1,7 м в толще 9–11-метровой террасы в подошве склоновых субаэриальных отложений, перекрывающих пойменный аллювий. В культуросодержащем горизонте 2 выявлен растащенный склоном, разбитый криогенезом углистый прослой, по образцам из которого получены две радиоуглеродные даты – 6 095 ± 135 (СОАН-4245) и 5 945 ± ± 90 л.н. (СОАН-4545). В 1997–2001 гг. А.В. Тетенькиным в нем были найдены пять предметов из темно-коричневого аргиллита: три скребка, пластинка и медиальный сегмент крупного трехгранного в сечении пластинчатого скола. Все скребки концевые, изготовленные из крупных пластин, причем два из них из одного переломленного пополам большого пластинчатого скола длиной 6,1 см (рис. 2, 4–6). Помимо аргиллитовых артефактов в коллекции из этого горизонта есть скребок и пластинки из кремня, два одинарных продольных скребла из скола порфирита и гальки конгломерата, комбинированное нуклевидно-долото-видное орудие из порфирита.

Два скребка из аналогичного аргиллита, но морфологически отличные, были найдены в культурном горизонте 6 стоянки Коврижка IV, расположенной на той же террасе, что и Коврижка I, на удалении 60 м [Тетенькин, Анри, Клементьев, 2017]. Радиоуглеродный возраст этого комплекса составляет ок. 15,7 тыс. лет. Его орудийный набор характеризуется как финально-палеолитический по наличию клиновидных нуклеусов из бифасов, комбинированных, многолезвийных скребел, скребков из отщепов, отще-

Рис. 2. Изделия из аргиллита. 1–3 – Усть-Каренга XVI; 4–6 – Коврижка I, культурный горизонт 2.

пов с краевой нерегулярной ретушью, резцов и доловидных орудий из сколов и отщепов кварца (горного хрусталя и раухтопаза).

Сравнение каменного сырья, использованного для изготовления артефактов с разных стоянок, осуществлялось посредством неразрушающих методов определения вещественного состава. Химический анализ проводился на рентгенофлуоресцентном волнодисперсионном спектрометре S8 TIGER (изготовитель Bruker AXS GmbH, Германия), оснащенный пакетом программного обеспечения SPECTRA^{plus}*. Содержания основных оксидов и некоторых микроэлементов установлены с помощью программы QUANT EXPRESS, которая позволяет проводить приближенно-количественный рентгенофлуоресцентный анализ образцов разного состава на основе способа фундаментальных параметров. Артефакты снимались с двух сторон.

Рентгенографический фазовый анализ образцов, позволяющий определять минеральный состав, выполнен на дифрактометре Bruker D8 Advance, который оснащен позиционно-чувствительным детектором VANTEC-1 (автоматический сбор данных, CuK_{α} -излучение, режим работы трубки 40 кВ и 40 мкА; шаг сканирования 0,02 °2θ, скорость – 1 шаг/с**. Дальнейшая обработка полученных результатов производилась с помощью пакета программных средств DIFFRAC^{plus} (Eva).

Результаты аналитических исследований аргиллитов

Данные о минеральном и химическом составе получены для артефактов, изготовленных из коричневого аргиллита, с местонахождений Усть-Каренга XII (культурный горизонт 7, ок. 12–11 тыс. л.н.) и XVI (7–6 тыс. л.н.) в верхнем течении Витима, Коврижка I (культурный горизонт 2, ок. 6 тыс. л.н.) и IV (культурный горизонт 6, ок. 15,7 тыс. л.н.) в нижнем (табл. 1). На рис. 3 видно, что существуют две группы аргиллитов с местонахождений Усть-Каренга XII и XVI, различающиеся по химическому составу. Первая, из горизонта 7 Усть-Каренги XII, характеризуется более кремнистым (SiO_2 – 77–85 мас.%), менее магниезильным (MgO – 0,18–0,36 мас.%), железистым (Fe_2O_3 – 0,55–1,50 мас.%) и натровым (Na_2O – 0,50–0,93 мас.%) составом; вторая, из ритуальных ям Усть-Каренги XVI, – более магниезильным (MgO – 0,40–0,58 мас.%), зна-

*Прибор используется в рамках Центра коллективного пользования «Геодинамика и геохронология» на базе Института земной коры СО РАН (г. Иркутск), аналитик Г.В. Пашкова.

**Прибор установлен в Центре коллективного пользования «Изотопно-геохимические исследования» на базе Института геохимии им. А.П. Виноградова СО РАН (г. Иркутск), аналитик Е.В. Канева.

Таблица 1. Содержание петрогенных элементов в аргиллитовых артефактах, мас. %

Местонахождение	Номер образца	Na_2O	MgO	Al_2O_3	SiO_2	P_2O_5	SO_3	Cl	K_2O	CaO	TiO_2	MnO	$Fe_2O_3^*$	Сумма
Коврижка I, горизонт 2	2_5	0,68	0,25	8,97	78,3	0,14	0,09	0,14	6,39	0,06	0,23	<	3,10	98,36
	2_20	0,97	0,71	12,2	72,7	0,24	0,13	0,24	7,78	0,1	0,3	0,02	3,96	99,30
Коврижка IV, горизонт 6	11	2,23	0,20	11,6	72,6	0,43	0,28	0,43	7,56	0,47	0,19	0,03	3,43	99,90
	12	1,39/1,74	0,37/0,42	7,87/7,49	76,2/76,5	0,35/0,57	0,56/0,56	0,35/0,57	4,95/4,97	0,98/0,40	0,49/0,34	0,10/0,06	6,27/5,73	100,2/99,76
Усть-Каренга XII, горизонт 7	1	0,60/0,76	0,23/0,18	9,86/7,80	81,2/79,5	0,30/0,37	0,13/0,71	0,17/0,89	5,57/7,84	0,19/0,29	0,11/0,19	0,03/<	1,36/0,85	99,70/99,30
	2	0,76/0,93	0,30/0,22	9,64/8,40	82,7/81,4	0,10/0,28	0,09/0,25	0,09/0,26	4,65/6,10	0,09/0,28	0,08/0,11	</<	1,24/1,33	99,73/99,59
	3	0,54/0,86	0,36/0,30	10,5/7,09	81,2/77,2	0,23/0,56	0,10/0,57	0,10/0,59	5,33/9,98	0,39/0,74	0,10/0,28	0,02/<	0,55/1,21	99,42/99,39
	4	0,50/0,61	0,29/0,24	7,78/6,64	85,1/80,2	0,19/0,57	0,13/0,38	0,07/1,80	4,05/6,89	0,23/0,40	0,08/0,17	0,02/<	1,26/1,50	99,68/99,40
6-1а	1,1	0,33	9,56	80,17	0,17	0,24	0,28	6,26	0,30	0,13	<	1,11	99,65	
6-1б	1,23	0,32	9,29	80,24	0,33	0,34	0,19	5,85	0,32	0,12	<	1,31	99,54	
Усть-Каренга XVI, ритуальная яма	7_1	1,9/2,5	0,49/0,40	12,2/11,38	75,6/76,6	0,29/0,18	0,22/0,15	0,17/0,19	4,93/4,54	0,21/0,18	0,40/0,3	0,02/0,02	3,25/3,17	99,67/99,61
	7_2	1,51/1,25	0,59/0,469	8,81/10,2	76,7/73,99	0,66/0,277	0,45/0,442	0,46/0,468	6,41/7,799	0,40/0,332	0,30/0,367	0,03/0,029	3,27/3,726	99,553/99,35

Примечания. Через косую указаны данные для одной и другой стороны образца; знаком < обозначено количество компонента меньше предела обнаружения.
*Суммарное железо в форме Fe_2O_3 .

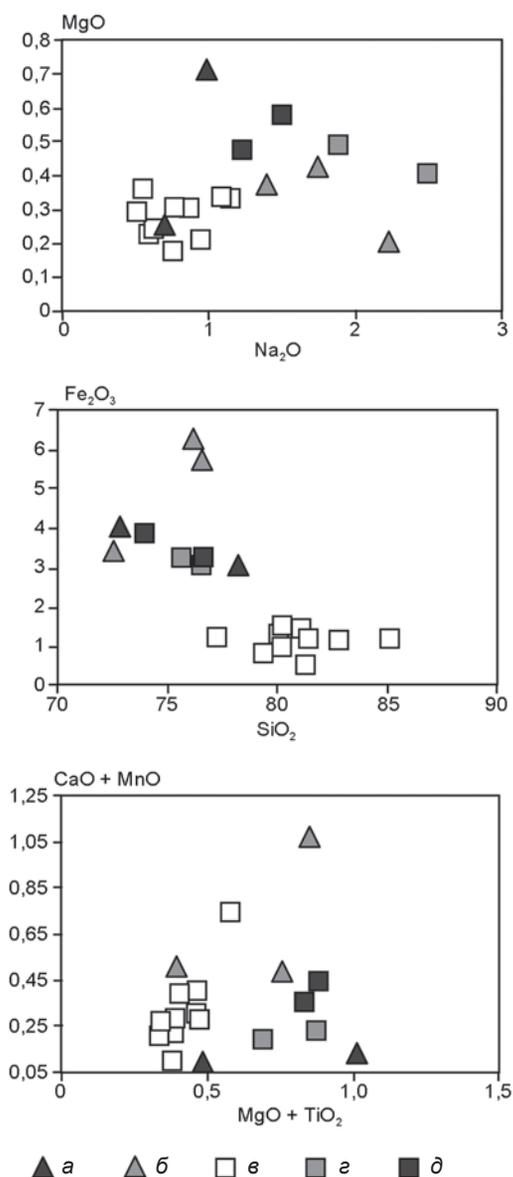

Рис. 3. Диаграммы химического состава аргиллитов с местонахождений Коврижка I (а) и IV (б), Усть-Каренга XII (в) и XVI (г – обр. 7_1, д – обр. 7_2).

чительно более железистым (Fe_2O_3 – 3,2–3,7 мас.%) и натровым (Na_2O – 1,25–2,50 мас.%) составом при меньшем содержании кремнезема (73–76 мас.%). Артефакты со стоянок Коврижка I и IV близки по химическому составу ко второй группе (MgO – 0,2–0,42 мас.%, Fe_2O_3 – 3,4–6,3, Na_2O – 0,80–2,23, SiO_2 – 72,6–76,5 мас.%). Из-за незначительных отличий по содержанию другими химическими элементами в рассматриваемых артефактах можно пренебречь.

Дальнейшее сопоставление близких по химическому составу аргиллитов с местонахождений Усть-Каренга XVI, Коврижка I и IV проведено с помощью рентгенофазового метода. Все образцы содержат кварц,

ортоклаз и в меньшем количестве актинолит, а аргиллиты из Коврижки I и Усть-Каренга XVI еще и глинистые минералы (монтмориллонит и диккит). Идентичность рентгенодифракционных спектров двух образцов с этих местонахождений (рис. 4) – очень редкое явление для полиминеральных пород. Она указывает на сходство минеральных составов, а также отношений количественного содержания фаз в образцах.

Рентгенодифракционные спектры образцов со стоянок Коврижка I и IV тоже практически идентичные (рис. 5). Аргиллит из Коврижки IV отличается главным образом присутствием олигоклаза и более низким содержанием ортоклаза (рис. 6).

На основании результатов сопоставления артефактов можно сделать вывод, что коричневый аргиллит, из которого они сделаны, происходит из одного геологического источника. Идентичность образцов из Коврижки I и Усть-Каренга XVI не только по минеральному составу, но и по содержанию каждой минеральной фазы позволяет предположить, что оба артефакта изготовлены из одного и того же куска породы.

Обсуждение

Артефакты из коричневого аргиллита в бассейне Витима встречены на местонахождениях Большой Якорь I, Инвалидный III, Коврижка II и IV (нижний Витим), Ветвистый (бассейн среднего Витима), Усть-Каренга XII и XVI (верхний Витим) в интервале 15,7–4,5 тыс. л.н. (см. рис. 1, табл. 2). В комплексах Большого Якоря I (культурный горизонт 3В), пункта 1 Инвалидного III (культурный горизонт 1), Ветвистого (культурный горизонт 1) они составляют большую часть археологического материала. В остальных случаях коричневый аргиллит является экзотичным. Типологически аргиллитовые артефакты разнообразны. В культурном горизонте 3В Большого Якоря I и горизонте 1 пункта 1 Инвалидного III это клиновидные нуклеусы, продукты обработки бифасиальных преформ, технические лыжевидные и краевые сколы, микропластинки, скребловидные и ножевидные изделия из сколов [Инешин, Тетенькин, 2010, с. 189–194, 211–212]. В культурном горизонте 6 Коврижки IV артефакты из коричневого аргиллита представлены лишь двумя округлыми скребками, в невыразительной коллекции Ветвистого – только отщепами и микропластинами [Ветров и др., 2007]. В культурном горизонте 7 Усть-Каренга XII это также единичные отщепы. «Типологическая пара» концевых скребков на крупных пластинчатых сколах из Усть-Каренга XVI и Коврижки I, таким образом, единственная (см. рис. 2). В обоих случаях предложен возраст ок. 6 тыс. лет. Анализ химического состава аргиллитов, из которых изготовлены данные изделия, показал их идентичность и отличие

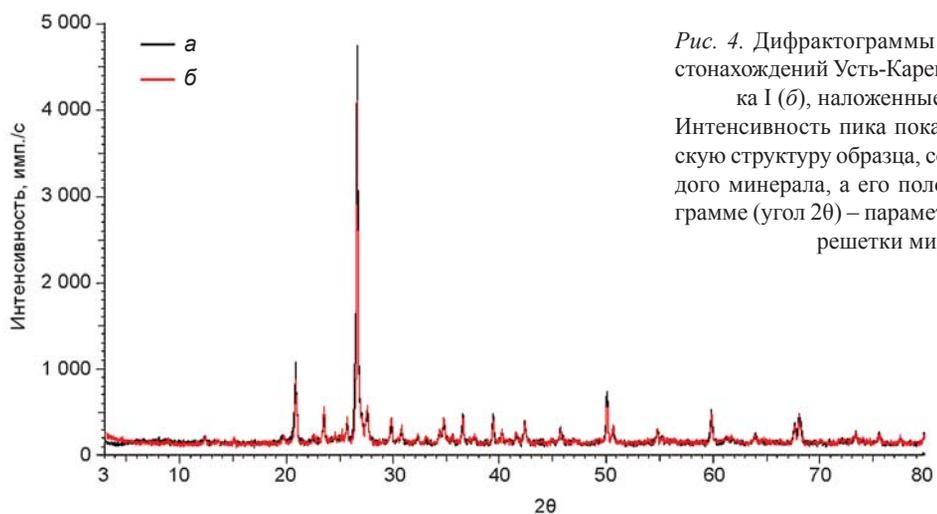

Рис. 4. Дифрактограммы двух образцов с местонахождений Усть-Каренга XVI (а) и Коврижка I (б), наложенные друг на друга. Интенсивность пика показывает кристаллическую структуру образца, содержание в нем каждого минерала, а его положение на дифрактограмме (угол 2θ) – параметры кристаллической решетки минерала.

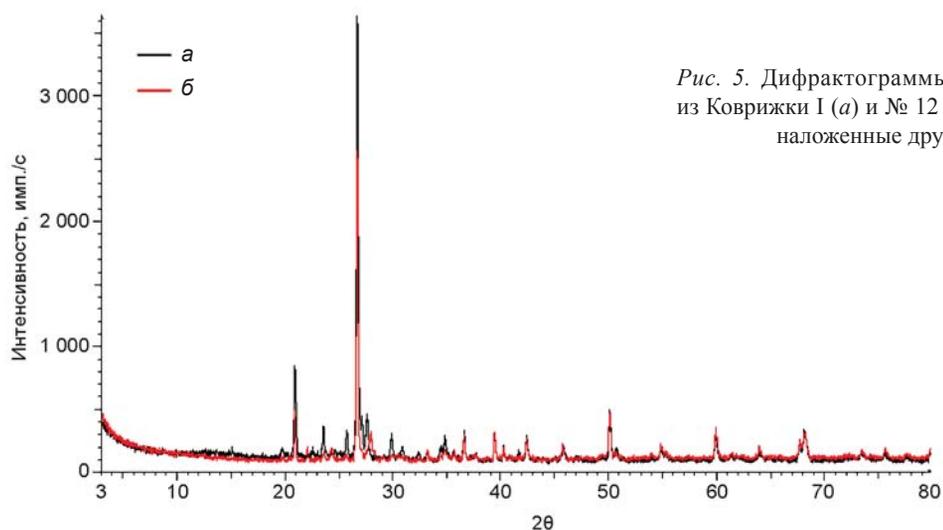

Рис. 5. Дифрактограммы образцов № 2_20 из Коврижки I (а) и № 12 из Коврижки IV (б), наложенные друг на друга.

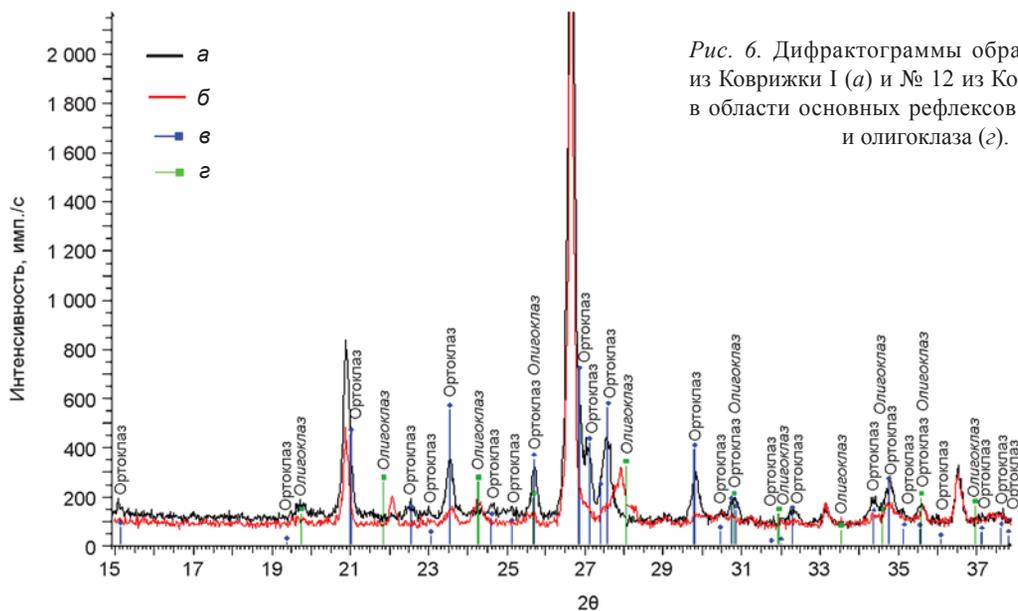

Рис. 6. Дифрактограммы образцов № 2_20 из Коврижки I (а) и № 12 из Коврижки IV (б) в области основных рефлексов ортоклаза (в) и олигоклаза (г).

Таблица 2. Археологические местонахождения в бассейне Витима, содержащие артефакты из коричневого аргиллита

Местонахождение	Дата, л.н.	Источник
Большой Якорь I, горизонт 3В	12 000 ± 250 (ГИН-6460), 12 080 ± 220 (ГИН-6459)	[Инешин, Тетенькин, 2010]
Коврижка I, горизонт 2	5 945 ± 90 (СОАН-4545), 6 095 ± 135 (СОАН-4245)	[Тетенькин, 2010]
Коврижка II, горизонт 3	8 180 ± 130 (СОАН-5277)	[Там же]
Коврижка IV, горизонт 6	15 558 ± 103 (Ua-50437), 15 740 ± 100 (LTL-16562A), 15 750 ± 60 (Beta-453119)	[Тетенькин, Анри, Клементьев, 2017]
Инвалидный III, пункт 1, горизонт 1	6 120 ± 70 (СОАН-5166)	[Инешин, Тетенькин, 2005]
Ветвистый, горизонт 1	≥ 4 390 ± 110 (СОАН-6326)	[Ветров и др., 2007]
Усть-Каренга XII, горизонт 7	10 750 ± 60 (ГИН-8067), 11 240 ± 180 (ГИН-8066)	[Ветров, 1995]
Усть-Каренга XVI, ритуальные ямы	7 000–6 000	[Ветров, 2008а]

от материалов других стоянок. Уникальное совпадение рентгенодифракционных спектров образцов означает, что каменное сырье артефактов с обоих местонахождений происходит из одного источника, вплоть до того, что это одна и та же точка взятия ресурса либо один и тот же разделенный ресурс. Вместе с типологией и хронологией полученные данные подтверждают гипотезу о связи населения нижнего и верхнего Витима [Инешин, Ревенко, Секерин, 1998; Инешин, Тетенькин, 2011]. Ранее исследования и поиск источников сырья проводились в отношении найденного в ритуальных ямах Усть-Каренги XVI «утюжка» из пемзы [Ветров и др., 2015]. Было установлено, что пемза происходит с Удоканского вулканического поля, расположенного в бассейне среднего Витима на восточной окраине Муйско-Куандинской котловины, примерно посередине водного пути от Усть-Каренги до Коврижки. С этого же вулканического поля происходит и пемза, найденная в культурном горизонте 2 Коврижки III (возраст ок. 11 тыс. лет) [Демонтерова и др., 2014].

Относительно тождества субстрата, морфологии и возраста артефактов из Коврижки I и Усть-Каренги XVI теоретически можно предполагать различные варианты объяснений. Либо это уникальные следы пребывания на верхнем и нижнем Витиме одной группы населения, указывающие на ее мобильность, либо свидетельство коммуникативных связей двух разных групп – результат обмена информацией об источниках ресурса, или самим сырьем и знаниями о производстве изделий из него, или артефактами. И на Усть-Каренге, и на Коврижке аргиллит, очевидно, ценился. На Коврижке I скребок из пластины был переломлен и на обломке вновь оформлено скребковое лезвие. Абсолютное преобладание аргиллита в коллекции из ритуальных ям является аргументом в пользу ценности этого ресурса на Усть-Каренге.

Связь по субстрату между археологическими местонахождениями верхнего и нижнего Витима, расстояние между которыми по реке ок. 700 км, впервые установлена с привлечением физических методов исследования артефактов. Датируется этот эпизод временем ок. 6 тыс. л.н. С одной стороны, он вносит свой вклад в развитие представлений о существовании в голоцене коммуникационных сетей регионального и трансрегионального масштаба. С другой стороны, свидетельство коммуникативной культурной связи населения верхнего и нижнего Витима обостряет вопрос об археологической специфике обоих районов.

На верхнем Витиме задокументировано существование в интервале 12,0–5,5 тыс. л.н. древнейшей для региона усть-каренгской керамики, ключевого признака одноименной археологической культуры [Ветров, 1997, 2000, 2006, 2008б, 2010]. Для этой культуры также характерны клиновидные нуклеусы и трансверсальные резцы, известные в финально-плеистоценовых и мезолитических индустриях [Ветров, 1995]. Наиболее полные аналогии они находят в материалах нижневитимской стоянки Большой Якорь I, датируемой 12,7–11,3 тыс. л.н. [Инешин, Тетенькин, 2010, с. 107–200, 251–252]. Однако керамики усть-каренгского типа на нижнем Витиме не найдено. Ярче всего усть-каренгская культура представлена в ранних культурных горизонтах 8 и 7 (финальный плейстоцен) и поздних 4 и 3 (атлантический оптимум) Усть-Каренги I–XVI. На ее позднем этапе отмечено появление призматических нуклеусов. Малочисленные раннеголоценовые комплексы культурных горизонтов 5 и 6 усть-каренгской группы местонахождений на верхнем Витиме изучены слабее.

Напротив, на нижнем Витиме за последние 20 лет открыто и исследуется около двух десятков стратифицированных памятников раннеголоценового воз-

раста (Коврижка I–V, Инвалидный III, пункты 1–3). В результате сложилась картина культурной вариативности, выраженная в сосуществовании комплексов палеолитического (типа Авдеихи и Большого Якоря) и мезолитического, сумнагинского (типа Большой Северной) облика [Тетенькин, 2011], отличительными признаками которых являются нуклеусы юбецу (ансамбли типа Большого Якоря), неубецидные клиновидные (ансамбли типа Авдеихи) и призматические (ансамбли типа Большой Северной) микронуклеусы [Тетенькин, 2013]. Комплексы мезолитического облика отличает также и сырье – приносные цветные кремни и халцедон. Формально материалы культурного горизонта 2 Коврижки I относятся к этим комплексам.

На верхнем Витиме археологическая картина сегодня более гомогенная. Пожалуй, именно ритуальные ямы Усть-Каренги XVI с аргиллитовыми артефактами на общем фоне выглядят несколько инородными. Таким образом, можно констатировать, что при множестве общих для комплексов верхнего и нижнего Витима черт, большая часть которых типична для мезолита и неолита Восточной Сибири в целом, тождества археологических культур данных регионов в конце плейстоцена – середине голоцена нет. На этом фоне новые материалы выглядят скорее как свидетельства контактов разных групп древнего населения, чем следы деятельности единой общности на Витиме.

Другой важный вывод можно сделать на основании сходства химического состава аргиллитов из разновременных комплексов Коврижки I (горизонт 2) и IV (горизонт 6) и пемзы из Коврижки III (горизонт 2) и Усть-Каренги XVI. Эти данные мы рассматриваем как свидетельства многократной эксплуатации обеими группами населения с верхнего и нижнего Витима одних и тех же источников ресурсов в течение финального плейстоцена – среднего голоцена.

Заключение

Настоящая работа является очередным этапом изучения коммуникаций древнего населения на базе артефактов из экзотических видов сырья с привлечением результатов определения химического и минерального состава субстрата и их интерпретацией. Достижением в этом плане следует считать совпадение параметров аргиллитов из Коврижки I и Усть-Каренги XVI, расстояние между которыми только по Витиму ок. 700 км. Открытым следует считать и вопрос о конкретных выходах темно-коричневых аргиллитов. Большое значение имеет поиск промежуточных объектов со сходным в какой-либо степени археологическим материалом. Пока к таковым относится лишь стоянка на ручье Ветвистом, правом притоке р. Му-

дирикан, впадающей в р. Муя, левый приток Витима [Ветров и др., 2007].

Благодарность

Работа выполнена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 18-59-22003\18.

Список литературы

- Аксенов М.П., Ветров В.М., Инешин Е.М., Тетенькин А.В.** История и некоторые результаты археологических исследований в бассейне р. Витим (Витимское плоскогорье и Байкало-Патомское нагорье) // Байкальская Сибирь в древности. – Иркутск: Изд-во Иркут. гос. пед. ун-та, 2000. – Вып. 2, ч. 1. – С. 4–35.
- Алексеев А.Н., Ветров В.М., Дьяконов В.М., Секе-рин А.П., Тетенькин А.В.** Витимский нефрит в археологии Восточной Сибири // Изв. Лаборатории древних технологий. – Иркутск: Изд-во Иркут. гос. техн. ун-та, 2006. – Вып. 4. – С. 74–79.
- Белоусов В.М., Инешин Е.М., Сулержицкий Л.Д., Тетенькин А.В.** Модель формирования рельефа Мамаканского георхеологического субрайона // Археологическое наследие Байкальской Сибири: изучение, охрана и использование. – Иркутск; Ин-т географии СО РАН, 2002. – Вып. 2. – С. 21–42.
- Ветров В.М.** Каменный век Верхнего Витима: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Новосибирск, 1992. – 17 с.
- Ветров В.М.** Резцы и нуклеусы усть-каренгской археологической культуры // Байкальская Сибирь в древности. – Иркутск: Иркут. гос. ун-т, 1995. – С. 30–45.
- Ветров В.М.** Усть-каренгская культура и ее место в системе археологических памятников сопредельных территорий // Взаимоотношения народов России, Сибири и стран Дальнего Востока: докл. Второй Междунар. науч.-практ. конф. – Иркутск: Тэгу, 1997. – Кн. 2. – С. 176–180.
- Ветров В.М.** Археология каменного века Витимского плоскогорья (культуры и хронология) // Архаические и традиционные культуры Северо-Восточной Азии: проблемы происхождения и трансконтинентальных связей: программа и мат-лы Междунар. науч. семинара. – Иркутск, 2000. – С. 28–36.
- Ветров В.М.** Проблемы сходства в технике изготовления и орнаментации сосудов ранних керамических комплексов Северной Евразии // Современные проблемы археологии России. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. – Т. 1. – С. 173–176.
- Ветров В.М.** Ритуальный комплекс в устье р. Каренга (долина р. Витим) и некоторые проблемы неолита Восточной Сибири // Изв. Лаборатории древних технологий. – Иркутск: Изд-во Иркут. гос. техн. ун-та, 2008а. – Вып. 6. – С. 28–43.
- Ветров В.М.** Древнейшие следы керамического производства в Восточной Азии (проблемы возникновения, периодизации, терминологии) // Антропоген: Палеоантропология, георхеология, этнология Азии. – Иркутск: Оттиск, 2008б. – С. 29–34.
- Ветров В.М.** Древнейшая керамика на Витиме: Некоторые вопросы датирования и периодизации в каменном веке

Восточной Азии // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири: мат-лы Междунар. науч. конф. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2010. – С. 37–44.

Ветров В.М., Инешин Е.М., Кононов Е.Е., Тетенькин А.В., Туркин Г.В. Новые объекты археологии на севере Республики Бурятия // Изв. Лаборатории древних технологий. – Иркутск: Изд-во Иркут. гос. техн. ун-та, 2007. – Вып. 5. – С. 100–117.

Ветров В.М., Инешин Е.М., Ревенко А.Г., Секерин А.П. Артефакты из экзотических видов сырья на археологических памятниках Витимского бассейна // Байкальская Сибирь в древности. – Иркутск: Изд-во Иркут. гос. пед. ун-та, 2000. – Вып. 2, ч. 1. – С. 98–116.

Ветров В.М., Инешин Е.М., Тетенькин А.В., Демонтерова Е.И., Иванов А.В., Лебедев В.А. Геологические источники и возможные пути транспортировки манупортов из вулканической пемзы стоянок конца позднего плейстоцена – среднего голоцена р. Витим // Фундаментальные проблемы квартера, итоги изучения и основные направления дальнейших исследований: мат-лы IX Всерос. совещ. по изучению четвертичного периода. – Иркутск: Изд-во Ин-та географии СО РАН, 2015. – С. 93–95.

Вулканические стекла Дальнего Востока России: геологические и археологические аспекты / отв. ред. Я.В. Кузьмин, В.К. Попов. – Владивосток: Дальневост. геол. ин-т ДВО РАН, 2000. – 168 с.

Демонтерова Е.И., Иванов А.В., Инешин Е.М., Тетенькин А.В. К вопросу о мобильности древнего населения севера Байкальской Сибири в конце плейстоцена // *Stratum plus*. – 2014. – № 1. – С. 165–180.

Деревянко А.П., Маркин С.В., Кулик Н.А., Колобова К.А. Эксплуатация каменного сырья представителями сибирячихинского варианта среднего палеолита Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2015. – Т. 43, № 3. – С. 3–16.

Доронищева Е.В. Сырьевые стратегии древнего человека в среднем и позднем палеолите на Северо-Западном Кавказе: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – СПб., 2013. – 26 с.

Инешин Е.М., Ревенко А.Г., Секерин А.П. Экзотические виды сырья артефактов позднего плейстоцена бассейна реки Витим (Байкальская Сибирь) и пути его транспортировки // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – Т. IV. – С. 108–114.

Инешин Е.М., Тетенькин А.В. Проблемы изучения археологических памятников раннего голоцена на Нижнем Витиме // Социогенез в Северной Азии: сб. науч. тр. / ред. А.В. Харинский. – Иркутск: Изд-во Иркут. гос. техн. ун-та, 2005. – Ч. 1. – С. 96–104.

Инешин Е.М., Тетенькин А.В. Человек и природная среда севера Байкальской Сибири в позднем плейстоцене: Местонахождение Большой Якорь I. – Новосибирск: Наука, 2010. – 270 с.

Инешин Е.М., Тетенькин А.В. Проблема определения археологических связей в бассейне р. Витим (Витимское плоскогорье, Байкало-Патомское нагорье) // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири: мат-лы Междунар. науч. конф. (Иркутск, 3–7 мая, 2011 г.) / ред. А.В. Харинский. – Иркутск: Изд-во Иркут. гос. техн. ун-та, 2011. – Вып. 2. – С. 96–104.

Кулик Н.А., Маркин С.В. Петрография индустрии пещеры им. Окладникова (Северо-Западный Горный Алтай) //

Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. – Т. IX. – С. 148–153.

Кулик Н.А., Шуньков М.В. Предварительные результаты петрографического изучения палеолитических изделий стоянки Ануй-3 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. – Т. VI. – С. 156–160.

Тетенькин А.В. Геоархеологические местонахождения плейстоцен-голоцена в Бодайбинском районе Байкало-Патомского нагорья: хроностратиграфия, морфотипология, периодизация: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Новосибирск, 1999. – 21 с.

Тетенькин А.В. Исследования многослойного объекта Коврижка на Нижнем Витиме // Байкальская Сибирь в древности. – Иркутск: Изд-во Иркут. гос. пед. ун-та, 2000. – Вып. 2, ч. 1. – С. 117–146.

Тетенькин А.В. Материалы исследований ансамбля археологических местонахождений Коврижка на Нижнем Витиме (1995–2009 гг.) // Изв. Лаборатории древних технологий. – Иркутск: Изд-во Иркут. гос. техн. ун-та, 2010. – Вып. 8. – С. 64–134.

Тетенькин А.В. Проблема определения археологической специфики Байкало-Патомского нагорья в конце плейстоцена – первой половине голоцена // Тр. III (XIX) Всерос. археол. съезда. – СПб.; М.; Великий Новгород, 2011. – Т. I. – С. 94–95.

Тетенькин А.В. Проблема культурной варибельности археологических комплексов финального плейстоцена – раннего голоцена Нижнего Витима // *Вестн. Том. гос. ун-та. Сер.: История*. – 2013. – № 2 (22). – С. 104–107.

Тетенькин А.В., Анри А., Клементьев А.М. Коврижка IV: позднелитический комплекс 6 культурного горизонта // Археологические вести / ИИМК РАН. – 2017. – Вып. 23. – С. 33–55.

Didier M.E. The Argillite Problem Revisited: An Archaeological and Geological Approach to a Classical Archaeological Problem // *Archaeology of Eastern North America*. – 1975. – Vol. 3. – P. 90–101.

Glascok M.D., Braswell G.E., Cobean R.H. A Systematic Approach to Obsidian Source Characterization // *Archaeological Obsidian Studies* / ed. M.S. Shackly. – N. Y.; L.: Plenum Press, 1998. – P. 15–65.

Kimura H. Obsidian Humans Technology // Палеоэкология плейстоцена и культуры каменного века Северной Азии и сопредельных территорий: (мат-лы Междунар. симп.) / ред. А.П. Деревянко. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – Т. 2. – С. 302–314.

Mandal S., Cooney G., Meighan I., Jamison D. Using geochemistry to discriminate the porcellanite sources for stone axe production in Ireland // *J. of Archeol. Sci.* – 1997. – Vol. 24. – P. 757–763.

Reuther J.D., Slobodina N.S., Rasic J.T., Cook J.P., Speakman R.J. Gaining Momentum: Late Pleistocene and Early Holocene archaeological obsidian source studies in Interior and Northeastern Beringia // *Late Pleistocene/Early Holocene Beringia* / eds. T. Goebel, I. Buvit. – College Station: Texas A&M Univ. Press, 2011. – P. 270–288.

Материал поступил в редколлегию 11.01.16 г., в окончательном варианте – 14.03.16 г.

В.И. Молодин, И.А. Дураков

*Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: Molodin@archaeology.nsc.ru; Idurakov@yandex.ru*

Захоронения с литейными формами на могильнике позднекротовской (черноозёрской) культуры Тартас-1 (Барабинская лесостепь)

В статье проанализированы пять погребений с литейными формами, обнаруженных на могильнике позднекротовской (черноозёрской) культуры Тартас-1 в Барабинской лесостепи. Три захоронения составляют компактную группу и относятся к двум параллельным рядам могил. В работе подробно рассматривается археологический контекст погребений. Установлено, что одна из реконструируемых форм предназначалась для отливки кельтов сейминско-турбинского типа, вторая – для изготовления тонких округлых стерженьков. Найден литейный стержень для получения полости миниатюрного долотообразного орудия. Все формы из могильника Тартас-1 керамические и несут следы длительного использования. Отмечено, что они изготовлены по модели на подмоделной плите, формовочная масса выровнена и уплотнена, лишний материал срезан инструментом с острым тонким лезвием, рельефные линии прочерчены по сырой поверхности. Среди выявленных могил с литейным инвентарем определены как одиночные, так и коллективные погребения. В число погребенных входят представители всех половозрастных групп: взрослые, подростки, женщины и дети. Прослежена включенность в производственную деятельность всех возрастных и половых групп, что позволяет предполагать передачу из поколения в поколение вместе с производственными навыками определенного общественного статуса. С учетом наличия литейных форм в детских захоронениях сделано предположение о наследовании этого статуса. Подчеркивание в погребальном обряде принадлежности умершего к бронзолитейному производству (на фоне очень слабой выраженности погребений с признаками других видов специализации) свидетельствует о формировании особой социально-экономической прослойки общества. Доля выявленной страты в общей численности социума не превышала 4 %. Отмечено, что не все члены особой социальной группы были профессиональными мастерами-литейщиками, какая-то часть участвовала в этом производстве лишь эпизодически.

Ключевые слова: эпоха бронзы, древняя металлообработка, погребения с литейными формами, позднекротовская (черноозёрская) культура.

V.I. Molodin and I.A. Durakov

*Institute of Archaeology and Ethnography,
Siberian Branch, Russian Academy of Sciences,
Pr. Akademika Lavrentieva 17, Novosibirsk, 630090, Russia
E-mail: Molodin@archaeology.nsc.ru; Idurakov@yandex.ru*

Late Krotovo (Cherno-Ozerye) Burials with Casting Molds from Tartas-1, Baraba Forest-Steppe

We describe five burials with casting molds from the Late Krotovo (Cherno-Ozerye) cemetery Tartas-1 in the Baraba forest-steppe. Three of them form a distinct group belonging to two parallel rows of graves. One of the reconstructed molds was destined for casting Seima-Turbino-type celts, the other, for manufacturing thin rods, round in section. One kernel was used for making a hollow in a tiny chisel-like tool. All molds are made of clay and bear traces of prolonged use. They were made using a bottom board; molding mixture was smoothed and tamped, excessive material was removed with a narrow-bladed cutting tool, and lines were drawn on the raw surface. Certain graves with molding tools were single, others were collective.

All basic age and sex groups are represented: adults, adolescents, women and children, apparently suggesting that all were involved in manufacture, and the skills were transmitted from one generation to another. Because children were involved too, status was heritable. Emphasis on bronze casting in the funerary rite, virtually without traces of other specializations, indicates a separate social stratum, whose share was no higher than 4 %. Obviously, not all its members were professional casters; some may have participated occasionally.

Keywords: Bronze Age, metal-working, burials, casting molds, Late Krotovo (Cherno-Ozerye) culture.

Введение

Погребения с кузнечно-литейным инвентарем – интересные и довольно редкие памятники эпохи бронзы. Их появление в этот период, видимо, можно считать эпохальным социально-экономическим маркером. Практически одновременно такие захоронения открыты на очень широкой территории Евразии, например, в Западной и Средней Европе [Bulter, Waals, 1967, с. 73; Mozsolics, 1967, р. 28; Childe, 1947, р. 163]. В Восточной Европе они зафиксированы на памятниках фатьяновской, полтавкинской, катакомбной, абашевской культур [Шилов, 1959, 1966; Державин, Тихонов, 1981; Ильюков, 1986], в Западной Сибири – среди памятников сейминско-турбинского круга [Матющенко, Ложникова, 1969; Беспрозванный, Корочкова, Стефанов, 2011, с. 12].

Пожалуй, особенно ярким проявлением данного феномена следует считать захоронение металлурга-литейщика на могильнике кротовской культуры Сопка-2/4Б, В [Молодин, 1983]. К настоящему времени обнаружена серия подобных могил. Среди них интерес вызывает погребение с литейными формами, обнаруженное на крупном позднекротовском (черноозёрском) могильнике Тартас-1 в Барабинской лесостепи (рис. 1).

Археологический контекст погребений

К настоящему времени на могильнике Тартас-1, в его позднекротовской (черноозёрской) части, найдены пять погребений с литейными формами (№ 15, 159, 323, 329, 330Б). Однако, если учитывать литейный инвентарь и полуфабрикаты литейного производства в ритуальных ямах, то могил с погребенными, имевших какое-то отношение к бронзолитейному производству, могло быть несколько больше.

Все вышеперечисленные погребения расположены вдоль северо-восточного края высокой надпойменной террасы и включены в общую планиграфию позднекротовского (черноозёрского) могильника. При этом три захоронения (№ 323, 329, 330Б) составляют компактную группу и относятся к двум параллельным рядам могил.

Погребение № 15 представляет собой ориентированную по линии ВСВ – ЗЮЗ подпрямоугольную яму

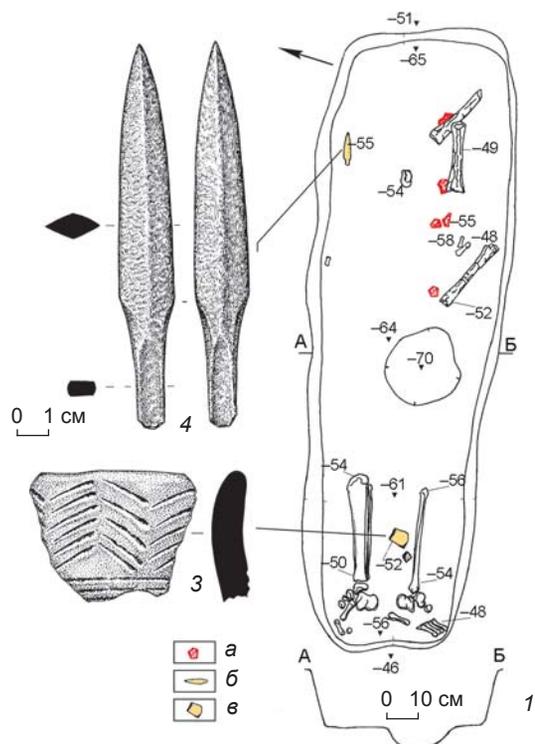

Рис. 1. Расположение могильника Тартас-1.

размерами 1,86 × 0,55 м, глубиной 0,17–0,21 м*. Стенки ямы наклонные, дно ровное. В средней части могилы прослежена округлая яма на месте грабительского шурфа. Найден потревоженный скелет взрослого человека (рис. 2, 1, 2). Согласно положению сохранившихся *in situ* костей ног, умерший был погребен вытянуто на спине, головой на ВСВ. В ногах между берцовыми костями обнаружен фрагмент горловины сосуда (рис. 2, 3), имеющего аналоги в позднекротовских (черноозёрских) комплексах [Генинг, Стефанова, 1994]. У северной стенки могилы в изголовье погребенного находился крупный костяной наконечник стрелы (рис. 2, 4). Среди перемешанных костей человека обнаружены фрагменты разбитой при ограблении литейной формы для изготовления крупного предмета. Сохранились внешняя стенка формы со следами обрезки, уплотнения и выравнивания формовочного материала; рабочая камера полностью разрушена, поэтому установить назначение отливавшегося в ней предмета не удалось.

Погребение № 159 представляет собой ориентированную длинной осью по линии ВСВ – ЗЮЗ подпрямоугольную яму размерами 2,18 × 1,35 м, макси-

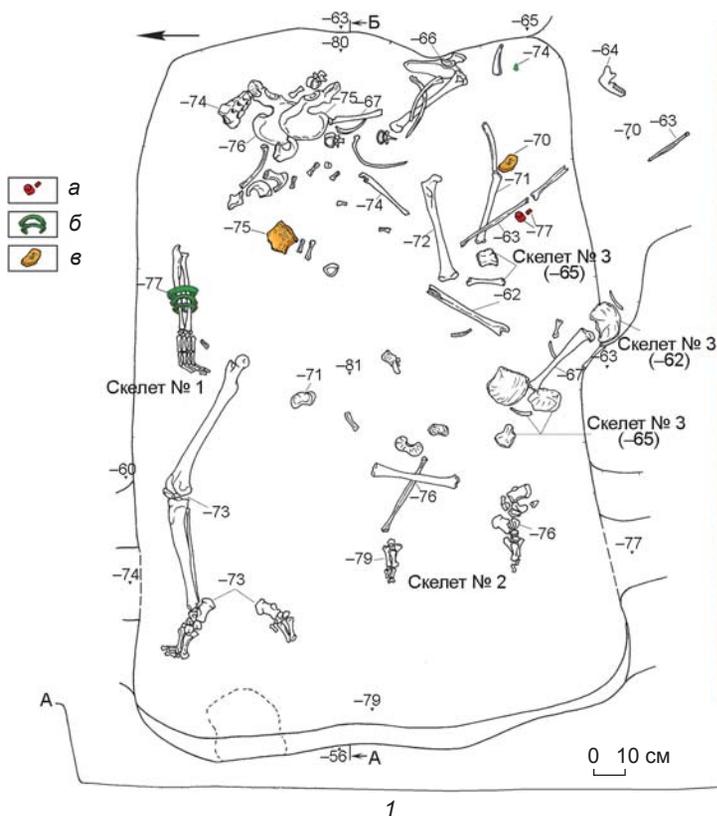
*В этой части памятника культурный слой и залегающий под ним материк были сильно повреждены при функционировании проходившей здесь дороги, поэтому реальную глубину могильных ям определить невозможно.

2

Рис. 2. Погребение № 15.

1 – план: а – фрагменты литейной формы, б – наконечник стрелы, в – фрагмент сосуда; 2 – общий вид с ЮЗ; 3 – фрагмент сосуда; 4 – костяной наконечник стрелы.

2

Рис. 3. Погребение № 159.

1 – план: а – фрагменты литейной формы, б – бронзовые изделия, в – керамика; 2 – общий вид с З.

1

2

Рис. 4. Браслеты из погр. № 159.

1 – положение в могиле; 2 – положение на руке погребенного.

мальной глубиной от уровня материка 0,23–0,25 м (рис. 3). Дно ровное, стенки вертикальные. Могила нарушена при ограблении в древности и позже при сооружении дороги.

В погребении найдены потревоженные останки 3 чел. – взрослого, подростка и ребенка. Согласно положению сохранившихся *in situ* частей скелетов, умершие были погребены вытянуто на спине, головами на ВСВ. Среди потревоженных костей обнаружены бронзовый лом и обломки керамического сосуда. На костях предплечья взрослого погребенного вплотную друг к другу были надеты три бронзовых браслета с витыми окончаниями (рис. 4). Подобные браслеты встречаются в позднекротовских (черноозёрских) погребениях могильника Сопка-2/5 [Молодин, 1985], а также на памятниках этой культуры в Прииртышье [Генинг, Стефанова, 1994, рис. 8, 5]. Как известно, украшения такого типа наиболее широко представлены в материалах андроновской (фёдоровской) культуры (в основном западной части ареала); возможно, они являлись частью традиционного костюма андроновцев [Авансова, 1991, с. 69; Демин, Запрудский, Ситников, 2011, с. 55]. Указанные изделия обнаружены в Северном Казахстане, на Алтае, в Среднем Прииртышье и Южном Зауралье [Кривцова-Гракова, 1948, с. 109, 111, рис. 37, 1, 2, 4; Ермолаева, 2001, с. 105, рис. 3; Зимина, Адаменко, 1963, с. 58, рис. 3, 3; и др.]. Данный вид украшений датируется чаще всего первой половиной – серединой II тыс. до н.э. [Ковтун, 2014, с. 30]. Именно от андроновцев (фёдоровцев) эти предметы получило позднекротовское население.

У южной стены могилы найдены небольшие фрагменты глиняной литейной формы. Сохранилась часть створки с двумя параллельно расположенными рабочими камерами для отливки изделий в виде тонких стерженьков диаметром 0,5 см (рис. 5).

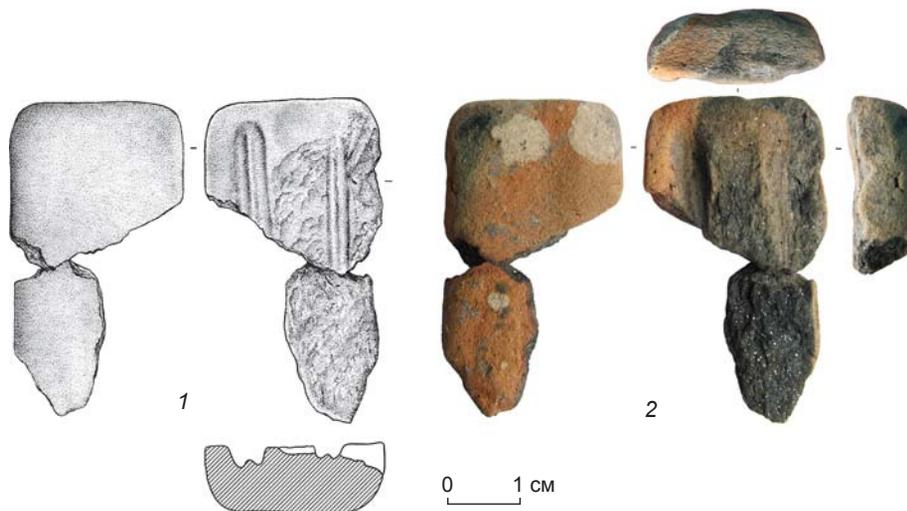

Рис. 5. Литейная форма из погр. № 159.

Формы для изготовления таких стерженьков, часто выполненные на фрагментах бытовой керамики, встречены на ряде поселений кротовской культуры; видимо, их изготавливали в большом количестве [Молодин, 1977, табл. LXI, 1; LXII, 2; Молодин и др., 2012, с. 116–118, рис. 13, 14]. Назначение отливок не вполне ясно, однако, следует отметить, что формы для изготовления подобных предметов в культурах эпохи бронзы представлены очень широко [Шилов, 1959, с. 13; Назаров, 2002].

Погребение № 323 представляет собой ориентированную по линии СВ – ЮЗ могильную яму подчетырехугольной формы размерами 2,1 × 1,0 м, глубиной от уровня материка 0,13–0,23 м (рис. 6). Ее восточная часть частично повреждена дорогой.

Заполнение могильной ямы – серая мешаная супесь с включениями мелких фрагментов прокаленной глины. Участки прокаленной почвы коричневого цвета отмечены также в юго-западном углу и вдоль восточного края ямы.

В погребении найдены потревоженные останки пяти человек. Согласно положению сохранившихся *in situ* частей нижних конечностей, люди были погребены в ряд в вытянутом положении, на спине, головами на ВСВ.

Погребальный инвентарь включал 6 отщепов из кремня, костяной наконечник стрелы (рис. 7, 1), 14 астрагалов барана (рис. 7, 3–16). В северо-восточном углу могилы зафиксированы фрагменты бронзовых изделий.

Среди перемещенных костей скелетов обнаружены: костяное изделие в виде рыбки (рис. 7, 2), керамический шарик (рис. 7, 17), четыре бронзовые круглые выпуклые бляшки с отверстиями для пришивания (рис. 7, 18–21) и обломок глиняной литейной формы (рис. 8).

Сохранился фрагмент створки с частью рабочей камеры. Форма изготовлена по модели, формовочная масса накладывалась крупными лоскутами, разъем сформирован на подмодельной плите. Рельефные линии рабочей камеры явно дорабатывались по сырому материалу инструментом с рабочей частью диаметром не более 1 мм. Спинка створки выровнена и уплотнена, лишний материал срезан инструментом с острым тонким лезвием.

В соответствии с негативом рабочей камеры отливавшийся в форме кельт, шестигранный в сред-

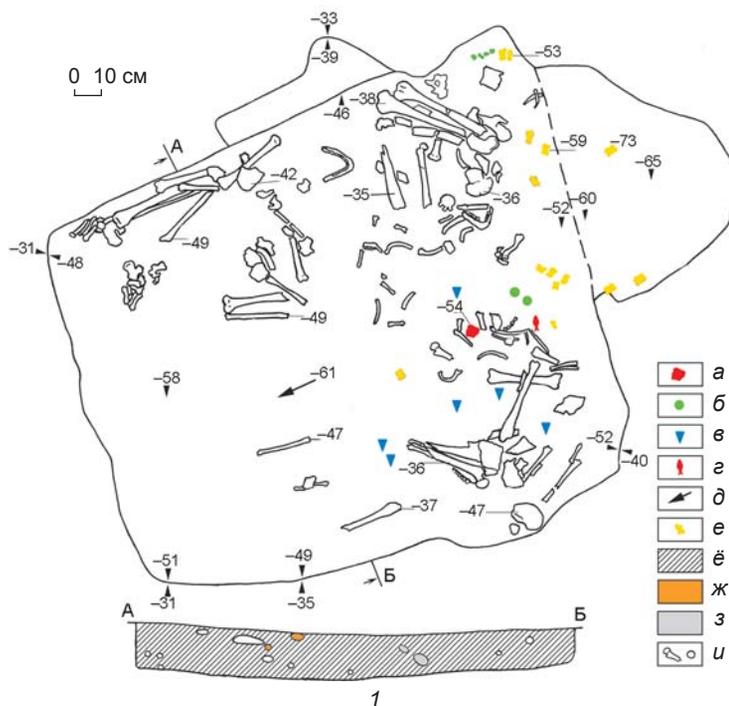

Рис. 6. Погребение № 323.

1 – план и стратиграфический разрез: а – фрагмент литейной формы, б – бронзовые изделия, в – каменные отщепы, г – скульптура рыбки, д – костяной наконечник стрелы, е – астрагалы барана, ё – серая мешаная почва, ж – прокаленная почва оранжевого цвета, з – почва серо-желтого цвета, и – кости человека; 2 – общий вид погребения с 3.

ней части, имел овальноуплощенную втулку (рис. 9). По углу схождения плоскости разреза формы и стенки негатива можно установить, что высота кельта не превышала 8 см, реконструируемый размер втулки 4,0 × 2,2 см. Последняя по верхнему краю была украшена пояском-лесенкой. Лицевая плоскость кельта

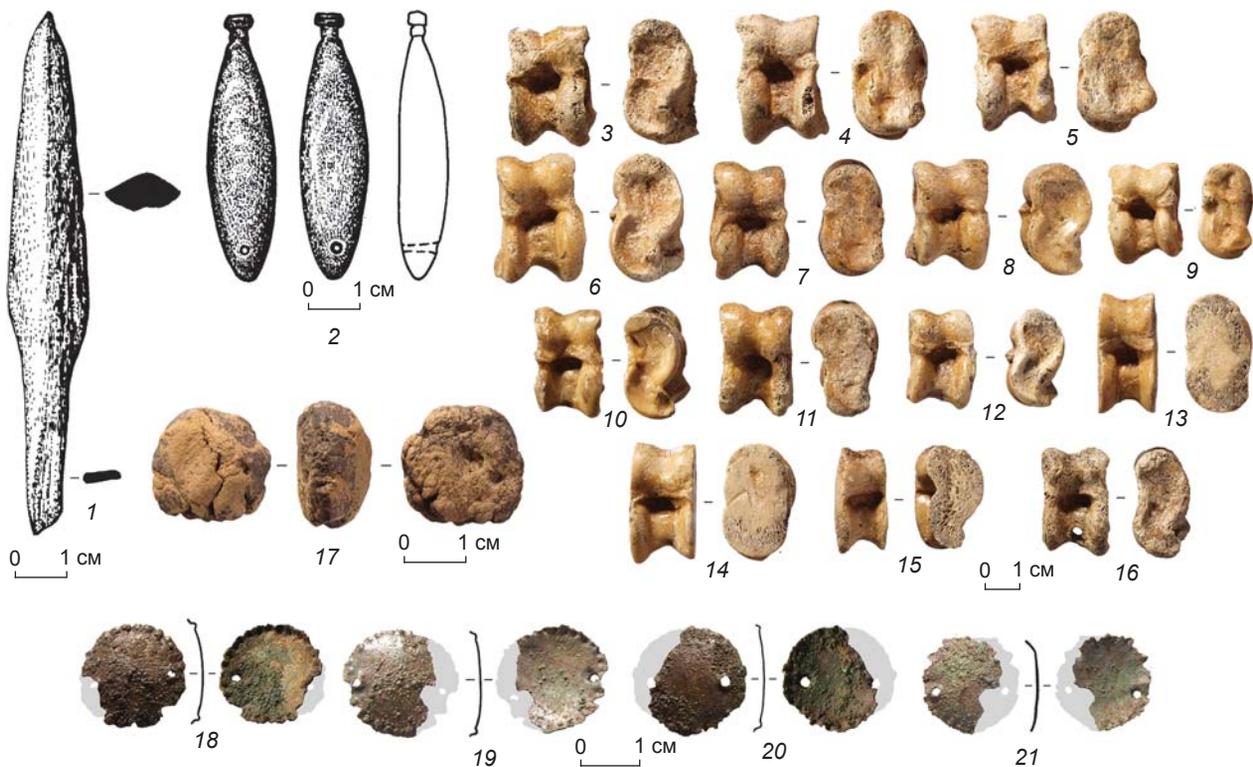

Рис. 7. Сопроводительный инвентарь погр. № 323.

1 – костяной наконечник стрелы; 2 – костяное изделие в виде рыбки; 3–16 – астрагалы барана; 17 – керамический шарик; 18–21 – бронзовые бляшки.

Рис. 8. Фрагмент литейной формы из погр. № 323.

На поверхности рабочей камеры хорошо заметны следы термического воздействия расплавленного металла. С учетом выводов Г. Коглана о том, что последствия одноразовой заливки металла незначительны и со временем могут не сохраняться [Coghlan, 1951], изучаемые следы можно считать результатом многократного использования изделия.

отделена от боковых граней прочерченной линией, которая имитирует ребро жесткости, характерное для кельтов сейминско-турбинского круга. Параллельно прочерчена более короткая полоска.

По морфологическим признакам кельт, который отливался в форме, принадлежит, скорее всего, к типу сейминско-турбинских и, согласно классификации Е.Н. Черных и С.В. Кузьминых, относится к разряду К-10 [1989, с. 46–48, рис. 9, 1–9; 10, 1–5].

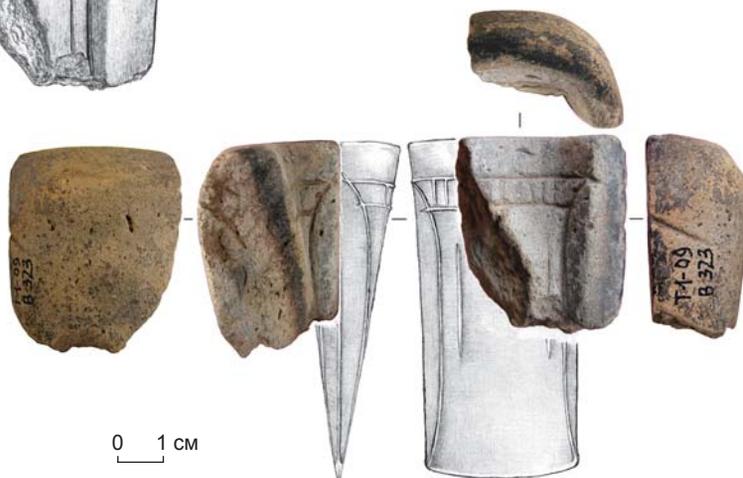

Рис. 9. Реконструкция кельта, отлитого в форме из погр. № 323.

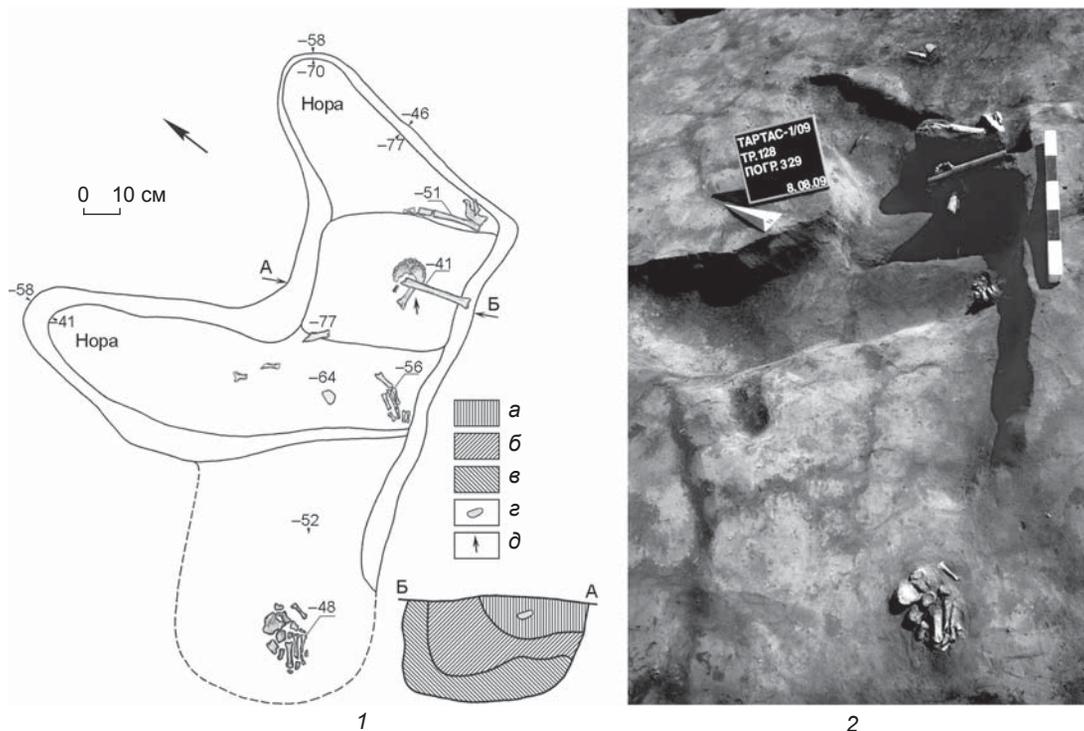

Рис. 10. Погребение № 329.

1 – план и стратиграфический разрез: а – темно-серая почва, б – серая мешаная почва, в – серо-желтая мешаная почва, г – кости человека, д – наконечник стрелы; 2 – общий вид погребения с ЮЗ.

Погребение № 329 было разграблено в древности и практически полностью разрушено норами грызунов и колеей дороги (рис. 10). Удалось зафиксировать только часть южной стенки могильной ямы. Общий контур реконструируется лишь приблизительно. Могильная яма ориентирована по линии ВСВ – ЗЮЗ. Ее реконструируемые размеры 2,0–2,3 × 0,53 м, глубина от уровня материка 0,11–0,12 м. Скелет потревожен. Согласно положению сохранившихся *in situ* костей стопы правой ноги и кисти левой руки, умерший был погребен в вытянутом положении на спине, головой на СВ. У кисти руки зафиксированы два трехгранных черешковых наконечника стрел.

В заполнении могильной ямы среди перемещенных костей скелета выявлены зуб бобра, два костяных наконечника стрелы (рис. 11, 1, 2), астрагал барана (рис. 11, 3) и три кремневых отщепы (рис. 11, 4–6). Здесь же находились кусочек медной руды (сульфид меди) и обломок керамического стержня литейной формы (рис. 11, 7, 8). Стержень предназначен для получения сужающегося широкого глухого отверстия отливки, вероятнее всего, втулки миниатюрного кельта.

Погребение № 330Б частично перекрывает более раннее захоронение (№ 330А), относящиеся к одиновской культуре (рис. 12, 1). Представляет собой подпрямоугольную яму размерами 1,43 × 0,57 м, глуби-

ной от уровня материка 0,2–0,3 м, ориентированную по линии СВ – ЮЗ. Заполнение – однородная темно-серая супесь.

В погребении найдены потревоженные останки ребенка 5–6 лет. Согласно положению сохранившихся *in situ* костей, умерший был погребен в вытянутом положении на спине, головой на СВ. В центральной части могилы справа от костяка зафиксировано скопление предметов, включающее раковины речного моллюска (*Anodonta*), обломок кости птицы и фрагмент литейной формы (рис. 12, 2–4). Форма изготовлена методом лоскутного наложения формовочной массы на модель; спинка практически не выровнена. Сохранился небольшой обломок внешней стенки без рабочей камеры, поэтому определить, какое изделие отливалось, не представляется возможным.

К вышеописанному захоронению, видимо, относятся и находившиеся к СВ от него в норе две костяные спицы и кинжаловидный инструмент, украшенный орнаментом в виде штрихованных треугольников (рис. 12, 5–7) [Молодин и др., 2009, рис. 1, 5]. Орудия подобного типа характерны для позднекротовской (черноозёрской) культуры [Молодин, 1985, с. 51, рис. 25, 1–5, 7], однако орнамент на обнаруженном нами предмете позволяет предположить его принадлежность к андроновской (фёдоровской) культуре.

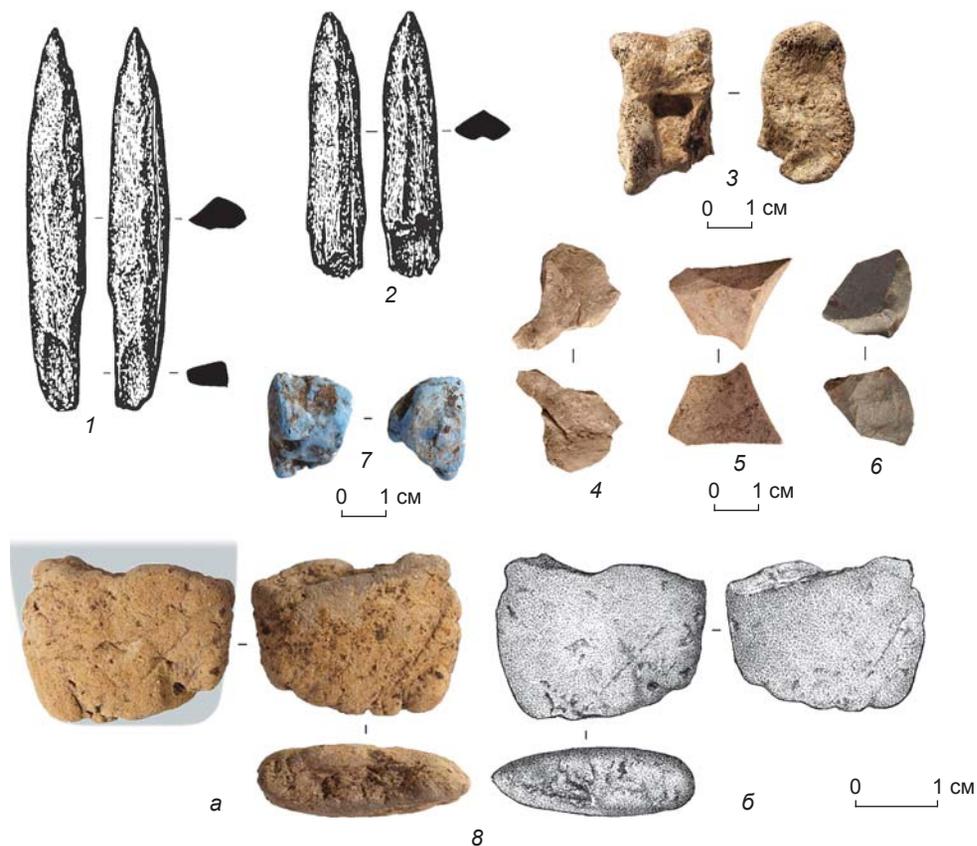

Рис. 11. Сопроводительный инвентарь погр. № 329.
 1, 2 – костяные наконечники стрелы; 3 – астрагал барана; 4–6 – каменные отщепы; 7 – кусочек руды; 8 – фрагмент керамического стержня литейной формы: а – фото, б – прорисовка.

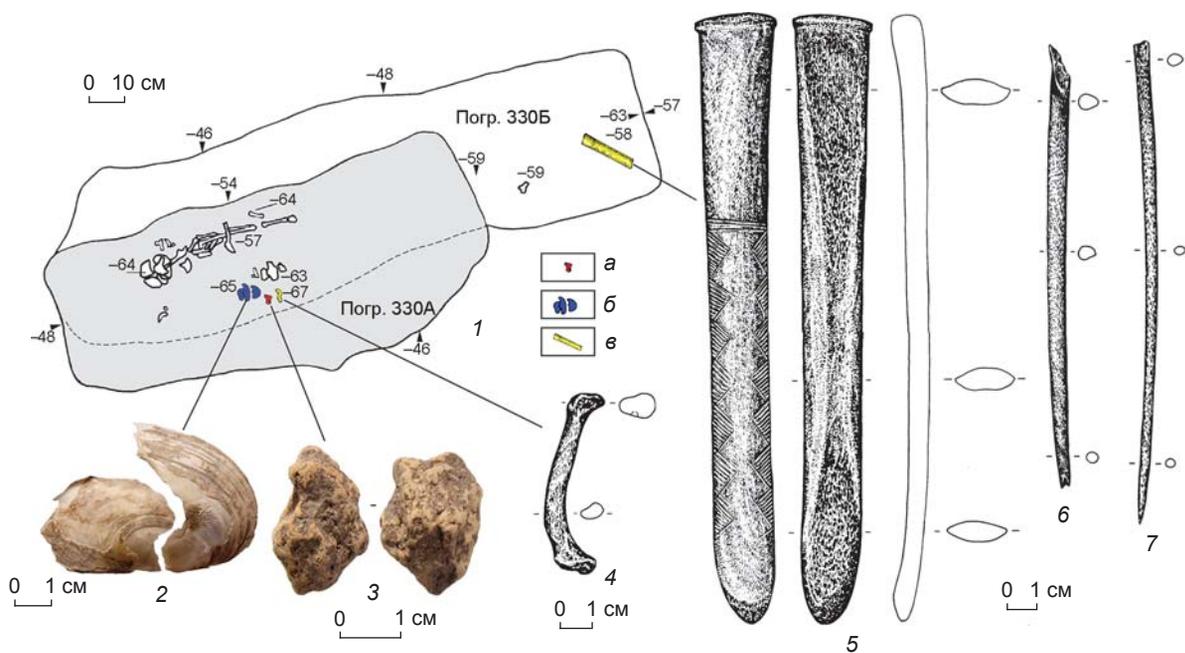

Рис. 12. Погребение № 330Б.
 1 – план: а – фрагмент литейной формы, б – скопление раковин, в – костяное изделие; 2 – раковина моллюска; 3 – фрагмент литейной формы; 4 – кость птицы; 5 – кинжаловидное орудие; 6, 7 – костяные спицы.

Обсуждение

На территории некрополя Тартас-1 выявлено пять погребений, в которых обнаружены предметы, связанные с бронзолитейным производством позднекротовской (черноозёрской) культуры. Появление таких могил, как правило, считают бесспорным показателем специализации литейного дела и выделения профессиональных мастеров [Бочкарев, 1978, с. 48]. Причем устойчивость в погребальном обряде признаков профессиональной принадлежности именно к этому виду деятельности (на фоне очень слабой выраженности погребений с проявлениями других видов специализации) свидетельствует о формировании особой социально-экономической прослойки общества. Тенденция к ее осознанному обособлению нашла отражение в консолидации погребений литейщиков или людей в той или иной степени связанных с этим производством на могильнике кротовской культуры Сопка-2/4Б [Молодин, Гришин, 2016]. В меньшей степени эта тенденция выражена на памятнике Тартас-1, однако и здесь три из пяти погребений входят в одно из скоплений могил и расположены очень близко друг от друга.

Численность указанной социальной группы в позднекротовском (черноозёрском) обществе, вероятно, была незначительна. На Тартасе-1 доля могил ее представителей составляет 4,31 % от общего числа погребений данной культуры. И хотя исследование могильника еще далеко от завершения, выявленная к настоящему времени серия из 116 погребений позволяет считать памятник репрезентативным источником, достоверно отражающим состояние оставившего его коллектива.

На могильнике Сопка-2/5 прослеживается очень похожая ситуация: из 95 позднекротовских (черноозёрских) могил 4 (4,21 %) содержат кузнечно-литейный инвентарь. По-видимому, такое соотношение членов сообщества, в той или иной степени связанных с литейным делом, и рядовых общинников было оптимальным, хотя в ряде культур с полным горно-металлургическим циклом работ отмечается и более высокая степень вовлеченности населения в производство [Епимахов, Берсенева, 2016, с. 67].

Анализ половозрастного состава погребенных «литейщиков» проливает некоторый свет на организацию металлообрабатывающего производства позднекротовской (черноозёрской) культуры. Следует отметить, что на могильнике имеются как одиночные, так и коллективные погребения и представлены все основные возрастные и гендерные группы: взрослые, подростки, женщины и дети. Литье металла требовало участия 3–5 чел., им, видимо, занимались все члены семьи, включая женщин и даже детей. Такая организация металлообрабатывающего производства зафиксирована, например, у лохаров Восточного Раджахстана [Misra, 1975].

В погр. № 330Б обломок литейной формы находился в захоронении ребенка, который по возрасту не мог вести самостоятельную производственную деятельность. Не исключено, что профессиональная принадлежность передавалась по наследству с момента рождения. В кротовском могильнике Сопка-2/4Б, В зафиксирован литейный инвентарь в погребении женщины с ребенком [Молодин, Гришин, 2016, с. 170–172]. Литейные формы найдены также в двух женских захоронениях (№ 24 и 33) синхронного могильника Ростовка (Омское Прииртышье) [Матющенко, Синицына, 1988, с. 31–34, 46–47, рис. 42, 67]. Эта информация позволяет предполагать включенность в производственную деятельность всех возрастных и гендерных групп, а также передачу с производственными навыками определенного общественно-го статуса.

Обращает на себя внимание то, что погребения людей, связанных с металлообрабатывающей деятельностью, выделялись на фоне массива рядовых могил наличием импортных изделий, вещей с явно инокультурными орнаментальными мотивами и предметов искусства ритуально-культового назначения. Вероятно, позднекротовское (черноозёрское) общество значительно продвинулось по пути социального расслоения. Имеющиеся в нашем распоряжении материалы позволяют сделать вывод о том, что не всех погребенных, в могилах которых находились предметы, связанные с бронзолитейным производством, можно однозначно квалифицировать как профессиональных литейщиков. Очевидно, какая-то часть членов сообщества (причем независимо от пола и даже возраста) могла быть связана с этим производством лишь эпизодически. Следовательно, отнесение погребенных к мастерам-литейщикам только по погребальной практике (как это случилось при исследовании захоронения № 282 (кург. 25, мог. 64) в могильнике Сопка-2/4Б, В) не всегда правомерно.

Благодарность

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-50-00036).

Список литературы

Аванесова Н.А. Культура пастушеских племен эпохи бронзы Азиатской части СССР (по металлическим изделиям). – Ташкент: Фан, 1991. – 202 с.

Беспрозванный Е.М., Корочкова О.Н., Стефанов В.И. Описание исследованных объектов некрополя Сатыга XVI // Сатыга XVI: сейминско-турбинский могильник в таежной зоне Западной Сибири. – Екатеринбург: Урал. рабочий, 2011. – С. 11–20.

Бочкарев В.С. Погребения литейщиков эпохи бронзы (методологический пересмотр) // Проблемы археологии. – Л.: Наука, 1978. – С. 48–53.

Генинг В.Ф., Стефанова Н.К. Черноозерье I – могильник эпохи бронзы Среднего Прииртышья. – Екатеринбург: Урал. гос. ун-т, 1994. – 66 с.

Демин М.А., Запрудский С.С., Ситников С.М. Андроновские украшения Гилевского археологического микрорайона. – Барнаул: Алт. гос. пед. академия, 2011. – 128 с.

Державин В.Л., Тихонов Б.Г. Погребение литейщика в эпохи средней бронзы на Ставрополье // СА. – 1981. – № 3. – С. 252–258.

Епимахов А.В., Берсенева Н.А. Металлопроизводство и социальная идентичность по материалам погребальных памятников синташтинской культуры Южного Урала // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2016. – Т. 44, № 1. – С. 65–71.

Ермолаева А.С. Погребения эпохи бронзы могильников Малое Карасу и Ковалевка левобережного Иртыша // История и археология Семиречья. – Алматы: Фонд «Родничок», 2001. – Вып. 2. – С. 102–111.

Зимина В.М., Адаменко О.М. Новый памятник культуры эпохи бронзы у села Ново-Александровка // Изв. Сиб. отд-ния АН СССР. – 1963. – № 9: Сер. обществ. наук, вып. 3. – С. 53–59.

Илюков Л.С. Погребения литейщиков эпохи средней бронзы из Северо-Восточного Приазовья // СА. – 1986. – № 2. – С. 226–231.

Ковтун И.В. Типология и хронология андроновских браслетов с конусовидными спиралями на окончаниях // Теория и практика археологических исследований. – Барнаул: Алт. гос. ун-т, 2014. – Вып. 2. – С. 25–30.

Кривцова-Гракова О.А. Алексеевское поселение и могильник // Археологический сборник. – М.: Гос. ист. музей, 1948. – Вып. XVII. – С. 59–172.

Матюшенко В.И., Ложникова Г.В. Раскопки могильника у д. Ростовка близ Омска в 1966–1969 гг. // Из истории Сибири. Полевые работы 1969 г. – Томск: Том. гос. ун-т, 1969. – Вып. 2. – С. 18–34.

Матюшенко В.И., Сеницына Г.В. Могильник у деревни Ростовка вблизи Омска. – Томск: Том. гос. ун-т, 1988. – 135 с.

Молодин В.И. Эпоха неолита и бронзы лесостепного Обь-Иртышья. – Новосибирск: Наука, 1977. – 171 с.

Молодин В.И. Погребение литейщика из могильника Сопка-2 // Древние горняки и металлурги Сибири. – Барнаул: Алт. гос. ун-т, 1983. – С. 96–109.

Молодин В.И. Бараба в эпоху бронзы. – Новосибирск: Наука, 1985. – 200 с.

Молодин В.И., Гришин А.Е. Памятник Сопка-2 на реке Оби. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2016. – Т. 4: Культурно-хронологический анализ погребальных комплексов кротовской культуры. – 452 с.

Молодин В.И., Дураков И.А., Мыльникова Л.Н., Нестерова М.С. Производственный комплекс кротовской культуры на поселении Венгерovo-2 (Барабинская лесостепь) // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. – 2012. – Т. 11, вып. 5. – С. 104–119.

Молодин В.И., Мыльникова Л.Н., Новикова О.И., Соловьёв А.И., Наглер А., Дураков И.А., Ефремова Н.С., Кобелева Л.С., Ненахов Д.А. Этнокультурные процессы у населения Центральной Барабы в эпоху развитой бронзы (по материалам исследования могильника Тартас-1 в 2009 году) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. – Т. XV. – С. 337–342.

Назаров А.С. Металлообработка у племен ямной и катакомбной культур степной зоны Причерноморья // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н.э. – V век н.э.). – Тирасполь: Типар, 2002. – С. 122–129.

Черных Е.Н., Кузьминых С.В. Древняя металлургия Северной Евразии. – М.: Наука, 1989. – 320 с.

Шилов В.П. О древней металлургии и металлообработке в Нижнем Поволжье // Древности Нижнего Поволжья. – М.: АН СССР, 1959. – С. 11–38. – (МИА; № 60).

Шилов В.П. Погребение литейщика катакомбной культуры в Нижнем Поволжье // КСИА. – 1966. – № 106. – С. 88–91.

Bulter I.I., Waals J.J. Bell beakers and early metal-working in the Netherlands // Palaeohistoria. – 1967. – N 12. – P. 41–139.

Childe G. Prehistoric Communities of the British Isles. – L.: Chambers, 1947. – 290 p.

Coghlan H.H. Notes on the Prehistoric Metallurgy of Copper and Bronze in the Old World. – Oxford: Univ. Press, 1951. – 131 p.

Misra P.K. The Gadulia Lohars. Nomadism and Economic Activities // Pestoralists and Nomads in South Asia. – Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1975. – P. 235–246.

Mozsolics A. Bronzefunde des Karpatenbeckens. – Budapest: Akadémiai Kiadó, 1967. – 280 p.

*Материал поступил в редколлегию 26.01.17 г.,
в окончательном варианте – 05.04.17 г.*

DOI: 10.17746/1563-0102.2018.46.2.035-042
УДК 903.24

А.А. Ткачёв¹, Н.А. Ткачёва²

¹Институт проблем освоения Севера ТюмНЦ СО РАН
ул. Малыгина, 86, Тюмень, 625026, Россия
E-mail: sever626@mail.ru

²Тюменский индустриальный университет
ул. Володарского, 38, Тюмень, 625000, Россия
E-mail: sever626@mail.ru

Женский костюм андроновской эпохи по археологическим материалам могильника Майтан (Центральный Казахстан)

В статье изложены результаты изучения захоронений женщин на могильнике Майтан среднего периода эпохи бронзы. Памятник является единственным полностью исследованным погребальным объектом андроновской общности в степной зоне Центрального Казахстана. На основании анализа расположения украшений в погребениях предпринята попытка реконструировать детали женского костюма. Понятие «костюм» включает совокупность предметов одежды, украшений, аксессуаров, отражающую не только принципы облачения индивида, но и его социальные роли, возраст, а также характерные черты культуры в целом. Состав и расположение находок позволили выделить украшения головы, шеи и груди, рук и ног. Как исключение встречаются аксессуары (сумочки, коробочки), украшения пояса и подола платья. Сравнительный анализ вещевого инвентаря показал, что большинство украшений маркирует возрастной статус женской части населения, оставившего могильник Майтан. Выделены две возрастные группы: девочки и женщины. Несмотря на то, что значительное число могил разграблено, удалось с определенной долей условности воссоздать обобщенный облик женского костюма погребенных и его детали, характерные для этих групп. Выявление характерных черт погребального обряда и реконструкция женского костюма расширяют возможности использования материалов могильника как историко-культурного источника. Через идентичные вещи носители разных культурных традиций передавали присущие им представления о красоте. Вместе с тем костюм и погребальный инвентарь отражали половозрастные характеристики и ступени социализации человека.

Ключевые слова: Центральный Казахстан, андроновская эпоха, могильник Майтан, реконструкция костюма.

A.A. Tkachev¹ and N.A. Tkacheva²

¹Institute of Northern Development, Tyumen Research Center,
Siberian Branch, Russian Academy of Sciences,
Malygina 86, Tyumen, 625026, Russia
E-mail: sever626@mail.ru

²Industrial University of Tyumen,
Volodarskogo 38, Tyumen, 625000, Russia
E-mail: sever626@mail.ru

The Andronovo Age Women's Costume, Based on Finds from Maytan, Central Kazakhstan

This article describes burials of women at a Middle Bronze Age cemetery of Maytan—the only completely excavated Andronovo burial ground in the steppes of central Kazakhstan. On the basis of the location of ornaments in burials, an attempt is made to reconstruct details of costume with regard to age groups. The composition and arrangement of the individual elements of the costume indicate several decoration areas such as head; neck and chest; hands and feet. Exceptional areas are accessories (bags and boxes), belt, and lap of dress. Most ornaments mark the age category of women. There are two age groups: girls and adult women. Though many graves have been looted, a tentative reconstruction of the costume with regard to these groups is possible. Such a reconstruction is relevant to cultural tradition, ideas of beauty, and social status.

Keywords: Central Kazakhstan, Andronovo era, Maytan, female costume, age groups.

Введение

Одежда является важным компонентом культуры, раскрывающим ее особенности. При этом костюм и его элементы позволяют не только определить половозрастной и социальный статус индивида, но и конкретизировать его роль в жизни древнего коллектива. Несмотря на длительный период изучения могильников эпохи бронзы, проблема воссоздания одежды андроновского населения, ее семиотических функций еще далека от разрешения. Вопросам реконструкции костюма женщин этой общности посвящено значительное количество работ, в т.ч. обобщающих [Куприянова, 2008; Усманова, Логвин, 1998; Усманова, 2010]. В то же время конкретных данных как о мужском, так и о женском костюме немного; более того, они отрывочны и противоречивы. Проанализировав материалы всего массива андроновских и близких к ним комплексов бронзового века степной зоны Евразии, можно констатировать, что, в отличие от женской, мужская одежда в обыденной жизни и погребальной практике практически не украшалась. Поэтому ее конкретные детали реконструируются только гипотетически на основе привлечения сведений из этнографических источников [Кузьмина, 1994, с. 159–162].

Новые подходы к изучению одежды и обращение к проблеме ее воссоздания связаны с исследованием могильника Майтан, материалы которого отражают различные стороны жизнедеятельности человека, обитавшего в эпоху бронзы в степях Центрального Казахстана. Это единственный полностью исследованный памятник андроновской общности. За три десятилетия после окончания полевых работ часть полученных материалов была введена в научный оборот: проанализирован погребальный обряд [Ткачёв, 2013а], рассмотрены социальная структура и родовая организация общества [Ткачёв, Ткачёва, 1997, 2005], охарактеризованы ритуально-поминальные комплексы, мужской инвентарь и предметы вооружения [Ткачёв, 2012, 2013б, 2014а], определена специфика керамического производства [Ткачёв, 2017].

Особый интерес представляют женские украшения, а также особенности их расположения в погребении, позволяющие воссоздать некоторые элементы одежды женщин. По материалам могильника Майтан и других некрополей Казахстана Э.Р. Усмановой [2010] и А.А. Ткачёвым [2014б, 2015] предприняты попытки реконструировать женскую одежду или ее детали. Современный уровень знаний позволяет говорить о специфике мужского и женского вещевых комплексов, но исходя из существующих возможностей и сформировавшихся представлений об одежде в древности можно воссоздать лишь наиболее характерные черты женского костюма.

Возможности реконструкции женского костюма

Если мужские захоронения могильника Майтан содержат в основном предметные комплексы, связанные с конкретными видами деятельности, при почти полном отсутствии украшений костюма, то в погребениях женщин изделия, имеющие отношение к обыденной деятельности, представлены лишь миниатюрным ножом и шильями [Ткачёв, 2013б]. Несмотря на то что большая часть женских захоронений разграблена, обнаружено значительное количество ювелирных изделий, использовавшихся для украшения одежды и частей тела, которые необходимо было выделить. В основном это голова, область шеи и груди, руки и ноги. Поскольку большинство погребений нарушено грабителями, найденные предметы можно соотнести с той или иной группой украшений исходя лишь из их типологических особенностей.

Сравнительный анализ вещевого инвентаря показал, что в основном украшения маркируют возрастной статус женской части общества. Можно выделить два возрастных класса: девочки и женщины. Далее будут рассмотрены случаи, позволяющие достоверно реконструировать отдельные детали женского костюма, опираясь на особенности размещения украшений на теле погребенных.

Девочки. Значительная часть исследованных могил по размерам соотносится с детьми (90 могил – 42 %), а с учетом совместных погребений представителей разных возрастных классов останки детей отмечены в 102 погребальных комплексах (47,7 %). Установить их половую принадлежность по костям невозможно; как правило, пол определяют, анализируя особенности сопровождающего погребального инвентаря. Вместе с тем достоверно связать всех захороненных детей с мужской или женской половиной коллектива, оставившего могильник Майтан, нельзя, т.к. в значительной части детских могил обнаружены лишь один-два сосуда. Более того, почти треть детских погребений (29 могил – 32,2 %) содержит посуду или отдельные вещи при отсутствии костных останков.

В могилах с сохранившимися костяками определенной закономерности в размещении погребального инвентаря не выявлено. Он отмечен в 22 захоронениях детей (24,4 %) – от младенческого до старшего (14–15 лет) возраста. По особенностям погребального обряда и вещевого комплекса с определенной долей условности к мужской части коллектива можно отнести восемь детских захоронений. Остальные содержали разнообразные ювелирные изделия – браслеты с округлыми несомкнутыми концами, перстни, бляшки, обоймы, листовидные подвески, амулеты из клыков и раковин, бронзовые и пастовые бусины, – сопоставимые с типичным набором андроновских женских

украшений. Значительная часть этих погребений нарушена грабителями, и только в четырех случаях можно определить место украшений на теле и costume девочек младшей возрастной группы.

Наиболее простой головной убор в виде шапочки или головной повязки, украшенной в области висков пастовыми бусинами (по одной с каждой стороны), был надет на погребенную девочку 2–3 лет (огр. 22А, мог. 1). Такой же, но со спиралевидной подвеской в области лба мог быть и у младенца, останки которого не сохранились (огр. 30А, мог. 2). Головной убор, наиболее близкий этому, обнаружен в захоронении могильника Сатан, где шапочку украшала бляшка, расположенная на лбу погребенного ребенка [Усманова, 2010, с. 25, рис. 22].

В захоронении девочки 3–4 лет (огр. 41Б, мог. 3; рис. 1, 1) в области шеи найдены пять раковин (рис. 2, 12, 13, 16, 19, 20) и четыре пастовые бусины. Очевидно, ими был обшит ворот рубахи (платья?) погребенной (рис. 3). На запястье левой руки находился бронзовый желобчатый браслет с несомкнутыми концами (см. рис. 2, 21). Данный тип браслетов характерен для детской возрастной группы могильника Майтан. Они отмечены у подростка 10–14 лет (огр. 36А, мог. 1) и ребенка в возрасте до 1 года (огр. 49, мог. 3). Обломки аналогичных браслетов найдены в двух разрушенных погребениях: одно содержало останки старой женщины и полугодовалого младенца (огр. 50Б, мог. 2), другое – ребенка 3–4 лет (огр. 36Г). В могиле, где останки ребенка отсутствовали, зафиксированы браслеты, расположение которых с учетом характерной для данного памятника и эпохи позы погребенного (в скорченном положении на левом боку) позволяет предположить, что они были надеты на запястья (огр. 30А, мог. 2).

Интересные материалы обнаружены в захоронении девочки 2–3 лет (огр. 15В; см. рис. 1, 2). На шею погребенной было ожерелье, основой которого являлась ископаемая раковина (см. рис. 2, 23), обрамленная с двух сторон подвесками из коренных зубов собаки или волка (см. рис. 2, 26, 27), по краям последовательно чередовались пастовые бусины (по три с каждой стороны) и двусоставные пронизи (по две). Найденные в области пояса две подвески из клыков корсака или лисицы (см. рис. 2, 24, 25), очевидно, были вплетены в косу девочки (рис. 4). Можно допустить, что такой набор украшений характерен для девочек младшей возрастной группы: остатки ожерелья из нескольких пастовых бусин и двух подвесок из клыков корсака найдены еще в одном разрушенном детском захоронении (огр. 32Б). Близкие наборы украшений, маркирующие детский возраст, обнаружены и на других памятниках Центрального Казахстана. Например, на могильнике Нуртай в погребении ребенка 7–14 лет найдены не только желобчатые браслеты

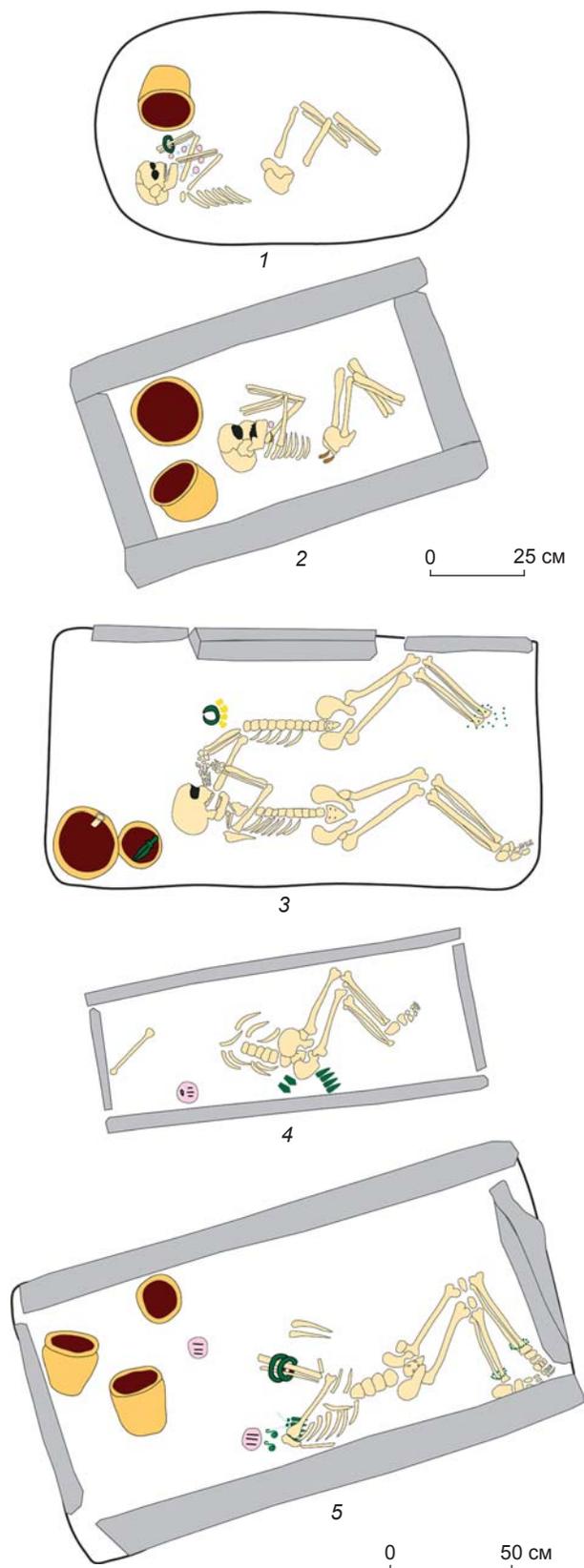

Рис. 1. Планы погребений.
1 – огр. 41Б, мог. 3; 2 – огр. 15В; 3 – огр. 43, мог. 1;
4 – огр. 16Б, мог. 2; 5 – огр. 5Б.

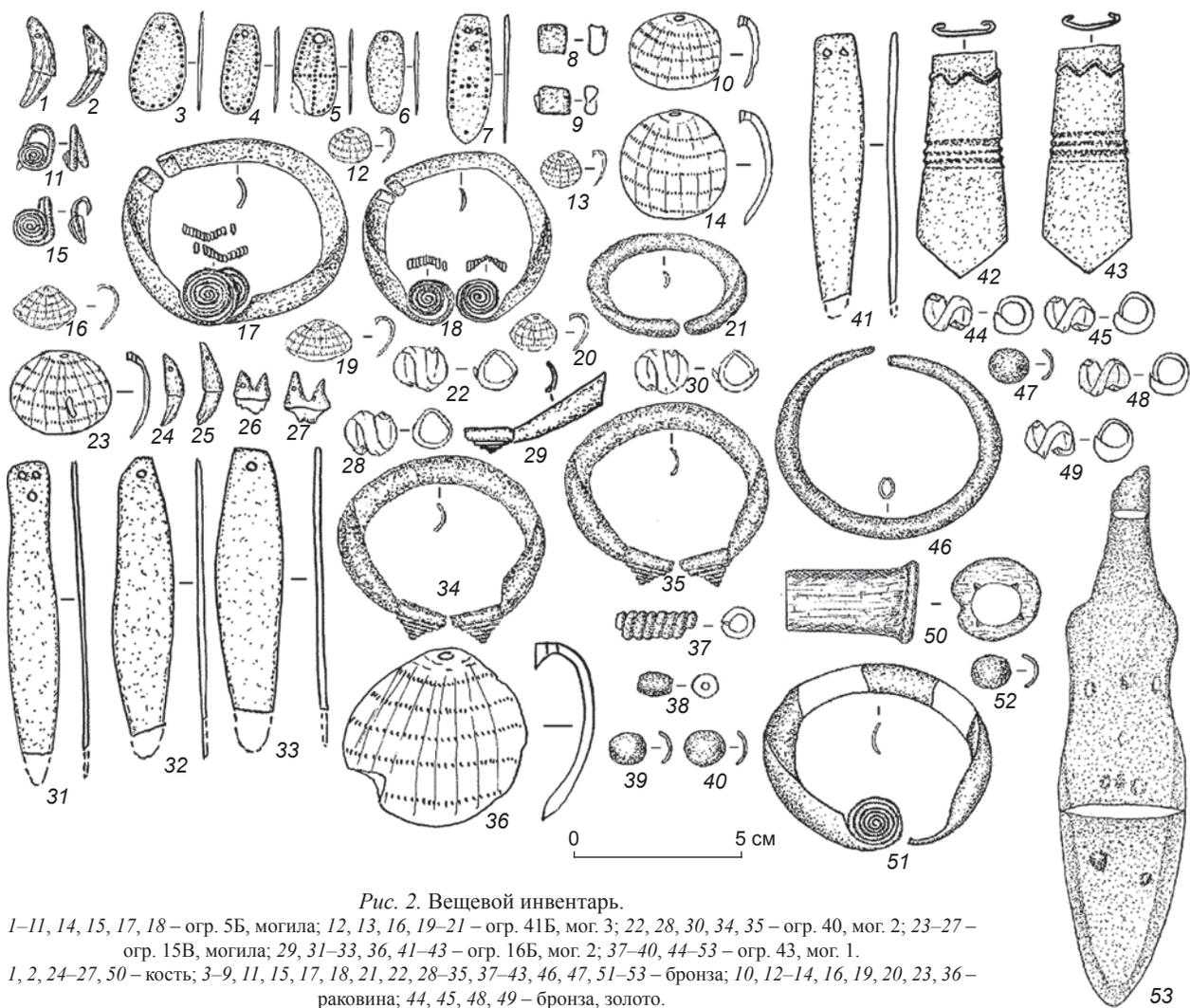

Рис. 2. Вещевой инвентарь.

1–11, 14, 15, 17, 18 – огр. 5Б, могила; 12, 13, 16, 19–21 – огр. 41Б, мог. 3; 22, 28, 30, 34, 35 – огр. 40, мог. 2; 23–27 – огр. 15Б, могила; 29, 31–33, 36, 41–43 – огр. 16Б, мог. 2; 37–40, 44–53 – огр. 43, мог. 1.
1, 2, 24–27, 50 – кость; 3–9, 11, 15, 17, 18, 21, 22, 28–35, 37–43, 46, 47, 51–53 – бронза; 10, 12–14, 16, 19, 20, 23, 36 – раковина; 44, 45, 48, 49 – бронза, золото.

Рис. 3. Реконструкция украшения ворота рубахи.
Ограда 41Б, мог. 3.

Рис. 4. Реконструкция ожерелья и украшения
косы. Ограда 15Б, могила.

с несомкнутыми концами, но и аналогичное наконечное украшение [Ткачев, 2002, ч. 1, с. 184, рис. 56, 8].

Итак, для детской возрастной группы женской части данного коллектива отмечается избирательный подход к сопроводительному инвентарю. В большинстве погребений детей он представлен только посудой. Незначительное число захоронений содержало характерные для детской возрастной группы украшения, использовавшиеся как в повседневной жизни, так и в погребальной практике в исключительных случаях, определить и охарактеризовать которые не представляется возможным. Исключением являются парные захоронения, где статус детей в силу каких-то причин соотносился со статусом взрослых.

Женщины. На могильнике Майтан выделяется несколько погребальных групп, связанных с захоронением женщин: индивидуальные, парные разнополые и, как исключение, погребения с детьми. Основная часть женских захоронений потревожена, поэтому, несмотря на значительное количество обнаруженных украшений, восстановить их местоположение, а значит, и характерные особенности женского костюма, сложно. Из 78 погребений женщин лишь в некоторых случаях удалось реконструировать детали одежды. Все они связаны с украшениями головы, рук и ног.

Одним из главных элементов повседневного и погребального женского костюма являлись шапочки. Они с определенной долей вероятности реконструируются по материалам трех захоронений. Необходимо отметить, что в силу особенностей почвы и погребальной обрядности, остатки текстиля не встречены даже в неразграбленных могилах. В первом случае (огр. 17В, мог. 1) реконструируется шапочка, обшитая по основанию пастовыми бусинами и дополнительно украшенная в области ушных раковин бронзовыми подвесками в полтора оборота, обтянутыми золотой фольгой (по две с каждой стороны). Она закреплялась на голове завязками, обшитыми в верхней части пастовыми бусинами. Во втором случае (огр. 23Д, мог. 1) головной убор был декорирован позолоченными подвесками в полтора оборота, подвешенными по 5 шт. с правой и левой стороны. Низка пастовых бусин и пронизей украшала завязки и, обрамляя лицо, выполняла функцию лицевой подвески. В третьем случае шапочку украшали с двух сторон бронзовые трубчатые височные кольца с прикрепленными к ним четырьмя позолоченными подвесками в полтора оборота (рис. 5)*. Данное украшение обнаружено в области головы погребенной, останки которой сохранились частично (огр. 43, мог. 1, парное захоронение взрослого мужчи-

Рис. 5. Реконструкция шапочки, особенности крепления височных колец и украшения ворота платья. Ограда 43, мог. 1.

ны и молодой женщины; см. рис. 1, 3). Возле ее лодыжек найдено не менее 150 сильно коррозированных бронзовых бусин из тонкой ребристой проволоки, по две низки которых было на щиколотках женщины. Кроме того, в заполнении обнаружены отдельные изделия, использовавшиеся для украшения женского костюма (см. рис. 2, 38–40, 47, 52).

В захоронении женщины 20–25 лет (огр. 40, мог. 2) у основания черепа найдены три бронзовые подвески в полтора оборота (см. рис. 2, 22, 28, 30). Определенная асимметрия в данном случае позволяет предполагать, что они крепились к левой стороне шапочки или непосредственно украшали край ушной раковины погребенной. Последний способ использования подвесок в полтора оборота впервые выявлен на Алтае при исследовании андроновского могильника Фирсово XIV, где мумифицированное ухо было украшено аналогичными подвесками [Позднякова, 2000, с. 47–48, рис. 1, 8]. Позднее с ним соотнесли размещение подобных украшений в погребениях алтайских и казахстанских могильников Рублево VIII [Кирюшин и др., 2006, с. 36], Кытманово [Уманский, Кирюшин, Грушин, 2007, с. 30–31], Кенжеколь I [Усманова, Мерц В.К., Мерц И.В., 2007, с. 44–47, фото 1]. Можно допустить, что выделение ушных раковин подвесками практиковалось носителями андроновских традиций достаточно широко, однако до открытия могильника Фирсово XIV данный вид украшений обычно рассматривался в качестве детали головного убора.

Наиболее распространенным элементом женского ювелирного набора являлись бронзовые желоб-

*В пределах Центрального Казахстана аналогичный способ крепления подвесок к височному кольцу отмечен в материалах могильника Балыкты [Ткачев, 2002, ч. 2, с. 9, 14, рис. 136, 13, 14, 30, 31].

чатые браслеты, украшавшие запястья погребенных (см. рис. 2, 17, 18, 21, 34, 35, 51). Бронзовые браслеты с уплощенной или конической спиралью отмечены в 21 захоронении могильника Майтан. Количество этих украшений у погребенных различно: в парном разнополом захоронении у женщины был один браслет на запястье левой руки (огр. 36А, мог. 2); в трех случаях отмечено по одному на обеих руках (огр. 17В, мог. 1; огр. 40, мог. 2; огр. 41Б, мог. 2); в трех – по два (огр. 5Б, могила; огр. 18В, мог. 1; огр. 23Д, мог. 1). В одной могиле найден кожаный подбраслетник шириной 5 см, использовавшийся для предохранения кожи от окрашивания (огр. 5Б, могила). Аналогичные подбраслетники, обшитые по краям пастовыми бусинами, отмечены в материалах могильника Балыкты [Ткачёв, 2002, ч. 2, с. 9]. Вместе с тем можно согласиться и с мнением Е.В. Куприяновой, полагающей, что часть браслетов могла закрепляться поверх рукава платья, выполняя роль манжет [2008, с. 95–96].

Одним из характерных элементов женского ювелирного набора являлись украшения прически. По сохранившимся *in situ* деталям реконструируются три накосника, располагавшиеся за спиной погребенных. Необходимо отметить, что в материалах могильника Майтан отсутствуют сложносоставные накосники, характерные для памятников синташтинского, петровского и нуртайского облика.

Один накосник, распавшиеся части которого (см. рис. 2, 31–33, 41–43) располагались между тазо-

выми костями взрослой женщины и стенкой погребального сооружения (огр. 16Б, мог. 2; см. рис. 1, 4), занимает промежуточное положение между ранними (новокумакского облика) и поздними (алакульско-атасускими) образцами: у него отсутствуют ряды бронзовых обойм, являющиеся отличительной особенностью ранних накосных подвесок. Основной компонент накосника – орнаментированные трубчатые пронизи, к ним крепились четыре листовидные подвески (рис. 6, 1). Во втором накоснике, украшавшем прическу женщины 18–20 лет (огр. 5Б, могила; см. рис. 1, 5), сочетаются пять небольших орнаментированных листовидных подвесок (см. рис. 2, 3–7), объединенных бронзовыми обоймами (см. рис. 2, 8, 9) и вплетенных в косу двумя узкими кожаными ремешками с нанизанными на них пастовыми бусинами. Это сложносоставное украшение найдено у левого плечевого сустава погребенной, что позволяет говорить об одной-двух косах, заканчивающихся на уровне лопаток (рис. 6, 2). Ювелирный набор включал также две низки бронзовых бусин для щиколоток, два составных желобчатых браслета со спиралевидными окончаниями (см. рис. 2, 17, 18) и две бронзовые серьгообразные подвески (см. рис. 2, 11, 15). Кроме того, найдены подвески из клыков (см. рис. 2, 1, 2) и раковин (см. рис. 2, 10, 14). Судя по материалам нарушенных захоронений, накосники, аналогичные вышеописанному, могли быть еще у трех погребенных женщин.

Рис. 6. Реконструкция сложносоставных накосных украшений.

1 – огр. 16Б, мог. 2; 2 – огр. 5Б, могила.

Самая простая схема у третьего накосника, включавшего всего три листовидные подвески, украшавшие косу в области поясничного отдела (огр. 40, мог. 6). Такое их количество является наиболее распространенным для накосных украшений, поскольку для плетения простой косы волосы разделяются на три пряди. Столько же листовидных подвесок отмечено несколько раз даже в разграбленных захоронениях. Как правило, накосники сочетаются с другими видами головных украшений, а их развитие идет по линии упрощения, поэтому последний вид постепенно становится наиболее распространенным во всех возрастных женских группах алакульско-атасуской ойкумены.

Хотя основная часть могил разграблена, в потревоженных захоронениях найдено значительное количество изделий как массового характера, так и с яркими индивидуальными чертами. Они могли использоваться и для декорирования женской одежды, и в качестве украшений отдельных частей тела, и как амулеты. Определить место конкретного изделия в костюме женщины можно лишь гипотетически. Тем не менее в одном случае специфика находки позволяет говорить о присутствии в составе сопровождающего инвентаря кожаной сумочки, в которой находились трубчатые кольца-серьги; в другом случае подвески из резцов животных, возможно, лежали в небольшой прямоугольной коробочке, установленной в области пояса; в третьем отмечено скопление из округлого кулона и клыков животных – ожерелье, которое женщина могла носить на шее в качестве амулета. Аналогичное расположение отдельных вещей в погребении зафиксировано и на других могильниках Центрального Казахстана [Ткачёв, 2002, ч. 1, с. 164, рис. 52; с. 177, рис. 62].

Соотнести изделия с особенностями женского костюма в области груди, пояса или подола достаточно сложно, т.к. в сохранившихся погребениях украшения в соответствующих местах отсутствуют. В нарушенных захоронениях отмечены отдельные низки бус, по которым реконструировать те или иные параметры одежды практически невозможно.

В погребальных комплексах могильника Майтан, как и на других памятниках андроновского круга, широко представлены бронзовые бусины, располагавшиеся возле лодыжек. Украшение щиколоток бусами зафиксировано в 22 захоронениях, включая детские, индивидуальные женские, парные разнополые, мужчин и женщин с детьми [Ткачёв, 2014б].

Заключение

При исследовании могильника Майтан данных о способах изготовления одежды и видах материала, к со-

Рис. 7. Собирательный образ женского костюма.

жалению, не получено. В то же время на основании других андроновских комплексов можно предположить, что использовались войлок, мех, кожа и шерстяные ткани, которые сшивались нитями из шерсти, сухожилий и кишок [Сальников, 1951, с. 138]. Покрой женской одежды в большинстве случаев реконструируется по расположению бус, украшавших манжеты, ворот и подол [Шилов, Богатенкова, 2003, с. 260]. Вероятно, майтанские женщины носили длинное платье с рукавами, доходящими до запястья. У девочек, девушек, незамужних женщин ворот мог быть широким, у замужних – с вертикальным разрезом, стягиваемым кожаными или тряпичными завязками. Платье, возможно, подвязывали поясом. Обувь была войлочная или кожаная, причем невысокие голенища последней украшались бронзовыми бусами; при отсутствии голенищ бусы надевали на щиколотки в качестве шумящих браслетов (рис. 7). Каких-либо данных о том, что майтанские женщины носили штаны, не зафиксировано.

Костюм дополнялся разнообразными украшениями. На голове, в зависимости от времени года, носили шерстяную шапочку или венчик, декорированные бусами и трубчатыми кольцами, которые также могли использоваться и в качестве серег, иногда с прикрепленными к ним подвесками в полтора оборота. Стандартный набор включал один-два желобчатых браслета пружинного типа со свернутыми в тугую спираль

концами. Они могли служить зажимами рукавов платья или надеваться на кожаные подбраслетники. На пальцах носили перстни с S-образными щитками. У женщин были короткие, доходившие до лопаток, или длинные, спускавшиеся до пояса, косы, в которые вплетались разнообразные украшения.

В результате анализа вещевого комплекса могильника Майтан с определенной долей условности воссоздан общий облик женского костюма погребенных. Несмотря на унифицированность одежды, обусловленную утилитарными функциями, а также, вероятно, генетической и мировоззренческой общностью андроновского населения, она могла отличаться своеобразием в отдельных регионах. Носители разных культурных традиций через идентичные вещи передавали присущие им представления о красоте. При этом они подчинялись не только эстетическим требованиям. В одежде и вещевом наборе отражались половозрастные характеристики, социальный статус человека и, возможно, конкретные ступени социализации, которые человек проходил на своем жизненном пути.

Список литературы

Кирюшин Ю.Ф., Позднякова О.А., Папин Д.В., Шамшин А.Б. Коллекция металлических украшений из погребений андроновского комплекса могильника Рублево VIII // Алтай в системе металлургических провинций бронзового века. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2006. – С. 33–44.

Кузьмина Е.Е. Откуда пришли индоарии? Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев. – М.: Рос. ин-т культурологии РАН и МК РФ, 1994. – 464 с.

Куприянова Е.В. Тень женщины: женский костюм эпохи бронзы как «текст» (по материалам некрополей Южного Урала и Казахстана). – Челябинск: АвтоГраф, 2008. – 244 с.

Позднякова О.А. Проблема интерпретации погребений женщин с головными уборами (по материалам андроновского комплекса могильника Фирсово XIV) // Наследие древних и традиционных культур Северной и Центральной Азии. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 2000. – Т. III. – С. 47–53.

Сальников К.В. Бронзовый век Южного Зауралья // МИА. – 1951. – № 21. – С. 94–151.

Ткачёв А.А. Центральный Казахстан в эпоху бронзы. – Тюмень: Тюм. гос. нефтегаз. ун-т, 2002. – Ч. 1. – 289 с.; Ч. 2. – 243 с.

Ткачёв А.А. Оружие дистанционного боя андроновского населения Центрального Казахстана (по материалам могильника Майтан) // Археология и история Сарыарки. – Караганда: Изд-во Кар. гос. ун-та, 2012. – С. 48–62.

Ткачёв А.А. Погребальный обряд могильника Майтан как отражение культурогенеза атасуской культуры // Материалы и исследования по культурогенетическим процессам на территории Казахстана в эпоху бронзы и раннего желез-

ного века. – Алматы: Казах. нац. ун-т, 2013а. – Вып. IV. – С. 4–18.

Ткачёв А.А. Мужской вещевого комплекс и возможности реконструкции костюма андроновской эпохи // Археологические исследования степной Евразии. – Караганда: Tengri Ltd., 2013б. – С. 89–95.

Ткачёв А.А. Ритуально-поминальные комплексы могильника Майтан как отражение культурных особенностей атасуской культуры // Материалы и исследования по археологии и этнографии Казахстана. – Алматы: Казах. нац. ун-т, 2014а. – Вып. IV. – С. 14–20.

Ткачёв А.А. К проблеме реконструкции отдельных деталей андроновского женского костюма // Восхождение к вершинам археологии. – Алматы: Хикари, 2014б. – С. 135–144.

Ткачёв А.А. Одежда как маркер социального статуса в андроновском обществе // Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 550-летию Казахского ханства. – Петропавловск: Сев.-Казах. гос. ун-т им. М. Казыбаева, 2015. – С. 78–81.

Ткачёв А.А. Керамический комплекс могильника Майтан как отражение культурогенеза атасуской культуры (предварительное сообщение) // Теория и практика археологических исследований. – Барнаул: Алт. гос. ун-т, 2017. – № 1 (17). – С. 86–103.

Ткачёв А.А., Ткачёва Н.А. Социальная структура андроновского общества (по материалам могильника Майтан) // Социальный строй древних обществ Алтая и сопредельных территорий. – Барнаул: Алт. гос. ун-т, 1997. – С. 48–54.

Ткачёв А.А., Ткачёва Н.А. Групповые захоронения и проблема родовой организации андроновского общества Центрального Казахстана // АВ ОВО: проблемы генезиса культуры. – Тюмень: Изд-во Тюм. гос. ун-та, 2005. – С. 148–154.

Усманова Э.Р. Костюм женщины эпохи бронзы Казахстана: Опыт реконструкции. – Лисаковск; Караганда: [Тип. ТАиС], 2010. – 176 с.

Усманова Э.Р., Логвин В.Н. Женские наконечники украшения Казахстана: Эпоха бронзы. – Лисаковск: Книга, 1998. – 64 с.

Усманова Э.Р., Мерц В.К., Мерц И.В. Об одном типе «андоновского» украшения из Павлодарского Прииртышья или «пирсинг» по-андоновски // Кадырбаевские чтения: мат-лы Междунар. науч. конф. – Актюбе: ПринтА, 2007. – С. 44–48.

Уманский А.П., Кирюшин Ю.Ф., Грушин С.П. Погребальный обряд населения андроновской культуры (по материалам могильника Кытманово). – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2007. – 132 с.

Шилов С.Н., Богатенкова А.А. О реконструкции женского и детского костюмов эпохи средней бронзы (по материалам Алакульского могильника) // Интеграция археологических и этнографических исследований. – Омск: Наука-Омск, 2003. – С. 260–263.

Материал поступил в редколлегию 02.04.14 г., в окончательном варианте – 02.08.17 г.

DOI: 10.17746/1563-0102.2018.46.2.043-051
УДК 903.08

М.М. Савенкова

Воронежский государственный педагогический университет
ул. Ленина, 86, Воронеж, 394043, Россия
E-mail: savenkova-m@yandex.ru

Декор на текстиле и орнамент на андроновской керамике: возможности реконструкции

Орнамент с косыми треугольниками, меандровидными фигурами и оттисками гребенчатого штампа на керамических сосудах андроновской культуры бронзового века некоторыми исследователями определяется как заимствованный в декоре, выполненном в техниках ткачества, вышивки и аппликации. В статье проведено сравнение андроновского орнамента с декором, созданным по текстильным технологиям. Для реконструкции процесса формирования геометрических композиций были составлены схемы текстильных переплетений, послужившие основой для изготовления текстильных образцов в технике ткачества на дощечках-кардах. Отмечено широкое распространение подобных инструментов, применявшихся для выработки древнейшего вида текстиля с перевитой основой начиная с эпохи раннего неолита. Описывается последовательность выполнения узоров с вертикально-горизонтальными, диагонально-горизонтальными и диагонально-ромбическими элементами. Предложены различные варианты экспериментальных схем, проведен выбор наиболее рациональных приемов изготовления узоров. Исследована зависимость рисунка от последовательности заправки цветных нитей в отверстия. Отмечено, что для выполнения сложных рисунков использовался прием вращения блоков дощечек в разных направлениях. Технологический эксперимент позволяет сделать предположение о связи между андроновским орнаментом и вытканым узором как первоисточником для создания геометрических мотивов на керамических сосудах.

Ключевые слова: андроновские древности, орнаменты сосудов, декор текстиля.

М.М. Savenkova

Voronezh State Pedagogical University,
Lenina 86, Voronezh, 394043, Russia
E-mail: savenkova-m@yandex.ru

Textile Decoration and Patterns on the Andronovo Vessels: Possible Reconstructions

Certain researchers believe that designs composed of oblique triangles, meander-shaped figures and comb imprints on the Andronovo vessels reproduce those on woven, embroidered, and appliqué textiles. The article compares the Andronovo designs on pottery with the decoration used in textile manufacture. To reconstruct the making of geometric compositions, textile interlacing schemes were designed to produce samples using the weaving technique on plaques. Such tools had been used for producing the earliest textiles manufacture with an interwoven warp since the Early Neolithic. The sequence of patterns with vertical-horizontal, diagonal-horizontal, and diagonal-rhombic elements is described. Various types of schemes were created, and the most rational decoration methods were selected. The dependence of pattern on the sequence whereby colored threads are run through the holes was analyzed. To make complex patterns, rotation of plaque blocks in various directions was used. The results suggest that designs on the Andronovo vessels indeed reproduce woven prototypes.

Keywords: Andronovo culture, pottery decoration, textile decoration.

Введение

Орнамент на керамике представителей андроновской общности вызывает большой интерес как один

из источников их материальной культуры. Принципам построения декора, особенностям структурной организации узоров посвящены исследования Е.Е. Кузьминой [1994] и Ю.И. Михайлова [1990], размещению

элементов орнамента по зонам – работа С.В. Зотовой [1965]. Вопросам классификации андроновских орнаментов, выделения структурных частей и описанию их характерных признаков уделяется внимание в публикациях И.В. Рудковского [2010, 2013]. По мнению специалистов, чтобы определить исходные элементы орнамента, необходимо выделить некую основу в виде прямо- или косоугольной сетки, в которую могли встраиваться андроновские узоры. Андроновский бордюрный орнамент основан, как правило, на ритмическом повторении исходной фигуры. С точки зрения исследователей, такие особенности орнамента андроновских сосудов, как двутональность и мозаичность рисунка, тождественность изображения и фона, вероятно, восходят к специфике технологии аппликации из разноцветной кожи, меха, войлока, плетения и ткачества. Это предположение впервые было высказано М.П. Грязновым. Он считал, что у андроновцев были распространены узорно расшитые одежды, плетеные изделия, орнаментацию которых можно представить по узорам на керамике (см.: [Вадецкая, 1986, с. 45–46]). Данная идея находит поддержку у ряда исследователей. Так, С.В. Зотова отмечает: «На примере “ковровой” орнаментации отчетливо выявляется прямое соответствие системы построения андроновского геометрического орнамента принципам построения узоров на плетеных и ковровых изделиях. Большинство элементов андроновской орнаментации до сего дня воспроизводится в орнаментике ковров Казахстана и Средней Азии» [1965, с. 180]. О.М. Рындина обращает внимание на удивительное сходство между орнаментами на керамике эпохи бронзы и узорами вышивок обских угров [1996, с. 26]. И.В. Рудковский, который собрал наиболее полную коллекцию образцов андроновских бордюров, также считает, что композиции на керамических изделиях формировались под влиянием орнаментов, созданных в технологии узорного ткачества, вышивки и аппликации [2013, с. 42]. Т.Н. Глушкова рассматривает орнамент на андроновских сосудах как отраженную на глине своеобразную схему изготовления сложного полихромного коврового узора, хорошо известного по текстильным материалам Ближнего Востока и Передней Азии. Именно такой орнамент, передающий особенности ткацкой технологии, сохранился на вышивках, которые выполнены шерстяными нитями на рубахах южных хантов и манси [Глушкова, 2004, с. 233].

Сравнение андроновского орнамента на сосудах и декора на текстиле

Связь андроновского орнамента на керамике с плетеными и ткаными прототипами можно объяснить общностью принципов построения орнаментальных

структур. Этот вывод не распространяется на технику аппликации, узор которой может иметь любую конфигурацию, не обусловленную технологией изготовления. В технике вышивки крестом и гладью по счету нитей также можно выполнить практически любой рисунок из гребенчатых элементов.

Сравнение орнамента на андроновских сосудах с ткаными узорами выявило их соответствие:

1) геометрические мотивы, составленные из горизонтальных, вертикальных и диагональных элементов, являются типичным украшением тканей, в основе изготовления которых – переплетение вертикальных и горизонтальных нитей. Округлые элементы невозможно вы ткать, все они будут иметь более или менее геометризованные очертания. Все прямые линии андроновского орнамента расположены так же, как нити в структуре ткани;

2) особенность текстильного орнамента – равновесие фона и узора. Двутональность орнамента, неразличимость или тождество рисунка и фона на керамических сосудах позволяют предположить, что эти композиции создавались на основе текстильных образцов;

3) все части андроновских орнаментов взаимосвязаны, как нити в текстильном переплетении. Элементы орнамента и интервалы между ними должны либо быть одинаковыми (в техниках бранного ткачества), либо находиться в определенной зависимости (в технике ткачества на дощечках);

4) все орнаменты на тканях построены на основе приемов инверсии (лат. *inversio* – «перестановка, оборот»): мотив узора, расположенный на лицевой стороне изделия, на изнаночной становится фоном. Орнаментами, организованными таким образом, украшался народный текстиль, выполненный в техниках бранного ткачества, вышивки счетной гладью и аппликации;

5) мотивы некоторых орнаментов, выполненных гребенчатым штампом, имеют прямые аналоги в текстиле у родственных и не связанных родственными узлами народов различных стран.

Указанные особенности андроновских орнаментов послужили основой для проведения технологического эксперимента. Сначала выявлялись схемы переплетения, а затем определялся инструментарий для воплощения узоров в текстиле. Несмотря на видовое разнообразие узорного ткачества, способов, позволяющих повторить орнаменты на керамике, немного.

Техника бранного ткачества. Основана на прокидывании через всю ширину ткани узорной нити, которая периодически выходит на лицевую сторону изделия, создавая определенный орнамент. Очень длинные пробежки фона, характерные для андроновского узора, не отвечают данной технологии. Чтобы нити не висели на изнаночной стороне полотна, их

через определенный интервал выводят на лицевую сторону. На тканых поясах в промежутках между мотивами орнамента нити образуют треугольные фигуры на лицевой стороне (рис. 1, 1). На андроновских сосудах ничего подобного не наблюдается, здесь отдельные мотивы разделяются большим пространством фона (рис. 1, 2).

В бранной технике невозможно повторить орнамент сосуда, поскольку он формируется в результате последовательного чередования лицевых и изна-

ночных стежков. Чтобы цветная нить на изнаночной стороне не висела, протяжки ограничивают обычно перекрытием в 3–5 нитей, не больше.

Техника ткачества на дощечках. Наиболее вероятным прототипом узоров на керамике были орнаменты, выполненные в технике ткачества на дощечках. Она имеет разные названия: плетение на табличках, кардное ткачество, ткачество на кружках. В археологических коллекциях представлены пластинки – карды – из камня, дерева, кости, рога,

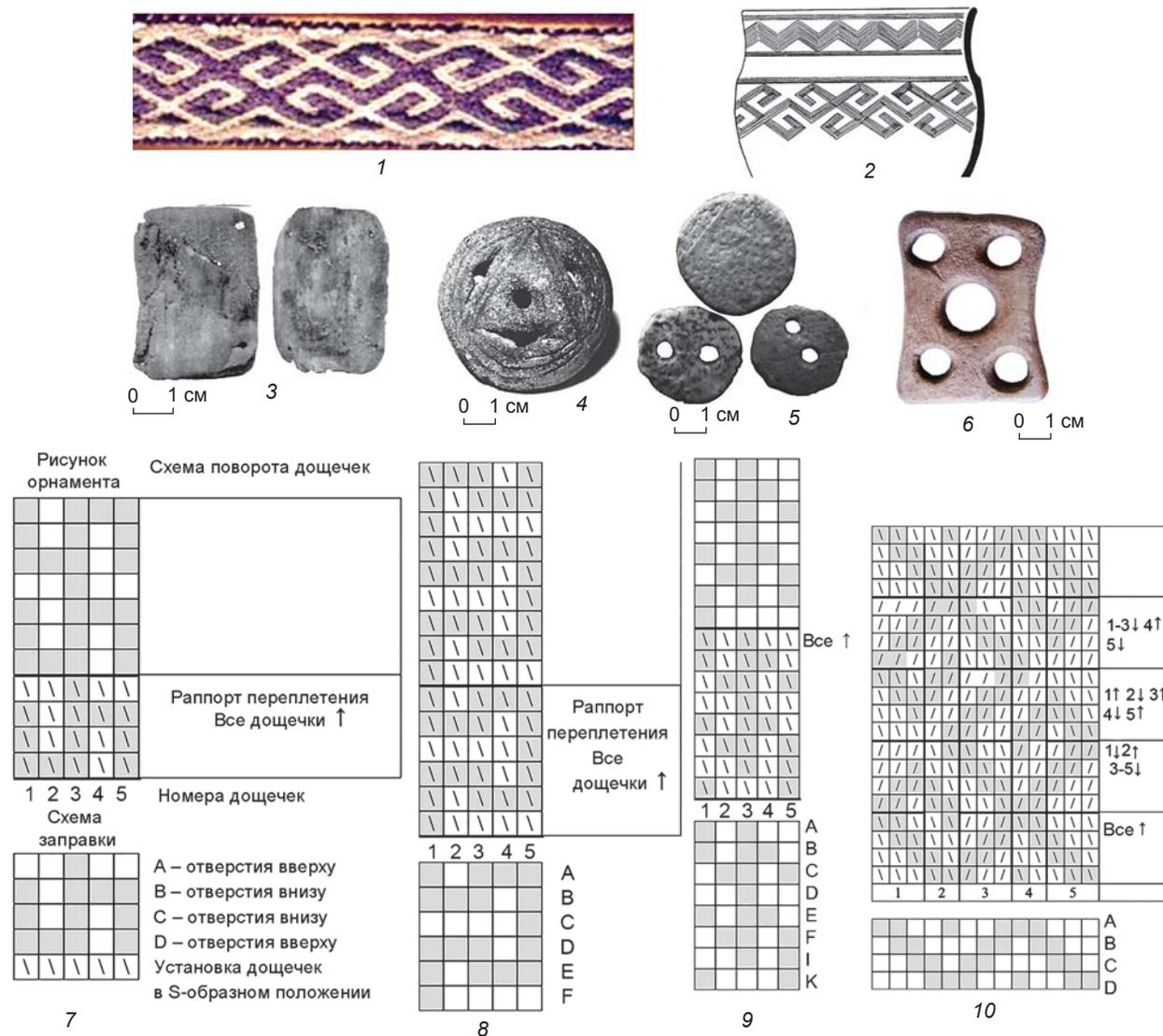

Рис. 1. Орнамент на поясе, выполненном в технике бранного ткачества (1), орнамент на сосуде из могильника Тасты-Бутак (Южный Урал) [Андроновская культура, 1966, табл. XXXIV, рис. 1] (2), приспособления для изготовления текстиля (дощечки) из скифского погребения V–IV вв. до н.э. у с. Булгаково (Украина) [Daragan, Gleba, Buravchuk, 2016, p. 59, fig. 6] (3), приспособление для изготовления сученого шнура с поселения Валентин Перешеек (Приморье) [Гарковик, 2006, с. 57, табл. 7, 4] (4), глиняные кружки с отверстиями с поселения Фёдоров Бор (Рязанская обл.) середины II – начала I тыс. до н.э. (5), дощечка вертлюг из Новгорода, X в. (6), схемы переплетения орнаментов: с вертикально-горизонтальными элементами для ткачества на дощечках с четырьмя отверстиями (7), с вертикально-горизонтальными элементами для ткачества на дощечках с шестью отверстиями (8), с диагонально-горизонтальными элементами для ткачества на дощечках с восемью отверстиями (9), с диагонально-ромбическими элементами для ткачества на дощечках с четырьмя отверстиями (10).

черепашьего панциря, слоновой кости, кожи, пергамента. В русской этнографии за этим инструментом закрепились названия «дощечки» и «кружки». Данные инструменты различаются не только по материалу, но и по размеру, форме, количеству и порядку имеющихся в них отверстий. В одном наборе могли использоваться дощечки с разным количеством отверстий – в зависимости от сложности создаваемых орнаментов. В скифском женском погребении V–IV вв. до н.э. на территории Южной Украины была обнаружена коробка с приспособлениями для ткачества [Daragan, Gleba, Buravchuk, 2016, p. 59], включавшими 19 деревянных прямоугольных дощечек с четырьмя отверстиями размерами $4,45 \times 3,21$; $3,99 \times 2,28$; $4,48 \times 1,97$ см (рис. 1, 3).

Технология работы на дощечках проста. Нити основы пропускаются сквозь отверстия в дощечках, после чего последние складываются, нити натягиваются и фиксируются. С каждым поворотом дощечек вверх поднимаются нити основы, находившиеся внизу, и создается пространство, называемое ткацким зевом, в которое прокидывается уточная нить. Нити основы, заправленные в одну дощечку, перевиваются друг с другом по мере вращения. Это спиральное переплетение является специфической чертой ткани, выработанных с использованием данного текстильного приспособления.

Дощечки – универсальный инструмент – возможно, были изобретены, как веретено и грузики, одновременно в разных географических зонах. Истоки этой техники находятся в древности. Ученый-ассириолог К.Ф. Леманн-Гаупт связывал появление тканья на дощечках в культуре Древнего Двуречья с созданием узорных поясов [1937, с. 45]. На рубеже IV–III тыс. до н.э. изготовленные здесь ткани славились многоцветьем и сложностью орнамента. Их делали в царских и храмовых мастерских, где трудились от нескольких сотен до нескольких тысяч ткачей. В халдейском г. Уре найдены записи о ткачах, датированные ок. 2 200 г. до н.э. Ширина полотнища ткани в это время определялась размером малого ручного горизонтального станка или большого вертикального. На горизонтальном станке ткали узкие ленты и перевязи [Очерки..., 1939]. Сохранилось свидетельство о том, что в больших хозяйствах ткачам по счету выдавались «медные станки» [Дьяконов, 1990, с. 93]. Вероятно, речь идет о медных пластинках типа дощечек с отверстиями, т.к. только этот вид текстильного приспособления представлен большим количеством одинаковых деталей, от которых зависят ширина будущего изделия и сложность рисунка.

Текстиль с перевитой основой исследователи считают наиболее древним и архаичным. К эпохе раннего неолита (VII тыс. л. н.) относится найденная в пещере Чертовы Ворота (Приморье) циновка, кото-

рая была выполнена в технике ткачества с перевитой основой из растительных волокон [Гарковик, 2006, с. 51, табл. 2, 2, 4, 5]. А.В. Гарковик выделяет среди неолитических находок с поселения Валентин Перешеек (Приморье) приспособление для сучения шнура из трех нитей, по форме близкое к крупному пряслицу (диаметр 6 см); у него одно отверстие расположено в центре и три – по периметру [Там же, с. 56, табл. 7, 4] (рис. 1, 4). Процесс соединения нескольких нитей в одну называется сучением. Эту технологию человек освоил одной из первых. Сученые нитки прочнее несученых.

В этнографических материалах Белоруссии имеются дощечки с пятью отверстиями, использовавшиеся при изготовлении шнуров. В центральное отверстие пропускалась толстая нить (или шнур), которая в работе не принимала участия. Она служила для придания прочности изделию: уток прокидывался попеременно то под ней, то над ней. В процессе ткачества центральная нить обвивалась нитями, заправленными в четыре отверстия по краям [Селивончик, 2009, с. 24]. Костяная пластинка с пятью отверстиями для свивания веревок обнаружена также в слое X в. древнего Новгорода [Савенкова, 2012, с. 24, рис. 47] (рис. 1, 6).

Находки в виде кружков с двумя отверстиями, изготовленных из стенок сосудов, с поселения Фефёлов Бор (Рязанская обл.) середины II – начала I тыс. до н.э. атрибутированы как детали ткацкого станка [Фолomeев, Чернай, 1984, с. 49–50]. Диаметр изделий 2,5–4,5 см, отверстий 4–7 мм (рис. 1, 5). Б.А. Фолomeев и И.Л. Чернай проводят параллель между глиняными кружками и этнографическими дощечками. Ткацкий станок мог состоять из нескольких кружков. В отверстия каждого кружка заправлялись нити, которые при вращении перевивались между собой. После очередного поворота нити, протянутые через все кружки, соединялись утком, образуя полотно.

Н.И. Лебедева считала, что на территории Европейской России ткачество на дощечках практиковалось с эпохи неолита. Оно предшествовало ткачеству понёв на станке. Ткачество на дощечках-вертлюгах с двумя отверстиями, как отмечает Н.И. Лебедева, было характерно для восточных славян [1956, с. 506, 523]. Обнаруженные в слоях XII–XIII вв. древнего Новгорода такие приспособления для ткачества, как костяные и деревянные пластинки квадратной и прямоугольной формы с двумя и четырьмя отверстиями использовались при изготовлении поясов [Савенкова, 2012].

Найденные в Скандинавских странах наиболее ранние материалы кардного ткачества относятся к бронзовому веку. В это время дощечки были частью вертикального ткацкого станка, служили для создания начальной кромки ткани; ее делали перед заправкой

станка. Нити утка тесьмы, изготовленной на дощечках, выпускались с одной стороны изделия на длину, равную таковой готового полотна, одновременно являлись основой вертикального станка и натягивались с помощью грузиков. Кайма, сотканная на кардах-дощечках, – свидетельство ткачества на вертикальном станке. Л.Р. Кнудсен реконструировала технологию изготовления текстиля из захоронений в Верукьо (Италия), датированных 800–700 гг. до н.э. В погребениях были обнаружены большие красные полукруглые плащи с кромками, сплетенными на 36 дощечках. Одноцветные кромки с простым узором из фактурных треугольников были вплетены в ткань плаща после того, как было соткано основное саржевое полотно [Knudsen, 2012].

Следует отметить, что самый распространенный андроновский орнамент из косых или равнобедренных треугольников на сосудах составлен из диагональных прерывистых линий, которые могли обозначать направление нитей при повороте дощечек в определенную сторону. Не исключено, что этот орнамент отражал фактуру ткани, а не цвет узора (рис. 2, 7).

Одним из примеров текстиля, выполненного с использованием большого количества дощечек, является тесьма, декорированная гребенчатыми и свастическими мотивами, из кельтской могилы 530–520 гг. до н.э. в Хохдорфе (Южная Германия). Реконструкция полосы шириной 6 см была выполнена с использованием 98 дощечек [Stauffer, Knudsen, 2013]. С учетом сложности исполнения орнамента можно предположить, что технология прошла долгий путь развития, она была результатом коллективного творчества многих поколений.

Технологический эксперимент

При реконструкции текстиля на основе андроновского орнамента (рис. 2, 13–19; 3, 13–18) автором был использован метод экспериментально-физического моделирования, в основу которого был положен структурный анализ. О.М. Рындина выделяла структурность как основной принцип построения орнамента и отмечала важность его соблюдения при воспроизведении технологий, традиция которых пресеклась [1996, с. 26]. Структурный анализ позволяет приме-

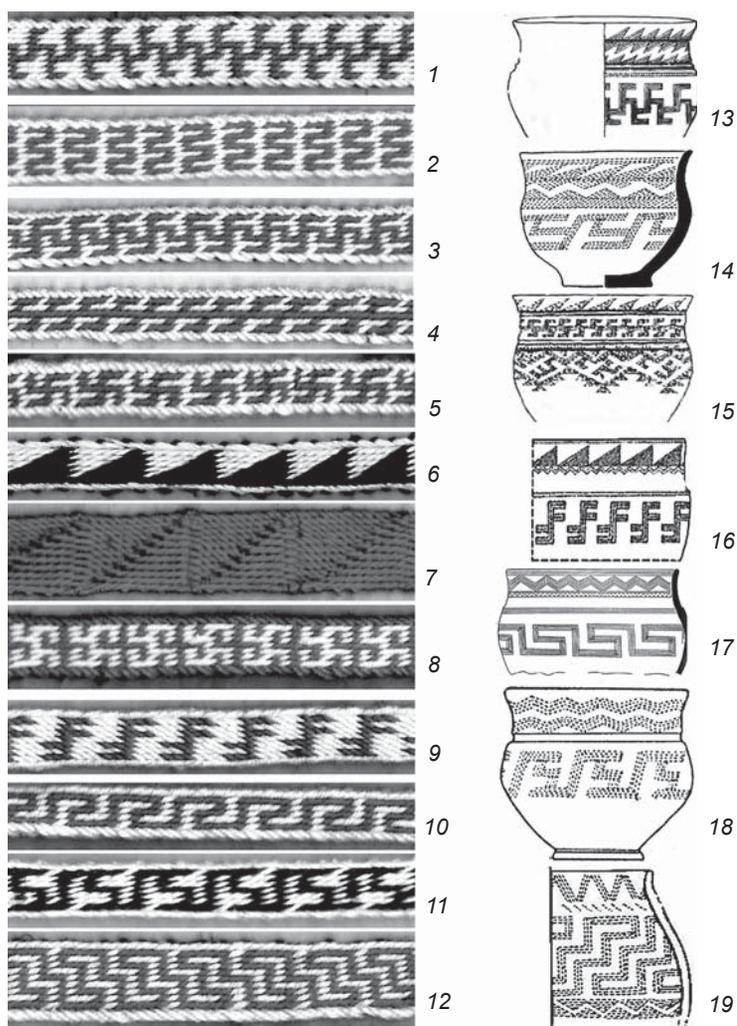

Рис. 2. Реконструкции текстиля с орнаментами из вертикально-горизонтальных элементов, выполненными на дощечках с четырьмя (1–4, 7) и шестью (5, 6, 8–12) отверстиями; орнаменты на керамике могильника Атасу [Кузьмина, 1994, с. 423, рис. 26, 6] (13), могильника близ Челябинска [Андроновская культура, 1966, табл. VIII, рис. 8] (14), могильника Боровое [Кузьмина, 1994, с. 417, рис. 206, 16] (15), могильника Майтан [Рудковский, 2013, с. 60, рис. 10] (16), могильника Тасты-Бутак [Андроновская культура, 1966, табл. XXXIII, рис. 6] (17), Федоровского могильника [Там же, табл. IX, рис. 8] (18), поселения Баланбаш близ Магнитогорска [Косарев, 1974, рис. 1, 18] (19).

нить метод составления схем переплетения на клетчатой бумаге для последующего создания текстильных образцов. Схема переплетения для выполнения текстиля на дощечках включает рисунок переплетения, схему заправки дощечек и схему последовательности поворотов дощечек. Рисунок переплетения для изготовления узорного текстиля на дощечках должен отвечать следующим требованиям:

1) мотивы орнамента строятся на различных вариантах комбинаций вертикалей, горизонталей и диагоналей;

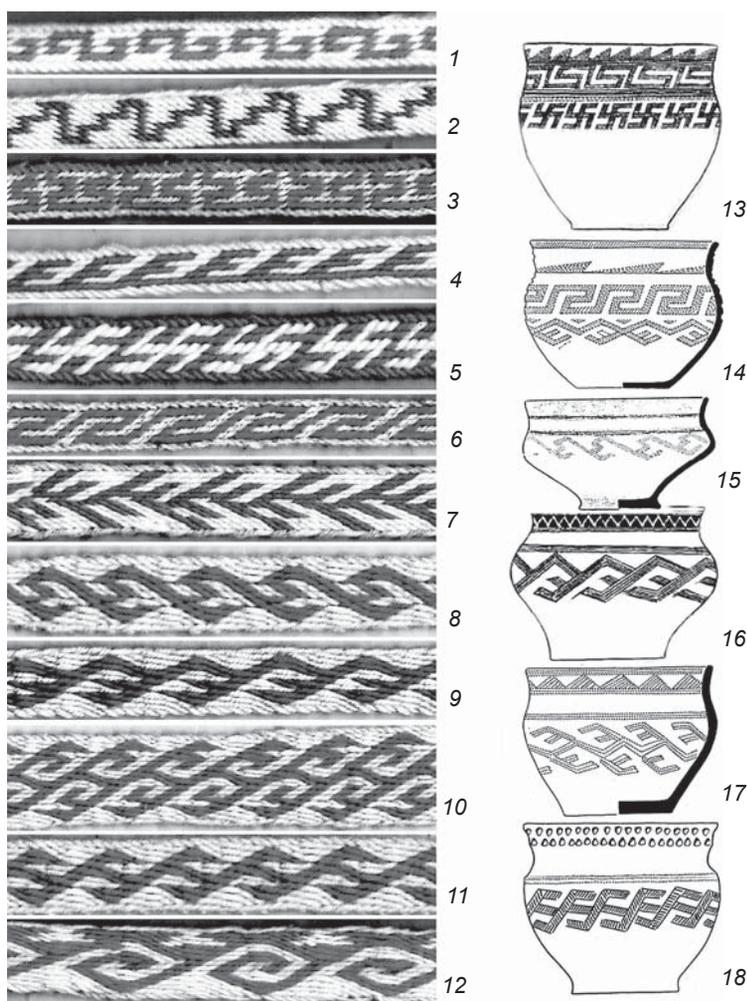

Рис. 3. Реконструкции текстиля с орнаментами из вертикально-горизонтальных элементов на дощечках с восемью отверстиями (1–3), из диагонально-горизонтальных элементов на дощечках с шестью отверстиями (4–6), из диагонально-ромбических элементов на дощечках с четырьмя и шестью отверстиями (7–12); керамика из могильника Биырек-коль [Кузьмина, 2008, с. 185, рис. 11] (13), могильников у с. Смолино [Андроновская культура, 1966, табл. VI, рис. 6] (14), Черняки-2 [Там же, табл. V, рис. 5] (15), Хабарное [Там же, табл. XXIV, рис. 2; XXVI, рис. 1] (16, 18), Тасты-Бутак [Там же, табл. XXXII, рис. 9] (17).

2) количество квадратов одного цвета в узоре кратно 2, т.к. минимальное число поворотов дощечек в одном направлении равно 2;

3) направление движения дощечек отвечает направлению изображаемого орнамента, подчиняется логике построения орнаментальных мотивов;

4) углы в рисунке соответствуют повороту дощечек в противоположном направлении;

5) при выполнении одного раппорта количество поворотов дощечек минимально; чем меньше поворотов, тем легче изготавливать текстиль;

6) дощечки поворачивают (блоками) несколько штук одновременно, предпочтение отдается варианту, при котором поворачиваются все дощечки сразу.

После создания рисунка переплетения необходимо определить, в каком положении (S- или Z-образном) должна находиться каждая дощечка, и порядок заполнения отверстий цветными нитями, т.е. составить схему заправки; она приводится ниже рисунка переплетения. На рисунке переплетения определяются направление вращения каждой дощечки при изменении цвета в узоре и точки поворотов дощечек. Схема поворота дощечек (приведена справа от рисунка переплетения) (см. рис. 1, 7) является руководством к выполнению узора. Наличие схемы переплетения позволяет выполнить узор практически любой сложности.

Все андроновские орнаменты были разделены на три группы, различающиеся по способам изготовления текстиля на их основе: с вертикально-горизонтальными элементами, с диагонально-горизонтальными, с диагонально-ромбическими.

Орнаменты с вертикально-горизонтальными элементами. Существует очень много техник ткачества на дощечках. Наиболее простой способ предполагает вращение дощечек все время в одном направлении. Узор получаемого таким образом текстиля очень прост: состоит из полос, углов, диагоналей. Первыми были реконструированы неширокие полосы орнаментов, построенных из вертикальных и горизонтальных элементов. Были созданы различные варианты экспериментальных схем, выбраны наиболее рациональные приемы изготовления узоров. По рисунку переплетения определялся раппорт орнамента. На схеме заправки дощечек каждая клетка узора обозначает отверстие с заправленной в него

нитью основы. Для выполнения орнамента по схеме требуется пять дощечек с четырьмя отверстиями (см. рис. 1, 7).

Рисунок орнаментов с вертикально-горизонтальными элементами зависит от порядка заправки нитями отверстий дощечек. Для каждого рисунка существует своя последовательность установки цвета. При реконструкции первая и пятая дощечки заправлялись по схеме: 1 фоновая, 3 узорные нити; вторая и четвертая – 3 фоновые, 1 узорная; третья – 4 узорные нити. Дощечки устанавливались следующим об-

разом: отверстие А – сверху впереди, отверстие D – сверху ближе к ткачу, В и С – внизу. На основе андроновских орнаментов были созданы технические рисунки, имеющие раппорт переплетения в 4 клетки (рис. 4, 5–8, 11; 5, 6). По этим схемам ткани изготавливаются простейшим способом вращения дощечек в одном направлении, но для каждого орнамента используется свой способ заправки (см. рис. 2, 1–4).

В процессе реконструкции выяснилось, что большая часть орнаментов имеет раппорт переплетения в 6 и 8 клеток (см. рис. 4, 3, 9, 10; 5, 1–5, 9, 10). Поэтому были использованы дощечки с шестью и восемью отверстиями. На схеме заправки отверстие А находится сверху впереди, отверстие F – сверху ближе к ткачу, отверстия В–Е располагаются по часовой стрелке внизу (см. рис. 1, 8). При каждом повороте дощечек открываются два зева, в которые прокидываются два утка.

Двухосновный текстиль, полученный при помощи этих дощечек, имеет рисунок, идентичный на лицевой и изнаночной стороне (см. рис. 2, 5, 6, 8–12; 3, 1–3). Возможно, такое двухосновное ткачество предшествовало изготовлению двухосновных понёв на горизонтальном станке, уникальную технологию ткачества которых представляют этнографический материал из Рязанской и Тамбовской губ. и археологические находки из древнего Новгорода и с других территорий средневековой Руси.

Орнаменты с диагонально-горизонтальными элементами. При установке дощечек в S- или Z-образном направлении получаются узоры диагонального направления. Их можно выполнить с помощью простого приема: каждая узорная нить в следующей дощечке сдвигается на одну клетку (см. рис. 1, 9). Андроновские орнаменты имеют различный угол наклона диагональных элементов. Он может зависеть, в частности, от толщины используемых нитей и степени их крутки: чем тоньше нить, тем меньше угол наклона диагонального элемента, приближающегося к вертикальной линии (см. рис. 3, 4–6; 4, 1, 2). Орнамент в виде косых свастик выполнен на дощечках с семью отверстиями, которые установлены так же, как

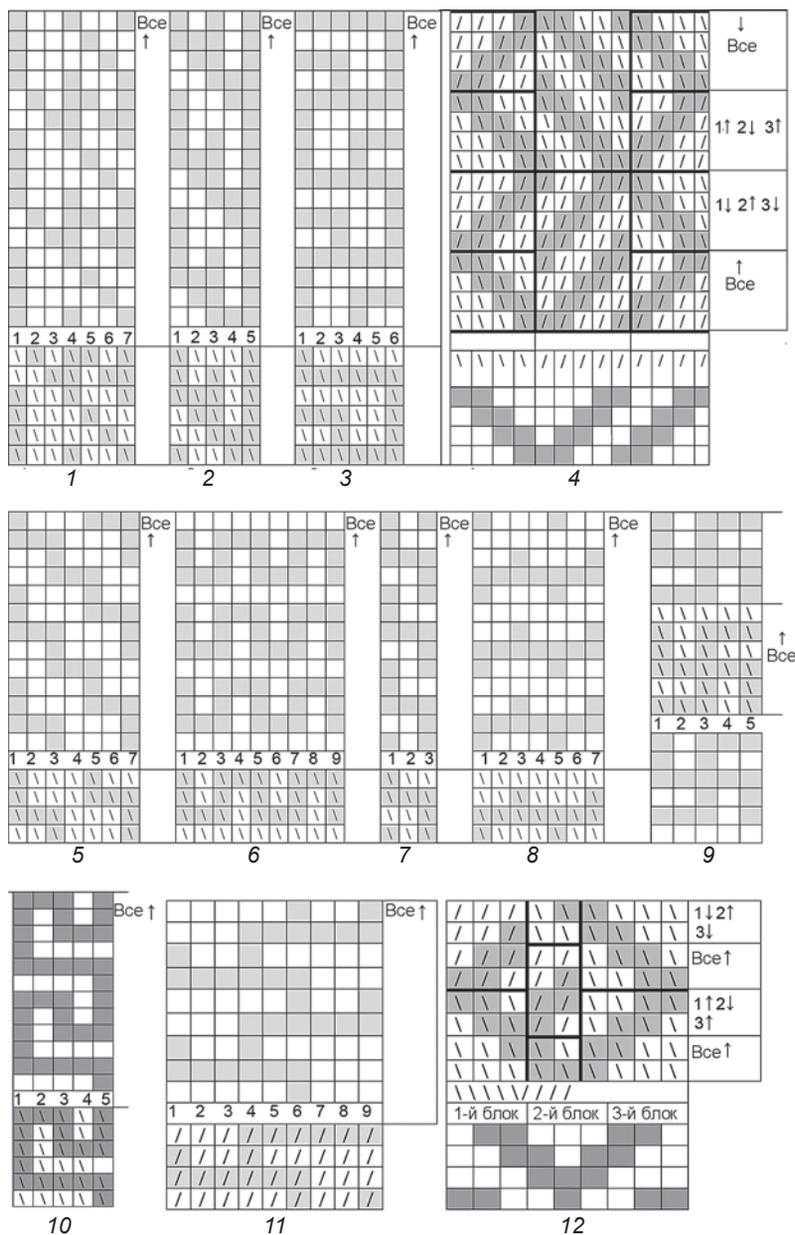

Рис. 4. Схемы для ткачества на дощечках с шестью (1–3, 9, 10) и четырьмя (4–8, 11, 12) отверстиями.

при ткачестве орнаментов с вертикально-горизонтальными элементами в одном направлении. Нити заправлялись в отверстия строго по схеме, все дощечки вращались в одном направлении (см. рис. 1, 9).

Орнаменты с диагонально-ромбическими элементами. Самые сложные композиции были выполнены с использованием способа вращения дощечек с четырьмя отверстиями в различных направлениях в определенном порядке (см. рис. 4, 4, 12; 5, 7, 8).

Более сложные текстильные структуры могут быть созданы при наличии двух или более блоков дощечек, которые работают в определенной после-

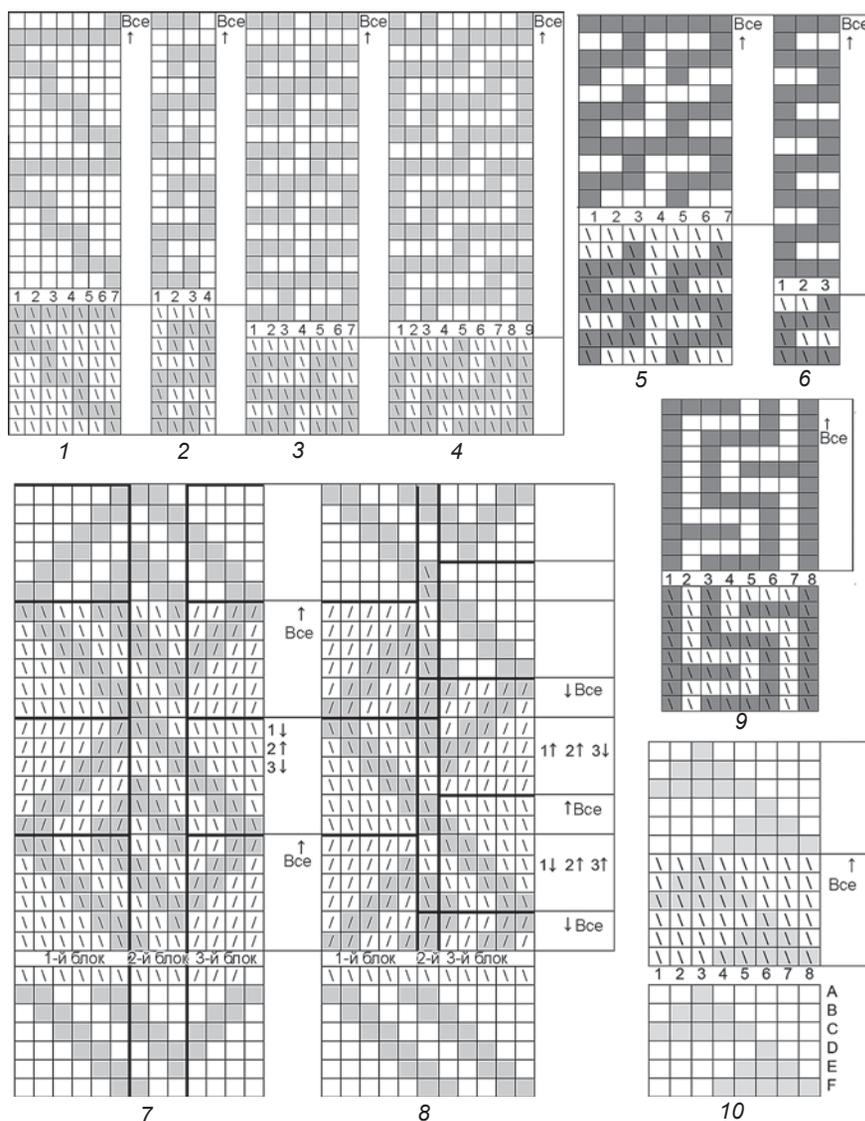

Рис. 5. Схемы для ткачества на дощечках с восемью (1, 2, 5, 9), шестью (3, 4, 7, 8, 10) и четырьмя (6) отверстиями.

довательности. Один блок может поворачиваться все время вперед, тогда как другие блоки вращаются то вперед, то назад. Этот способ ткачества носит название «египетские диагонали»; его суть в том, что структуры переплетения полностью состоят из диагональных линий. Как предполагают специалисты, этот метод зародился в Египте. Дощечки заправляются двумя светлыми цветами и двумя темными (см. рис. 3, 7–12).

Для изготовления текстиля по орнаменту сосуда из могильника Тасты-Бутак 15 дощечек были разделены на пять блоков (см. рис. 1, 10). Дощечки, входящие в 1, 3 и 5-й блоки, вращаются вперед и назад через четыре ряда, дощечки 2-го и 4-го блоков вращаются вперед и назад через восемь рядов. Раппорт переплетения состоит из четырех этапов.

При раппорте переплетения в 6 или 8 клеток большое количество нитей, заправленных в дощечку, позволяет создать более широкое пространство фона по отношению к рисунку, что соответствует композиции андроновских орнаментов. В этом случае в крайние дощечки заправляется всего одна узорная нить, а в остальные – фоновые.

Выводы

Для проверки предположения М.П. Грязнова и его последователей о связи декора на сосудах с орнаментами на одежде был проведен эксперимент по воссозданию приемов декорирования текстиля. Структурному анализу были подвергнуты 25 андроновских орнаментов,

на основе которых составлены схемы переплетений (см. рис. 4, 5) и созданы образцы тканей (см. рис. 2, 3). Установлено, что все эти композиции строятся по принципу создания текстильных орнаментов, а значит, текстильный орнамент, возможно, послужил основанием для орнамента на глиняных сосудах.

Список литературы

- Андроновская культура.** – М.; Л.: Наука, 1966. – Т. 1. – (САИ; вып. В 3-2).
- Вадецкая Э.Б.** Археологические памятники в степях Среднего Енисея. – Л.: Наука, 1986. – 180 с.
- Гарковик А.В.** Древний текстиль Приморья (по данным археологии) // Россия и АТР. – 2006. – № 3. – С. 48–61.
- Глушкова Т.Н.** Археологический текстиль как источник по реконструкции древнего ткачества Западной Сибири: дис. ... д-ра ист. наук. – Барнаул, 2004. – 416 с.
- Дьяконов И.М.** Люди города Ура. – М.: Наука, 1990. – 429 с.
- Зотова С.В.** Ковровые орнаменты андроновской керамики // Новое в советской археологии. – М.: Наука, 1965. – С. 177–181. – (МИА; № 130).
- Косарев М.Ф.** К проблеме западно-сибирской культурной общности // СА. – 1974. – № 3. – С. 4–14.
- Кузьмина Е.Е.** Откуда пришли индоарии. Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев. – М.: Вост. лит., 1994. – 462 с.
- Кузьмина Е.Е.** Классификация и периодизация памятников андроновской культурной общности. – Актобе: Принта, 2008. – 258 с.
- Лебедева Н.И.** Прядение и ткачество восточных славян в XIX – начале XX в. // Восточнославянский этнографический сборник: Очерки народной материальной культуры русских, украинцев и белорусов в XIX – начале XX в. – М.: Изд-во АН СССР, 1956. – С. 460–540. – (ТИЭ. Нов. сер.; т. XXXI).
- Леманн-Гаупт К.Ф.** Успехи изучения древней истории за последние 50 лет // ВДИ. – 1937. – № 1. – С. 39–65.
- Михайлов Ю.И.** Орнамент андроновского керамического комплекса (проблемы анализа и интерпретации): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Кемерово, 1990. – 20 с.
- Очерки по истории техники Древнего Востока /** И. Лурье, К. Ляпунова, М. Матъе, Б. Пиотровский, Н. Флитнер; ред. акад. С.И. Вавилов. – Изд-во АН СССР, 1939. – 353 с.
- Рудковский И.В.** Комбинаторика бордюрных симметрий в андроновских орнаментальных комплексах // Изв. Алт. гос. ун-та. – 2010. – Вып. 4/1 (68). – С. 213–222.
- Рудковский И.В.** Андроновская орнаментика в контексте системообразующих инвариантов. – Алматы: Ин-т археологии им. А.Х. Маргулана, 2013. – 190 с.
- Рындина О.М.** Системное исследование орнаментики, или к вопросу об истоках «уточки» // Керамика как исторический источник: тез. докл. и мат-лы конф. – Тобольск: Тобол. гос. пед. ин-т, 1996. – С. 26–28.
- Савенкова М.М.** Русские народные пояса. – Воронеж: Издат.-полигр. центр Воронеж. гос. ун-та, 2012. – 164 с.
- Савенкова М.М.** Реконструкция текстиля средневекового Новгорода, выработанного на дощечках // Актуальные проблемы современной науки. – М.: Спутник, 2012. – Вып. 6. – С. 16–25.
- Селивончик В.И.** Ткацтва на дощечках: практ. дапам. – Мінск: Медысон, 2009. – 64 с.
- Фоломеев Б.А., Чернай И.Л.** К вопросу о раннем ткачестве в лесной полосе Восточной Европы // Археологическое исследование Новгородской земли. – Л.: Изд-во Ленингр. гос. ун-та, 1984. – С. 49–51.
- Daragan M., Gleba M., Buravchuk O.** “Pandora’s Box”: A Textile Tool Set from a Scythian Burial in Ukraine // Textiles, Basketry and Dyes in the Ancient Mediterranean World: Proc. of the Vth Intern. Symp. on Textiles and Dyes in the Ancient Mediterranean World (Montserrat, 19–22 March, 2014). – València: Univ. de València, 2016. – P. 57–61. – (Purpureae vestes; V).
- Knudsen L.R.** The Tablet-woven Borders of Verucchio // Gleba M., Mannering U. Textiles and Textile Production in Europe from Prehistory to AD 400. – Oxford: Oxbow Books and the individual authors, 2012. – P. 254–263.
- Stauffer A., Knudsen L.R.** Kleidung als Botschaft: Die Mäntel aus den vorrömischen Fürstengräbern von Hochdorf // Tellenbach M., Schulz R., Wiczorek A. Die Macht Der Toga – DressCode im Römischen Weltreich. – Mannheim: Schnell & Steiner, 2013. – S. 69–71. – (Publikationen der Reiss-Engelhorn-Museen; Bd. 56).

*Материал поступил в редколлегию 19.07.16 г.,
в окончательном варианте – 16.03.17 г.*

DOI: 10.17746/1563-0102.2018.46.2.052-059
УДК 903.023

Е.В. Волкова

Институт археологии РАН
ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия
E-mail: volk_h@mail.ru

Биноклярный анализ керамики бронзового века лесной зоны Восточной Европы (к обсуждению термина «фатьяноидная» керамика)

Статья посвящена выяснению содержания понятия «фатьяноидная керамика», которое широко используется при описании материалов бронзового века лесной зоны Восточной Европы. Такая керамика является результатом смешения традиций фатьяновского и какого-то другого населения при доминировании первых. Материалы стоянок Николо-Перевоз I (с коллективным погребением) и II содержат большое количество как фатьяновской, так и фатьяноидной керамики. В статье приведены данные их морфологического и технологического анализов, проведенных с позиций историко-культурного подхода к изучению древнего гончарства. Выделены три группы фатьяноидной керамики. Установлено, что фатьяновско-волосовская группа сложилась непосредственно на поселениях Николо-Перевоз, керамика из погребения характеризуется смешанными фатьяноидными традициями, близкими фатьяновско-ошпандинской группе, сформировавшейся в другом месте. Сделанные в результате данного исследования историко-культурные выводы имеют, кроме всего прочего, методическое значение. Дело в том, что конкретные особенности т.н. фатьяноидной керамики зависят как минимум от двух факторов: во-первых, от того, с какими группами местного населения вступали в контакт фатьяновские племена; во-вторых, от уровня социально-экономического развития тех культурных групп, которые участвовали в процессах смешения. Эти особенности в различной степени проявляются при смешении фатьяновцев и волосовцев, фатьяновцев и ошпандинцев. Первые находились на разном, а вторые на близком уровне социально-экономического развития. Все это дает основание для заключения о неправомерности использования в литературе общего термина «культуры с фатьяноидной керамикой».

Ключевые слова: бронзовый век, фатьяновская культура, фатьяновская и фатьяноидная керамика, технологический и морфологический анализ.

E.V. Volkova

Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences,
Dm. Ulyanova 19, Moscow, 117036, Russia
E-mail: volk_h@mail.ru

A Study of Bronze Age Ceramics from the Forest Zone of Eastern Europe: What Does the Term “Fatyanovo-like” Mean?

The Bronze Age pottery from the forest zone of Eastern Europe includes a category that is often described as “Fatyanovo-like”. It reveals a blend of predominantly Fatyanovo and other features. A morphological and technological analysis of 129 vessels from Nikolo-Perevoz I (a settlement with a collective burial) and II has revealed four groups—one Fatyanovo proper and three evidencing a mixture of Fatyanovo with local traditions of various origins. The Fatyanovo-Volosovo group appears to have been a result of local mixture, whereas that from the burial is close to the Fatyanovo-Osh-Pando tradition, which had been introduced from without. These findings are relevant to the relationships between the Fatyanovo, Volosovo, and Osh-Pando people. Also, they demonstrate that the umbrella term “Fatyanovo-like” is meaningless.

Keywords: Bronze Age, Fatyanovo culture, ceramics, technological analysis, morphological analysis.

Постановка проблемы

Понятие «фатьяноидная» впервые было введено в научный оборот, вероятно А.А. Спицыным, для керамики, которая сходна (по форме, орнаменту и технологии) с фатьяновской, но не тождественна ей [Фосс, 1952, с. 190]. Оно касалось в основном орнамента и форм посуды и частично технологических признаков, фиксируемых визуально. Для фатьяновской и балановской керамики отмечались такие признаки, как тонкий черепок, хорошо отмученная глина, примесь песка, а для волосовской – грубый черепок, растительная и ракушечная примесь. М.Е. Фосс объясняла появление фатьяноидной керамики контактами между фатьяновским и местным населением [Там же, с. 188–191]. Н.Н. Гурина такую керамику рассматривала в качестве бытовой фатьяновской посуды [1963, с. 196–197]. И только благодаря работам И.В. Гавриловой и О.С. Гадзяцкой термин «фатьяноидная» керамика начал приобретать строго научное обоснование. Обе исследовательницы на основе изучения материалов разных районов Верхнего Поволжья пришли к выводу, что фатьяноидная керамика возникает в результате контактов фатьяновского и местного населения, которое в разных районах было различным [Гаврилова, 1983; Гадзяцкая, 1992]. В связи с этим О.С. Гадзяцкая предложила выделять культуры с фатьяноидной керамикой [1992, с. 139].

Для данной работы очень перспективными оказались материалы стоянок Николо-Перевоз I и II, содержащие большое количество как фатьяновской, так и фатьяноидной керамики. Их анализ позволяет ответить на вопрос: что же такое фатьяноидная керамика и какие историко-культурные явления она отражает?

Использованные материалы

Неолитическое поселение Николо-Перевоз I (Талдомский р-н Московской обл.) было открыто и раскапывалось в 1934 г. Б.С. Жуковым. С 1958 г. памятник исследовался экспедицией Государственного исторического музея под руководством В.М. Раушенбах. В 1962 г. немного севернее было открыто поселение Николо-Перевоз II. Оба памятника многослойные, с частично перемешанными слоями верхневолжской, льяловской, волосовской, фатьяновской и дяковской культур. На них в большом количестве найдена и фатьяноидная керамика.

В 1958 г. на стоянке Николо-Перевоз I было открыто коллективное погребение, которое В.М. Раушенбах определила как фатьяновское и датировала не ранее середины II тыс. до н.э. В могильной яме размером 3,4 × 2,5 м лежало девять скелетов. Три из них определены как женский, детский и мужской (определения

М.М. Герасимова). Шесть покойников были уложены головой на юго-запад, три – на северо-восток; один в вытянутом положении на спине, остальные в скорченном на боку. В районе позвоночника трех скелетов найдены волосовские кремневые наконечники стрел. Погребальный инвентарь включал пять глиняных сосудов, в т.ч. маленькую чашечку, два каменных сверленных топора-молота, пять кремневых наконечников стрел и наконечник дротика. По мнению В.М. Раушенбах, присутствие фатьяновцев на поселении было временным и их отношения с аборигенами – враждебными, о чем свидетельствует коллективное захоронение фатьяновцев, погибших в бою или в результате эпидемии [Раушенбах, 1960].

О.Н. Бадер и А.Х. Халиков, оспаривая принадлежность погребения к фатьяновской культуре, считали его балановским с «типично ошпандинским комплексом» [1976, с. 80], который датируется XIII–XII вв. до н.э. Б.С. Соловьев, в отличие от О.Н. Бадера и А.Х. Халикова, считает, что в результате смешения балановских и атликасинских племен возникли «синкретические балановско-атликасинские и ошпандинско-хуласточинские комплексы»* [Соловьев, 2007, с. 27]. Таким образом, вопрос о культурной принадлежности погребения остается спорным.

Анализ гончарных традиций по керамике из погребения

Для установления культурной принадлежности погребения была поставлена задача выделить из всей керамической коллекции стоянок Николо-Перевоз I и II фатьяноидную керамику и выяснить ее происхождение. Из пяти сосудов, найденных в погребении, для непосредственного анализа оказались доступны только четыре (№ 1–3, 5)**.

Сосуд № 1 – круглодонный горшок с шаровидным туловом и коротким сильно расширяющимся к устью горлом, без орнамента (рис. 1, 1, а); изготовлен из среднезапесоченной сильноожеженной глины, в которую добавлены «выжимка» из навоза и крупная дрова.

Сосуд № 2 – это также круглодонный горшок с шаровидным туловом, но у него прямое горло с отогнутым венчиком (рис. 1, 1, б). Прочерченный орнамент нанесен инструментом с тупым рабочим краем, оставившим достаточно широкие канавки. По всему гор-

*Выражаю искреннюю благодарность Б.С. Соловьеву за предоставленный материал и большую помощь в работе с коллекциями.

**Благодарю сотрудников отдела археологии Государственного исторического музея за предоставленную возможность изучения сосудов.

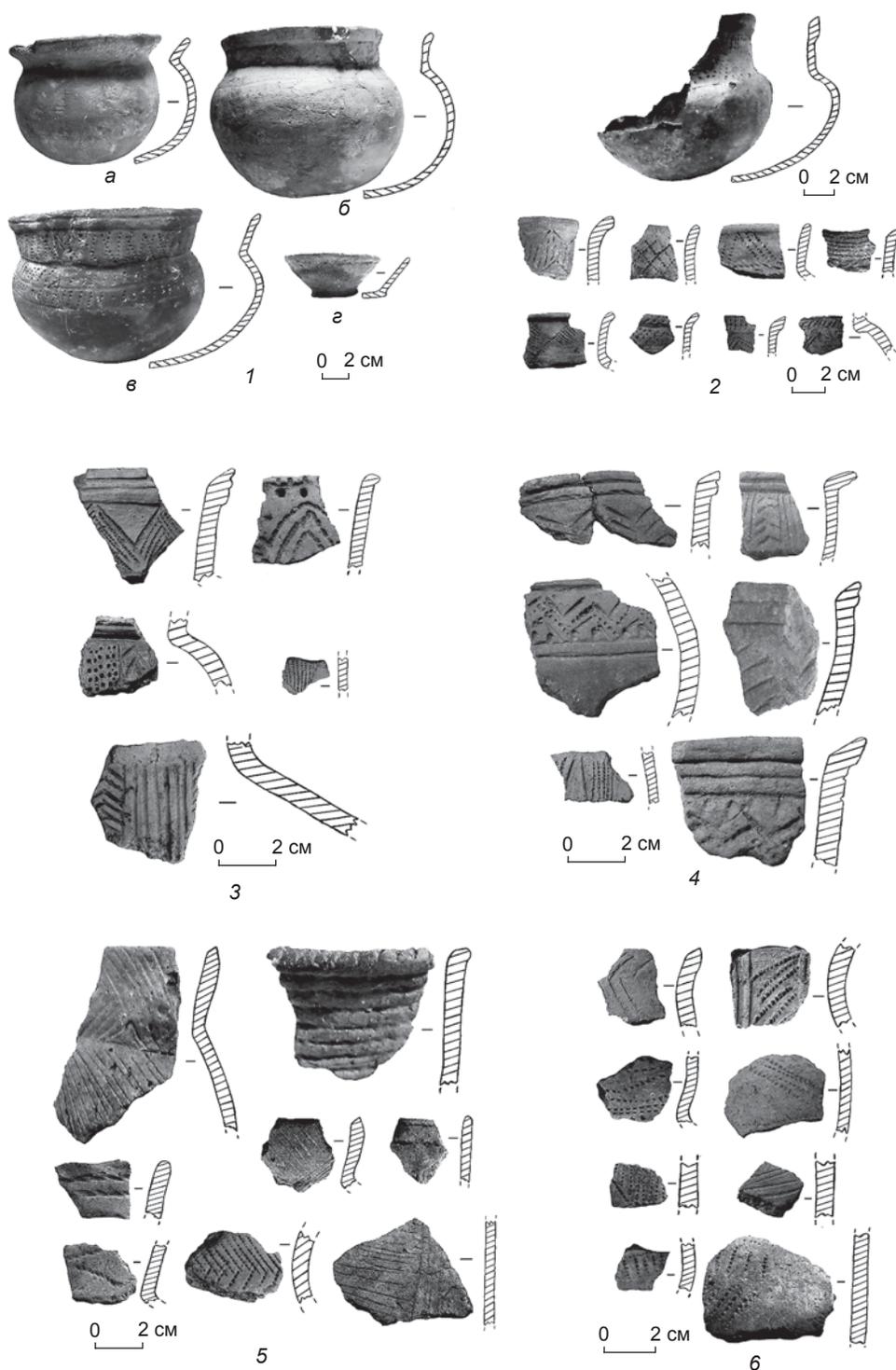

Рис. 1. Керамика с памятников Николю-Перевоз I и II.

1 – сосуды из погребения; 2 – фатьяновская керамика с поселений; 3–6 – керамика фатьяноидных групп 1 (3, 4), 2 (5) и 3 (6).

лу идет горизонтальный зигзаг. Вторая орнаментальная зона расположена на плечике и состоит из образа «горизонтальный ряд вертикальных или наклонных линий». Орнаментальные зоны ограничиваются прямыми линиями, которые выполнены разными инстру-

ментами: в месте соединения горла и плечика идет отпечаток шнура, а вторая линия прочерчена инструментом, которым наносился весь остальной орнамент на сосуде. Донная часть не орнаментирована. Формовочная масса такая же, как у сосуда № 1.

Сосуд № 3 – круглодонный горшок с шаровидным туловом и прямым горлом (рис. 1, 1, в). Орнаментирован зубчатым штампом и инструментом для прочерчивания с округлым рабочим краем, такого же типа, как на сосуде № 2. По венчику прочерчена горизонтальная прямая линия. На горле зубчатым штампом нанесена косая решетка, которая на небольшом (5 см) участке прерывается параллельными переменными наклонными линиями. На плечике и чуть ниже находятся две орнаментальные зоны, заполненные образом «горизонтальный ряд вертикальных или наклонных линий». Последние также выполнены зубчатым штампом. Ряды разделяет прочерченная прямая линия, такая же ограничивает нижнюю орнаментальную зону. Донная часть не орнаментирована. Сосуд изготовлен из сильнозапесоченной глины, в которую добавлены «выжимка» из навоза, крупные шамот и дресва.

Сосуд № 4 – судя по описанию и фотографии, это круглодонный горшок с шаровидным туловом, «укороченной шейкой и более отогнутым бортиком» [Раушенбах, 1960, с. 32–34, рис. 3, 8]. Орнаментирован инструментом с округлым рабочим краем, оставившим небольшие и неглубокие вдавления. Им было нанесено два горизонтальных ряда вертикальных или наклонных линий на горле и один на плечике сосуда. Донная часть не орнаментирована.

Сосуд № 5 – маленькая неорнаментированная чашечка на поддоне (рис. 1, 1, г). Формовочная масса аналогична вышеописанной, только шамот и дресва средних размеров.

Сравнительный анализ керамики из погребения и керамических комплексов фатьяновской культуры в целом и ее московской локальной группы, данные по которым получены ранее [Волкова, 1996, с. 84–114], показал ряд различий в гончарных традициях. Во-первых, в фатьяновской культуре пока не встречены чашечки с поддоном (сосуд № 5), не характерны для нее сосуды с сильно расширяющимся горлом (сосуд № 1) и отогнутым венчиком (сосуды № 2 и 4). Во-вторых, горизонтальный зигзаг на сосуде № 2 выполнен в несвойственной фатьяновцам манере. Обычно на фатьяновской керамике, если этот образ занимает всю орнаментальную зону, зигзаг не увеличивали в размере, а наносили несколько рядов мелкого. В образе «горизонтальный ряд вертикальных или наклонных линий» на сосуде № 2 линии сильно разреженные и длинные, что также не характерно для фатьяновской керамики. Фатьяновцы не наносили горизонтальную прямую линию по венчику (сосуд № 3). Образы орнамента, выполненные неглубокими ямками (сосуд № 4), редко встречаются на фатьяновской керамике. В-третьих, по сосудам из погребения зафиксированы две разные технологические традиции, широко распространенные у фатьяновцев: 1) изготовление сосудов из сильнозапесоченной глины, в которую до-

бавлены «выжимка» из навоза, шамот и дресва (сосуды № 3 и 5); 2) использование для формовочной массы среднезапесоченной сильноожегленной глины, «выжимки» из навоза и дресвы (сосуды № 1 и 2).

Таким образом, по керамическому комплексу из погребения на поселении Николо-Перевоз I фиксируется ряд отклонений от гончарных традиций как фатьяновской культуры в целом, так и московской локальной группы этой культуры.

Фатьяноидные гончарные традиции

Какому же населению принадлежат выявленные чуждые фатьяновцам традиции? Для ответа на этот вопрос «фатьяновская» керамика со стоянок Николо-Перевоз I и II была подвергнута специальному технико-технологическому и морфологическому анализу. Сначала по орнаментальным традициям весь комплекс был разделен на собственно фатьяновскую (фрагменты от 87 сосудов; рис. 1, 2) и фатьяноидную (фрагменты от 42 сосудов) керамику, а затем последняя по особенностям рецептов формовочных масс и частично орнаментации – на три группы.

Фатьяноидная группа 1 включает фрагменты 23 сосудов (рис. 1, 3, 4), в которых фатьяновские традиции сочетаются с ошпандинскими. К последним относятся: 1) орнаментальный образ «горизонтальная прямая линия» на венчике сосуда, представленный не тонкой традиционной для фатьяновской керамики линией, а достаточно широкой канавкой; 2) присутствие на сосуде таких же вертикальных канавок; 3) заштрихованные особым образом удлиненные треугольники; 4) нетрадиционное для фатьяновской культуры сочетание орнаментов (на одном сосуде присутствуют элементы, выполненные зубчатым и гладким штампами, а также небольшим тупым инструментом, которым прочерчены канавки и сделаны вдавления). Формовочная масса этих сосудов представлена тремя распространенными у фатьяновцев рецептами.

Фатьяноидная группа 2, где фатьяновские традиции сочетаются с волосовскими, включает фрагменты 11 сосудов (рис. 1, 5). Они выделяются тем, что, во-первых, орнаментальный образ «горизонтальный ряд вертикальных или наклонных линий» нанесен по торцу венчика, во-вторых, элемент, из которого состоит этот образ, обычно в 2 раза длиннее, чем традиционный фатьяновский, т.е. орнаментир имел более длинный рабочий край. Кроме того, данную группу отличает специфический состав формовочной массы: вместо традиционной для фатьяновской керамики «выжимки» из навоза добавлен птичий помет.

Фатьяноидная группа 3 состоит из керамики, в которой фатьяновские традиции сочетаются с традициями населения неясного происхождения (рис. 1, б).

К ней отнесены фрагменты восьми сосудов. Они отличаются от фатьяновских, во-первых, наличием орнаментов, нанесенных длинным зубчатым штампом; во-вторых, нетрадиционным выполнением образов «горизонтальный ряд вертикальных или наклонных линий» и «горизонтальный зигзаг»; в-третьих, использованием для орнаментации одного сосуда и гладкого, и зубчатого штампа. В формовочную массу керамики иногда добавлена не «выжимка» из навоза, а сам навоз во влажном состоянии. Остальные компоненты аналогичны фатьяновским.

Необходимо подчеркнуть, что во всех трех группах доминируют именно фатьяновские традиции. Это фатьяновские орнаментальные образы и двух- или трех-составные рецепты формовочной массы с использованием органического вещества, шамота и дресвы. Что касается форм посуды, то по изученным фрагментам можно отметить наличие во всех группах сосудов с высоким прямым горлом.

Сравнительный анализ фатьяновских и фатьяноидных гончарных традиций

Фатьяноидные группы были сопоставлены с сосудами из погребения, фатьяновской керамикой с поселений и посудой московской локальной группы этой культуры по тем гончарным традициям, которые удалось зафиксировать в ходе анализа*. На качественном уровне выявлены гончарные традиции и оценена степень их распространенности, а на количественном рассчитан коэффициент сходства (КС) между всеми выделенными группами керамики по отдельным ступеням гончарного производства и стилистическим орнаментальным уровням (методику расчета коэффициента сходства см.: [Волкова, 2010, с. 93]).

Исходное пластичное сырье. Для керамики из погребения фиксируется использование в равной степени средне- и сильнозапесоченной глины (по 50 %). Сырьем для фатьяновской посуды с поселений в основном служила сильнозапесоченная глина (79 %), значительно реже – средне- (13 %) и слабозапесоченная (8 %). Для фатьяноидных групп зафиксировано преобладание традиции использования сильнозапесоченной глины (1-я – 70 %, 2-я – 82, 3-я – 63 %), хотя в 1-й группе представлена керамика из слабозапесоченной (17 %), незапесоченной (9 %) и среднезапесоченной (4 %) глины, во 2-й – из среднезапесоченной (18 %), в 3-й – из слабо- (25 %) и среднезапесоченной

(13 %). Для московской локальной группы фатьяновской культуры характерно использование среднезапесоченной глины (95 %). По степени сходства керамика из погребения ближе всего к фатьяноидной группе 2 (КС = 68 %).

Составление формовочной массы. Напомню, что для керамики из погребения зафиксированы два рецепта (по 50 %): глина + «выжимка» из навоза + дресва и глина + «выжимка» из навоза + шамот + дресва. Для фатьяновского керамического комплекса также характерно добавление «выжимки» из навоза, которая присутствует во всех формовочных массах; кроме нее, добавляли шамот (43 %), шамот и дресву (37 %), реже дресву (18 %). В единичных случаях формовочная масса состояла только из глины и «выжимки» из навоза (2 %). В фатьяноидной группе 1 зафиксированы четыре рецепта, в которых помимо глины и «выжимки» из навоза представлены шамот + дресва (35 %), дресва (36 %), шамот (22 %), песок (9 %). В фатьяноидной группе 2 отмечено наибольшее разнообразие рецептов. Из них наиболее распространенными являются глина + птичий помет (27 %) и глина + птичий помет + дресва (27 %), остальные варианты (глина + «выжимка» из навоза + дресва, глина + «выжимка» из навоза + шамот, глина + птичий помет + шамот, глина + птичий помет + шамот + дресва) встречены только в одном-двух сосудах каждый. В фатьяноидной группе 3 зафиксировано пять рецептов: глина + «выжимка» из навоза + шамот (25 %), то же + дресва (25 %), глина + «выжимка» из навоза + дресва (25 %), глина + «выжимка» из навоза (12 %) и глина + навоз + шамот (12 %). Для керамики московской группы отмечено присутствие во всех формовочных массах «выжимки» из навоза. Кроме нее, добавляли шамот (61 %), реже дресву (18 %), шамот и дресву (18 %). В единичных случаях встречен рецепт глина + «выжимка» из навоза (2 %). По степени сходства традиций составления формовочной массы керамика из погребения ближе всего к фатьяноидной группе 1 (КС = 86 %).

Инструменты для нанесения орнамента. По керамике из погребения зафиксировано использование четырех видов орнаментов, но чаще всего применялся инструмент для прочерчивания (67 %). В фатьяновском комплексе также выявлено использование четырех видов орнаментов. Среди них доминирует зубчатый штамп (72 %) и широко представлен инструмент для прочерчивания (29 %). В фатьяноидной группе 1 орнаменты нанесены пятью разными орнаментами. Чаще использовались инструмент для прочерчивания (65 %), зубчатый (52 %) и гладкий (30 %) штампы. Для фатьяноидной группы 2 зафиксировано применение также пяти орнаментов. Доминируют инструмент для прочерчивания (44 %) и зубчатый штамп (33 %). В фатьяноидной группе 3 орнаменты нанесены четырьмя разными инструментами,

*Из-за небольших по размеру фрагментов сосудов, подвергнутых изучению, в ряде случаев осталась недоступной информация о степени ожелезненности исходного пластичного сырья и о навыках труда на всех этапах созидательной и закрепительной стадий технологического процесса.

но чаще всего использовался зубчатый штамп (75 %). Для московской локальной группы зафиксировано применение четырех видов орнаментов. Наиболее широко представлен зубчатый штамп (55 %), но достаточно часто использовались нож для прочерчивания (38 %) и шнур (30 %). По орнаментам керамика из погребения имеет значительное сходство с фатьяноидными группами 2 (КС = 81 %) и 1 (КС = 74 %).

Стилистический анализ орнаментальных традиций. Напомним, что для фатьяновской керамики я выделила три элемента орнамента [Волкова, 2010, с. 99]: точку, короткую и длинную прямые линии. Все они присутствуют на сосудах из погребения, но доминируют два последних (по 67 % каждый). На фатьяновской керамике с поселений отсутствует элемент «точка», а короткая прямая линия (81 %) преобладает над длинной (29 %). В фатьяноидных группах использованы все три элемента. В 1-й короткая (83 %) и длинная (65 %) прямые линии доминируют над точкой (19 %), во 2-й длинная прямая линия (67 %) – над короткой (44 %) и точкой (11 %). В фатьяноидной группе 3 преобладает короткая прямая линия (88 %). В керамике московской группы этот элемент преобладает над длинной прямой линией (75 против 58 %). По степени сходства на уровне элемента орнамента керамика из погребения ближе всего к фатьяноидной группе 1 (КС = 91 %).

На сосудах из погребения выделено пять орнаментальных образов, из которых доминируют «горизонтальный ряд вертикальных или наклонных линий» (100 %) и «горизонтальная прямая линия» (67 %). На фатьяновской керамике зафиксировано 12 образов. Три из них являются массовыми: «горизонтальный ряд вертикальных или наклонных линий» (54 %), «горизонтальная прямая линия» (34 %) и «параллельные переменные наклонные линии» (36 %). В фатьяноидной группе 1 представлено девять орнаментальных образов, из которых массовыми являются «горизонтальная прямая линия» (43 %) и «вертикальная елочка» (26 %). В фатьяноидной группе 2 отмечено всего четыре образа. Доминируют «горизонтальный ряд вертикальных или наклонных линий» (67 %) и «горизонтальная прямая линия» (78 %). Они же являются массовыми (по 43 % каждый) в фатьяноидной группе 3, где представлено только три образа. На керамике московской локальной группы выявлено 11 орнаментальных образов, из которых абсолютно преобладает «горизонтальная прямая линия» (92 %), очень широко распространены «косая решетка» (61 %) и «горизонтальный ряд вертикальных или наклонных линий» (57 %), достаточно массовым также является образ «параллельные переменные наклонные линии» (39 %). Подчеркну, что образы «окоптуренный ромб» и «косая решетка» отсутствуют во всех фатьяноидных группах. По составу и распространенности орнаментальных образов керамика из погребения оказалась ближе всего к фатьяноидным группам 3 (КС = 64 %) и 2 (КС = 63 %). Но необходимо отметить, что сосуды из погребения и фатьяноидной группы 1 выделяются среди остальных наличием горизонтальной прямой линии на венчике.

Четыре орнаментальных образа являются массовыми почти для всех выделенных групп керамики: «горизонтальный ряд вертикальных или наклонных линий», «горизонтальная прямая линия», «горизонтальный зигзаг» и «параллельные переменные наклонные линии». Однако в разных группах они использовались на сосудах в различных мотивах*. Так, на керамике из погребения образы «горизонтальный ряд вертикальных или наклонных линий» и «горизонтальный зигзаг» использованы только в основном мотиве, а «горизонтальная прямая линия» – в дополнительном. Образ «параллельные переменные наклонные линии» нанесен только в один ряд. На фатьяновской керамике с поселений в дополнительном мотиве чаще всего встречаются образы «горизонтальный ряд вертикальных или наклонных линий» (78 %) и «горизонтальная прямая линия» (96 %), «горизонтальный зигзаг» представлен исключительно в основном мотиве, а образ «параллельные переменные наклонные линии» нанесен только в один ряд. Для фатьяноидной группы 1 характерно использование образов «горизонтальный ряд вертикальных или наклонных линий» (100 %) и «горизонтальная прямая линия» (96 %) в дополнительных мотивах, а образа «горизонтальный зигзаг» – только в основном. Параллельные переменные наклонные линии здесь вообще не встречены. В фатьяноидной группе 2, наоборот, преобладает изображение в основном мотиве образов «горизонтальный ряд вертикальных или наклонных линий» (67 %) и «горизонтальная прямая линия» (57 %). Горизонтальный зигзаг здесь отсутствует, а образ «параллельные переменные наклонные линии» нанесен только в один ряд. В фатьяноидной группе 3 образ «горизонтальный ряд вертикальных или наклонных линий» есть только в основном мотиве (100 %), образ «параллельные переменные наклонные линии» нанесен в один ряд, остальные два образа отсутствуют. Для керамики московской локальной группы фатьяновской культуры характерно использование преимущественно в дополнительном мотиве образов «горизонтальный ряд вертикальных или наклонных линий» (71 %), «горизонтальная прямая линия» (74 %)

*По способу организации образов мотивы делятся на шахматные и рядные, а по функции в композиции – на основные, когда один образ занимает всю орнаментальную зону, и дополнительные, когда он разделяет или ограничивает орнаментальные зоны. Подробнее см.: [Волкова, 1996, с. 34–35].

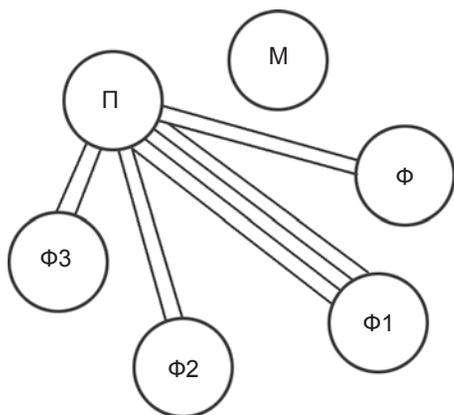

Рис. 2. Граф связей керамики из погребения с другими керамическими группами.

П – сосуды из погребения, М – керамика московской локальной группы, Ф – фатьяновская керамика с поселений, Ф1–Ф3 – фатьяноидные группы.

и «горизонтальный зигзаг» (55 %). Образ «параллельные переменные наклонные линии» наносился в большинстве случаев в один ряд (95 %).

Существенно различаются в разных керамических комплексах только мотивы образа «горизонтальный ряд вертикальных или наклонных линий». Если на керамике из погребения, в фатьяноидных группах 2 и 3 этот образ использован преимущественно в основном мотиве, то в фатьяновском комплексе и фатьяноидной группе 1 – в дополнительном. По мотивам образа «параллельные переменные наклонные линии» исследуемые керамические комплексы не различаются. А образ «горизонтальный зигзаг» во всех группах керамики, кроме московской, использован в основном мотиве.

По мотивам образа «горизонтальный ряд вертикальных или наклонных линий» сосуды из погребения ближе всего к фатьяноидной группе 3 (КС = 75 %), по мотивам образов «горизонтальный зигзаг» и «горизонтальная прямая линия» – к фатьяновской керамике (КС соответственно 100 и 96 %) и фатьяноидной группе 1 (КС – 100 и 90 %). По значениям максимальной степени сходства был построен граф связей керамики из погребения с остальными группами (рис. 2), на котором каждому высокому коэффициенту сходства соответствует одна линия. Он демонстрирует преимущественные связи с фатьяноидной группой 1 и полное отсутствие таковых с керамикой московской локальной группы.

Выводы

По результатам анализа керамического комплекса стоянок Николо-Перевоз I и II и коллективного погребения можно сделать следующие выводы. Во-первых,

прежде чем перейти непосредственно к керамике, необходимо отметить, что в коллективном погребении на стоянке Николо-Перевоз I фиксируются значительные отклонения от основных погребальных традиций фатьяновского населения (подробное описание этих традиций см.: [Волкова, 2010, с. 81–85]). В первую очередь это касается погребального инвентаря. Во всех парных и двух коллективных (могильник Болшневский II) фатьяновских захоронениях он четко лежал у каждого погребенного на своих определенных местах (у ног, головы или пояса). Далее, совершение погребения на месте поселения не характерно для фатьяновцев, в то время как у волосовцев является устойчивой традицией [Крайнов, 1987, с. 23]. Возможно, это проявление смешения фатьяновской и волосовской погребальной обрядности.

Во-вторых, керамика из погребения характеризуется в большей степени смешанными фатьяноидными гончарными традициями, а не фатьяновскими. По рецептам формовочных масс она близка фатьяноидной группе 1, по использованным орнаментам – группам 1 и 2, по элементам орнамента – группе 1, по орнаментальным образам – группам 2 и 3, по мотивам орнаментальных образов – фатьяновской керамике, а также фатьяноидным группам 1 и 3. Количественный анализ степени сходства по технологическим и орнаментальным гончарным традициям и выделение наиболее сильных связей наглядно демонстрирует наибольшую близость керамики из погребения с фатьяноидной группой 1. Это позволяет сделать вывод, что она, а следовательно, и само погребение оставлены населением со смешанными фатьяновско-ошпандинскими гончарными традициями, возможно, при участии населения со смешанными фатьяновско-волосовскими традициями.

В-третьих, есть все основания предполагать, что фатьяноидная группа 2 сложилась на месте, поскольку на памятнике имеется и волосовская, и фатьяновская керамика. В то время как фатьяноидная группа 1 появилась здесь, скорее всего, уже в сложившемся виде, т.е. смешение фатьяновского и ошпандинского населения произошло за пределами данного поселения. В пользу этого говорит отсутствие на памятнике типичной ошпандинской керамики с устойчивым рецептом формовочной массы: глина + «выжимка» из навоза + шамот. Вероятно, при продвижении с востока на запад ошпандинское население смешивалось с родственным фатьяновским, в результате чего и образовалась фатьяноидная группа 1, для которой характерны отдельные ошпандинские орнаментальные образы и такие фатьяновские рецепты формовочных масс, как глина + «выжимка» из навоза + дресва и глина + «выжимка» из навоза + шамот + дресва, причем даже в шамоте фиксируется дресва, что указывает на устойчивость традиции ее использования.

В-четвертых, сложение фатьяноидной группы 3 также могло происходить на поселении. Вполне вероятно, что в нем, помимо фатьяновцев, участвовало население, оставившее керамику, названную мною «керамика эпохи бронзы». Но их культурная принадлежность пока не выяснена.

Таким образом, я предполагаю, что в волосовские поселения пришла небольшая группа фатьяновцев, которая не только мирно жила с волосовцами, но и вступала с ними в брачные отношения, в результате чего и сложились смешанные фатьяновско-волосовские гончарные традиции. Возможно, чуть позднее здесь появилась группа смешанного фатьяновско-ошпандинского населения, которому и принадлежит коллективное погребение на стоянке Николо-Перевоз I.

В заключение отмечу, что сделанные выводы имеют определенное методическое значение. Поскольку во всех случаях особенности т.н. фатьяноидной керамики зависят от того, какие группы населения участвовали в смешении с фатьяновцами, мне представляется неправомерным использование общего термина «культуры с фатьяноидной керамикой». Кроме того, когда смешиваются коллективы, находящиеся на разном уровне социально-экономического развития (как, например, фатьяновцы и волосовцы), результаты смешения гончарных традиций оказываются более яркими, чем в случае коллективов примерно одного уровня (типа фатьяновцев и ошпандинцев). Данное явление типично для древней этнокультурной истории. Примером могут служить процессы смешения различных групп андроновского населения Северного Казахстана с группами местного населения юга Западной Сибири.

Список литературы

- Бадер О.Н., Халиков А.Х.** Памятники балановской культуры. – М.: Наука, 1976. – 168 с. – (САИ; вып. В1-25).
- Бобринский А.А.** Гончарство Восточной Европы: Источники и методы изучения. – М.: Наука, 1978. – 272 с.
- Волкова Е.В.** Гончарство фатьяновских племен. – М.: Наука, 1996. – 120 с.
- Волкова Е.В.** Новинковские могильники фатьяновской культуры. – М.: ИА РАН, 2010. – 246 с.
- Гаврилова И.В.** Фатьяноидная керамика Костромского Поволжья // Изыскания по мезолиту и неолиту СССР. – Л.: Наука, 1983. – С. 101–109.
- Гадзяцкая О.С.** Фатьяновский компонент в культуре поздней бронзы (Волго-Камское междуречье) // СА. – 1992. – № 2. – С. 122–141.
- Гурина Н.Н.** Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Костромском Поволжье (по материалам Горьковской экспедиции) // МИА. – 1963. – № 110. – С. 85–203.
- Крайнов Д.А.** Волосовская культура // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. – М.: Наука, 1987. – С. 10–28. – (Археология СССР).
- Раушенбах В.М.** Фатьяновское погребение на неолитической стоянке Николо-Перевоз // Тр. ГИМ. – 1960. – Вып. 37. – С. 28–37.
- Соловьев Б.С.** Хронологические рамки балановской культуры в Волго-Камье // Проблемы первобытной и средневековой археологии Волго-Камья. – Йошкар-Ола, 2007. – Вып. 30. – С. 26–50.
- Фосс М.Е.** Древнейшая история севера Европейской части СССР. – М.: Изд-во АН СССР, 1952. – 279 с. – (МИА; № 29).

*Материал поступил в редколлегию 04.03.16 г.,
в окончательном варианте – 15.09.16 г.*

DOI: 10.17746/1563-0102.2018.46.2.060-067
УДК 903.27

Н.В. Полосьмак¹, М.А. Шах², Л.П. Кундо¹

¹Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: polosmaknatalia@gmail.com; kundoludmila@ngs.ru

²Центр изучения Центральной Азии Кашимирского университета, Индия
Centre of Central Asian Studies, University of Kashmir,
Hazratbal, Srinagar-190006, Jammu & Kashmir, India
E-mail: shahajmal7@gmail.com

Петроглифы на плитах Занскара (Индия): материалы 2016 года

В статье обсуждаются петроглифы, открытые в 2016 г. в ходе работы российско-индийской экспедиции на западе Гималаев. Впервые в этом регионе в заброшенных буддийских святилищах были обнаружены изображения, выбитые на одной поверхности небольших узких прямоугольных в сечении каменных брусков. В отличие от десятков тысяч уже известных изображений Ладакха и Занскара, эти петроглифы являются образцами мобильного искусства. Основное внимание уделяется анализу образов сражающихся диких яков, охотника на коне в сопровождении собаки, а также изображения буддийской ступы. Выделены повторяющиеся сцены схватки яков во время гона. Изображения реалистично и точно передают напряженную атмосферу соперничества. Детально рассматривается оригинальное изображение верхового коня в парадном убранстве – с подшейной кистью и головным украшением в виде султана или забранной в чехол челкой, который отличал животных, принадлежавших знатным воинам. Отмечаются его отличия от известных изображений коней в петроглифах Ладакха и Занскара. Приводятся описания схематичных фигур всадника и собаки. Подчеркивается важность изображения архаичного вида ступы, на фоне которой сражаются яки: она может служить одним из датировочных элементов для всей композиции, поскольку ступы такого вида сооружались начиная с I в. до н.э. Сделано предположение о том, что находки представляют не известную пока традицию создания рисунков на небольших специально подготовленных каменных брусках, плитах.

Ключевые слова: Занскар, Тибет, петроглифы, дикие яки, всадник, ступа.

N.V. Polosmak¹, M.A. Shah², and L.P. Kundo¹

¹Institute of Archaeology and Ethnography,
Siberian Branch, Russian Academy of Sciences,
Pr. Akademika Lavrentieva 17, Novosibirsk, 630090, Russia
E-mail: polosmaknatalia@gmail.com; kundoludmila@ngs.ru

²Centre of Central Asian Studies, University of Kashmir,
Hazratbal, Srinagar-190006, Jammu & Kashmir, India
E-mail: shahajmal7@gmail.com

Petroglyphs of Zanskar, India: Findings of the 2016 Season

This article introduces new petroglyphs found in 2016 by the Russian-Indian expedition in Zanskar, India. For the first time in this region, we discovered images unilaterally pecked out on small rectangular plates at abandoned Buddhist sanctuaries. Unlike tens of thousands of famous images from Ladakh and Zanskar, these are examples of mobile art, i.e., they could be moved from one place to another. They show scenes of fighting wild yaks, a hunter on horseback accompanied by a dog, and a Buddhist stupa. Especially interesting are several kindred scenes reproducing fights between male yaks, which occur in the fall, during the rut. Images realistically and accurately convey a tense atmosphere of rivalry. The image of a horse is unusual. The animal is decorated with a breast tassel and a head plume or sheathed forelock, marking the horseman's high rank and setting the representation apart from other known images of horses in the petroglyphic art of Ladakh and Zanskar. Very important is the archaic type of stupa, before which the yaks are fighting. It provides one of the clues for dating the whole composition, since such types of stupas were built from the 1st century BC onwards. It is proposed that the newly found petroglyphs represent a hitherto unknown tradition of using small specially prepared stone plates.

Keywords: Zanskar, Tibet, petroglyphs, wild yaks, horseman, stupa.

Введение

Во время полевых исследований российско-индийской экспедиции на территории Занскара (историческая область в западной части Гималаев, между хребтами Занскар и Большим Гималайским, в составе штата Джамму и Кашмир, административно относится к окр. Каргил) в 2016 г. было открыто новое местонахождение петроглифов*. Оно отличается от уже известных в этом регионе местонахождений рядом особенностей и представляет большой научный интерес.

Плиты с петроглифами обнаружены недалеко от д. Манда на высоте 3 870 м над ур. м., рядом с развалинами старого монастыря (рис. 1). Одна плита находилась на заброшенном святилище, состоящем из разбитых плит с изображениями буддийских божеств (рис. 2), другая – непосредственно среди монастырских развалин. Плиты представляют собой прямоугольные в сечении узкие каменные бруски с гладкими, растрескавшимися от времени гранями, на одной из которых имеются рисунки. Петроглифические памятники такого рода обнаружены в Занскаре впервые. Каменные бруски с рисунками довольно тяжелые, но их вполне может поднять и перенести даже один человек (рис. 3). Этим данные петроглифы отличаются от петроглифов на скалах и валунах, которые привязаны к одному месту. Очевидно, что обнаруженные нами каменные бруски с петроглифами использовались при создании более поздних сооружений как строительный материал. Данная традиция никак не связана с бытующим и в настоящее время обычаем нанесения на небольшие плоские плиты мантр, изображений ступ и других буддийских символов и текстов. Из таких камней обычно складывают невысокие многометровые стенки.

Сюжеты и образы

На узких плитах изображены яки. Эти животные были и являются основой благосостояния тибетского населения, однако их изображений среди петроглифов Занскара не так много, как в наскальном искусстве Верхнего Тибета. Гораздо чаще на камнях и скалах в Занскаре можно видеть изображения козерога или оленя [Bruneau, 2014, p. 83; Vernier, 2016, p. 70–71].

На **первом камне**, длина которого 62 см, а ширина поверхности, покрытой рисунками, 7,3 см, каменным

орудием в технике выбивки с последующей шлифовкой созданы изображения двух пар сражающихся яков. Характерные образы животных лаконично и точно переданы прямыми линиями. Композиция вытянута горизонтально, ее границы определены формой и размерами использованной поверхности плиты (рис. 4).

Правая пара (рис. 5). У обоих зверей тонкими частыми линиями, выполненными, возможно, металлическим орудием, по контуру и внутри туловища показана шерсть. Острым углом выделен характерный для яков горб на холке. Морды треугольные, как у животных на петроглифах Тибета; обозначены приоткрытые пасти. Изображен только один глаз. Лировидные тонкие рога показаны анфас. У всех животных ноги переданы тонкими линиями, хотя в действительности у диких яков толстые ноги, и именно с такими ногами животные изображены на известных петроглифах. Наклонив головы, почти соприкасаясь рогами, звери сошлись в схватке, не смертельной, но, возможно, сопряженной с серьезными ранениями. У одного из яков пушистый хвост поднят вверх и закинут на спину. Зверь, показанный справа, выглядит более массивным, чем его соперник, пушистая кисть его хвоста опущена вниз.

Левая пара (рис. 5, 6). Изображена в такой же манере, как и предыдущая пара. Фигура левого животного передана контурно, шерсть не обозначена. Морда с одним глазом показана в профиль, как и острые, направленные на соперника рога; обозначены уши. Длинный хвост с кистью опущен. Напротив животного, стоящего слева, – як меньших размеров с маленькой треугольной мордой и шерстью, обозначенной тонкими линиями по контуру и всему туловищу. У него пышный хвост и большие рога; заметны уши. Ноги обоих животных показаны в движении, согнутыми. У всех четырех яков обозначены копыта.

На этой же грани на свободной от рисунков поверхности, у края камня, слева имеются следы выбивки, возможно, пробы орудия. Рядом хаотично выгравированы линии, среди которых четко проступает изображение свастики (рис. 7). Поверх изображений яков имеются следы выбивки, которые кажутся беспорядочными (см. рис. 6). Однако эти следы отдельных точечных ударов каменным инструментом, возможно, являются результатом использования рассматриваемых рисунков в культовых целях.

На **втором камне**, длина которого 49 см, ширина поверхности с рисунком 8 см, изображена композиция из двух сражающихся яков и всадника с худой острой собакой (рис. 8). Всадник пытается закинуть лассо на близстоящего зверя. Другой зверь показан с низко опущенной подтреугольной головой и направленными на противника острыми рогами. На морде обозначены один глаз и две тонкие линии – вероятно,

*Полный обзор литературы и источников по изучению петроглифов Ладакха (высокогорный регион в составе штатов Джамму и Кашмир) и Занскара см.: [Francfort, Klodzinski, Mascle, 1990; Vernier, 2007; Bruneau, Vernier, 2010; Bruneau, Bellezza, 2013; Vernier, 2016; Bruneau, 2014; и др.].

Рис. 1. Вид на месторасположение плит с петроглифами в окрестностях д. Манда (Занскар, Индия).

Рис. 2. Плиты на разрушенном буддийском святилище.

Рис. 3. Плита с петроглифами.

Рис. 4. Первая плита с петроглифами.

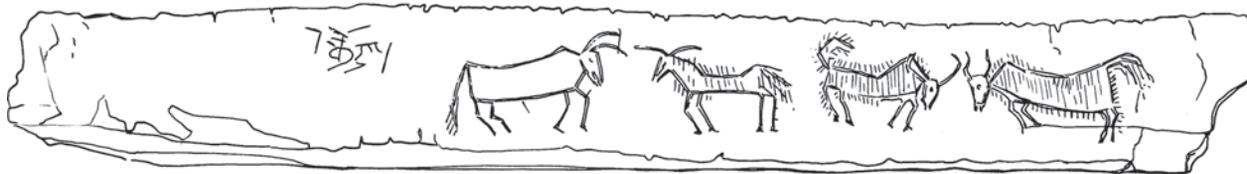

Рис. 5. Прорисовка фигур яков на первой плите.

Рис. 6. Изображение левой пары яков.

Рис. 7. Левый край плиты со следами выбивки и изображением свастики.

веревки (упряжь?), которые, может быть, призваны подчеркнуть то, что животное было домашним. Пышный хвост поднят вверх и загнут на спину. Тонкие ноги показаны в движении, согнутыми. Як изображен в позе нападающего. На его туловище видны следы глубокой выбивки. На треугольной холке выбивкой обозначен неуклюжий завиток, вдоль тела – простые вертикальные линии. Як, изображенный справа, крупный, со слегка отвисшим округлым животом. Его морда в виде треугольника показана в профиль (обозначен только один глаз), а большие лировидные рога – анфас. Хорошо видны уши и что-то вроде маленького плюмажа между ними. Вдоль контуров туловища и ног тонкими гравированными линиями изображена шерсть, линии гравировки покрывают и поверхность тела. Хвост приподнят, но не задран, а пышной кистью свисает вниз. Тонкие ноги животного показаны в движении, согнутыми. Перед мордой и на животе яка – следы беспорядочной выбивки (рис. 9).

Между яками в глубине композиции находится изображение ступы – буддийского погребального и мемориального памятника, имевшего символическое и молитвенное значение (рис. 10). Оно, как и фигуры яков, создано выбивкой каменным орудием с последу-

Рис. 8. Вторая плита с петроглифами.

ющей шлифовкой. Ступа имеет форму полусферы, которую пересекает горизонтальная линия. Вероятно, таким образом художник хотел показать, что купол расположен на круглом основании в виде барабана. Изображения простой ступы в виде полусферы встречаются очень редко. Такие ступы – самые ранние; они близки по форме и происхождению к курганам. Согласно легенде, Будда, когда его спросили о том, каким должно быть его погребальное сооружение, вместо ответа сложил плащ в качестве постамента, а сверху положил свою круглую чашу для сбора подаяний, пе-

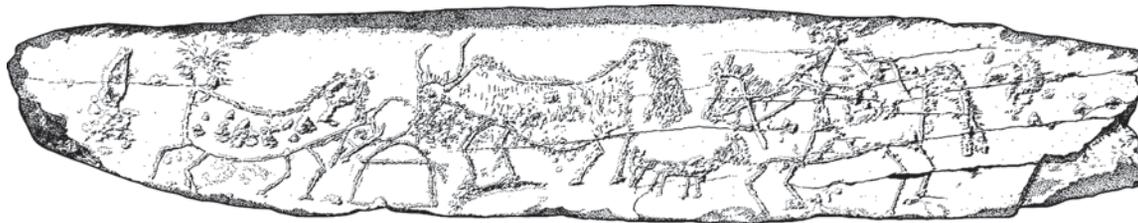

Рис. 9. Прорисовка изображений на второй плите.

Рис. 10. Фрагмент изображения сражающихся яков на фоне ступы.

ревернутую вверх дном [Тюляев, 1988, с. 96]. Ступы, купол которых расположен на круглом основании в виде барабана, датируются I в. до н.э. До какого периода они были распространены – неизвестно. Очень быстро форма ступ начинает усложняться.

В работе Л. Брюно, посвященной классификации ступ Ладакха, подобные ступы отнесены ко второму малораспространенному типу; им трудно найти параллели в архитектуре. Однако, как считает автор, в этой связи можно упомянуть некоторые жертвенные ступы, окаймляющие прадакшина пата на ступе Дхармараджика в Таксиле. Ссылаясь на мнение Дж. Маршалла, исследовавшего Таксилу, Л. Брюно отмечает, что некоторые из таких ступ состояли только из купола, который опирался на барабан, стоявший на земле. Они датируются I в. до н.э. [Bruneau, 2007, p. 65]. Таким образом, изображение ступы указывает на древность обнаруженных нами петроглифов.

На этом же камне справа нарисован всадник. Лошадь, как и яки, изображена прямыми линиями, выбивкой с последующей шлифовкой контура. При всей схематичности изображения в нем много интересных деталей, которые встречены впервые*. Морда лошади развернута к зрителю, показаны оба глаза и уха. Над лбом хорошо виден какой-то начальник –

*Об изображениях лошадей и всадников в Верхнем Тибете и Ладакхе см.: [Bruneau, Bellezza, 2013, p. 67–68].

возможно, забранная в чехол челка или султан. Густая подстриженная грива передана частыми тонкими линиями гравировки. Длинный хвост либо сплетен, либо заключен в чехол и расходится на конце на две пышные пряди. Украшением является подшейная кисть. Лошадь находится в движении – у нее такие же тонкие согнутые ноги, как и у находящихся рядом яков.

Забранная в чехол челка, султан и подшейная кисть как элементы убранства боевых коней появились довольно рано. Они хорошо известны по изображениям на ассирийских, ахеменидских, а затем и сасанидских рельефах. Эти украшения коней полу-

чили широкое распространение в Центральной Азии и на территории Китая, где культура всадников складывалась под влиянием кочевников. Таким набором украшений изначально отмечали коней, принадлежавших знатным воинам [Окладников, 1976, с. 178–184]. В качестве примера можно привести бронзовое изображение коня с наездником, известное как Чикойский всадник (найден на р. Чикой на территории Бурятии), которое относят к культуре хунну (рис. 11).

Рис. 11. Прорисовка изображения на бронзовой бляхе из случайных находок на р. Чикой в Бурятии.

На плите, обнаруженной в окрестностях д. Манда, изображен боевой конь, чье предназначение – война и охота, а не повседневная жизнь у хозяина-скотовода. На петроглифах Ладакха фигур всадников немного (по подсчетам Л. Брюно, их доля не превышает 13 % от всех антропоморфных изображений), еще меньше изображений седла или повода, полностью отсутствуют изображения сбруи [Bruneau, 2014, p. 94].

Всадник показан очень схематично. Его треугольное туловище разделено горизонтальной линией на уровне груди, голова не сохранилась, в одной руке – поводья, в другой – лассо (?). Он пытается не убить, а зарканить свирепого зверя. В этом всаднику помогает собака. Похоже, что пока яки заняты борьбой, охотник готовится к нападению. «Во время схватки яков между собой к ним смело можно подходить... В возбужденном состоянии они не обращают внимания даже на выстрел», – писал П.К. Козлов [1963, с. 242]. Что касается собаки, то ее образ типичен для петроглифов Тибета: на них изображены, как правило, поджарые остроухие псы [Bruneau, 2014, p. 83], не имеющие ничего общего с тибетскими мастифами, которые и сейчас охраняют стада. Надо полагать, что на плите у д. Манда выбита фигура представителя охотничьих пород.

Петроглифы на плитах содержат много важной информации. Наличие изображения ступы указывает на то, что рисунки были нанесены в период проникновения в эти места буддизма, однако вид ступы соответствует значительно более раннему периоду, нежели тот, который принято связывать с «первым распространением буддизма в Тибете» и правлением царя Тисондэцэна (656–797?) [Туччи, 2005, с. 19]. По мнению Дж. Туччи, буддизм проникал в Тибет не только из Индии (под которой следует понимать собственно Индию, а также пограничные с ней Непал и Кашмир), но и из современного Афганистана, Гилгита, из городов вдоль караванных путей Центральной Азии (известных как Великий шелковый путь) и из Китая [Там же, с. 35]. Столь раннее проявление буддийских традиций в Занкаре – изолированном высокогорном районе Тибета – кажется невероятным, но исследователи никогда не исключали такой возможности. Дж. Туччи писал, что продвижение буддизма в эти районы могло происходить и до официально признанного периода, о котором мы знаем из письменных источников [Там же]. Все, что касается бесписьменного, более древнего периода истории, – неизвестно, и только такие редкие находки, как представленные в данной статье могут пролить свет на реальные события. Древние мастера стремились к реалистичности своих изображений, хотя, конечно, для петроглифов всегда была характерна определенная условность. Образы диких яков, лошади, собаки и человека художник смог воплотить на камнях искусно и точно. Надо полагать, что так же точно он изобразил ступу – сооружение, которое было неотъемлемой

частью окружавшего его мира и которое мы не увидим в этом регионе в настоящее время.

В искусстве Тибета очень многое связано с центрально-азиатским влиянием. Нельзя не отметить очень малочисленные, но выразительные изображения яков в культуре кочевников Центральной Азии. Период популярности образа данного животного у этих народов, видевших яков воочию и использовавших их в своей повседневной жизни, приходится на последние годы I в. до н.э. – первые века нашей эры. Изображения яков, которые когда-либо были найдены археологами, относятся главным образом к культуре хунну, хотя создавались не самими кочевниками, а скорее, для них. Такие изображения, выполненные в т.н. зверином стиле, представляют яка как терзаемое хищником (грифон, тигр) копытное травоядное животное. Его образ можно увидеть на золотой бляхе из Сибирской коллекции Петра I, которую связывают с культурой хунну (рис. 12). Он повторяется на аппликациях на войлочных коврах из могил хуннской знати (рис. 13). Реалистичное изображение яка имеется на золотой бляхе, обнаруженной в погребении эпохи Хань на местонахождении Усу (Синьцзян, преф. Тачэн) на северном отрезке древнего Шелкового пути (рис. 14) [Ци Сяошань, Ван Бо, 2008, с. 235]. В природе у диких яков нет врагов, кроме человека. Як непобедим. Таким он представлен в петроглифах Тибета, где имел поистине божественный статус (домашний як в рисунках не воспроизводился). Принципиально иным – терзаемым – як выглядит на изображениях, которые исследователи связывают с культурой хунну. На тибетских петроглифах як нередко является объектом охоты, но это героическая охота, делающая честь охотнику, т.к. зверь свиреп и непредсказуем.

Анализ изображений на плитах позволяет отнести обсуждаемые петроглифы к I в. до н.э., периоду, когда в Тибете появилась культура всадников на конях. Имеющееся среди петроглифов изображение простой

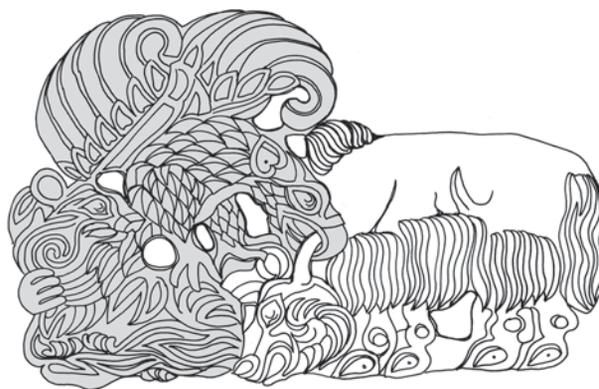

Рис. 12. Прорисовка изображения на золотой бляхе из Сибирской коллекции Петра I.

Рис. 13. Фрагмент аппликации с фигурой яка на войлочном ковре из кург. 20 могильника Ноин-Ула (Монголия).

Рис. 14. Прорисовка изображения яка на золотой бляхе из погребения эпохи Хань на местонахождении Усу (Синьцзян, окр. Тачэн) [Ци Сяошань, Ван Бо, 2008, с. 235].

Рис. 15. Плита с изображением бонской свастики, обнаруженная в разрушенном буддийском святилище у д. Манда в Занскаре.

(архаичной) ступы также датируется I в. до н.э. Разумеется, приведенные параллели указывают на возможную нижнюю дату, но это не исключает того, что изображения с архаичной ступой и лошадью в нарядном центрально-азиатском убранстве могли быть нанесены и позже.

Заключение

Обнаруженные в Занскаре петроглифы открывают новую страницу в истории этого вида изобразительного искусства в указанном регионе. Рисунки нанесены на узкие каменные плиты, которые не привязаны к одному месту и могут менять свое местоположение. Надо полагать, что рассматриваемые изображения не единичны, они иллюстрируют неизвестную до сих пор традицию. Мы уверены, что целенаправ-

ленный поиск именно такого рода петроглифических изображений в Занскаре приведет к новым открытиям.

В композициях, представленных на плитах, заключен двойной смысл. Первый – очевидный: схватка яков во время гона и попытка охотника заарканить животное. Второй смысл сакральный, не столь очевидный, но подразумеваемый. В культуре Тибета як – одно из наиболее важных животных. Он являлся основой благосостояния населения и занимал в религиозной сфере такое же большое место, как и в жизни*. Достаточно сказать, что, согласно этногенетической легенде, одно из тибетских племен (нглоки) ведет свое происхождение от дикого яка [Огнева, 1992, с. 506]. Як играл большую роль в древней религии бон, предшествовавшей буддизму: по известному космогоническому мифу, як нисходит с небес на гору и, когда бодает рогами горы, земля покрывается цветами. Этим действием завершается акт творения, в котором именно яку придана функция сделать землю пригодной для обитания и богоявления [Туччи, 2005, с. 275]. Возможно, изображения боев между яками на плитах, обнаруженных в развалинах монастыря, связаны с этими древними, но не исчезнувшими представлениями. Подтверждением этого можно считать наличие в этом же святилище вместе с разбитыми плитами с изображениями бодхисаттв узкого почти квадратного в сечении каменного бруска, на одной грани которого была выбита бонская свастика (рис. 15).

*О роли и значении яков в жизни и религии населения Тибета см.: www.tibetarchaeology.com/july-2016/ и www.tibetarchaeology.com/august-2016/.

Благодарность

Исследование выполнено за счет гранта Фонда им. Герды Хенкель (проект № AZ 16/BE/15). Авторы выражают благодарность канд. ист. наук Л.В. Зоткиной за консультации по технике нанесения рисунков.

Список литературы

Козлов П.К. Русский путешественник в Центральной Азии. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – 524 с.

Огнева Е.Д. Тибетская мифология // Мифы народов мира. Энцикл.: в 2 т. – М.: Сов. энцикл., 1992. – Т. 2. – С. 506–511.

Окладников А.П. Конь и знамя на Ленских писаницах // История и культура Бурятии. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1976. – С. 178–192.

Полосьмак Н.В. След ведет в Занскар // Наука из первых рук. – 2016. – Т. 12/72, № 5/6. – С. 154–160.

Туччи Дж. Религии Тибета. – СПб.: Евразия, 2005. – 448 с.

Тюляев С.И. Искусство Индии. III-е тысячелетие до н.э. – VII век н.э. – М.: Искусство, 1988. – 342 с.

Ци Сяошань, Ван Бо. Сычоу чжи лу. Синьцзян гудай вэньхуа (Великий шелковый путь. Древние культуры Синьцзяна). – Урумчи: Синьцзян жэньшинь, 2008. – 304 с.

Bruneau L. L'architecture bouddhique dans la vallée du Haut Indus: un essai de typologie des représentations rupestres de stūpa // Arts Asiatiques. – 2007. – Vol. 62. – P. 63–75.

Bruneau L. The Rock art of Ladakh: A Historiographic and Thematic Study // Rock Art: Recent Researches and New Perspectives. – Delhi: New Bharatiya Book Corporation, 2014. – Vol. I. – P. 79–99.

Bruneau L., Bellezza J.V. The Rock Art of Upper Tibet and Ladakh: Inner Asian cultural adaptation, regional differentiation and the 'Western Tibetan Plateau Style' // Rev. d'Etudes Tibétaines. – 2013. – N 28, Décembre. – P. 5–161.

Bruneau L., Vernier M. Animal style of the steppes in Ladakh: a presentation of newly discovered petroglyphs // Pictures in Transformation: Rock art Researches between Central Asia and the Subcontinent / eds. L.M. Olivieri, L. Bruneau, M. Ferrandi. – Oxford: ArchoPress, 2010. – P. 27–36. – (BAR Intern. Ser.; N 2167).

Francfort H.-P., Klodzinski D., Mascle G. Pétroglyphes archaïques du Ladakh et du Zanskar // Arts Asiatiques. – 1990. – Vol. 45. – P. 5–27.

Vernier M. Exploration et documentation des pétroglyphes du Ladakh: 1996–2006. – Como: Nodo Libri, 2007. – 84 p. – (Quaderni Fondazione Carlo Leone et Mariena Montandon).

Vernier M. Zamthang, epicentre of Zanskar's rock art heritage // Rev. d'Etudes Tibétaines. – 2016. – N 35, Avril. – P. 53–105.

Материал поступил в редколлегию 25.08.17 г.

DOI: 10.17746/1563-0102.2018.46.2.068-078
УДК 903.8

А.Е. Астафьев¹, Е.С. Богданов²

¹Мангистауский государственный историко-культурный заповедник
Республика Казахстан

Маңғыстау мемлекеттік тарихи-мәдени қорығы
3-ші шағынаудан, 66, Ақтау, 130001, Қазақстан Республикасы
E-mail: aasta@list.ru

²Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: bogdanov@archaeology.nsc.ru

Жертвенные приношения вещей гуннского облика в каменных оградах Алтынказгана на восточном берегу Каспийского моря

В 2014–2016 гг. на п-ове Мангышлак (Республика Казахстан) было исследовано девять каменных сооружений памятника Алтынказган. Внутри оград из плит обнаружены следы различных ритуальных церемоний: вкопанные в землю сосуды, алтари из известняка и ямы для жертвоприношений статусных предметов. В одной яме найдена богато украшенная конская узда, в другой – поясной набор из золотых инкрустированных изделий, а в третьей – остатки седла (серебряные обкладки и детали гарнитуры). Весь предметный комплекс с Алтынказгана находит многочисленные аналогии в материалах V–VI вв. с территории Северного Причерноморья, Северного Кавказа и Поволжья. Ритуальные захоронения «золотого» пояса, конской узды и парадного седла свидетельствуют о появлении в Прикаспийском регионе уже развитых культов, предполагавших жертвоприношения престижных для воина-всадника вещей. Становление этих всаднических ритуалов связано с кочевым ираноязычным населением, пришедшим на новые территории во время гуннских походов в Иран – в V в. Благодаря регрессивному состоянию Каспия именно тогда существовал сухопутный «мост» между северным и восточным побережьями, через который могли осуществляться контакты между населением полупустынных зон Северного Прикаспия и п-ова Мангышлак. Высказанные в статье предположения подтверждаются историческими свидетельствами и современными геоморфологическими исследованиями Каспийского моря.

Ключевые слова: Мангышлак, Каспийское море, гунны, ритуальные захоронения предметов, Атхарваведа.

A.E. Astafyev¹ and E.S. Bogdanov²

¹Mangistau State Historical and Cultural Reserve,
3-y mikrorayon 66, Aktau, 130001, Republic of Kazakhstan
E-mail: aasta@list.ru

²Institute of Archaeology and Ethnography,
Siberian Branch, Russian Academy of Sciences,
Pr. Akademika Lavrentieva 17, Novosibirsk, 630090, Russia
E-mail: bogdanov@archaeology.nsc.ru

Offerings of Hunnic-type Artifacts in Stone Enclosures at Altynkazgan, the Eastern Caspian Region

In 2014–2015, nine enclosures built of stone slabs were excavated at Altynkazgan on the Mangyshlak Peninsula, Republic of Kazakhstan. Inside them, remains of offering ceremonies were found: vessels dug into the ground, altars made of limestone blocks, and pits for offerings. In one of these, we found a richly decorated bridle, in another, a belt set of inlaid golden plaques, and in the third, remains of a saddle (silver plates and other items). The entire assemblage has numerous parallels among the 5th and 6th century finds from the northern Black Sea area, North Caucasus, and the Volga basin. Ritual burial of a “golden” belt, a bridle, and a ceremonial saddle indicate an advanced cult that included offerings of prestigious belongings of a horseman. These rituals were introduced by Iranian-speaking nomads who had migrated to the eastern Caspian region during the Hunnic

raids to Iran in the 5th century. At that time, owing to the regressive phase of the Caspian Sea, the semi-desert northern Caspian coast was connected with Mangyshlak by a land bridge. Our hypotheses are supported by both historical records and modern geomorphological studies of the Caspian Sea.

Keywords: *Mangyshlak, Caspian Sea, Huns, ritual burial objects, Atharvaveda.*

С неба пусть охраняет тебя золото!
Из середины пусть охраняет тебя серебро!
Из земли пусть охраняет железный!
Этот (человек) ушел вперед к крепостям богов.

Атхарваведа, V, 28: 9

Описание исследованных объектов и находок

Памятник Алтынказган, расположенный на восточном берегу Каспийского моря (рис. 1), представляет собой довольно компактное скопление различных каменных сооружений. Зафиксированы курганы, кладки в виде отдельных стен, подковообразные конструкции и три типа оград. В 2014–2016 гг. были исследованы пять оград, три подковообразные конструкции с «ящиками» из вкопанных плит и кладка в виде стены. На территории всех объектов найдены фрагменты керамических сосудов (и целые формы), в «ящике» выявлено пятно прокала. Характер расположения камней позволил с большой долей вероятности предполагать, что внутреннее пространство двойных «стен» в древности было заполнено бутом. Одной из исследованных оград (объект № 15) посвящена отдельная публикация [Астафьев, Богданов, 2015], поэтому ограничимся лишь констатацией основного факта, важного для темы данной статьи. Внутри этой ограды на уровне древней поверхности расчищены скопления керамики, два лепных сосуда (изначально врытых вертикально в материковое основание), а в яме обнаружены остатки седла гуннского типа – «клад» № 1 (рис. 2).

Другая изученная каменная ограда (объект № 168) имела также прямоугольную форму в плане с ориентацией по сторонам света (размеры 21 × 14 м). Только стены были сложены из плитняка с помощью горизонтальной кладки. Их ширина составляла 0,8–1,2 м. Высота сохранившейся части ограды достигала 0,7 м от уровня поверхности. В северной и южной стенах были проходы шириной 0,9 м, закрытые каменной наброской. Стены ограды сохранились частично: от восточной и западной остался лишь нижний слой (основание). Камни со стен лежали рядом, образуя мощные валы: кто-то специально разбирал кладку и бросал камень тут же в сторону (рис. 3, а). Юго-западный угол ограды полностью разрушен грабительской воронкой. В центре внутренней площадки обнаружены остатки алтарной конструкции в виде полукруга из плоских каменных плит (рис. 3, б). Напротив прохода в середине полукруга в небольшой западине лежал алтарь, изготовленный из цельного мелового блока (60,0 × 61,5 ×

Рис. 1. Месторасположение памятника Алтынказган и схема гуннских походов в Иран в первой половине V в.

× 12,0 см). Он был поврежден в древности и частично перекрыт (после проведения ритуала?) плитами*.

В восточном секторе внутреннего пространства ограды обнаружены контуры двух ям, одна из которых имела следы недавнего проникновения грабителей. В ней найдены остатки пояса («клад» № 2; рис. 3, б):

*Об алтарях вышла отдельная публикация [Астафьев, Богданов, 2016].

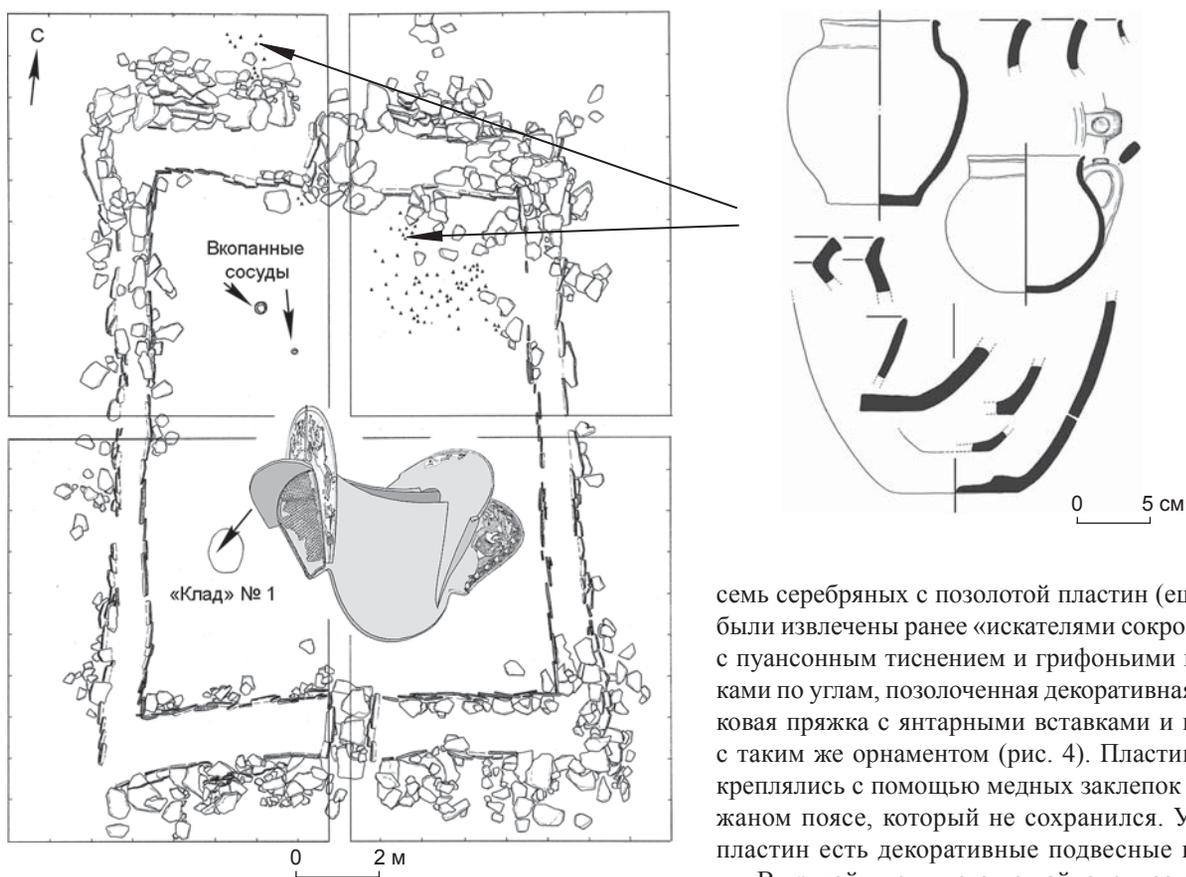

Рис. 2. План каменной ограды (объект № 15) и керамика из нее.

семь серебряных с позолотой пластин (еще три были извлечены ранее «искателями сокровищ») с пуансонным тиснением и грифоньими головками по углам, позолоченная декоративная щитковая пряжка с янтарными вставками и щиток с таким же орнаментом (рис. 4). Пластины закреплялись с помощью медных заклепок на кожаном поясе, который не сохранился. У двух пластин есть декоративные подвесные колечки. В другой яме ничего не найдено, возможно, в ней изначально находился горшок.

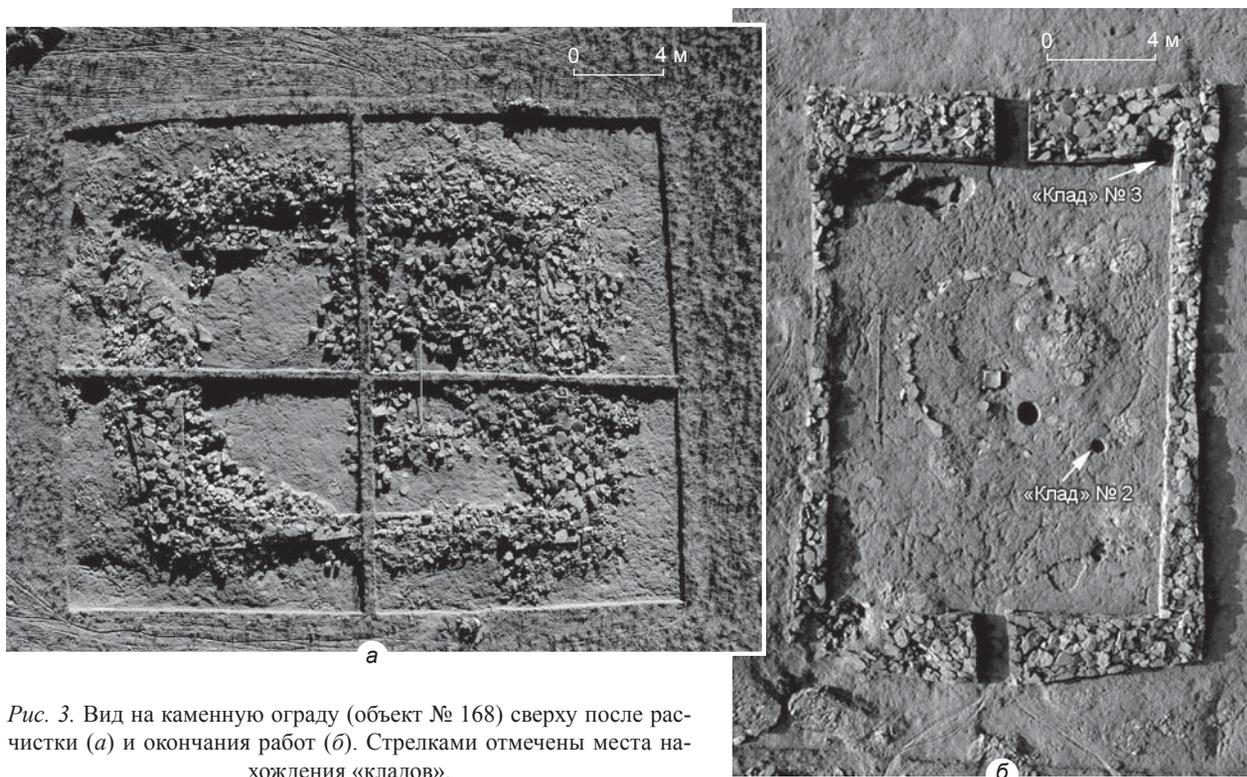
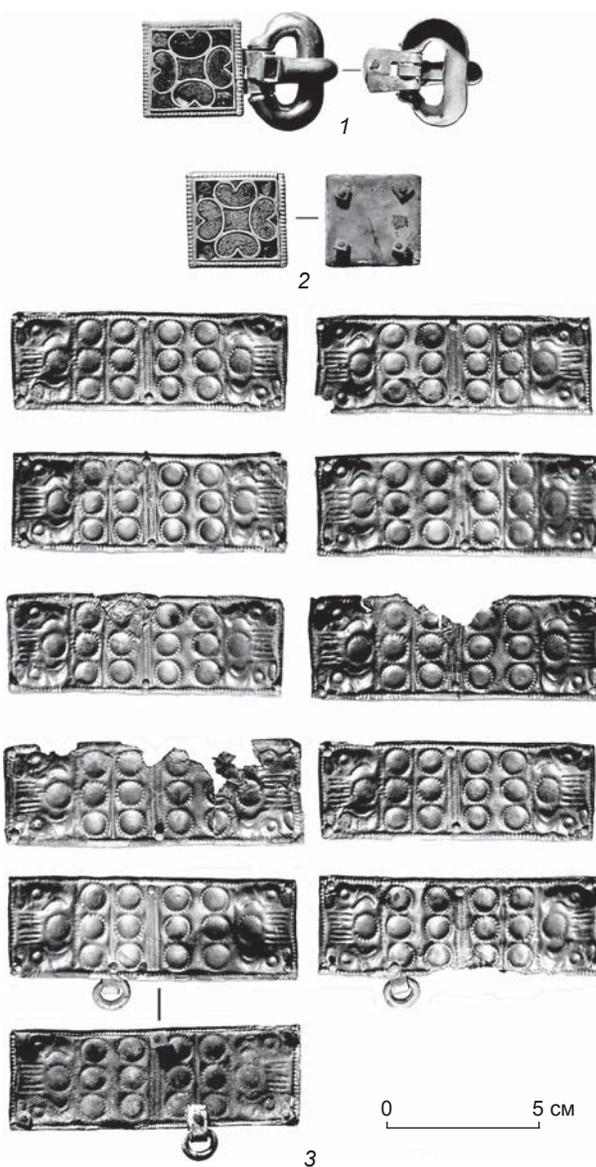

Рис. 3. Вид на каменную ограду (объект № 168) сверху после расчистки (а) и окончания работ (б). Стрелками отмечены места нахождения «кладов».

Рис. 4. Детали пояса («клад» № 2) с объекта № 168.

Под стеной ограды ближе к северо-восточному углу обнаружен «клад» № 3 (см. рис. 3, б). Верхняя часть кладки была потревожена современными грабителями, но зафиксированные *in situ* нижние плиты свидетельствуют о том, что изначально все детали конской узда были уложены под стену ограды в небольшую ямку (подбой). Здесь найдены однотипные шумящие подвески в виде пирамидальных колокольчиков, свернутых из тонкого медного листа (47 шт.); большой цельнолитой колокольчик также пирамидальной формы; железные кольчатые удила с серебряными псалиями; декоративные накладные тонкие пластины (20 шт.) из меди, обложенные серебряной фольгой с позолотой (две укороченные) и полностью орнаментированные методом пуансонно-матричного тиснения; распределители ремней оголовья (4 шт., все одного размера), инкрустированные янтарными вставками и алмандином (?) в центре (на одном сохранился фрагмент ткани, окрашенной в красный цвет); однотипные личины (5 шт., одна в мелких обломках) – тонкие медные пластины, обложенные серебряной фольгой с позолотой, с антропоморфным рельефным изображением, выполненным методом пуансонно-матричного тиснения; ременные пряжки с щитками геральдического типа, инкрустированными янтарем, и полкой рамкой, изготовленной из серебряной пластины с позолотой (4 шт., все однотипные и одного размера); накладная пластина прямоугольной формы с аналогичной фигурной перегородчатой инкрустацией (вставки – янтарь (?)); перегородки с позолотой; подвески (2 шт.) из тонких медных пластин, обложенных серебряной фольгой с позолотой (рис. 5); полусферические полые бляшки (152 шт.) диаметром 7–9 мм (рис. 6); мелкие пастовые бусины белого цвета (12 шт.).

Третья исследованная каменная ограда (объект № 63) располагалась в стороне от основного комплекса сооружений памятника, на небольшом возвышении. Она прямоугольной формы в плане (размеры 15 × 11 м), продольной осью ориентирована по линии В – 3. Стены сложены в технике двухрядной плитчатой кладки с песчано-каменным бутовым наполнением (рис. 7). В восточной и западной стенах были проходы шириной 0,9 м, заложенные (впоследствии?) камнем. В центре ограды расчищена подковообразная алтарная конструкция из вертикально установленных плит с частичным заполнением грунтом и плитчатой отмосткой (рис. 8). Эта фигура разделена радиальными перегородками на три секции. В центре конструкции расчищено сильно растрескавшееся основание «жертвенного» алтаря, изготовленного из мела, – пли-

та четырехугольной формы 50 × 37 см, толщиной 4–7 см с плохо сохранившимися округлыми выступами (диаметр 9 см) по углам.

Следов ям внутри ограды не обнаружено. На уровне древней поверхности у стен (с внешней и внутренней стороны) найдено более десятка фрагментов лепной и станковой сероглиняной посуды (рис. 8).

Интерпретация материала

На высокую значимость ритуальных действий в каменных сооружениях Алтынказгана указывает большое количество различных предметов, в т.ч. из благородных металлов. Стратиграфические наблюдения позволяют сделать вывод о том, что «клады» внутри оград были заложены через

Рис. 5. Детали конской узды («клад» № 3) с объекта № 168.

1 – медные шумящие подвески; 2 – бронзовая подвеска; 3 – железные удила с серебряными псалиями с позолотой; 4 – сбруйные пластины (медь, серебро, позолота); 5–8 – распределители ремней (медь, серебро, позолота, пастовые вставки); 9 – фрагмент ткани; 10–14 – личины – конские налобные украшения (медь, серебро, позолота); 15–17 – пряжки сбруйных ремней (медь, серебро, позолота); 18 – пластина с инкрустацией (медь, серебро, позолота); 19, 20 – подвески (медь, серебро, позолота).

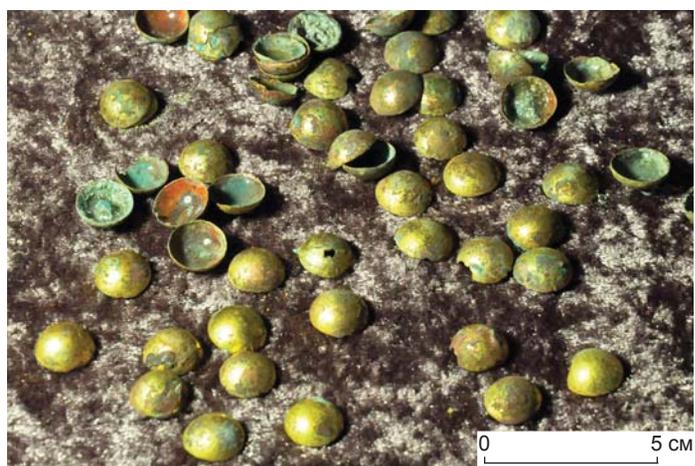

Рис. 6. Бляшки (медь, позолота) из «клада» № 3.

Рис. 7. Вид на каменную ограду (объект № 63) сверху после окончания работ.

некоторое время после сооружения последних. Возможно, напрямую эти явления не связаны между собой. В настоящий момент достаточно сложно точно установить время постройки оград: из-за отсутствия костей и угля невозможно выполнить датирование естественно-научными методами. В начале нашего исследования мы пришли к выводу, что планиграфия и формы каменных сооружений указывают на позднесарматский круг памятников. Это позволило соотносить ограды с «местами ритуальных трапез» [Астафьев, Богданов, 2015, с. 79–80]. Однакостораживало то, что Алтынказган отличается от других подобных памятников в регионе по размерам и количеству объектов на сравнительно небольшой площади. Все остальные известные ограды на Мангышлаке (Устюрте), в Туркмении единичны, и их стены сложены в грубой манере, из различного камня или земли. Наличие в них каких-либо дополнительных конструкций или алтарей визуально не установлено. Если учитывать ритуальные захоронения на площади алтынказганских оград статус-

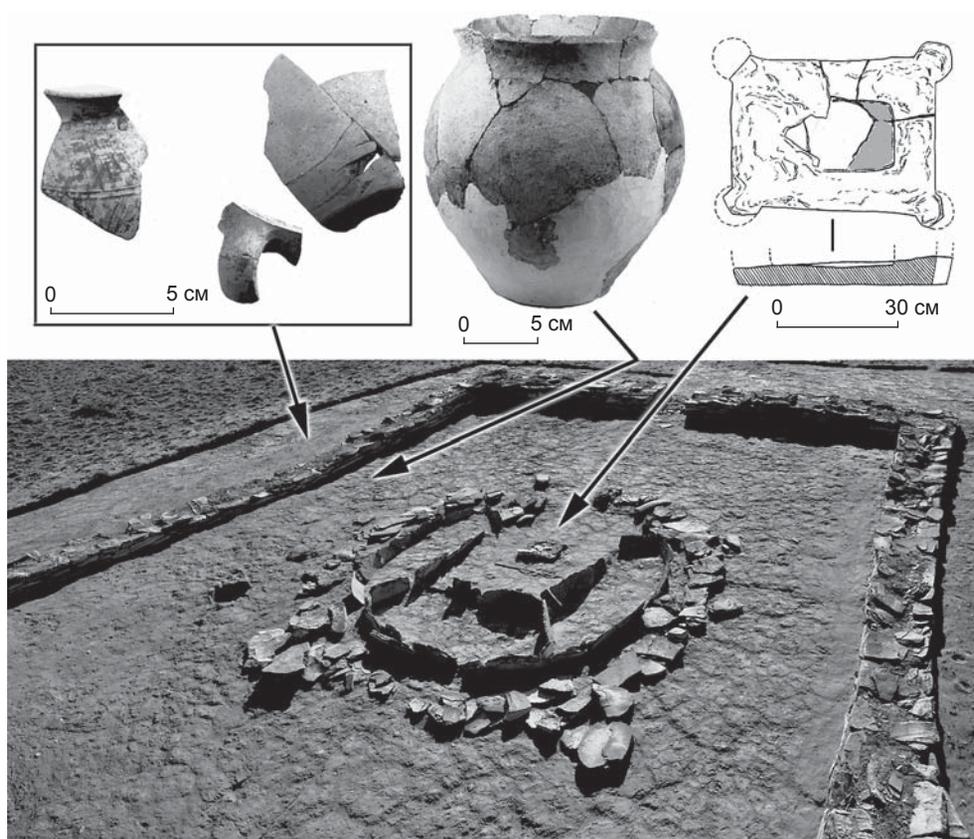

Рис. 8. Алтарная конструкция в центре каменной ограды (объект № 63) и находки.

ных предметов, принадлежавших воину-всаднику, то можно говорить о явлении совсем иного уровня, чем просто «места ритуальных трапез». Были ли в каждой ограде (конструкциях) такие «клады», сказать сейчас затруднительно. Но почти во всех случаях мы фиксируем следы разрушения стен каменных сооружений в древности. Вероятно, о наличии под камнями золотых и серебряных украшений знали, что и могло привести к массовому разрушению подобных конструкций грабителями. Само название Алтынказган – «место, где копали золото» (казах.) явно тюркского происхождения. По нашим наблюдениям, процесс разграбления памятника мог быть начат в VII в. н.э. Уже доказана датировка седла и предметов седельной гарнитуры из «клада» № 1 [Там же, с. 82–83]. Кроме того, бесспорно, что «изобразительный текст» на алтынказганских обкладках [Там же, рис. 5–9] вполне соответствует «царской тематике», а владелец седла (или «заказчик» ритуала) имел очень высокий статус в кочевой воинской иерархии. На большую значимость ритуальных действий в оградах Алтынказгана указывает и позолоченный наборный пояс с инкрустированными пряжками («клад» № 2). Общеизвестно, что у кочевников пояс был самой ценной частью костюма в силу его особого уважения и почитания (см., напр.: [Добжанский, 1990, с. 45–80]). Но наличие пояса (как части одежды человека) в погребении – это одно, а его захоронение в специальном месте – явление абсолютно другого порядка. Тем более что, например, полая поясная пряжка из фольгированного металла нефункциональна в силу своей хрупкости, а значит, сам пояс был ритуальным. Все это позволяет говорить именно о знаковости «золотого» пояса. По мнению Б.А. Литвинского, золото всегда ассоциировалось с царской властью: «... это один из составных элементов индоиранского мифологического цикла: царь – огонь – золото» [1982, с. 35]. «Золото в ведическое время рассматривалось как жизнь, собственно прана – жизненная сила или еще более часто – “продолжительность жизни, полный жизненный цикл, так называемое бессмертие”» [Там же, с. 42]. В «Атхарваведе», сборнике заклинаний и ритуалов, датированном началом I тыс. до н.э., пояс выступает как мощная магическая сила. Как выяснила К.Я. Елизаренкова, он использовался в ряде важнейших ритуалов, в т.ч. когда подпоясывали человека во время посвящения [Атхарваведа (Шаунака), 2005, с. 519]. «В заговорах на долгую жизнь из богов прежде всего обращаются к богу огня Агни, который считается непосредственно связанным с жизненной силой. Из амулетов используются золото, жемчужины, дерево определенной породы (pītudru) и священный пояс» [Атхарваведа, 1989, с. 34–35].

< К поясу – на долгую жизнь >

1. Бог, который завязал этот пояс,
Который стянул (его) и который соединил его для нас,
Бог, по чьему приказу мы движемся, –
Пусть ищет он другой берег и освобождает нас!
.....
5. О ты, кого древние создатели существования
Риши повязывали вокруг,
Обними ты меня
На долголетие, о пояс!

Атхарваведа, VI, 133: 1, 5

Как отмечал в своих исследованиях А.И. Иванчик, «в индоиранской традиции не только чаша, но и пояс ассоциировались с жречеством» [2001, с. 337]. Доказательств можно привести множество. Например, когда в Сасанидской империи при Варахране I Картир был утвержден в звании верховного жреца, ему были пожалованы инвеститурные знаки титула – головной убор определенной формы и пояс [Луконин, 1969, с. 105]. «Специальный пояс (kostik) играл важную роль в зороастрийских обрядах: верующие должны были носить его с определенного возраста» [Иванчик, 2001, с. 337]. Именно такой пояс позволил зороастрийскому мифическому царю одержать победу над Ахриманом и демонами [Там же, с. 338]. Все это позволяет интерпретировать алтынказганский «клад» № 2 через призму ритуала, так или иначе связанного с «царской тематикой». В нем пояс выступает символом власти и высокого социального статуса. Также с точки зрения ритуала следует рассматривать и алтынказганский «клад» № 3 – роскошный уздечный набор из позолоченных серебряных, медных предметов, в т.ч. с орнаментом и инкрустацией (рис. 9).

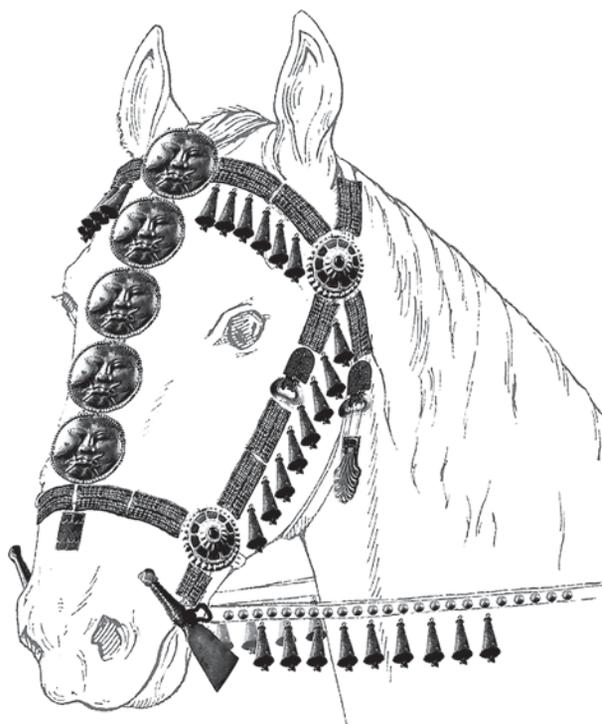
Как уже было сказано выше, мы не можем точно сказать, когда был возведен культовый комплекс из каменных оград на Алтынказгане. Но можно предположить, кто и с какой целью совершил ритуальные захоронения вещей. Для начала попытаемся очертить круг аналогий для предметов из «кладов» № 2 и 3 (для деталей алтынказганского седла он уже определен [Астафьев, Богданов, 2015, с. 80]). Поясные пряжки с хоботковидным язычком и щитком с перегородчатой инкрустацией (см. рис. 5, 15, 16) массово встречаются среди гуннских древностей второй половины V – первой трети VI в. Подобные предметы найдены в могиле VIII Новогригорьевки, в погребениях у г. Бирска и г. Уфы [Амброс, 1989, рис. 7, 1; 28, 2; 34, 13–15; 35, 30–33]. Здесь стоит обратить внимание не только на технологические и конструктивные элементы (инкрустация), но и на стилистические моменты (рассеченный бордюры на щитке – имитация веревочного орнамента). Так, например, близкие по типологическим и стилистическим признакам щитки пряжек найдены в разрушенном погребении у д. Федоровки (Поволжье) [Засецкая, 1994, табл. 34, 15]. Если гово-

Рис. 9. Реконструкция парадной конской узды («клад» № 3) с объекта № 168.

речь конкретно об оформлении щитков алтынказганских пряжек, то таким же «бобовидным» орнаментом с вставкой украшен конский фалар из случайных находок на территории Европы (хранится в музее г. Штутгарта) [Quast, 2007, Abb. 1]. Есть он на украшениях из керченских катакомбных погребений [Спицын, 1905, рис. 28] и на сбруйных предметах из Цибилума (Абхазия) [Воронов, Юшин, 1973, рис. 15, 6–12, 16–18, 21, 22]. Пластины (медная основа обтянута золотым листом) со штампованным орнаментом в виде кружков, имитирующих круглые гнезда для вставок, бордюром с насечками найдены в погр. 957 Усть-Альминского некрополя (Крым) [Пуздровский, 2010, рис. 3, 4–7; 4, 3–7], в мог. VIII, IX Новогригорьевки, в погребении на территории колхоза «Восход» близ г. Покровска на нижней Волге [Амброз, 1989, рис. 7, 7; 8, 4, 19; 15, 13]. Есть они и среди случайных находок с Северного Кавказа [Там же, рис. 8, 11], и в материалах могильника Брут-1 (кург. 9) [Габуев, 2014, рис. 64, 7]. Круг аналогий для алтынказганских сбруйных пластин с веревочным бордюром и штампованным орнаментом в виде «зерновидных фигур» (см. рис. 5, 4) также может быть очерчен в пределах территории Причерноморья, Поволжья и Южного Приуралья. Двенадцать таких штампованных бронзовых пластин, обтянутых золотым листом, найдены в погр. 2 кург. 4 у с. Владимирского, шесть – в мог. VII Новогригорьевки, одна – в кург. 3 у ст. Шипово [Засецкая, 1994, табл. 6, 9; 35, 7, 8; 40, 4]. Показательно, что в первых двух случаях в состав конской сбруи, кроме этих пластин, входили круглые личины (по 3 шт.) с антропоморфными изображениями [Там же, табл. 6, 3, 4; 35, 9]. По технологическим и иконографическим особенностям они имеют чрезвычайно большое сходство с алтынказганскими. Хотя, конечно, последние более проработаны и им придан «демонический» вид (см. рис. 5, 10). А.К. Амброз считал, что «появление масок на сбруе кочевников можно связать с влиянием Рима или Ирана» [1989, с. 73]*.

Для темы нашей статьи важно то, что практически все предметы из алтынказганских «кладов» укладываются в типологические схемы гуннских древностей

* Данное предположение малодоказуемо, т.к. ни античная (римская) традиция изображения масок Горгоны, ни сасанидская торевтика не проливают свет на интересующие нас вопросы. А вот, например, антропоморфные изображения на уздечных кожаных и деревянных подвесках из кург. 1 Пазырыка [Руденко, 1953, табл. XLIII, LXXX, 6, 7] могут свидетельствовать об иных истоках этого феномена в гуннское время.

именно второй половины V – первой трети VI в. Дальнейший поиск аналогий и анализ погребального инвентаря из синхронных Алтынказгану памятников не могут приблизить нас к ответу на поставленные выше вопросы. Продвинуться в этом направлении помогут письменные свидетельства. Основными источниками информации о событиях интересующего нас времени являются записи Приска Панийского, а также сочинения историков Иордана и Египсе. Эти сведения в различной интерпретации были изложены много раз в современной исторической (археологической) литературе (см., напр.: [Гадло, 1979, с. 49–57; Казанский, Мастыкова, 2009, с. 123–125; Габуев, 2014, с. 82–86; и др.]). Для нас интересна информация о походе гуннов Васиха и Курсиха из степей Скифии в Мидийскую область (Иран), как считает А.В. Гадло, примерно в 420–430-х гг. [1979, с. 49–50]: «По рассказам их, они проехали степной край, переправились через какое-то озеро, которое Ромул полагал за Меотиду, и по прошествии пятнадцати дней перешли какие-то горы, вступили в Мидию...» [Сказания..., 1860, с. 62–63]. А.В. Гадло, а вслед за ним и М.М. Казанский с А.В. Мастыковой также считали, что гунны миновали именно Азовское море в низовьях Дона и через Дарьяльское ущелье попали в подвластную Ирану Грузию. Затем они вернулись в степи по западному побережью Каспийского моря через территорию современного Баку [Гадло, 1979, с. 49–50; Казанский, Мастыкова, 2009, с. 123–124]. Если допустить, что гунны действительно переправлялись через Азовское море (что само по себе очень

странно: почему бы не обойти северными степями?), то они неминуемо и беспрепятственно прошли границы и городские центры Боспорского царства, Колхиды, Иберии, Армении, при этом перевалив «какие-то горы» – Армянское нагорье или Малый Кавказ. И только тогда они смогли бы попасть в Мидию, занимавшую в то время современные территории Азербайджана, Армении, Восточной Турции, Ирака, Ирана и Афганистана. В другом варианте всадникам пришлось бы преодолевать хребты Большого Кавказа и опять же пройти Малый Кавказ. В любом случае, гунны должны были преодолеть не просто горы, а целую горную страну. Данные гипотезы представляются маловероятными. В свете попытки осмысления путей попадания на географически изолированную (Каспийским морем и безводным плато Устюрт) территорию п-ова Мангышлак комплекса металлических изделий, однозначно сопоставимых с гуннскими древностями нижней Волги, Северного Кавказа и Причерноморья, мы хотели бы рассмотреть иной вариант маршрута Васиха и Курсиха.

Некоторыми исследователями [Гумилёв, 1966, с. 63–64, 182; Галкин, 1978; Астафьев, 2014, с. 238–239] была выдвинута версия о существовании в периоды регрессивного состояния Каспия обширного сухопутного «моста» между северным и восточным побережьями, как раз в районе п-ова Мангышлак. Особенности морского дна Северного Каспия таковы, что уже при уровне стояния моря ок. 30 м на месте впадины Уральская бороздина образовывался огромный пресноводный водоем, питаемый реками Ахтуба, Урал, Эмба и отделенный от моря широким, до 50 км, перешейком с протоками. При этом дельта Волги перемещалась к югу на 70–80 км. С учетом благоприятной климатической обстановки «мост» мог с успехом «соединить» народы Европы и Азии (см. рис. 1). Согласно геоморфологическим исследованиям, подобные события в голоценовой истории Каспия могли повторяться несколько раз [Варущенко С.И., Варущенко А.Н., Клиге, 1987, с. 62–75, табл. 7, рис. 13; Гумилёв, 1980, с. 36, рис. 2]. Исследователи едины во мнении, что со второй половины V в. уровень Каспия опускался до минимальных отметок в VI в., достаточных для существования перешейка либо мелководья во время ветровых нагонов, позволяющего передвигаться вброд [Закарин, Балакай, Дедова, 2006, с. 92]. Это вероятная локализация «какого-то» озера и логичное объяснение переправы через него гуннского отряда по версии Приска Панийского. За озером гунны двигались еще 15 дней и перешли «какие-то» горы. Беспрепятственный для всадников путь вдоль восточного побережья Каспийского моря через пустыни Мангышлака и Туркменистана до предгорий иранского Эльбурса составляет чуть больше 1 000 км, что при 15-дневном маршруте соответствует прохождению

ок. 70 км в день (для степных пород лошадей это далеко не предел дневного перехода [Долбе, 2012]). Аридные территории Мангышлака и Туркменистана могли стать коридором для быстрого продвижения гуннов на юг. И наконец, на этом маршруте «какими-то» горами будут предгорья Южно-Каспийского хребта Эльбурса. Так гуннские отряды могли попасть на территорию современного Ирана.

Конечно, такая интерпретация похода Васиха и Курсиха на данный момент спорная. Разумеется, однозначно мы не считаем появление алтынказганских древностей прямым следствием прохождения через Мангышлак гуннов. Характер разрушения комплекса древними грабителями, а также богатство и многообразие найденных в настоящее время металлических изделий V в. свидетельствуют о более длительном бытовании последних, нежели кратковременное пребывание гуннов на Мангышлаке. Идея существования северо-восточного каспийского «моста» более глобальна и предполагает периодически устойчивые этнокультурные контакты между населением полупустынных зон Северного Прикаспия и п-ова Мангышлак. Не стоит забывать и о том, что гуннские походы в Иран (Мидию), по сути, представляли собой миграцию разноэтнических племенных объединений, пусть даже под руководством «царских гуннов». Ритуалы на алтынказганском культовом комплексе могли проводиться гуннами Руи–Аттилы или же ираноязычными группами Предкавказья (акацирами?) – как считает А.В. Гадло, потомками алаано-сарматского населения степи [1979, с. 52–53]. Для групп ираноязычного (тюркоязычного?) происхождения в урало-казахстанских степях, которые, возможно, зимовали в песках Мойынкум и в предгорьях Каратау, а на лето откочевывали в Центральный Казахстан и Южное Зауралье, вплоть до кромки лесостепной зоны Урала [Таиров, 1993, с. 23], характерны совсем иные ритуальные действия. По мнению И.Э. Любчанского, именно эти группы, «попав в V в. под вассальную зависимость от сильного эфталито-кидаритского государства», могли оставить курганы с «усами» [Любчанский, 1996, с. 307]. Мы не собираемся подробно рассматривать погребения или ритуальные комплексы, связанные с огнем (кремацией), как например, Новофилипповка и Солончанка I (см.: [Казанский, Мاستыкова, 2009, с. 118]), хотя там и находят предметы гуннского облика. Как считает А.В. Комар, «курганы с “кострищами” Саратовского Поволжья представляют заключительный хронологический этап развития ритуальных комплексов гуннских племен Восточной Европы конца V – первой трети VI века, а курганы с “усами” урало-казахстанских степей демонстрируют полностью сформированный облик сооружений уже во второй четверти V века» [2013, с. 105].

Этот исследователь, опираясь на сообщения Иордана о похоронах Агтилы и публикации поволжских, северопричерноморских и восточно-европейских материалов, убедительно обосновал версию о существовании у гуннских племен пространственного разделения места погребения тела и места совершения жертвенного приношения вещей [Там же, с. 103]. Правда, большинство европейских и российских исследователей эти приношения так или иначе связывают с поминальными (погребальными) обрядами. В то же время, например, в венгерском комплексе из Паннонхальмы предметы не имели следов огня: в неглубокой яме (до 1 м) лежали два меча (с ремнями для их ношения?) и два уздечных комплекта [Томка, 1986, р. 423–425]. В остальных случаях статусные вещи воинов-всадников подвергались «очистительному» огню и/или преднамеренно портились, как это прослежено, например, в Макартете (Поднепровье) (об этом см.: [Комар, 2013, с. 91–103]). Но ни в Паннонхальме, ни в Макартете поблизости от «ритуальных захоронений» вещей не обнаружено никаких погребений. Данный факт может объясняться тайным (без наземного сооружения) характером большинства известных в настоящее время захоронений знатных гуннов. Но это не означает, что все зафиксированные археологами ритуальные действия обязательно должны иметь поминальный характер и сопровождаться захоронением.

Анализ предметов из погребальных и поминальных памятников позволил А.В. Комару сделать вывод о существовании «единого этнокультурного пространства в степях от Дуная до Южного Урала в первой половине V века» [Там же, с. 100]. Хотя в Прикаспии (Алтынказган) найдены каменные ограды, в которых мы фиксируем ярко выраженные всаднические культы, в Северном Причерноморье и Восточной Европе на первый план выходят ритуальные захоронения предметов воинов-всадников, а в Поволжье и урало-казахстанских степях преобладают курганы с «кострищами» и с «усами», в последнем случае, как считает А.В. Комар, «без воинских атрибутов, с одним или несколькими сосудами, относящимися к обычному поминальному ритуалу» [Там же, с. 104]. Однако, например, найденные в алтынказганских оградах сосуды (вкопанные и/или разбитые), следы прокала около алтарных конструкций скорее свидетельствуют о проведении дозораострийских ритуалов, посвященных воде (хаоме) и огню. Б.А. Литвинский со ссылкой на Дж. Гонду [Gonda, 1974, р. 49] очень интересно проинтерпретировал описанные в Атхарваведе церемонии, связанные с царем и золотым сосудом: «Это напоминает следующее ритуальное предписание: что человек, долго отсутствующий и считавшийся умершим, после своего возвращения должен был совершить ритуал

возрождения в золотом (или глиняном) сосуде, наполненном расплавленным маслом и водой» [1982, с. 42]. Захоронение золотых статусных предметов вполне укладывается в общую картину ритуала:

Пусть дадут домотканую одежду,
А также золото как жертвенную награду –
Так полностью достигнут миров,
(Тех), что земные и что небесные.

Атхарваведа, IX, 5: 14

Поэтому постройка сложных и трудозатратных каменных сооружений вместе с вкопанными крупными сосудами вряд ли может быть названа «обычным поминальным ритуалом»*.

Выводы

1. Захоронения статусных предметов воина-всадника в каменных оградах Алтынказгана могли возникнуть после гуннских походов в Иран (Мидию) – во второй половине V – первой трети VI в., когда вследствие регрессивного состояния Каспия существовал сухопутный переход между северным и восточным побережьями с выходом на п-ов Мангышлак в районе памятника Алтынказган.

2. Ритуальные захоронения «золотого» пояса, парадного седла, статусных украшений конской узды проводились в честь (по заказу) знатных представителей кочевых сообществ ираноязычной группы (Предкавказья?). Факты доказывают существование в Арало-Каспийском регионе уже развитых культов, связанных с жертвенным приношением престижных для воина-всадника вещей и о проведении дозораострийских ритуалов, посвященных воде и огню.

3. Сходство предметных комплексов V–VI вв. из погребальных и поминальных памятников Восточной Европы, Северного Причерноморья, Поволжья и Прикаспия свидетельствует не об «едином этнокультурном пространстве», а о существовании в среде кочевой элиты определенной «моды» на вещи из драгоценных металлов с инкрустацией. Эта «мода», вероятно, возникла в результате активных контактов кочевников с сасанидским Ираном и с государственными объединениями, находившимися в сфере его влияния.

Благодарность

Статья подготовлена по плану НИР в рамках Программы XII.186.2.1, проект № 0329-2018-0003.

*На эту тему готовится отдельная публикация.

Список литературы

- Амброз А.К.** Хронология древностей Северного Кавказа (V–VII вв.). – М.: Наука, 1989. – 134 с.
- Астафьев А.Е.** Неолит и энеолит полуострова Мангышлак. – Астана: Фил. Ин-та археологии, 2014. – 360 с. – (Материалы и исследования по археологии Казахстана; т. 6).
- Астафьев А.Е., Богданов Е.С.** Парадное седло из Алтынказгана // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2015. – Т. 43, № 4. – С. 72–84.
- Астафьев А.Е., Богданов Е.С.** Алтари Северо-Восточного Прикаспия (ранний железный век): постановка проблемы // Труды XXI археологического съезда в Барнауле – Белокурихе. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2016. – Т. 2. – С. 13–19.
- Атхарваведа:** Избр. / пер., коммент. и вступ. ст. Т.Я. Елизаренковой. – М.: Наука, 1989. – 406 с.
- Атхарваведа (Шаунака)** / пер. с вед., вступ. ст., коммент. и прил. Т.Я. Елизаренковой: в 3 т. – М.: Вост. лит. РАН, 2005. – Т. 1: Книги I–VII. – 573 с. – (Памятники письменности Востока; вып. CXXXV).
- Варущенко С.И., Варущенко А.Н., Клиге Р.К.** Изменение режима Каспийского моря и бессточных водоемов в палеовремени. – М.: Наука, 1987. – 239 с.
- Воронов Ю.В., Юшин В.А.** Новые памятники цецельдинской культуры в Абхазии // СА. – 1973. – № 1. – С. 171–191.
- Габуев Т.А.** Аланские княжеские курганы V в. н.э. у села Брут в Северной Осетии. – Владикавказ: Изд.-полиграф. предприятие им. В.А. Гассиева, 2014. – 184 с.
- Гадло А.В.** Этническая история Северного Кавказа IV–X вв. – Л.: Изд-во Ленингр. гос. ун-та, 1979. – 217 с.
- Галкин Л.Л.** Северо-Восточный каспийский «мост» эпохи бронзы (к постановке проблемы) // Древние культуры Поволжья и Приуралья. – Куйбышев: Куйбышев. гос. пед. ин-т, 1978. – С. 37–38.
- Гумилёв Л.Н.** Открытие Хазарии (ист.-геогр. этюд). – М.: Наука, 1966. – 192 с.
- Гумилёв Л.Н.** История колебания уровня Каспия за 2000 лет: (с IV в. до н.э. по XVI в. н.э.) // Колебания увлажненности Арало-Каспийского региона в голоцене. – М.: Наука, 1980. – С. 32–48.
- Добжанский В.Н.** Наборные пояса кочевников Азии. – Новосибирск: Наука, 1990. – 162 с.
- Долбе В.** Лошади степных пород: физические характеристики, особенности, тебенежка и корма: По историческим источникам и новейшим данным: Хрестоматийная подборка документальных свидетельств. – Рига, 2012. – URL: <http://annales.info/step/dolbe/stephors.htm>
- Закарин Э.А., Балакай Л.А., Делова Е.В.** Моделирование гидродинамики Северного Каспия // Экстремальные гидродинамические события в Урало-Каспийском регионе: тр. Междунар. науч. конф., Москва, 19–20 окт. 2006 г. – М., 2006. – С. 92–96.
- Засецкая И.П.** Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV – V в. н.э.). – СПб.: Эллипс, ЛТД, 1994. – 224 с.
- Иванчик А.И.** Еще раз о «греческой» легенде происхождения скифов (Herod., IV, 8–10) // Миф. – 2001. – № 7. – С. 324–350.
- Казанский М.М., Мастыкова А.В.** «Царские» гунны и акациры // Гунны, готы и сарматы между Волгой и Дунаем. – СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2009. – С. 114–126.
- Комар А.В.** Комплекс из Макартета и ритуальные памятники гуннского времени // Гуннский форум: Проблемы происхождения и идентификации культуры евразийских гуннов. – Челябинск: Рифей, 2013. – С. 88–109.
- Литвинский Б.А.** «Золотые люди» в древних погребениях Центральной Азии (опыт истолкования в свете религии) // СЭ. – 1982. – № 4. – С. 34–43.
- Луконин В.Г.** Культура сасанидского Ирана: Иран в III–V вв.: Очерки по истории культуры. – М.: Наука, 1969. – 242 с.
- Любчанский И.Э.** Хронологические аспекты комплексов «курганов с усами» Евразийской степи // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. (вопросы хронологии). – Самара: Самар. обл. ист.-краевед. музей, 1996. – С. 303–310.
- Пуздровский А.Е.** Воинское погребение гуннской эпохи из Усть-Альминского некрополя // Археологический альманах. – Донецк: Донбасс, 2010. – № 22: Древняя и средневековая Таврика. – С. 285–310.
- Руденко С.И.** Культура населения Горного Алтая в скифское время. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. – 404 с.
- Сказания Приска Панийского** / пер. с греч. и коммент. Г.С. Дестуниса. – СПб.: [Тип. Имп. акад. наук], 1860. – 112 с.
- Спицын А.А.** Вещи с инкрустацией из керченских катакомб 1904 года // Изв. Имп. археол. комиссии. – 1905. – Вып. 17. – С. 115–119.
- Таиров А.Д.** Пастбищно-кочевая система и исторические судьбы кочевников урало-казахстанских степей в I тысячелетия до н.э. // Кочевники урало-казахстанских степей. – Екатеринбург: Наука, 1993. – С. 3–23.
- Gonda J.** Background and Variants of the Hiranyagarbha Conception // Studies in Indo-Asian Art and Culture. – 1974. – Vol. 3. – P. 39–54.
- Quast D.** Zwischen Steppe, Barbaricum und Byzanz: Bemerkungen zu prunkvollem Reitzubehör des 5. Jahrhunderts n. Chr. // Acta Praehistorica et Archaeologica. – 2007. – Bd. 39. – S. 35–64.
- Tomka P.** Der hunnische Fürstenfund von Pannonhalma // Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae. – 1986. – Vol. 38. – P. 423–488.

*Материал поступил в редколлегию 14.04.16 г.,
в окончательном варианте – 24.11.17 г.*

DOI: 10.17746/1563-0102.2018.46.2.079-089
УДК 904

Г.В. Кубарев

*Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: gvkubarev@gmail.com*

Древнетюркские оградки Кызыл-Шина (Юго-Восточный Алтай)

Статья посвящена материалам археологических раскопок пяти древнетюркских оградок (№ 1, 6, 9, 12, 18) погребально-поминального комплекса Кызыл-Шин в Кош-Агачском р-не Республики Алтай. Уникальные артефакты (деревянные ящичек и посуда, панцирные пластины и др.), сохранившиеся благодаря особенностям грунта, а также воздушной камере в жертвенниках нескольких объектов, существенно расширяют наши представления о предметном комплексе жертвенников в древнетюркских поминальных сооружениях и в целом о поминальной обрядности древних тюрков Алтая. Полученная информация позволяет более определенно судить об этапах сооружения данных объектов и их отдельных элементов. Наличие votивных нефункциональных вещей подчеркивает одну из наиболее характерных черт поминального обряда древних тюрков, которая согласуется с интерпретацией древнетюркских оградок как культовой модели жилища – своеобразного последнего пристанища души (духа) умершего. Хорошая сохранность листовидных стволов, вкопанных в центре объектов, позволила провести перекрестное датирование с использованием радиоуглеродного и дендрохронологического анализов. Установлено, что эти объекты возведены в конце VI – VII в. Хотя исследованные в урочище Кызыл-Шин поминальные сооружения относятся к т.н. яконурскому типу, они синхронны смежным оградкам кудыргинского типа. Это свидетельствует о том, что типология археологических памятников не всегда отражает их хронологическую и эволюционную связь. Различия в конструкции и взаиморасположении объектов могли диктоваться другими факторами.

Ключевые слова: Юго-Восточный Алтай, древнетюркские поминальные оградки, жертвенник, листовидные стволы, votивные предметы, дендрохронологическое и радиоуглеродное датирование.

G.V. Kubarev

*Institute of Archaeology and Ethnography,
Siberian Branch, Russian Academy of Sciences,
Pr. Akademika Lavrentieva 17, Novosibirsk, 630090, Russia
E-mail: gvkubarev@gmail.com*

Old Turkic Stone Enclosures at Kyzyl-Shin, Southeastern Altai

This study outlines the results of excavations of five Old Turkic stone enclosures (No. 1, 6, 9, 12, and 18) at a funerary and memorial complex Kyzyl-Shin, in the Kosh-Agachsky District of the Altai Republic. Due to soil conditions and to the presence of air in some offering chambers, unique artifacts were discovered—a wooden box, wooden dishes, armor plates, etc. These finds extend our knowledge of Old Turkic offerings and the Turkic ritualism in general. They enable us to reconstruct the stages in the construction of enclosures and of their separate elements. The presence of nonfunctional (votive) artifacts highlights a key feature of the Old Turkic funerary ritualism, supporting the idea that enclosures were ritual models of dwellings—abodes of the deceased persons' spirits/souls. Well-preserved larch trunks, dug into the ground in their centers, offered a possibility to cross-check the results of radiocarbon and dendrochronological analyses, suggesting that the enclosures date to late 6th and 7th century AD. Although the Kyzyl-Shin enclosures belong to the Yakonur type, they are contemporaneous with adjacent enclosures of the Kudyrga type, suggesting that the typology of archaeological structures does not always mirror their chronological and evolutionary relationship. Differences in the construction and arrangement of enclosures could be determined by other factors such as family or social structure.

Keywords: Southeastern Altai, Old Turks, memorial enclosures, altar, larch tree trunks, votive artifacts, dendrochronological analysis, radiocarbon dating.

Введение

Древнетюркские поминальные оградки, часто сопровождаемые изваяниями, принадлежат к одним из наиболее многочисленных археологических памятников раннего Средневековья в обширной горно-степной зоне от Восточной Монголии до Приуралья. Особенно большим количеством и разнообразием вариантов они отличаются на территории Монголии, Алтая, Тувы, Казахстана, Тянь-Шаня и Восточного Туркестана. История изучения древнетюркских поминальных сооружений и статуарных памятников Алтая насчитывает уже более полутора столетий. Можно говорить только о приблизительном количестве подобных исследованных объектов в этом регионе (ок. 300), т.к. многие из них остаются неопубликованными.

Несмотря на значительное число изученных древнетюркских оградок Алтая, многие вопросы остаются открытыми: их значительная вариативность, датировка и хронология, интерпретация элементов конструкции и возможная реконструкция этих поминальных сооружений. Именно поэтому необходимо дальнейшее археологическое исследование разнотипных поминальных сооружений (одиночных, смежных оградок и др.), изучение их материалов при помощи методов естественно-научных дисциплин и, конечно, ввод в научный оборот.

Практически в полном объеме я опубликовал данные о поминальной древнетюркской оградке № 5 в урочище Кызыл-Шин на Алтае, содержащей уникальные по сохранности артефакты из органических

материалов [Кубарев Г.В., 2012]. Краткие сообщения о части исследованных и представляемых здесь подобных памятников в этой местности публиковались ранее [Кубарев Г.В., 2007]. Однако проведенное дендрохронологическое и радиоуглеродное датирование лиственных стволов из оградок Кызыл-Шина, позволившее судить о времени возведения данных объектов, заставляет вновь обратиться к их рассмотрению и ввести в научный оборот в полном объеме.

Описание памятников

Погребально-поминальный комплекс Кызыл-Шин («красная земля») находится на левом берегу р. Чаганузун, в 2,5 км вверх по течению от одноименного села в Кош-Агачском р-не Республики Алтай (рис. 1). Этот памятник становился объектом археологических разведок еще в конце 1970-х гг. [Елин, Зиняков, 1977]. В.Д. Кубарев обнаружил и опубликовал схематичное изваяние у одной из оградок (№ 10) данного комплекса [1984, с. 133, табл. XXI, 126], а также взял образец лиственного ствола из этого объекта.

В 2005 г. Чуйским отрядом ИАЭТ СО РАН был снят план погребально-поминального комплекса в местности Кызыл-Шин и раскопана одна древнетюркская оградка (№ 1). Памятник не образует четких «цепочек» курганов, а включает в себя 35 одиночных объектов, расположенных на достаточно протяженной территории. В 2006 г. Чуйский и Дендрохронологический отряды ИАЭТ СО РАН исследовали еще пять древнетюркских сооружений в этом урочище (№ 5, 6, 9, 12, 18).

Оградка 1 находится на южной оконечности погребально-поминального комплекса. Она представляла собой слабо задернованное сооружение квадратной формы, размерами 360 × 360 см, высотой 35 см, сложенное из вкопанных ребром плит и заполненное мелким рваным камнем и валунами. Ориентировано сторонами по странам света с небольшим отклонением (меридиональная ось расположена по линии ССЗ – ЮЮВ). У оградки отсутствовало изваяние. На восток, с небольшим отклонением на север, на расстоянии 29 м от нее отходит ряд из восьми балбалов. Восточная и южная стенки оградки оказались нарушенными: некоторые плиты смещены либо отсутствуют, камни из заполнения выпали или выброшены наружу.

В центре оградки сохранился вкопанный лиственный ствол диаметром 30 см, возвышавшийся над уровнем современной поверхности на 23 см. В его верхней части были различимы следы от топора-тесла. Высота лиственного ствола над уровнем древней поверхности 50 см (рис. 2), а общая 110 см. Несомненно, первоначально он был намного выше (целое

Рис. 1. Расположение памятника Кызыл-Шин.

Рис. 2. Вид с востока на оградку 1 с выбранным заполнением.

дерево с обрубленной комлевой частью?). Ствол был установлен в яме диаметром 50 см, глубиной 60 см и забутован с восточной стороны плитой размерами $80 \times 45 \times 7$ см.

В 20 см к западу от ямы с лиственничным столбом обнаружен жертвенник (рис. 2). Он представлял собой ямку размером 30×50 см, глубиной 15 см от древней поверхности, перекрытую камнями. Ее стенки были обложены деревянными дощечками 40×12 см. Здесь найдены два деревянных предмета, первоначально представлявшие собой миниатюрные сосуды (рис. 3, 1, 3), бронзовый наконечник ремня в виде спаянных шариков (рис. 3, 5), панцирная пластина (рис. 3, 2) и бараний позвонок (рис. 3, 4).

Оградка 6 представляла собой небольшое, сильно задернованное сооружение квадратной формы, размером 280×280 см, ориентированное сторонами почти строго по странам света (рис. 4). Первоначально от оградки отходил ряд балбалов, от которого сохранился только один камень на расстоянии 4 м.

В центре сооружения на высоту 48 см от современной поверхности возвышался лиственничный ствол (рис. 4, 5). В 13 см к востоку от него был вертикально вкопан валун высотой 31 см. С восточной стороны оградки установлен еще один валун ($30 \times 28 \times 17$ см), замещавший изваяние (см. рис. 4). К западу от лиственничного ствола обнаружен ящичек из тонких сланцевых плиток, вкопанных вертикально (см. рис. 5). Его размеры $47 \times 25 \times 21$ см; заполнение – мелкие гальки.

Лиственничный ствол был вкопан на глубину 40 см от уровня древней поверхности и слегка забутован. Диаметр ямы 55–60 см. Общая длина сохранив-

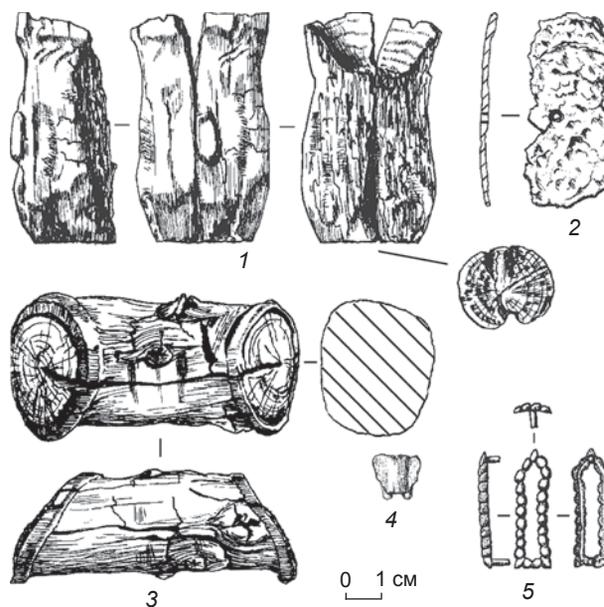

Рис. 3. Предметы, найденные в жертвеннике оградки 1. 1 – вотивный деревянный сосуд; 2 – железная панцирная пластина; 3 – вотивный деревянный бочонок; 4 – бараний позвонок; 5 – бронзовый наконечник ремня.

шегося бревна 110 см, диаметр 27–33 см. Лиственничный ствол обрублен в верхней части и слегка обуглен в нижней.

Оградка 9 расположена в одном ряду с тремя другими. Две из них (№ 10 и 11) подверглись грабительским раскопкам в наши дни (?). Вероятно, именно у объекта № 10 первоначально было установлено схематичное изваяние [Кубарев В.Д., 1984, с. 133, табл. XXI, 126]. Цепочка оградок ориентирована

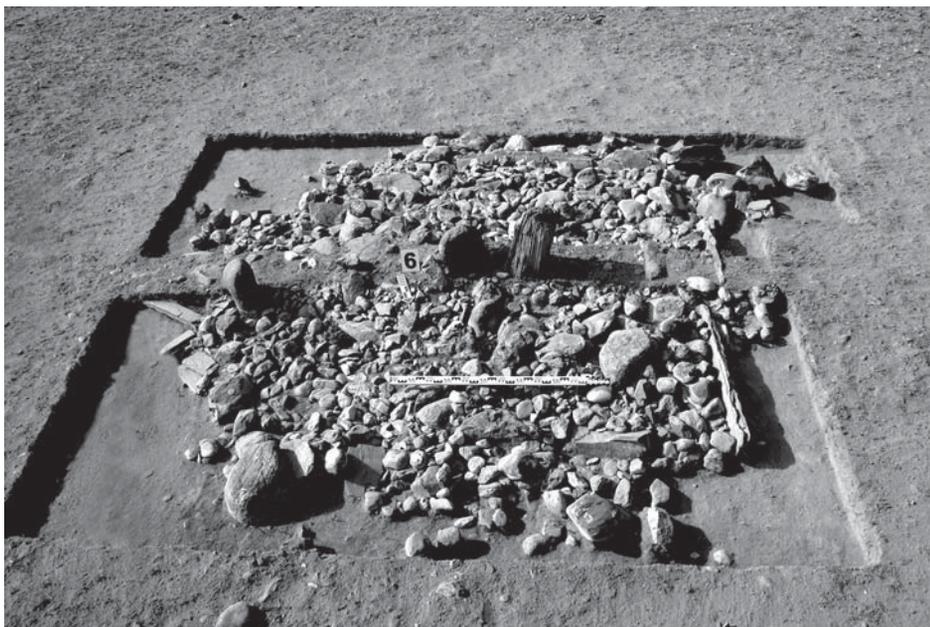

Рис. 4. Вид с севера на зачищенную оградку 6.

Рис. 5. Лиственничный ствол и жертвенник в центре оградки 6.

по линии ССВ – ЮЮЗ. По краям к двум центральным разрушенным объектам примыкали небольшие оградки (№ 9 и 12).

Оградка 9 представляла собой сильно задернованное сооружение 240×240 см, высотой 25–30 см, ориентированное сторонами почти строго по странам света. В центре были установлены под углом друг к другу две плиты размерами $77 \times 34 \times 7$ (южная) и $71 \times 36 \times 7$ (северная) см (рис. 6). За южной стенкой оградки сохранились вкопанные основания двух стел-изваяний. Их верхние части обломаны. Общие размеры восточной стелы $43 \times 17 \times 3$ см.

На ее боковой грани имеется искусственная выемка – обозначение шеи. Размеры западной стелы $67 \times 24 \times 6$ см. Вдоль восточной стенки оградки с ее внешней стороны обнаружена жердь диаметром 9 см, длиной 223 см. Она лежала на древней поверхности (рис. 6). Заполнение оградки состояло из мелких камней и галек. Под ним древняя поверхность по периметру сооружения была выложена плоскими сланцевыми плитами.

В непосредственной близости от двух плит, установленных в центре оградки, с восточной стороны, лежала еще одна (56×37 см), которая перекрывала жертвенную ямку (рис. 6). Под ней на глубине 12 см обнаружено частично раздавленное деревянное блюдо размером 37×16 см (рис. 7, 3), имевшее четыре ножки. Под ним на глубине 15 см найдена дощечка 50×10 см – крышка блюда-лотка (рис. 7, 5). Сам лоток лежал на глубине 20 см. От него сохранились два больших обломка (рис. 7, 4). Первоначальные размеры лотка 51×14 см. Здесь же обнаружены фрагмент керамики (?) (рис. 7, 2) и несколько хвостовых (?) позвонков барана. Размеры жертвенной ямки $77 \times 27 \times 30$ см.

В 18 см к западу от жертвенника, между плитами в центре оградки, зафиксирована еще одна ямка. В ней на глубине 15 см обнаружена обломанная панцирная пластина (рис. 7, 1), лежавшая на вертикально вкопанной лиственничной жерди диаметром 16 см, высотой ок. 41 см. Глубина ямы достигала 48 см от уровня древней поверхности, диаметр 25–28 см.

Оградка 12 представляла собой небольшое, сильно задернованное сооружение из поставлен-

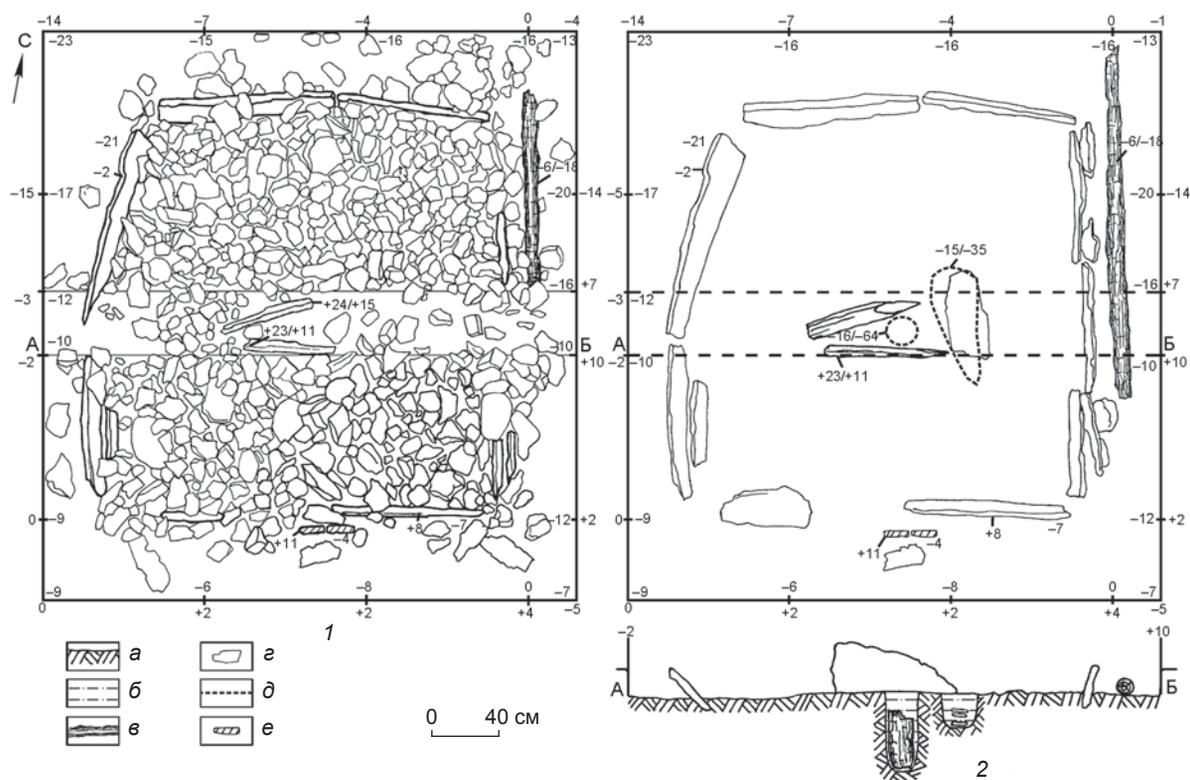

Рис. 6. План и разрез оградки 9 до (1) и после (2) выборки заполнения.
 а – погребенная почва; б – суглинистая супесь; в – жердь; з – плита, перекрывавшая жертвенник; д – границы ям; е – вертикально вкопанная плита.

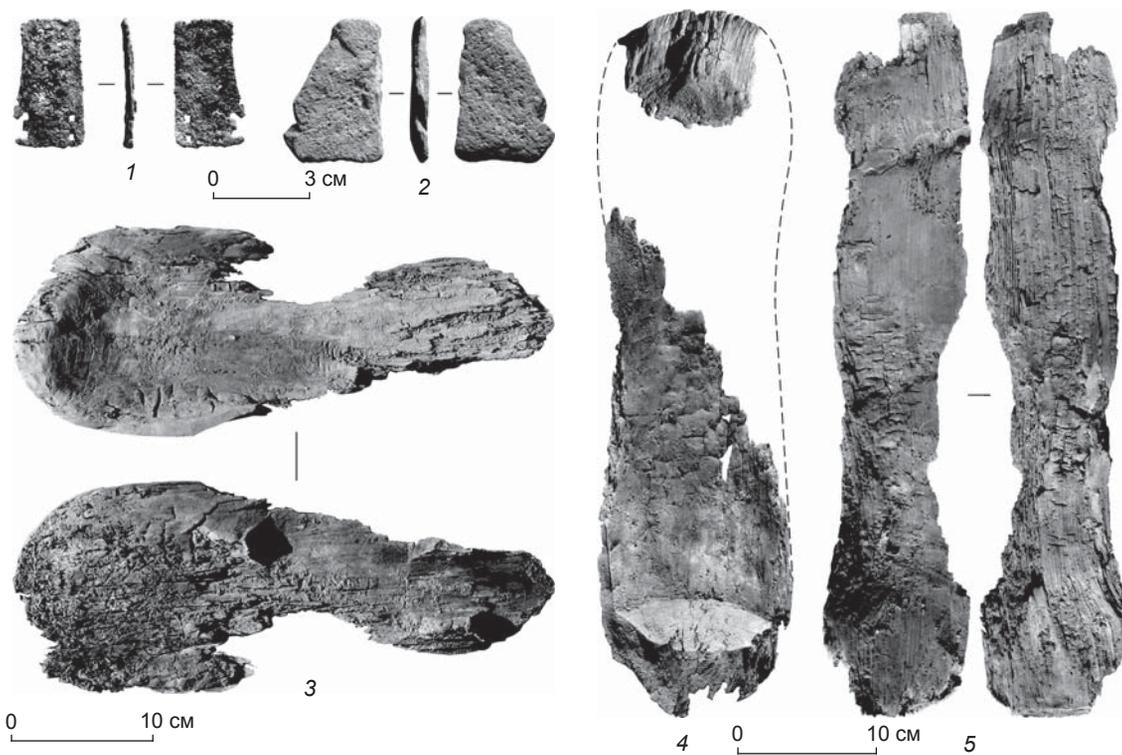

Рис. 7. Предметы из жертвенника оградки 9.
 1 – железная панцирная пластина; 2 – фрагмент керамики (?); 3 – деревянное блюдо; 4 – деревянный лоток; 5 – крышка лотка.

Рис. 8. Вид с юга на зачищенную оградку 12.

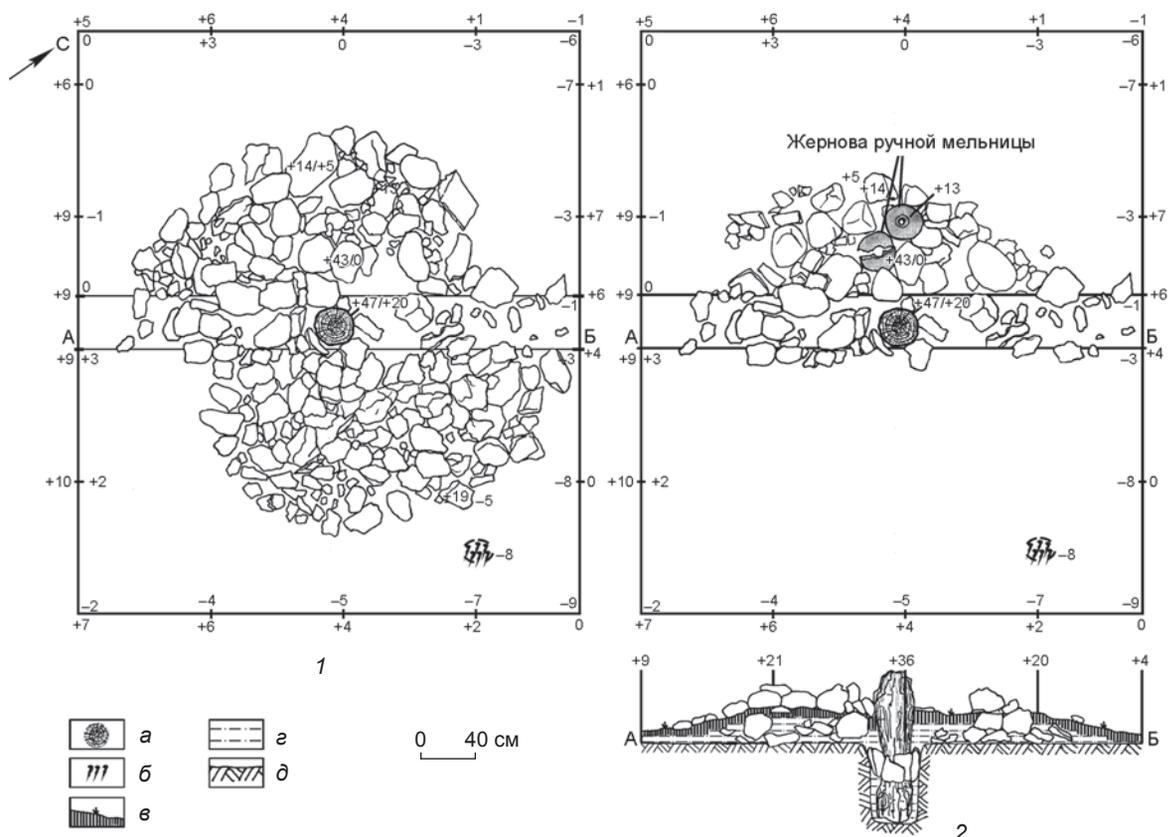

Рис. 9. План и разрез объекта 18 до (1) и после (2) выборки заполнения.

а – вертикально вкопанный лиственничный ствол; б – зольное пятно; в – дерн; г – суглинистая супесь; д – погребенная почва.

ных на ребро плит, ориентированное углами по сторонам света (рис. 8). Его размеры 220 × 220 см, высота 20 см. Оградка была заполнена крупными и мелкими валунами. Юго-восточная и северо-восточная стен-

ки оказались частично разрушенными. Часть камней из заполнения оградки еще в древности была выброшена за ее пределы. Сохранившиеся стенки сооружения сложены из двойных плит.

В центре объекта находились две вертикально вкопанные сланцевые плитки от «ящика», а также пятно диаметром 40 см с углями и прокалом. Здесь же, в ямке обнаружен лиственничный ствол с обугленной верхней частью. Его диаметр 16 см, длина 30 см. Глубина ямы до дна 47 см, диаметр 28 см.

Каменная выкладка 18 – небольшое, задернованное сооружение округлой формы диаметром 320–330 см, высотой 20 см. Сложено из крупных камней в один-два слоя (рис. 9). Первоначально кладка имела полусферическую форму. Часть камней еще в древности была перемещена за ее пределы. В центре находился вертикально вкопанный лиственничный ствол диаметром 27 см, возвышавшийся над уровнем современной поверхности на 30 см. Он был заглублен на 58 см и основательно забутован вертикально установленными плитками и плоскими валунами. Высота лиственничного ствола над уровнем древней поверхности 54 см, общая – 107 см.

В северо-западном секторе насыпи на глубине 10 см обнаружены каменные жернова ручной мельницы (рис. 10), верхний расколот. В юго-западном углу раскопа на уровне древней поверхности зафиксировано небольшое (диаметр 10–15 см) зольное пятно. После разборки кладки не было обнаружено следов каких-либо ямок или жертвенников.

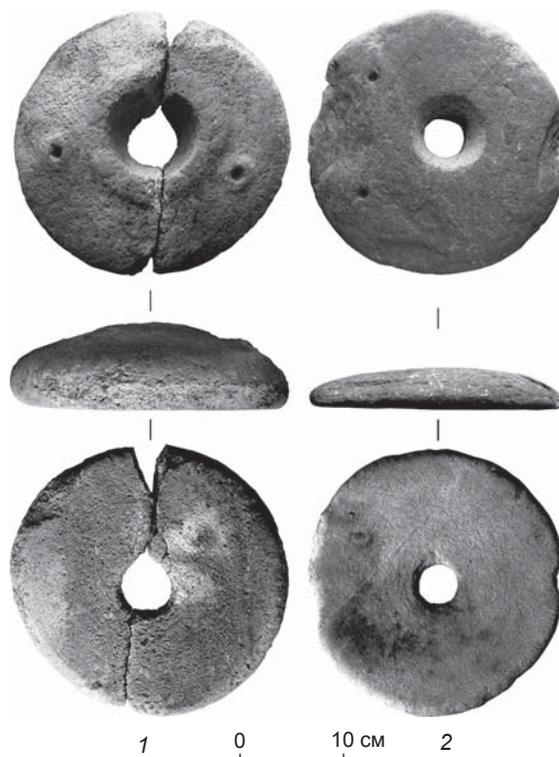

Рис. 10. Каменные жернова ручной мельницы из объекта 18.

Характеристика и аналоги инвентаря поминальных сооружений

Обнаруженная в оградках 1, 5 и 9 в урочище Кызыл-Шин деревянная посуда и некоторые другие предметы (см. рис. 3, 7; 11, 1, 2) являются уникальными для погребально-поминальных древнетюркских памят-

ников Алтая и сопредельных регионов [Кубарев Г.В., 2012, рис. 3–5]. Следует отметить высокую степень сохранности и информативности этих материалов. И хотя фрагменты деревянной посуды не так уж редко фиксируются в древнетюркских погребениях и поминальных оградках (сводку см.: [Кубарев Г.В., 2005, с. 67]), их целые экземпляры единичны.

Рис. 11. Аналоги votивных предметов из рассматриваемых древнетюркских оградок.

1 – votивное (?) блюдо-лоток из оградки 5, Кызыл-Шин, Алтай [Кубарев Г.В., 2012]; 2 – votивный сосуд из оградки 5, Кызыл-Шин, Алтай [Там же]; 3, 4 – votивные сосуды из оградки Сарыколь, Казахстан [Unbekanntes Kasachstan..., 2013, S. 938]; 5 – бочонок из кург. 9 могильника Кокэль, Тува [Вайнштейн, Дьяконова, 1966, табл. IX].

Благодаря хорошей сохранности вотивного деревянного сосуда из оградки 5 в местности Кызыл-Шин [Кубарев Г.В., 2012, рис. 4] частично сохранившийся деревянный предмет из оградки 1 (см. рис. 3, 1) можно с уверенностью интерпретировать как такую же, уменьшенную и нефункциональную, копию сосуда. У рассматриваемых экземпляров совпадают размеры (высота 6,0–6,5 см, диаметр тулова 4 см), профиль, наличие небольшой ручки. То, что эти сосуды вотивные, подтверждает не только их миниатюрность, но и отсутствие емкости внутри. Они повторяют форму и пропорции реально использовавшихся металлических, а возможно и деревянных, прототипов. Так, золотой и серебряный вотивные сосуды (см. рис. 11, 3, 4) были обнаружены в жертвеннике перед древнетюркским изваянием и оградкой в горах Шынгыстау у оз. Сарыколь в Восточном Казахстане [Unbekanntes Kasachstan..., 2013, Abb. 610, 611]. По форме (в виде кувшина) и миниатюрным размерам (высота 5,5–7,5 см) они близки находкам из Кызыл-Шина. Эти сосудики, как и сам комплекс у оз. Сарыколь, должны быть отнесены к VI–VII вв.

Еще один деревянный предмет из оградки 1 (см. рис. 3, 3), учитывая материал, форму в виде цилиндра со скошенными боковыми сторонами и кантами, а главное, его миниатюрность и нефункциональность, можно интерпретировать как уменьшенную копию бочонка. Подобные деревянные бочонки длиной 15–20 см известны в курганах гунно-сарматского времени могильника Кокэль в Туве [Вайнштейн, Дьяконова, 1966, табл. IX] (см. рис. 11, 5). В них могли хранить и перевозить жидкости, а продольные утолщения имитировали толстые линии швов у кожаных бурдюков [Там же, с. 256]. И хотя такой разновидности посуды в древнетюркских памятниках Алтая пока неизвестно, их генетическая связь с памятниками гунно-сарматского времени, консерватизм и преемственность в изготовлении многих бытовых предметов на территории Саяно-Алтая в разные исторические периоды позволяют предположить существование подобных сосудов в древнетюркскую эпоху. Кроме того, как мы увидим далее, оградки Кызыл-Шина датируются раннетюркским периодом (VI–VII вв.), а значит, памятники гунно-сарматского времени непосредственно предшествуют им.

В трех оградках Кызыл-Шина (№ 1, 5, 9) обнаружены отдельные панцирные пластины либо небольшой фрагмент панциря. Детали защитного доспеха принадлежат к одним из наиболее частых находок в инвентаре древнетюркских поминальных памятников. Они были встречены в оградках Кудыргэ, Котыр-Таса и др.

Особое внимание привлекают жернова ручной мельницы, найденные в насыпи объекта 18. Нижний жернов (см. рис. 10, 2) изготовлен из мелкозернисто-

го гнейса, который представляет собой плотную породу (плотность 6–6,5 по шкале Мооса). Его диаметр 24 см, толщина 4, диаметр отверстия 4 см. Снизу имеются два углубления для неподвижной фиксации (?). Верхний жернов (см. рис. 10, 1) выполнен из гранита, содержащего большое количество кварца, полевого шпата и слюды (мусковита). Его диаметр 27 см, толщина 8, диаметр отверстия сверху 7,5 см. В верхней части имеются два углубления для деревянных рукоятей. Вероятно, жернова были пожертвованы не в последнюю очередь потому, что один из них пришел в негодность – был расколот еще в древности.

Традиция помещения подобных орудий в насыпи курганов прослеживается на всей территории Южной Сибири [Молодин, Бородовский, 1994]. По-видимому, большинство этих находок должно относиться к раннему Средневековью. Так, например, жернова были обнаружены в насыпях древнетюркских курганов могильников Курай VI (кург. 1, примечательно, что он сохранил женское погребение) на Алтае [Евтюхова, Киселев, 1941, с. 98, рис. 21] и Бай-Даг (кург. 90) в Туве [Кызласов, 1979, с. 134, рис. 94, 2].

Обычай помещения зернорастирающих орудий отмечен для археологических памятников кочевников практически всей евроазиатской степной зоны, включая Южную Сибирь и Центральную Азию, начиная с бронзового и раннего железного веков [Наглер, 2000, с. 107]. Однако если для погребальных памятников указанных исторических эпох характерно наличие именно зернотерок, то с рубежа эр наряду с ними встречаются каменные жернова ручных мельниц [Там же]. Важно отметить, что они никогда не помещались в саму могилу, а были важным элементом надмогильного сооружения [Молодин, Бородовский, 1994; Наглер, 2000, с. 109, рис. 2; и др.]. Возможно, подобные находки маркируют прежде всего объекты, принадлежавшие или посвященные женщинам.

Считается, что применение ручной мельницы отражает достаточно высокий уровень развития земледелия [Киселев, 1951, с. 514]. В Южном и Центральном Алтае известны остатки древних оросительных систем, предположительно относящихся к раннему Средневековью. Нахождение танских земледельческих орудий позволяет сделать вывод о существовании в этот период на Алтае наряду с мотыжным земледелием и плужной обработки земли.

Особенности поминального обряда

Древнетюркские поминальные сооружения в местности Кызыл-Шин привлекли внимание прежде всего возвышавшимися в центре лиственничными стволами. Благодаря сухому холодному климату Чуйской котловины и прилегающих долин они более тысячи

лет простояли вкопанными в центре оградок и при этом прекрасно сохранились. Исследованные объекты дополняют корпус поминальных памятников древних тюрок Алтая. Они принадлежат к наиболее распространенному, яконурскому типу оградок [Кубарев В.Д., 1984, с. 50]. В этом убеждают их размеры (2,7–3,6 м) и присутствие в центре ям с лиственничными столбами. Оградки также объединяет наличие жертвенников в западной части многих из них.

Несмотря на небольшую серию исследованных объектов, их материалы достаточно информативны и позволяют сделать некоторые новые выводы относительно особенностей и процедуры создания подобных памятников. Лиственничные стволы небольшого диаметра в оградках 9 и 12 были сознательно обрублены в процессе возведения сооружений, т.к. их тлен не прослежен в насыпи. Сверху ямки были заложены камнями, и над лиственничным стволом в одном случае (оградка 12) зафиксирован прокол, а в другом (оградка 9) – обнаружена панцирная пластина. Следует отметить любопытную закономерность. В оградках, в которых были обрубки стволов в ямах, стволы имели небольшой диаметр (ок. 15 см) и вкапывались в узкую яму без каменной забутовки. Таким образом, они изначально не предназначались для длительного возвышения над насыпью. Лиственничные стволы, сохранившиеся до наших дней над насыпями поминальных сооружений, намного большего диаметра (ок. 30 см), закопаны на значительную глубину (до 60 см) и тщательно забутованы камнями или плитами. Последнее свидетельствует о том, что первоначально в этих оградках был установлен высокий ствол или дерево (?).

Одним из первых на такую особенность, как вкапывание в центре и иногда по периметру древнетюркских оградок деревянных столбов либо деревьев, обратил внимание В.Д. Кубарев [1979, с. 158; 1984, с. 70–71]. Им же была исследована достаточно представительная серия подобных объектов на территории Южного Алтая [Кубарев В.Д., 1984, с. 139–143]. Иногда у стволов фиксировались сучки, кора и остатки корневищ. Оградки с остатками лиственничных стволов в центре раскапывались на Алтае, в Туве и Монголии. Наиболее обоснованным представляется вывод тех исследователей, которые утверждали, что деревья, вкопанные в центре многих древнетюркских оградок, имели культовый характер и символизировали мировое или шаманское дерево [Там же, с. 70–71; Войтов, 1996, с. 115–116].

По-видимому, на определенном этапе совершения ритуала и сооружения оградки лиственничные стволы возвышались над ней, а затем, до возведения каменной кладки, сознательно подрубались и закапывались. В противном случае, сложно объяснить целесообразность и назначение изначально закапывания пень-

ка на глубину в яму. Возможно, лиственничная жердь длиной более 2 м, найденная с внешней стороны восточной стенки оградки 9 в урочище Кызыл-Шин, не что иное, как срубленный лиственничный ствол, основание которого зафиксировано в центральной ямке этого же сооружения.

В то же время на некоторых поминальных объектах лиственничные стволы изначально приготавливались для того, чтобы возвышаться и после возведения насыпи. Можно предположить, что строительство поминального сооружения не было единовременным актом. Сначала делали ограду из вертикально вкопанных плит, устанавливали столб-дерево в центре и, вероятно, устраивали жертвенник. В течение определенного времени проводились ритуалы общения и прощания с душой умершего. Следующим этапом была рубка ствола и возведение внутри ограды насыпи из камней. Однако в некоторых случаях ствол сознательно оставляли несрубленным, и он возвышался над насыпью. Дальнейшие раскопки поминальных сооружений древних тюрок, возможно, позволят объяснить этот факт.

Исследованный объект 18 в местности Кызыл-Шин не является классическим древнетюркским поминальным сооружением – он округлой формы и без ограды из вертикально вкопанных плит. Тем не менее принадлежность этого объекта к древнетюркской эпохе не вызывает никаких сомнений. Он сооружен в тот же период, что и рассматриваемые здесь «классические» оградки. Их сближает такая характерная особенность, как наличие вкопанного в центре лиственничного столба. Поминальные древнетюркские сооружения в виде курганов исследованы также на могильнике Бике III на средней Катунь [Соёнов и др., 2009, с. 80–81]. Обращает на себя внимание тот факт, что под их насыпями, как и на объекте 18 Кызыл-Шина, зафиксированы ямки с каменной забутовкой и древесным тленом. Эти сооружения датируются радиоуглеродным методом в пределах V–VII вв. [Там же]. По-видимому, такие объекты наряду с квадратными оградками были характерны именно для раннетюркского периода и генетически связаны с поминальными сооружениями гунно-сарматского времени.

Датировка исследованных поминальных памятников

Для установления хронологии поминальных оградок Кызыл-Шина использовались сочетание дендрохронологического и радиоуглеродного методов. Учитывая то, что по итогам этой работы подготовлена отдельная публикация, приведу лишь основные результаты датирования. По древесине из исследованных археологических объектов памятника Кызыл-Шин была

Даты wiggle-matching, полученные по радиоуглеродным определениям спилов колец от образца из оградки 1

Лабораторный индекс	¹⁴ C, л.н.	Дата		Кольца
		Калиброванная (95,4 %), гг.	Wiggle-matching (95,4 %), гг.	
UGAMS-12159	1740 ± 20	241–380	321–382	97–102
UGAMS-12160	1560 ± 20	426–549	421–482	198–202

Примечание. Радиоуглеродные определения д-ра наук К.-У. Хойснера (Германский археологический институт).

построена 347-летняя обобщенная индексированная древесно-кольцевая хронология (ДКХ «КШ»). В рамках этой относительной шкалы (интервал 0–346 гг.) установлена следующая последовательность: оградка 1 – 303 г., 6 – 319 г., 5 – 337 г., 10 – 346 г. Проведение кросс-корреляционного анализа стандартизированной 347-летней ДКХ «КШ» с тремя длительными древесно-кольцевыми хронологиями (1900-летняя Jelo, 2367-летняя Mongun и 3200-летняя Ak-ha) не позволило получить календарные даты сооружения исследованных объектов. Это вызвало необходимость привлечения радиоуглеродного метода с использованием процедуры wiggle matching на отобранных образцах древесины. В результате для оградок были получены даты (гг. н.э.):

№ 1	579–656
№ 5	613–690
№ 6	595–672
№ 10	622–699
№ 18	620–682

Эту датировку в целом подтверждают, хотя и несколько удревяют, радиоуглеродные даты спилов от бревна, установленного в центре оградки 1 (см. таблицу), а также дата его последних колец, рассчитанная по методике wiggle matching при помощи программы OxCal на основании приведенных в таблице радиоуглеродных определений и общего количества колец в бревне (297), – 516–578 гг.

Таким образом, объекты 5, 10 и 18 были сооружены в период со второй по последнюю четверть VII в., оградка 6 – в самом конце VI – первых трех четвертях VII в., а наиболее раннее поминальное сооружение (оградка 1) – в последней четверти VI – первой половине VII в. Впрочем, полностью не исключено, что время сооружения оградки 1 относится ко второй – третьей четверти VI в. (516–578 гг.). В таком случае все остальные объекты на основании данных дендрохронологии могут быть датированы более ранним периодом (в интервале 50 лет), что не выходит за пределы погрешности радиоуглеродных дат, приведенных выше.

Подобная датировка поминальных сооружений Кызыл-Шина не противоречит представлениям о времени бытования отдельных предметов, обна-

руженных в их жертвенниках. В частности, это относится к наконечнику ремня, выполненному в виде спаянных шариков, из оградки 1. Прямые аналоги данного изделия на территории Саяно-Алтая не известны, однако следует отметить, что такой же орнаментальный прием использовался при изготовлении поясной гарнитуры из могильника Кудыргэ [Гаврилова, 1965, табл. XXIV, 12], материалы которого обычно датируются VI – началом VII в.

Заключение

Исследованные древнетюркские оградки в местности Кызыл-Шин представляются чрезвычайно информативными в отношении поминальной обрядности древних тюрков. Новые данные позволяют более определенно судить об этапах сооружения этих объектов и их отдельных элементах. Наличие votивных вещей в оградках Кызыл-Шина подчеркивает одну из наиболее характерных черт поминального обряда древних тюрков, которая уже фиксировалась по материалам других мемориальных памятников. По моему мнению, специальное изготовление votивных нефункциональных вещей для поминального обряда самым наилучшим образом согласуется с интерпретацией древнетюркских оградок как культовой модели жилища – своеобразного последнего пристанища души (духа) умершего [Кубарев В.Д., 1984, с. 66, 79].

Важным является определение времени сооружения поминальных оградок путем перекрестного датирования при помощи радиоуглеродного и дендрохронологического анализов – конец VI – VII в. Можно утверждать, что в этот период существовала еще одна разновидность древнетюркских мемориальных памятников – круглые каменные насыпи. Несмотря на то что исследованные в урочище Кызыл-Шин оградки относятся к т.н. яконурскому типу поминальных сооружений, они синхронны смежным оградкам кудыргинского типа. Это свидетельствует о том, что типология археологических памятников не всегда отражает их хронологическую и эволюционную связь. Различия в конструкции и взаиморасположении объектов могли диктоваться другими факторами.

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №14-50-00036). Автор благодарит научного сотрудника Германского археологического института д-ра наук К.-У. Хойснера за предоставленные радиоуглеродные даты и право их публикации, а также старшего научного сотрудника ИАЭТ СО РАН канд. ист. наук И.Ю. Слюсаренко за проведение с этими датами процедуры wiggle matching при помощи программы OxCal. Определение пород, из которых были сделаны жернова ручной мельницы, выполнено старшим научным сотрудником ИАЭТ СО РАН канд. геол.-мин. наук Н.А. Кулик, за что автор выражает ей глубокую благодарность.

Список литературы

- Вайнштейн С.И., Дьяконова В.П.** Памятники в могильнике Кокэль конца I тысячелетия до нашей эры – первых веков нашей эры // Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции. – М.; Л.: Наука, 1966. – Т. II: Материалы по этнографии и археологии районов бассейна р. Хемчика и Южных отрогов Танну-Ола. – С. 185–291.
- Войтов В.Е.** Древнетюркский пантеон и модель мироздания в культово-поминальных памятниках Монголии VI–VIII вв. – М.: Гос. музей Востока, 1996. – 151 с.
- Гаврилова А.А.** Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. – М.; Л.: Наука, 1965. – 144 с.
- Евтюхова Л.А., Киселев С.В.** Отчет о работе Саяно-Алтайской археологической экспедиции в 1935 г. // Тр. ГИМ. – 1941. – Вып. XVI. – С. 75–117.
- Елин В.Н., Зиняков Н.М.** Разведочные работы в Горном Алтае // АО 1976 года. – М.: Наука, 1977. – С. 202–203.
- Киселев С.В.** Древняя история Южной Сибири. – М.: Изд-во АН СССР, 1951. – 643 с.
- Кубарев В.Д.** Новые сведения о древнетюркских оградках Восточного Алтая // Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск: Наука, 1979. – С. 135–160.
- Кубарев В.Д.** Древнетюркские изваяния Алтая. – Новосибирск: Наука, 1984. – 230 с.
- Кубарев Г.В.** Культура древних тюрков Алтая (по материалам погребальных памятников). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. – 400 с.
- Кубарев Г.В.** Новые данные о древнетюркских оградках Алтая // Средневековая археология евразийских степей: мат-лы Учредит. съезда Междунар. конгр. – Казань: Ин-т истории АН РТ, 2007. – Т. I. – С. 50–59.
- Кубарев Г.В.** Древнетюркская оградка № 5 в местности Кызыл-Шин (Юго-Восточный Алтай) // Вестн. Новосибир. гос. ун-та. Сер.: История, филология. – 2012. – Т. 11. – Вып. 7: Археология и этнография. – С. 143–152.
- Кызласов Л.Р.** Древняя Тува (от палеолита до IX в.). – М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1979. – 207 с.
- Молодин В.И., Бородовский А.П.** Каменные ручные жернова в древней погребальной обрядности Западной Сибири // Altaica. – 1994. – № 4. – С. 72–79.
- Наглер А.** О жерновах в погребальных памятниках степей Евразии // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2000. – № 2. – С. 107–111.
- Соёнов В.И., Трифанова С.В., Константинов Н.А., Штанакоева Е.А.** Раскопки средневековых объектов на могильнике Бике III // Древности Сибири и Центральной Азии. – Горно-Алтайск, 2009. – № 1/2. – С. 74–95.
- Unbekanntes Kasachstan:** Archäologie im Herzen Asiens: Katalog der Ausstellung des Deutschen Bergbau-Museums Bochum vom 26. Januar bis zum 30. Juni 2013. – Bochum: Deutsches Bergbau-Museum Bochum, 2013. – Bd. II. – 1098 S.

Материал поступил в редколлегию 11.05.16 г.

DOI: 10.17746/1563-0102.2018.46.2.090-099
 УДК 903.054+551.89+902.652

А.Р. Агатова^{1, 2}, Р.К. Непоп^{1, 2}, И.Ю. Слюсаренко^{3, 4}, В.С. Панов³

¹Институт геологии и минералогии им. В.С. Соболева СО РАН
 пр. Академика Коптюга, 3, Новосибирск, 630090, Россия

E-mail: agatr@mail.ru; rnk@igm.nsc.ru

²Уральский федеральный университет

ул. Мира, 19, Екатеринбург, 620002, Россия

³Институт археологии и этнографии СО РАН

пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия

E-mail: slig1963@yandex.ru; pvs7zeitlos@gmail.com

⁴Новосибирский государственный университет

ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия

Новые данные комплексных исследований памятников железоплавильного производства в долинах рек Куектанар и Тюргун (Юго-Восточный Алтай)

*В настоящий момент памятники черной металлургии в долинах рек Куектанар и Тюргун, относящиеся к Чуйско-Курайскому металлургическому району Русского Алтая, представляют собой быстро разрушающиеся остатки железоплавильных печей; ниже устья р. Куектанар выявлено ранее неизвестное местонахождение печей, уже полностью разрушенных. Радиоуглеродное датирование фрагментов древесного угля из сыродутных горнов памятников Куэхтонар-1, -2, Тюргун-1 с применением сцинтилляционной технологии и ускорительной масс-спектрометрии показало, что топливом служили дрова, росшие в V–X вв. н.э. Разница до 300 лет и даже более в датах углей, использованных в процессе одной плавки, может быть следствием того, что образцы представляют собой разные по возрасту части взрослых лиственниц (*Larix Sibirica* Ledeb). По фрагментам необугленной коры в печи № 2 памятника Куэхтонар-1 впервые было установлено время последней плавки – между 655 и 765 гг. н.э. Анализ всех полученных радиоуглеродных дат позволяет сделать вывод о функционировании исследованных сыродутных горнов в период бытования древнетюркской культуры в Юго-Восточном Алтае. Близость железорудных месторождений и рудопроявлений, обилие древесной растительности послужили определяющим фактором активного развития номадами железоплавильного производства в рассматриваемом районе. Разрушение исследованных печей вследствие отступления берега Чуи позволило оценить среднюю скорость боковой эрозии берегового уступа, которая составила ок. 0,5 см/год с момента возведения печей.*

Ключевые слова: железоплавильное производство, сыродутные горны, радиоуглеродное датирование, тюрки, Юго-Восточный Алтай.

A.R. Agatova^{1, 2}, R.K. Npop^{1, 2}, I.Y. Slyusarenko^{3, 4}, and V.S. Panov³

¹V.S. Sobolev Institute of Geology and Mineralogy,

Siberian Branch, Russian Academy of Sciences,

Pr. Akademika Koptyuga 3, Novosibirsk, 630090, Russia

E-mail: agat@mail.ru; rnk@igm.nsc.ru

²Ural Federal University,

Mira 19, Yekaterinburg, 620002, Russia

³Institute of Archaeology and Ethnography,

Siberian Branch, Russian Academy of Sciences,

Pr. Akademika Lavrentieva 17, Novosibirsk, 630090, Russia

E-mail: slig1963@yandex.ru; pvs7zeitlos@gmail.com

⁴Novosibirsk State University,

Pirogova 1, Novosibirsk, 630090, Russia

New Data on Iron-Smelting Sites in the Kuektanar and Turgun Valleys, Southeastern Altai

*This paper presents the findings relating to iron-smelting furnaces in the Kuektanar and Turgun valleys, which were part of the Chuya–Kuray metallurgical province in the Russian Altai, and are undergoing rapid erosion. On the Chuya, downstream of the Kuektanar mouth, hitherto unknown and completely eroded remains of furnaces were discovered. Radiocarbon dating of charcoal fragments from bloomeries at Kuektanar-1 and 2 and Turgun-1, using scintillation and AMS techniques, suggests the use of trees that grew in 5th–10th centuries AD as a fuel for metallurgical production. Dates of charcoal relating to the same iron-smelting event differ by over 300 years, probably because various parts of adult larches (*Larix sibirica* Ledeb.) were used. Samples of uncharred bark in bloomery 2 at Kuektanar-1 suggest that the last smelting occurred in AD 655–765. The totality of radiocarbon dates makes it possible to conclude that the bloomeries functioned during the Old Turkic period. The proximity of iron ore sources and the abundance of forest vegetation account for the wide use of iron-smelting by the nomads in the region. The erosion of the river bank where the furnaces are located allowed us to assess the erosion rate since their construction—ca 0.5 cm per year.*

Keywords: Iron-smelting furnaces, bloomeries, radiocarbon dating, Old Turks, southeastern Altai.

Введение

На основании проведенных в 1970-х гг. археометаллургических и площадных археологических исследований в пределах высокогорной юго-восточной части Русского (Горного) Алтая Н.М. Зиняков выделил Чуйско-Курайский металлургический район [1988, с. 31], где было открыто 29 из 32 известных сегодня памятников черной металлургии Алтая и установлен самостоятельный кош-агачский тип сыродутных железоплавильных печей. Анализ сопутствующего инвентаря, а также типологическое сходство с горнами иных археологических культур второй половины I тыс. н.э. позволили предположительно датировать исследуемые сыродутные печи VI–X вв. н.э. [Там же, с. 51]. Несмотря на то что в предгорных углублениях и заполнении многих печей отмечены фрагменты древесных углей, до недавнего времени была получена лишь одна радиоуглеродная дата для памятника Куэктонар-2 – 1775 ± 35 л.н. (СОАН-5040) [Гутак, Русанов, 2013], причем изучение долины Чуи в устье Куектанара проводилось в рамках геологических изысканий. На основании этой некалиброванной даты был сделан вывод о функционировании печи в гунно-сарматскую эпоху. Обнаружение рядом с местом плавки обломков чешуйчатой разновидности гематита (спекулярита) позволило исследователям также выдвинуть предположение о добыче руды для железоплавильного производства в хр. Сайлюгем [Там же], т.е. на удалении ок. 100–150 км от устья Куектанара, на противоположном борту Чуйской впадины.

Нами в ходе геолого-геоморфологических исследований, направленных на реконструкцию перестройки гидросети Курайской и Чуйской впадин в позднем плейстоцене – голоцене [Агапова и др., 2016; Агапова, Непоп, Слюсаренко, 2017], в качестве хрономаркеров были изучены памятники черной металлургии в устье р. Куектанар (долина Чуи на участке между впадинами) и в долине р. Тюргун (западная часть Курайской впадины). Это описанные Н.М. Зиняковым Куэкто-

нар-1, -2 и Тюргун-1 [1988, с. 36–37, 46–49]. В отличие от подъемного позднелепелитического материала, в большинстве своем несущего следы переотложения [Агапова, Непоп, Слюсаренко, 2017], железоплавильные печи, сооруженные на речных террасах, являются памятниками *in situ*, что позволяет с их помощью оценить верхний возрастной предел формирования отложений и форм рельефа. Другой интересной самостоятельной проблемой является установление ближайших источников топлива и сырья для железодельного производства.

В настоящей статье приводятся: 1) результаты радиоуглеродного датирования, в т.ч. с применением ускорительной масс-спектрометрии (УМС), фрагментов древесного угля из печей памятников Куэктонар-1, -2, Тюргун-1, а также определения видового состава древесной растительности, использовавшейся для углежжения; 2) оценка скорости отступления склонов речных террас после сооружения печей; 3) анализ возможных источников минерального сырья и топлива для организации железоплавильного производства в долинах Куектанара и Тюргуна.

Материалы и методы

Материалом для датирования послужили фрагменты коры и древесного угля из заполнения печей и обломков шлака. Радиоуглеродное датирование сцинтилляционным методом было проведено в центрах коллективного пользования «Геохронология кайнозоя», Новосибирск (СОАН), и «Лаборатория радиоуглеродного датирования и электронной микроскопии», Москва (ИГАН), по стандартной методике [Арсланов, 1987]. Определение остаточной активности углерода в обеих лабораториях выполнено на установке QUANTULUS-1220. Датирование с применением ускорительной масс-спектрометрии (УМС) было проведено в Университете Аризоны, США, пробоподготовка – в ЦКП «Геохронология кайнозоя» (NSKA).

Для расчета возраста использован период полураспада ^{14}C 5 570 лет. Калибровка радиоуглеродных дат проводилась в программе CALIB Rev 5.0 [Stuiver, Reimer, 1993] с использованием калибровочной базы IntCal09 [Reimer et al., 2009].

С целью получения материала для радиоуглеродного датирования в районе устья Куектанара в 2013 и 2014 гг. были обследованы памятники Куэхтонар-1 и -2 (детальное геоморфологическое описание данного района и положение памятников в рельефе см.: [Agatova et al., 2014; Агапова и др., 2016]).

Памятник Куэхтонар-1 (50°08' с.ш., 88°18' в.д., 1 721 м над ур. м.) расположен на правом восьмиметровом береговом обрыве Чуи выше устья Куектанара (рис. 1). В настоящее время представляет собой две печи, практически разрушенные вследствие отступления берега. На этом участке Чуя прорезает моренные крупновалунные суглинки (отложения Куектанарского ледника), перекрытые перевеваемыми с поверхности маломощными озерными песками – следами обвально-моренно-подпрудного палеозера. Река делает здесь резкий поворот и интенсивно подмывает крутой правый берег. Судя по ряду неглубоких оврагов, врезанных в береговой уступ, печей могло быть и больше, однако уже в последней четверти прошлого века были зафиксированы только две из них [Зиняков, 1988, с. 46]. Грунт вокруг остатков печей прокален до красного цвета.

От верхней по течению сыродутной печи № 1 в 2013 г. сохранились лишь небольшие фрагменты боковых плит с остатками глиняной обмазки – футеровки. Пол из плоского камня толщиной 15 см (согласно описанию Н.М. Зинякова [Там же]) ко времени нашего посещения был уже полностью обрушен, как и задняя стенка (рис. 2, А).

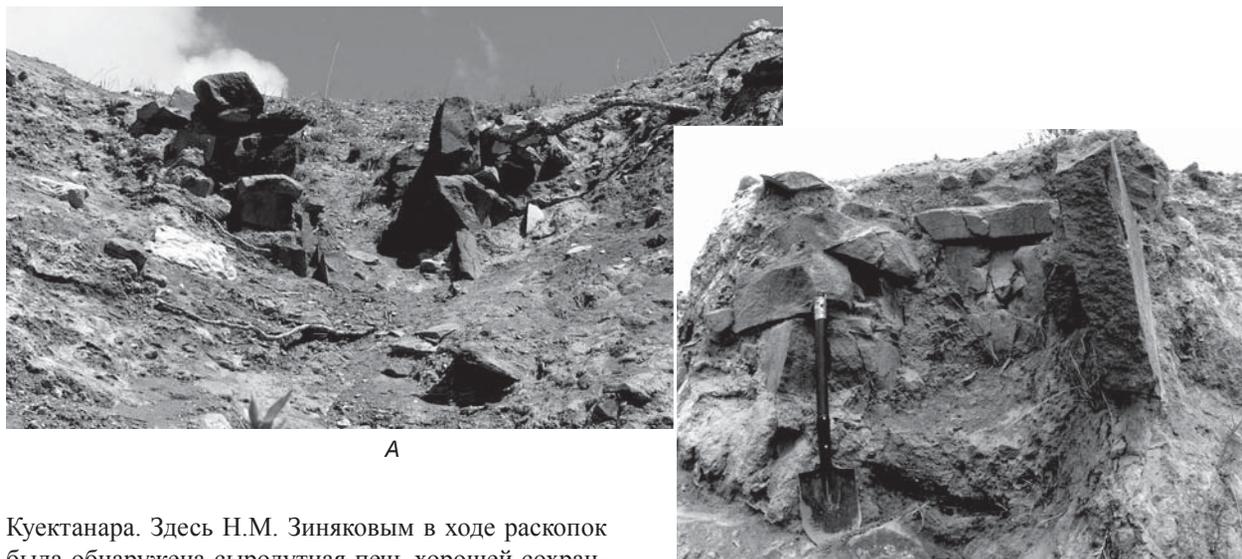
От нижней по течению печи № 2 сохранились задняя и примыкающие к ней фрагменты боковых плит, нависающие над обрывом (рис. 2, Б). Полностью утрачены не только предгорновое углубление и ведущий к нему от печи шлакоотводный канал, но и описанные Н.М. Зиняковым передняя стенка, которая состояла из двух поставленных вертикально под небольшим углом друг к другу каменных плит, часть боковых стен и пол из плоской плиты толщиной 6–10 см [Там же, с. 47]. Практически не сохранилось и трехслойное заполнение рабочей камеры, нижний слой которого состоял из смеси сыродутного шлака и древесных углей [Там же]. Тем не менее из-под основания задней плиты нами были извлечены кусочки несгоревшей коры, древесные угли, небольшие куски шлака и руды – гематита с кварцем (рис. 2, В). Рентгеноспектральный микроанализ, выполненный А.В. Корсаковым (ИГМ СО РАН) на сканирующем микроскопе MIRA 3 LMU (Tescan) с системой микроанализа Inca Energy 450 XMax 80 (Oxford Instruments), показал, что в составе шлака преобладают железосодержащие минералы вюстит (FeO) и фаялит (Fe₂SiO₄) (подробнее о минералогии шлаков и особенностях металлургического процесса см.: [Agatova, Nepor, Korsakov, 2017]). Для нескольких фрагментов древесного угля В.С. Мыгланом (СФУ) и Н.И. Быковым (АГУ) определена порода – лиственница сибирская. Для извлеченного слоя мелких обломков древесных углей была получена радиоуглеродная дата 1 250 ± 65 л.н. (СОАН-9091), а с помощью УМС датирован кусочек несгоревшей коры хвойного дерева – 1 368 ± 42 л.н. (NSKA-00832).

Памятник Куэхтонар-2 (50°09' с.ш., 88°18' в.д., 1738 м над ур. м.) расположен на поверхности двухметровой правобережной террасы правого рукава

Рис. 1. Участок долины Чуи между Чуйской и Курайской впадинами в районе устья р. Куектанар с указанием местоположения рассматриваемых памятников черной металлургии.

1 – Куэхтонар-1; 2 – Куэхтонар-2; 3 – ранее неизвестное местонахождение.

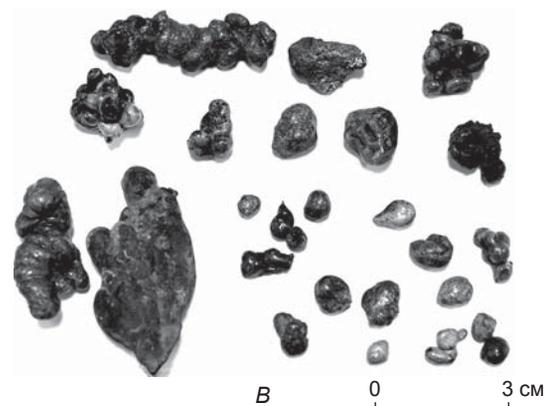

А

Б

Кукетанара. Здесь Н.М. Зиняковым в ходе раскопок была обнаружена сыродутная печь хорошей сохранности [Там же, с. 48]. Согласно его описанию, большая часть шахты печи была сооружена в яме глубиной ок. 150 см. Боковые и задняя стенки представляли собой плоские каменные плиты высотой ок. 80 см, а передняя была выложена небольшими кусками камня и имела отверстие внизу для выпуска шлака. Выше каменного основания шахта печи была сооружена из глины. Заполнение шахты состояло из 80-сантиметрового слоя обожженной земли и обломков глиняной обмазки, перекрывшего крупные куски шлака и древесного угля. Нами в 2014 г. при осмотре данного места, заросшего молодым лиственничником, была обнаружена полузаваленная яма с обожженными до красного цвета бортами. Сохранились лишь обломки каменной кладки печи; сооруженная из глины верхняя часть шахты к моменту нашего посещения уже не существовала. Вокруг на поверхности было разбросано много крупных обломков шлака с включенными в него большими фрагментами древесного угля, иногда целыми головешками (рис. 3). Для получения железа сыродутным способом, как и в печи № 2 памятника Куэхтонар-1, использовались угли из древесины лиственницы (определения В.С. Мыглана и Н.И. Быкова). Они закладывались вместе с рудой в соотношении примерно 4 : 1. Для внутренней части одного из впаянных в шлак крупных фрагментов древесного угля с помощью УМС была получена радиоуглеродная дата $1\ 515 \pm 33$ л.н. (NSKA-00833).

Неизвестное ранее местонахождение печей ($50^{\circ}09'$ с.ш., $88^{\circ}17'$ в.д., 1 730 м над ур. м.) обнаружено нами в ходе геолого-геоморфологических исследований района устья Кукетанара. Ряд оврагов, на бортах которых в 2011 г. еще сохранялся обожженный до красного цвета грунт, расположен в бровке обрыва верхней 25-метровой правобережной террасы Чуи ниже устья Кукетанара (см. рис. 1). Русло Чуи делает здесь резкий поворот, врезаясь в правый

В

0 3 см

Рис. 2. Остатки железоплавильных печей № 1 (А), 2 (Б) памятника Куэхтонар-1 и фрагменты извлеченного из печи № 2 кричного железа (В).

Рис. 3. Шлак с крупными включениями древесного угля в месте расположения железоплавильной печи памятника Куэхтонар-2.

берег. В протяженном береговом обрыве обнажены (снизу вверх): коренные породы, третичные угленосные озерно-болотные отложения, крупновалунные моренные суглинки, озерные пески и суглинки, субэральные (перевейные озерные) пески с горизонтами палеопочв, нижняя из которых сформировалась не позднее 8 тыс. л.н. [Agatova et al., 2016]. До отступления и обрушения значительной части берегового уступа здесь, как и на местонахождении Куэхтонар-1, существовал целый ряд сыродутных печей. После их разрушения в местах расположения шахт и сформировались овраги.

В северо-западной части Курайской впадины в долине другого правого притока Чуи, р. Тюргун, в 2015 г. нами было обследовано с целью отбора образцов для радиоуглеродного датирования одно из двух известных здесь местонахождений сыродутных горнов [Зиняков, 1988, с. 36].

Памятник Тюргун-1 (50°15' с.ш., 87°53' в.д., 1 621 м над ур. м.) расположен на склоне правобережной террасы, подверженной оползанию. Точное количество железоплавильных печей вследствие разрушения берега не установлено, однако характер локализации большого количества обломков шлака позволил Н.М. Зинякову предположить функционирование здесь не менее трех печей [Там же]. В процессе раскопок он обнаружил одну печь подземно-надземной конструкции, в заполнении ее шахты, а также в предгорновом углублении был зафиксирован шлак и древесный уголь. Выяснение времени последней плавки в наши задачи не входило, и раскопки нами не проводились. Тем не менее для установления верхнего возрастного предела формирования первой надпойменной террасы р. Тюргун (времени ее освоения в ходе железоплавильного производства) был датирован древесный уголь, включенный в один из крупных обломков шлака, усеивающих террасу, – 1 270 ± 70 л.н. (ИГАН-5012).

Обсуждение

Возраст печей. В ходе исследований металлургического производства Алтая в 1980-х гг., несмотря на многочисленность таких находок, как древесный уголь в шахтах печей и предгорновых углублениях, радиоуглеродное датирование не применялось, и вывод о возрасте памятников был сделан на основании типологических признаков печей и немногочисленных артефактов. Сыродутные горны Чуйско-Курайского металлургического района не имеют прямых аналогий на сопредельных территориях, тем не менее сравнение отдельных конструктивных элементов позволило Н.М. Зинякову [1988, с. 50–51, 74] провести некоторые параллели с памятниками VI–IX вв. н.э. Хакасско-Минусинской котловины [Сунчугашев, 1975, с. 93–100] и печами салтовского типа VIII–IX вв. н.э. [Афанасьев, Николаенко, 1982]. Кроме того, в заполнении рабочей камеры сыродутной печи № 2 памятника Куэхтонар-1 был обнаружен фрагмент венчика глиняного сосуда, украшенный в верхней части рядом ногтевидных вдавлений и ямок [Зиняков, 1988, с. 50–51]. Керамика с подобным орнаментом известна на Алтае в материалах VI–VII вв. н.э. могильника Кудыргэ [Гаврилова, 1965, с. 36], а также в комплексах VII–IX вв. н.э. [Степи..., 1981, с. 41]. Анализ этой информации позволил датировать все изученные горны Юго-Восточного Алтая VI–X вв. н.э. [Зиняков, 1988, с. 51].

Полученные нами радиоуглеродные даты древесных углей из печей трех памятников – Куэхтонар-1, -2 и Тюргун-1 – после калибровки с доверительным интервалом 2σ попадают в промежуток времени V – первая половина X в. н.э. (см. таблицу, рис. 4). Очевидно, что даты углей в целом более ранние, чем время плавки, за счет собственного возраста древесины. Образцы из печей в устье Куектанара включали ок. 25 годичных колец каждый, и для углежжения были ис-

Радиоуглеродные даты

Археологический памятник	Материал	Лабораторный индекс	Радиоуглеродный возраст	Интервалы калиброванных значений (2σ), гг. н.э.
Куэхтонар-1	Фрагмент коры	NSKA-00832	1 368 ± 42	599–716, 743–765
	Мелкие обломки древесного угля	СОАН-9091	1 250 ± 65	655–897 и 925–944*
Куэхтонар-2	Фрагмент древесного угля	NSKA-00833	1 515 ± 33	428–497, 506–523, 526–617
	Обломки древесного угля**	СОАН-5040	1 775 ± 35**	134–344
Тюргун-1	Древесный уголь	ИГАН-5012	1 270 ± 70	644–897 и 925–943

Примечание. Даты с лабораторными индексами СОАН и ИГАН получены сцинтилляционным методом, с индексом NSKA – с применением УМС.

*Интервал, не являющийся валидным (объяснения в тексте).

**По: [Гутак, Русанов, 2013].

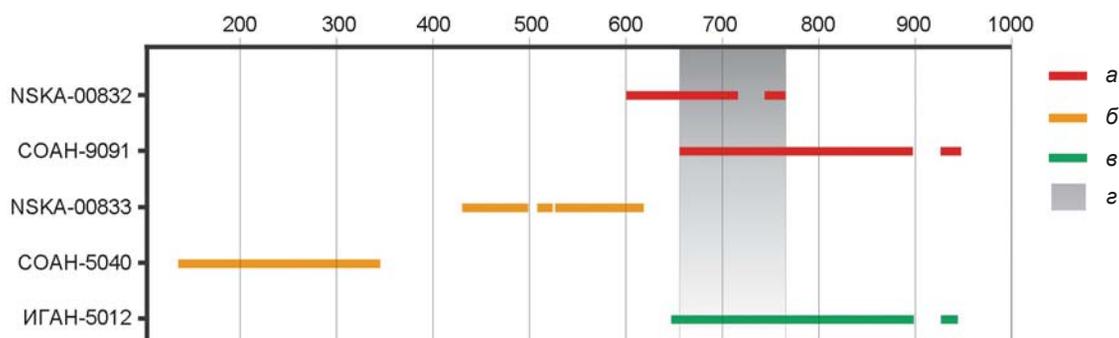

Рис. 4. Калиброванные (2σ) радиоуглеродные даты углей из железоплавильных печей.

a – Куэختонар-1; б – Куэختонар-2; в – Тюргун-1; z – интервал, в течение которого произошла последняя плавка в печи № 2 памятника Куэختонар-1.

пользованы деревья, прирост древесины которых уже стабилизировался, т.е. с большой долей уверенности можно говорить о том, что в данном случае это были деревья возрастом 100 лет и более. Лиственницы на рассматриваемом участке долины Чуи могут достигать возраста 400–450 лет (диаметр ствола таких деревьев оценить сложно, но, по данным В.С. Мыглана, в схожих современных ландшафтах он варьирует от 25 до 50 см). Таким образом, разница до 300 лет и даже более в датах углей может быть следствием того, что образцы представляют собой разные по возрасту части деревьев.

Угли из печи местонахождения Куэختонар-2 оказались древнее, чем с памятников Куэختонар-1 и Тюргун-1, – 428–617 гг. н.э. (см. таблицу, рис. 4). Еще более древняя дата углей с этого местонахождения была получена Я.М. Гутаком и Г.Г. Русановым [2013] – $1\ 775 \pm 35$ л.н. (СОАН-5040). После калибровки с доверительным интервалом 2σ она соотносится с периодом 134–344 гг. н.э. С учетом большого собственного возраста деревьев, заготавливавшихся для углежжения, ближе ко времени функционирования печи более поздняя из этих двух дат – 428–617 гг. н.э. Соответственно, мы считаем маловероятным сооружение печи памятника Куэختонар-2 в гунно-сарматскую (хуннскую) эпоху (II в. до н.э. – первая половина V в. н.э.), как это предположили Я.М. Гутак и Г.Г. Русанов [Там же]. С большей вероятностью можно говорить о ее функционировании в древнетюркскую эпоху (V–VII вв. н.э.). Тем не менее, несмотря на статистически малое количество дат, разница между возрастными определениями углей с трех памятников (даже с учетом принадлежности проанализированных образцов к разным по возрасту частям деревьев) позволяет предполагать более раннее сооружение печи памятника Куэختонар-2 среди всех рассмотренных. Функционирование печей в долине Чуи выше и ниже устья Куектанара могло не пересекаться во времени, несмотря на то, что горны описанной конструкции исполь-

зовались многократно – заполнение предгорнового углубления печи № 2 памятника Куэختонар-1 состояло из семи слоев угля и шлака, разделенных прослойками прокаленного грунта [Зиняков, 1988, с. 48].

Калиброванная радиоуглеродная дата (NSKA-00832) необугленной коры хвойного дерева, фрагмент которой найден в печи № 2 памятника Куэختонар-1, попадает в интервал 599–765 гг. н.э., т.е. VII–VIII вв. н.э. Данная находка уникальна. Возраст коры соответствует времени рубки дерева и с большой долей вероятности – времени последней плавки. Это однозначно указывает на то, что из двух интервалов калиброванных значений другой радиоуглеродной даты (СОАН-9091) углей из той же печи – 655–897 и 925–944 гг. н.э. – истинным является первый. Таким образом, даты NSKA-00832 и СОАН-9091 свидетельствуют о том, что последняя плавка была проведена между 655 и 765 г. н.э. (согласно интервалам калиброванных значений – с 655 по 716 г. либо с 743 по 765 г. н.э.), т.е. в середине VII – середине VIII в. н.э. (рис. 4). Точность радиоуглеродного анализа не позволяет сузить этот столетний интервал, однако полученные результаты уточняют типологическое датирование (по артефактам) и указывают на сооружение печи № 2 памятника Куэختонар-1 в древнетюркскую эпоху. Несмотря на то что предметы кыргызской культуры были найдены в районе устья Куектанара в песчаных отложениях недалеко от этого памятника [Худяков, 1990], можно утверждать, что они не имеют отношения к железоплавильным печам на берегу Чуи.

Радиоуглеродная дата ИГАН-5012 фрагмента угля из шлака с памятника Тюргун-1 практически совпадает с датой СОАН-9091 памятника Куэختонар-1. Результаты ее калибровки показывают два вероятностных интервала – 644–897 и 925–943 гг. н.э. (рис. 4). Однако, в отличие от памятника Куэختонар-1, в данном случае у нас нет убедительного критерия выбора одного из них. Можно лишь предполагать, что печи и в устье Куектанара, и в долине Тюргуна, располо-

женные на расстоянии более 30 км друг от друга, скорее всего, использовались в одно и то же время.

В целом единый тип печей всех трех изученных памятников указывает на их сооружение в течение одного культурного периода. Если же со времени построения наиболее древней печи ниже устья Куектанара (Куэхтонар-2) и произошла смена металлургов, то они полностью переняли предшествующие традиции возведения сыродутных горнов.

К настоящему времени опубликована серия радиоуглеродных дат памятников древнетюркской эпохи в бассейне Чуи [Кубарев Г.В., 2005, с. 139; Кубарев Г.В., Орлова, 2006]. Наиболее ранним является погребение кург. 10 могильника Уландрык I – 539–657 гг. н.э., что позволяет отнести его к кудыргинскому этапу (по классификации А.А. Гавриловой [1965, с. 58–61]), хотя по предметному комплексу оно разительно отличается от кудыргинских захоронений [Кубарев Г.В., Орлова, 2006, с. 140–141]. К началу эпохи принадлежат такие поминальные сооружения, как оградка на памятнике Кызыл-Шин (нижнее течение р. Чаган-Узун) – 407–645 гг. н.э. [Там же, с. 140] – и оградки с изваяниями из Апшиякты I (нижнее течение р. Чуя) – 429–652 гг. [Кубарев Г.В., 2017, с. 101]. К поздним древнетюркским памятникам относятся кург. 2 могильника Калбак-Таш (886–987 гг. н.э.), а также поминальные оградки в долине р. Юстыд (897–1 019 гг. н.э.) и на холме Дьер-Тобе (981–1 029 гг. н.э.) [Кубарев Г.В., Орлова, 2006, с. 140].

Таким образом, даты углей из железоплавильных печей памятников Куэхтонар-1, -2 и Тюргун-1 полностью укладываются в исторический период бытования древнетюркской культуры в Юго-Восточном Алтае, определенный с использованием радиоуглеродного метода датирования.

Скорость отступления берега Чуи со времени сооружения печей. Реконструкции первоначальных размеров горнов и предгорновых пространств [Зиняков, 1988, с. 46–48], а также стадии разрушения памятников, зафиксированные на разных временных рубежах, позволяют оценить скорость отступления склонов террас, на которых были сооружены железоплавильные печи. В ходе исследования Н.М. Зиняковым памятника Куэхтонар-1 длина сохранившейся части рабочей камеры печи № 1 достигала 80 см. Таким образом, отступление берега за почти полувековой период составило не менее 50 см. К моменту нашего обследования в 2013 г. сохранились лишь обращенные к склону фрагменты боковых стен (см. рис. 2, А). Поскольку первоначальная длина печи, реконструируемая по обводам стенок камеры, могла достигать 130 см, а достаточно выдержанные размеры рабочего пространства перед печами данного типа ок. 5 м [Там же, с. 31–49], с момента ее сооружения склон отступил не менее чем на 6 м.

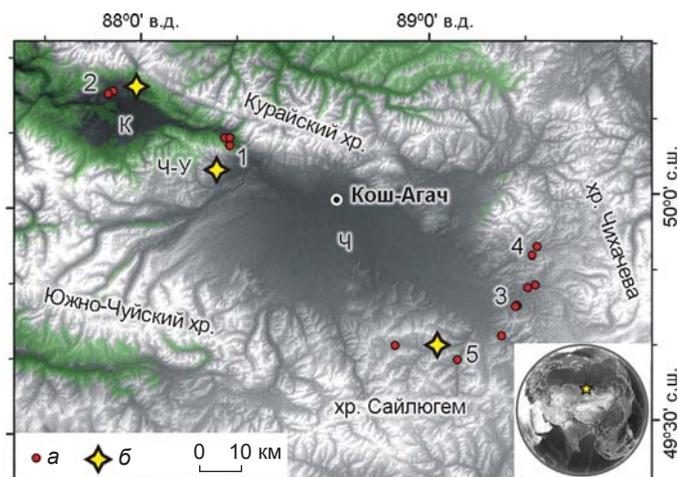
Предполагая близкий возраст расположенных в 50 м друг от друга печей № 1 и 2 и учитывая полученные нами данные о времени последней плавки в печи № 2 – 655–765 гг. н.э., среднюю скорость отступления берегового обрыва Чуи в этом месте за последние ~1 500 лет можно оценить примерно в 0,5 см/год.

К моменту осмотра Н.М. Зиняковым печи № 2 длина ее рабочей камеры была 125 см, шлакоотводного канала – 55, частично сохранившегося предгорнового углубления – 155 см. Таким образом, расстояние от ныне существующей задней стенки печи (см. рис. 2, Б) до берегового обрыва составляло тогда ок. 335 см. На столько отступил склон в этом месте за не более чем полувековой промежуток времени. По всей видимости, обрушение крупного блока было вызвано нарушением связности склонового субстрата в результате врезки печи, шлакоотводного канала и предгорнового углубления. Не исключено, что интенсификация обрушения склона способствовали и проведенные Н.М. Зиняковым археологические раскопки. С учетом данных о времени последней плавки и достаточно выдержанных размерах печей и рабочего пространства перед ними примерная средняя скорость отступления берегового обрыва Чуи за последние ~1 500 лет, как и в случае с печью № 1, составляет ок. 0,5 см/год.

Несмотря на то что достоверно неизвестно, на каком расстоянии от бровки террасы находились печи, наша численная оценка дает общее представление о средней скорости отступления правого берега Чуи в районе памятника Куэхтонар-1 с момента его сооружения. В месте резкого поворота русла Чуи ниже по течению устья Куектанара она, по всей видимости, была еще выше – в настоящее время о положении здесь ряда печей можно судить только по оврагам со следами термического воздействия на склонах. Очевидно, что процесс отступления берегового обрыва не является равномерным во времени. Промежутки относительно стабильного состояния склона сменялись одномоментными отседаниями и обвалами крупных блоков субстрата, сложенного валунно-галечными моренными суглинками. Это привело к практически полному уничтожению памятников железоплавильного производства на береговом обрыве Чуи.

Возможные источники руды и топлива. Активному развитию железодельного производства на территории Юго-Восточного Алтая способствовало благоприятное сочетание доступного рудного сырья и лесных ресурсов. В настоящее время вследствие аридизации климата в юго-восточном направлении лесная растительность в пределах субширотной Курайско-Чуйской системы межгорных впадин приурочена преимущественно к южному борту, причем в Курайской впадине она образует единый пояс, в за-

Рис. 5. Расположение железоплавильных печей, источников сырья и топлива на территории Чуйско-Курайской системы впадин и их горного обрамления. *a* – памятники железоплавильного производства: 1 – в устье Куектанара, 2 – в долине р. Тюргун, 3 – в долине р. Юстыд, 4 – в бассейне р. Бар-Бургазы, 5 – в бассейне р. Уландрык; *b* – обсуждаемые в статье железорудные месторождения и рудопроявления. Ч – Чуйская впадина, К – Курайская впадина, Ч-У – Чаган-Узунский массив. Зеленым цветом показана лесная растительность.

падной части Чуйской впадины имеет уже островное распространение, а в восточной отсутствует (рис. 5). Однако наличие огромного количества курганов с массивными погребальными сооружениями из древесины [Кубарев В.Д., 1987, 1991, Быков, Быкова, Слюсаренко, 2005; Кубарев В.Д., Шульга, 2007], а также гончарных и железоплавильных (причем самых крупных в Юго-Восточном Алтае!) печей в долинах Юстыда, Бар-Бургазы и Уландрыка [Зиняков, 1988, с. 38–42, 213–218; Кубарев В.Д., Журавлева, 1986], т.е. в ныне полностью лишенной леса восточной части Чуйской впадины, определенно указывает на былую залесенность этой территории, в т.ч. в VI–X вв. н.э. В целом усиление аридизации климата с сопутствующим изменением ареала лесной растительности в Чуйской котловине фиксируется в разных природных архивах именно в последние 1,5 тыс. лет [Agatova et al., 2014, 2016]. Поэтому мнение об устье Куектанара как о ближайшем к Сайлюгему месте, подходящем для железоплавильного производства по причине произрастания здесь достаточного количества леса [Гутак, Русанов, 2013], на наш взгляд, является весьма спорным. Оно не учитывает произошедшие изменения климата и ландшафтов и основано на отождествлении природных условий I тыс. н.э. с современными.

Скорее всего, руда в устье Куектанара доставлялась из более близких мест, нежели месторождение Рудный Лог, расположенное на расстоянии ок. 100 км в юго-восточной части Чуйской впадины – в долине р. Большие Шибеты (рис. 5). Обнаруженные Н.М. Зиняковым непосредственно рядом с этим месторождением железоплавильные печи (памятники Бураты, Коч-Корбас) указывают не только на наличие необходимого количества топлива в восточной части Чуйской впадины во время их функционирования, но и на то, что древние металлурги располагали свое производство вблизи источников

железных руд [Зиняков, 1988, с. 200, 210]. Гематитовые рудопроявления известны в районе пос. Курай, всего в 30–40 км от Куектанара, причем на правом берегу Чуи [Там же, с. 201]. Могли использоваться также местные гематитовые и сидеритовые руды, месторождения и рудопроявления которых зафиксированы недалеко от пос. Чаган-Узун – на восточном склоне Чаган-Узунского массива, разделяющего Чуйскую и Курайскую впадины. Они расположены на левом берегу Чуи, но гораздо ближе к «куектанарскому металлургическому центру». В сентябре – первой половине октября уровень воды в Чуе сильно падает, что позволяет переходить ее вброд на лошадях и верблюдах. Замерзает река в октябрь–ноябре; в январе–феврале лед наиболее крепкий, и при необходимости по нему можно было перемещать большие объемы руды, создавая запасы для плавки в теплое время года. Кроме того, для выплавки такого количества железа, которое удовлетворяло бы хозяйственные нужды кочевников, достаточно было не месторождения гематита, а рудопроявления, возможно располагавшегося еще ближе и впоследствии выработанного полностью.

Таким образом, сосредоточение большого количества печей в устье Куектанара было обусловлено не только произрастанием здесь необходимого количества леса (значительно, кстати, прореженного древними металлургами), но и близким расположением целого ряда месторождений и рудопроявлений (что, впрочем, не исключает доставку обогащенной руды, в т.ч. из Сайлюгема). Кроме того, в береговом уступе Чуи здесь вскрыты горизонты и линзы неогеновых бурых углей, которые также могли использоваться в качестве топлива. Схожее сочетание благоприятных условий привело к формированию в долине р. Тюргун еще одного крупного центра железоделательного производства.

Выводы

Результаты радиоуглеродного датирования древесного угля из сыродутных горнов памятников Куэхтонар-1, -2, Тюргун-1, относящихся к Чуйско-Курайскому металлургическому району Русского (Горного) Алтая, указывают на использование в качестве топлива леса, росшего в V–X вв. н.э. Сырьем для углежжения служила древесина лиственниц возрастом более 100 лет. Так как лиственницы в долине Чуи могут достигать возраста 400–450 лет, разница до 300 лет и даже более в датах образцов может являться следствием датирования разных по возрасту частей дерева.

Обнаружение фрагментов необугленной коры под задней стенкой печи № 2 памятника Куэхтонар-1 позволило впервые установить время последней плавки – между 655 и 765 гг. н.э. Схожий возраст углей зафиксирован на объекте Тюргун-1. Наиболее ранним, даже с учетом собственного возраста деревьев, использовавшихся в качестве топлива, является памятник Куэхтонар-2. Тем не менее все исследованные горны однотипны, а даты углей из них полностью укладываются в исторический период бытования древнетюркской культуры в Юго-Восточном Алтае, определенный ранее с использованием радиоуглеродного метода датирования. Сосредоточение большого количества печей в устье Куектанара и долине р. Тюргун было обусловлено произрастанием здесь необходимого количества леса и близким расположением месторождений и рудопроявлений гематита.

Многие памятники древней металлургии Русского Алтая, в т.ч. такие известные, как железоплавильные печи в устье Куектанара, находятся на грани исчезновения или уже разрушены вследствие обваливания и оползания береговых уступов террас, на поверхности которых они сооружены. Правый берег Чуи, где располагались сыродутные горны местонахождения Куэхтонар-1, со времени последней плавки отступил примерно на 6–7 м со средней скоростью ок. 0,5 см/год. В связи с неизбежным исчезновением этих памятников уже в недалеком будущем, им необходимо уделить более пристальное внимание в самое ближайшее время.

Благодарности

Работа выполнена в рамках государственного задания (проект № 0330-2016-0015); археологические исследования – за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-50-00036), геолого-геоморфологические, включая радиоуглеродное датирование, – при поддержке РФФИ (проект № 16-05-01035).

Авторы благодарны В.С. Мыглану (СФУ, Красноярск) и Н.И. Быкову (АГУ, Барнаул) за определения видового состава древесной растительности, использовавшейся для углежжения, и консультации, а также А.В. Корсакову (ИГМ СО РАН, Новосибирск) за определение минерального состава шлака.

Список литературы

Агатова А.Р., Непоп Р.К., Слюсаренко И.Ю. Археологические памятники как маркер перестройки гидросети Курайской и Чуйской впадин (Юго-Восточный Алтай) в неоплейстоцене – голоцене: обобщение результатов исследований и палеогеографические реконструкции // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2017. – Т. 45, № 1. – С. 25–35.

Агатова А.Р., Непоп Р.К., Слюсаренко И.Ю., Мыглан В.С., Баринов В.В. Археологические памятники как маркер перестройки плейстоцен-голоценовой гидросистемы Курайской и Чуйской впадин Юго-Восточного Алтая: результаты геолого-геоморфологических и геоархеологических исследований // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2016. – Т. 44, № 4. – С. 26–34.

Арсланов А.А. Радиоуглерод: геохимия и геохронология. – Л.: Изд-во Ленингр. гос. ун-та, 1987. – 298 с.

Афанасьев Г.Е., Николаенко А.Г. О салтовском типе сыродутного горна // СА. – 1982. – № 2. – С. 168–175.

Быков Н.Н., Быкова В.А., Слюсаренко И.Ю. Погребальные сооружения как источник по изучению лесопользования у пазырыкцев // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2005. – № 2. – С. 60–67.

Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. – М.; Л.: Наука, 1965. – 144 с.

Гутак Я.М., Русанов Г.Г. О возрасте железоплавильных печей урочища Куяхтанар (Горный Алтай) // Вестн. Сиб. гос. индустр. ун-та. – 2013. – № 2 (4). – С. 18–20.

Зиняков Н.М. История черной металлургии и кузнечно-го ремесла древнего Алтая. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1988. – 274 с.

Кубарев В.Д. Курганы Уландрыка. – Новосибирск: Наука, 1987. – 302 с.

Кубарев В.Д. Курганы Юстыда. – Новосибирск: Наука, 1991. – 190 с.

Кубарев В.Д., Журавлева А.Д. Керамическое производство хуннов Алтая // Палеоэкономика Сибири. – Новосибирск: Наука, 1986. – С. 101–119.

Кубарев В.Д., Шульга П.И. Пазырыкская культура (курганы Чуи и Урсула). – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2007. – 282 с.

Кубарев Г.В. Культура древних тюрков Алтая. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. – 400 с.

Кубарев Г.В. Древнетюркские изваяния из Апшиякты в Центральном Алтае (к проблеме выделения женских статуарных памятников у древних тюрков) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2017. – Т. 45, № 1. – С. 93–103.

Кубарев Г.В., Орлова Л.А. Радиоуглеродное датирование древнетюркских памятников Алтая // Современные проблемы археологии России: мат-лы Всерос. археол. съез-

да. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. – Т. II. – С. 139–141.

Степи Евразии в эпоху средневековья / А.К. Амброз, В.Б. Ковалевская, И.Л. Кызласов, Л.Р. Кызласов, Н.А. Мажитов, В.А. Могильников, С.А. Плетнева, А.П. Смирнов, Г.А. Федоров-Давыдов. – М.: Наука, 1981. – 304 с.

Сунчугашев Я.И. Древнейшие рудники и памятники ранней металлургии в Хакасско-Минусинской котловине. – М.: Наука, 1975. – 173 с.

Худяков Ю.С. Кыргызы в Горном Алтае // Проблемы изучения древней и средневековой истории Горного Алтая. – Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1990. – С. 186–201.

Agatova A.R., Nepov R.K., Bronnikova M.A., Slyusarenko I.Yu., Orlova L.A. Human occupation of South Eastern Altai highlands (Russia) in the context of environmental changes // *Archaeol. and Anthropol. Sci.* – 2016. – Vol. 8. – P. 419–440.

Agatova A.R., Nepov R.K., Korsakov A.V. Vanishing iron-smelting furnaces of the South Eastern Altai, Russia – Evidences for highly developed metallurgical production of ancient nomads // *Quatern. Int.* – 2017. – URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S1040618217306523?via%3Dihub>

Agatova A.R., Nepov R.K., Slyusarenko I.Yu., Myglan V.S., Nazarov A.N., Barinov V.V. Glacier dynamics, palaeohydrological changes and seismicity in southeastern Altai (Russia) and their influence on human occupation during the last 3000 years // *Quatern. Int.* – 2014. – Vol. 324. – P. 6–19.

Reimer P., Baillie M., Bard E., Bayliss A., Beck J., Blackwell P., Bronk Ramsey C., Buck C., Burr G., Edwards R., Friedrich M., Grootes P., Guilderson T., Hajdas I., Heaton T., Hogg A., Hughen K., Kaiser K., Kromer B., McCormac F., Manning S., Reimer R., Richards D., Southon J., Talamo S., Turney C., Plicht J., Weyhenmeyer C. IntCal09 and Marine09 radiocarbon age calibration curves, 0–50,000 years cal BP // *Radiocarbon.* – 2009. – Vol. 51, iss. 4. – P. 1111–1150.

Stuiver M., Reimer P.J. Extended ¹⁴C-data base and revised calib 3.0 ¹⁴C-age calibration program // *Radiocarbon.* – 1993. – Vol. 35, iss. 1. – P. 215–230.

*Материал поступил в редколлегию 09.06.17 г.,
в окончательном варианте – 21.09.17 г.*

DOI: 10.17746/1563-0102.2018.46.2.100-105
УДК 904

О.П. Доброва

Центр палеоэтнологических исследований
Новая пл., 12, стр. 5, Москва, 109012, Россия
E-mail: russa-dolya@mail.ru

Техники производства стеклянных бусин по материалам Гнёздова (Смоленская область)

Коллекция бусин из Гнёздовского археологического комплекса насчитывает более 12 тыс. экз. Большинство из них относится к девяти технологическим группам, хорошо известным по материалам Земляного городища Старой Ладоги. Систематизация коллекции Гнёздова позволила дополнить эти материалы. Так, впервые выделены бусины из сплавленных комочков размягченного стекла. Немногочисленные группы составляют бусины, предположительно изготовленные с помощью формы, и поперечно-полосатые спаянные. Последние имеют аналогии среди материалов античного времени из Северного Причерноморья. Впервые для Древней Руси отмечены стеклянные бусины с медной трубочкой. Аналогии этой редкой технике известны по материалам памятников Центральной Европы. Значительную группу в гнёздовской коллекции составляют двухслойные бусины, изготовленные из тянутой трубочки, тянутой палочки, мозаичные и навитые. Ряд авторов объясняли использование трубочки в качестве сердцевин экономией компонентов шихты. Наличие сердцевин-трубочек в кобальтовых бусинах позволяет предположить их применение для облегчения процесса формования изделия. В IX–XI вв. бусы и браслеты, окрашенные кобальтом, были широко распространены. Это обстоятельство не позволяет говорить, что экономия компонентов шихты является универсальным объяснением использования трубочек-сердцевин. Очевидно, о том же свидетельствует их изготовление из других материалов – меди, керамики. В целом можно заключить, что бусы, выполненные в названных техниках, редки не только в Гнёздове, но и на территории Древней Руси в целом.

Ключевые слова: стеклянные бусины, технология, Древняя Русь, Гнёздово.

O.P. Dobrova

Paleoethnology Research Center,
Novaya pl. 12, bldg. 5, Moscow, 109012, Russia
E-mail: russa-dolya@mail.ru

The Technology of Manufacturing Glass Beads at Gnezdovo, Smolensk Region

Over 12 thousand glass beads have been excavated from medieval burials at Gnezdovo. Most fall in nine technological groups similar to those in a collection from the earthen ramparts of Staraya Ladoga. At Gnezdovo, however, hitherto unknown types were found, such as those represented by isolated specimens formed from lumps of molten glass. A few beads appear to have been made on a mold; those with transverse striation had been welded from several pieces. The latter resemble Greek and Roman era specimens from the Northern Pontic region. For the first time in Old Rus, glass beads with a copper pipe are described. This is a rare technique, also practiced in Central Europe. Numerous specimens from Gnezdovo are two-layered, others are made from a pipe, from a rod, mosaic, or curled. Some experts argued that the use of pipe as a core is motivated by the economy of paste of which beads were made. Pipe cores in cobalt beads might facilitate shaping. Since cobalt-colored beads and bracelets were popular in AD 800–1100, economy cannot provide a universal explanation. The fact that other materials, such as copper and ceramics, were also used is another proof thereof. Generally, such beads are rare not only in Gnezdovo but elsewhere in Kievan Rus as well.

Keywords: Glass beads, technology, Old Rus, Gnezdovo.

Введение

Реконструкция техник производства вещей разных эпох является одним из направлений в изучении древних технологий. Это направление применительно к украшениям из стекла активно разрабатывалось З.А. Львовой и благодаря ее работам стало неотъемлемой частью в систематизации коллекций бусин различной культурно-хронологической принадлежности [1959, 1962, 1968, 1970, 1979, 1980, 1983, 1989].

В настоящей статье подводятся некоторые итоги проведенной работы по систематизации бусин из Гнёздова. Изучение изделий *de visu* позволило сделать ряд наблюдений по технике производства некоторых типов бусин и выявить техники, не фиксирувавшиеся ранее в материалах древнерусских памятников*.

Наблюдения по технике изготовления стеклянных бусин Гнёздова

Основная часть стеклянных бусин Гнёздова изготовлена двумя способами: из тянутой трубочки и навивкой [Френкель, 2007, с. 79–83]. Остальные техники представлены немногочисленными изделиями – от нескольких десятков до единичных экземпляров.

Бусины с металлической фольгой. Это одна из наиболее многочисленных групп. Подробно техника их производства была изучена М.А. Безбородовым на материалах из курганов Северо-Западной и Северо-Восточной Руси [1959]. В рассматриваемый нами период на древнерусских памятниках встречаются бусины с металлической фольгой, изготовленные двумя основными способами: из тянутой трубочки и в технике кручения (VIII и IV группы по классификации З.А. Львовой [1968, с. 73–90]). В материалах Гнёздова зафиксированы обе техники, однако крученые бусины с металлической фольгой представлены единичными экземплярами, а в поселенческом комплексе отсутствуют вовсе.

В гнёздовской коллекции наибольшее количество брака обнаружено среди стеклянных бусин из тянутой трубочки, декорированных металлической фольгой (8 %).

*Фотографии для этой статьи сделаны в Лаборатории древних производств кафедры археологии МГУ с использованием микроскопа Zeiss Stemi 2000-C с увеличением 6,5х...50х.

То же зафиксировано в материалах Старой Ладogi, причем там показатель значительно выше – 21,97 % [Львова, 1970, с. 95]. Самой распространенной формой брака в Гнёздове является заплывание канала, как и у староладожских бус [Там же, с. 101–102]. В некоторых случаях наряду с этим наблюдается отсутствие металлической фольги (рис. 1, 2, 3, 8). Исключительно редки экземпляры, у которых канал не заплыл, однако слой фольги не фиксируется.

Изучение бус данного типа привело исследователей к выводу, что внешний слой стекла, покрывающий металлическую фольгу (кантарель), может накладываться двумя способами [Безбородов, 1959, с. 229–230]. Чаще всего это выдувание и последующее сплавление с трубочкой-сердцевинкой. Другой способ предполагал вытягивание более широкой

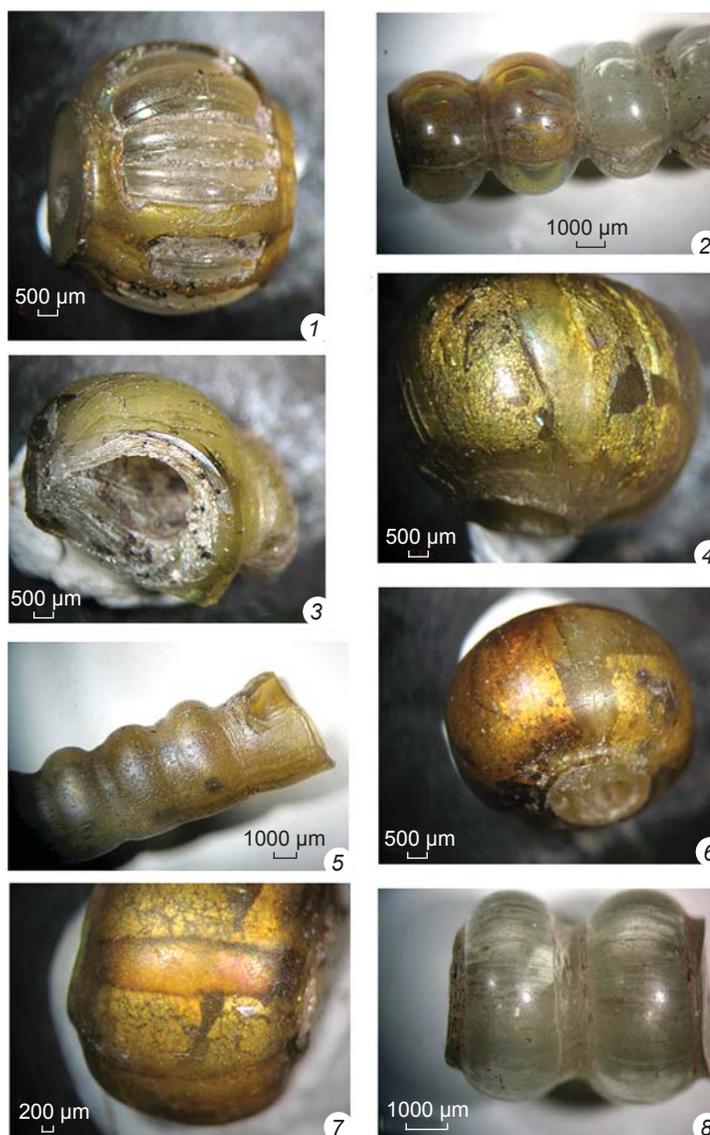

Рис. 1. Бусины с металлической фольгой.

трубочки, которая надевалась на трубочку, покрытую фольгой, далее изделие нагревалось и ему придавалась нужная форма. Среди бусин, изготовленных этим способом, встречаются экземпляры с отслоившейся кантарелью (рис. 1, 5).

Исследуя бусы с металлической фольгой, М.А. Безбородов отмечал наличие ее разрывов, а также то, что декор может состоять не только из цельного кусочка фольги, но и из ее фрагментов [Там же, с. 232]. Что касается проанализированных бусин гнёздовской коллекции, то в большинстве случаев поверхность фольги выглядит однородной, даже если на ней видны разрывы. Однако есть экземпляры, фольга которых визуальнo различается по цвету. Это может быть обусловлено различным составом металла либо его толщиной (рис. 1, 6).

Интересно отметить наличие в декоре бусин продольно ориентированных лент, заметно различающихся

по своему облику (рис. 1, 4, 7). Местами фольга выглядит цельной, иногда же она вся покрыта надрывами и разрывами. Возможное объяснение этому найдено в материалах коллекции. У одной бусины кантарель и фольга отслоились от сердцевинки. В результате можно увидеть, что в качестве сердцевинки использована ребристая трубочка, имеющая сечение в виде розетки (рис. 1, 1). На наш взгляд, это объясняет в ряде случаев наличие разрывов: попадая на ребро, фольга начинала растягиваться, что приводило к ее надрывам и разрывам. На вогнутых участках между ребрами фольга, по-видимому, сохраняла свою толщину, а слой кантарели утолщался. В результате возникает иллюзия использования различной по своему характеру металлической фольги.

Бусины из сплавленных комочков стекла. Их в коллекции немного. Два экземпляра имеют зонную форму, изготовлены из стекла цвета морской волны и бесцветного (рис. 2, 3, 4, 6, 7). Третья бусина призматическая, подквадратная в поперечном сечении, из синего стекла (рис. 2, 1, 2). Основа четвертого экземпляра изготовлена из светло-бирюзового стекла и украшена накладными стеклянными нитями белого и печеночно-красного цвета (рис. 2, 5). На тулове бусин прослежены соединительные швы. Бусы, изготовленные в этой технике, принадлежат мастерским с неполным технологическим циклом, где не варили стекло, а работали либо с полуфабрикатами, либо с повторно переработанным стеклом, которое могли получить посредством размягчения стеклянного боя. Отметим, что две бусины входят в состав ожерелья, происходящего из кургана Ц-198/Авд.-1976. Этот комплекс, судя по погребальному обряду и некоторым деталям инвентаря, содержит скандинавский женский убор.

Кроме экземпляров, описанных выше, нам известны бусины, сформованные из кусочков стеклянной массы и декорированные накладными концентрическими гладкими глазками. Один экземпляр происходит из раскопок Центрального городища Гнёздова. Бусина зонной формы изготовлена из бесцветного стекла и декорирована тремя гладкими концентрическими глазками в виде печеночно-красных капель с нанесенным на них голубым непрозрачным стеклом. Схожая по технике изготовления бусина найдена нами в материалах Неревского раскопа Великого Новгорода (ГИМ. Оп. 1965. № 1853). Она из прозрачного стекла желтоватого оттенка, имеет округлую форму и гладкие концентрические желто-красные глазки.

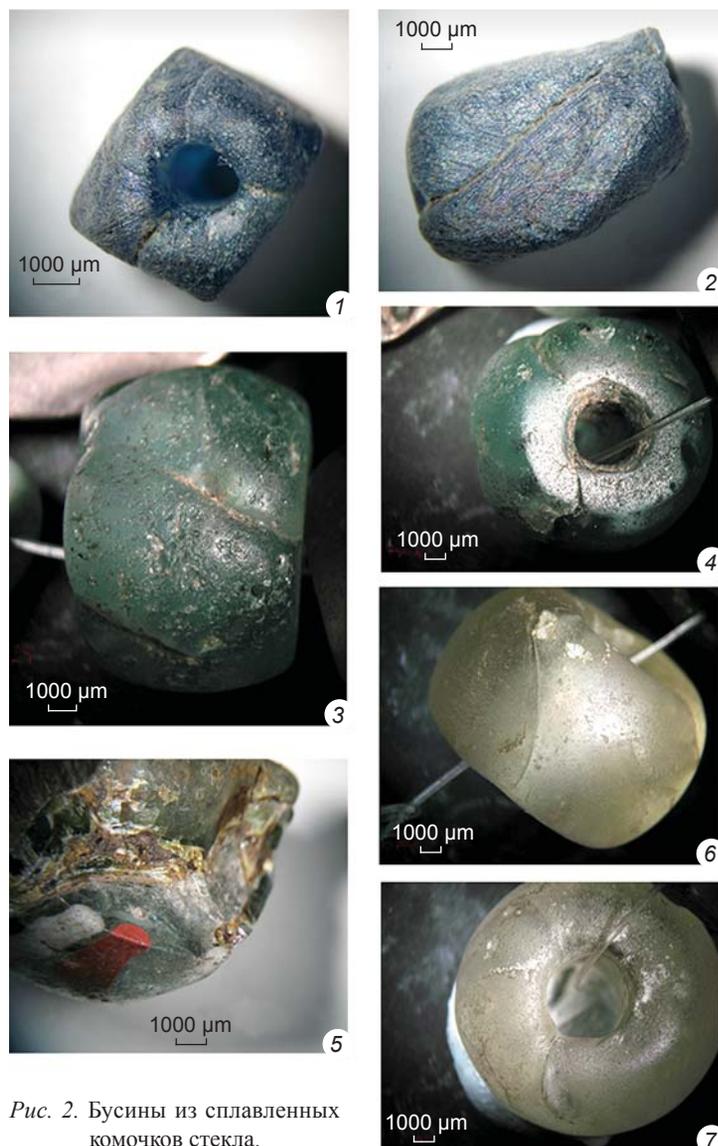

Рис. 2. Бусины из сплавленных комочков стекла.

Бусины, предположительно изготовленные с помощью формы*. Редкие монокромные экземпляры позволяют предположить, что они изготовлены путем формования разогретого стекла в форму. Выполненные в этой технике бусины имеются в материалах Неревского раскопа Великого Новгорода. Гнёздовские и новгородские экземпляры изготовлены из белого полупрозрачного, розового, зеленого, сиреневого непрозрачного и зеленого прозрачного стекла. Бусины имеют неправильно-шарообразную, реже эллипсоидную форму (рис. 3, 6–9). Происходят они с территории как селища, так и городища. У большинства подобных бусин на поверхности тулова фиксируется четкий соединительный шов (рис. 3, 6). В неревской коллекции у одних экземпляров он ориентирован вдоль оси отверстия, у других поперек. Две гнёздовские бусины одинаковые и, видимо, изготовлены одним мастером. Несколько выделяется шарообразная бусина из белого полупрозрачного стекла (рис. 3, 7, 8). У нее соединительный шов выражен слабо, но в теле бусины хорошо читаются концентрические окружности пузырьков, которые позволяют отнести данный экземпляр к этой же технике. Вероятнее всего, такие бусы связаны с периодом жизни на гнёздовском поселении в Новое или Новейшее время.

Поперечно-полосатые бусины. Это малочисленная, но разнородная по своему составу группа. Полихромные поперечно-полосатые бусины изготовлены из последовательно сваренных отрезков стеклянных палочек, соединенных встык (рис. 3, 1, 3–5) или внахлест (рис. 3, 2). Получившуюся стеклянную пластину обертывали вокруг инструмента, а ее концы соединяли встык. В результате такой операции на тулове некоторых экземпляров можно проследить соединительный шов. Далее бусины обкатывались. Их поверхность гладкая, форма эллипсоидная, биконическая, шарообразная или округлая. Отдельные экземпляры из гнёздовской коллекции находят аналогии среди опубликованных Е.М. Алексеевой бусин античного времени из Северного Причерноморья. Так, эллипсоидная бусина из сваренных полос белого, синего и желтого стекла напоминает тип 176 по классификации Е.М. Алексе-

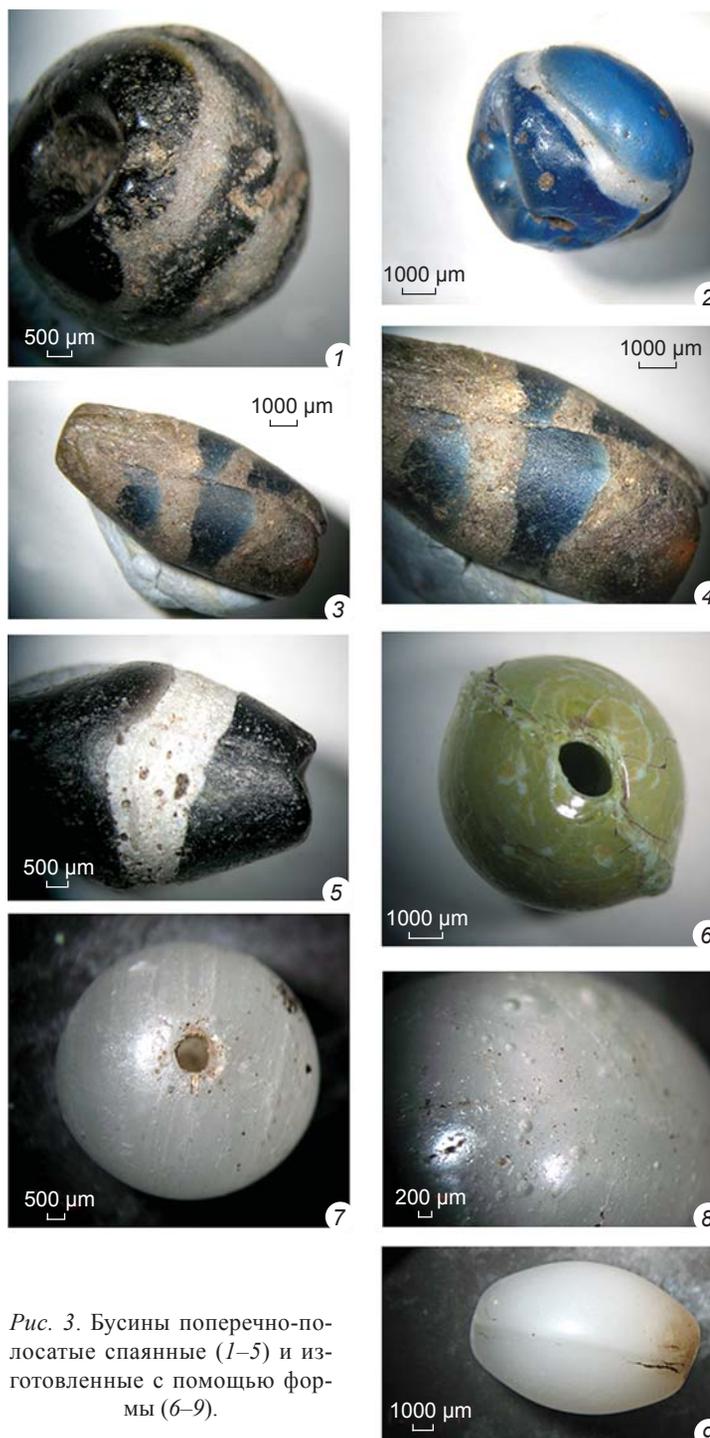

Рис. 3. Бусины поперечно-полосатые спаянные (1–5) и изготовленные с помощью формы (6–9).

евой [1978, табл. 27, 55], а другая, из полос лилового полупрозрачного и белого стекла, соответствует типу 147 [Там же, табл. 27, 15, 23–25]. Очевидно, техника производства бус, известная со времен античности, продолжала существовать и в период формирования Древнерусского государства. Изготовленные именно по такой производственной схеме бусы встречаются на памятниках в пределах I тыс. н.э.

*Благодарю Е.К. Столярову за консультацию по этим изделиям.

Рис. 4. Бусины с медной трубкой (1), стеклянными трубками-сердцевинами (2–4, 6) и изготовленная из сваренных отрезков стеклянной палочки (5, 7).

Особо выделим один экземпляр (рис. 4, 5, 7), который заметно отличается от классических мозаичных бусин. Заготовка была сделана из лилового стекла. На поверхность одной из ее сторон нанесли нити желтого, красного, белого непрозрачного стекла. Затем палочка была разделена на отрезки, а те сварены между собой. Далее бусине придали форму восьмигранной призмы (диаметр 1,2 см, высота не менее 1,4 см).

Двухслойные бусины. Как правило, они относятся к числу изделий, изготовленных из тянутой трубочки. Выше мы уже касались таких бусин. Их сердцевина обычно изготовлена из стекла, цвет и прозрачность которого отличны от наружного слоя. Наиболее представлены в рассматриваемый нами период следующие

двухслойные бусины: желтые и продольно-полосатые лимонки, а также лимонки и пронизки, декорированные металлической фольгой. Трактовка использования таких сердцевин дискуссионна. В.А. Галибин предполагает экономию красителя [2001, с. 31], это же мнение разделяет и О.С. Румянцев [2005, с. 133]. Мы не считаем данное объяснение универсальным. В ряде случаев можно наблюдать, что в качестве сердцевин использовалось стекло высокого качества – желтоватое, бесцветное, а не только низкокачественное мутновато-белесое, грязно-белое. Материалы Гнёздова дополняют эту картину. Использование в качестве сердцевины стеклянных трубочек зафиксировано у бусин, изготовленных в других техниках: у мозаичных рыже-пестрых (рис. 4, 2), реже – у крученых (рис. 4, 6) и из стеклянной палочки (рис. 4, 4). В одном случае у желтой лимонки сердцевина и наружный слой оказались идентичными (рис. 4, 3). Можно предположить, что, помимо экономии каких-либо компонентов шихты, трубочка-сердцевина использовалась для облегчения процесса формования изделия. Об этом, на наш взгляд, свидетельствуют граненая бусина из палочки (рис. 4, 4) и крученая с желтой трубочкой в канале отверстия, диаметр которой в 3 раза меньше диаметра бусины. Наличие сердцевин-трубочек в кобальтовых бусинах дополнительно указывает на их технологическое назначение. Поскольку в IX–XI вв. стеклянные бусы и браслеты, окрашенные кобальтом, были широко распространены, вряд ли стоит говорить об экономии красителя при производстве стекла.

Помимо вышеописанных, нам известны бусы рубежа I и II тыс. н.э., выполненные в очень редких для археологических памятников Древней Руси техниках. У них сердцевина бусин изготовлена из меди и керамики [Доброва, 2017]. Один экземпляр с медной сердцевиной (Музей кафедры археологии МГУ, ВС-10/1988, № 87) происходит из восточного селища Гнёздова (рис. 4, 1). Аналогии этой крайне редкой технике на сегодняшний день известны по материалам памятников Центральной Европы, датируемых второй половиной VII – X в. [Frey, Greiff, 2009, p. 373–374].

Заключение

На сегодняшний день коллекция гнёздовских бусин насчитывает более 12 тыс. экз. В основном они от-

носятся к девяти технологическим группам, выделенным З.А. Львовой по материалам Земляного городища Старой Ладogi, в т.ч. к таким редким, как бусины, изготовленные резным способом или с помощью выдувания [1968]. Большая часть коллекции соотносится со временем «классического» Гнёздова (рубеж IX–X вв. – начало XI в.). Малочисленные навитые бусины можно датировать XI–XIII вв. Наша работа дополняет наблюдения З.А. Львовой и демонстрирует большее разнообразие техник производства стеклянных бус, а также освещает некоторые технологические моменты, отмеченные при исследовании гнёздовской коллекции. Немногочисленные поперечно-полосатые спаянные бусины скорее всего тяготеют к «классическому» Гнёздову, однако вопрос об их верхней дате нуждается в дополнительном рассмотрении и привлечении материалов большего круга памятников, т.к. слой XI в. в гнёздовском комплексе выражены слабо. Уникальная бусина с медной трубочкой из материалов восточного селища не имеет на сегодняшний день аналогий среди древнерусских материалов и, по всей видимости, относится к центрально-европейскому импорту. Еще одну немногочисленную группу гнёздовской коллекции составляют бусины, изготовленные с помощью формы. Предварительно они могут быть датированы XVI–XX вв. Такие бусины отсутствуют в комплексах гнёздовского могильника и зафиксированы в материалах Центрального городища и Центрального селища. Возможно, их происхождение и датировку позволит уточнить анализ состава стекла.

Список литературы

- Алексеева Е.М.** Античные бусы Северного Причерноморья. – М.: Наука, 1978. – (САИ; вып. Г1-12).
- Безбородов М.А.** Технология производства стеклянных бус в древности // Тр. ГИМ. – 1959. – Вып. 33. – С. 225–232.
- Галибин В.А.** Состав стекла как археологический источник. – СПб.: Петербург. Востоковедение, 2001. – 216 с.

Доброва О.П. Бусы с медными и керамическими трубочками // *Stratum plus*. – 2017. – № 5. – С. 307–310.

Львова З.А. Стеклянные браслеты и бусы из Саркела-Белой Вежи // МИА. – 1959. – № 75. – С. 307–332.

Львова З.А. Технологическая классификация восточно-европейских стеклянных браслетов раннего средневековья // СГЭ. – 1962. – Вып. 23. – С. 12–14.

Львова З.А. Стеклянные бусы Старой Ладogi. Ч. I. Способы изготовления, ареал, время распространения // АСГЭ. – 1968. – Вып. 10. – С. 64–94.

Львова З.А. Стеклянные бусы Старой Ладogi. Ч. II. Происхождение бус // АСГЭ. – 1970. – Вып. 12. – С. 89–111.

Львова З.А. Технологическая классификация изделий из стекла // АСГЭ. – 1979. – Вып. 20. – С. 90–103.

Львова З.А. Признаки способа изготовления изделий из стекла (по материалам раннесредневековых стеклянных украшений) // АСГЭ. – 1980. – Вып. 21. – С. 75–85.

Львова З.А. Типологизация по технологическому основанию стеклянных бус Варнинского могильника как основа их относительной и абсолютной датировки // АСГЭ. – 1983. – Вып. 24. – С. 90–110.

Львова З.А. Типологизация по технологическому основанию стеклянных бус севера Восточной Европы VIII–X вв. как метод исследования // *Glass' 89: XV Intern. Congr. on Glass, Leningrad, 2–7 July 1989: Proc.: Archaeometry*. – Л.: Наука, 1989. – Р. 63–69.

Румянцова О.С. Бусы Никитинского могильника // Воронина Р.Ф., Зеленцова О.В., Энгватова А.В. Никитинский могильник: публикации материалов раскопок 1977–1978 гг. – М.: ИА РАН, 2005. – Прил. 3. – С. 127–140. – (Тр. отд. охранных раскопок ИА РАН; т. 3).

Френкель Я.В. Опыт датирования пойменной части Гнёздовского поселения на основании анализа коллекции стеклянных и каменных бус (по материалам раскопок 1999–2003 гг.) // *Гнездо: Результаты комплексных исследований памятника*. – М.: Альфарет, 2007. – С. 78–117.

Frey A., Greiff S. Early Medieval glass beads with metal tubes // *Annales du 18-e congrès de l'Association Internationale pour l'Histoire du Verre*. – Thessaloniki: Ziti Publishing, 2009. – Р. 373–378.

Материал поступил в редколлегию 16.06.16 г.

DOI: 10.17746/1563-0102.2018.46.2.106-113
УДК 903.59

Э.Р. Усманова¹, И.И. Дрёмов², И.П. Панюшкина³, А.В. Колбина⁴

¹*Сарыаркинский археологический институт
Карагандинского государственного университета им. академика Е.А. Букетова
Республика Казахстан*

*Академик Е.А. Букетов атындағы Қарағанды мемлекеттік
Университетінің Сарыарқа археологиялық институты
Университет көш., 28, Қарағанды, 100028, Қазақстан Республикасы
E-mail: emmadervish2004@mail.ru*

²*ООО «Георесурс-КБ»
ул. Московская, 84, Саратов, 410012, Россия
E-mail: iid57@yandex.ru*

³*Университет Аризоны, США
University of Arizona*

*1215, E. Lowell St., Tucson, AZ 85721, USA
E-mail: ipanyush@email.arizona.edu*

⁴*Костанайский областной историко-краеведческий музей
Республика Казахстан*

*Қостанай облыстық тарихи-өлкетану музейі
Алтынсарин көш., 115, Қостанай, 458000, Қазақстан Республикасы
E-mail: alina_ant@mail.ru*

Монгольские воины Улуса Джучи по материалам могильника Карасуыр (Улытау, Центральный Казахстан)

В статье рассматриваются результаты междисциплинарного исследования археологических материалов средневекового могильника Карасуыр, расположенного в северо-западной части пустыни Бетпақдала у южных отрогов горно-го массива Улытау в Центральном Казахстане. Историческая территория Улытау – это восточная провинция Золотой Орды, один из культовых центров Джучидов и потомков монголов вплоть до конца XVI в. Исследованная часть могильника включает пять погребений. На основе антропологического анализа установлено, что в четырех погребениях захоронены особи мужского пола (три монголоида, один европеоид), в одном – женского. По археологическим материалам и результатам радиоуглеродного датирования погребения отнесены к концу XIII – началу XIV в. Воинское снаряжение содержит берестяные колчаны, железные и костяные наконечники стрел, фрагменты ламинарного доспеха, ножи. Изучение погребального обряда и инвентаря, а также антропологических материалов позволило сделать вывод о том, что три погребения принадлежали воинам монгольского происхождения, похороненным в соответствии с ритуалами тибетского буддизма. Могильник Карасуыр является первым представительным археологическим свидетельством захоронения воинов в восточной провинции Улуса Джучи. Возможно, погребальное поле появилось на месте неизвестного боевого конфликта или вследствие эпидемии, начавшейся в военном отряде. Погребения совершены в ранний этап периода распространения буддизма в форме ламаизма у монгольских племен, до исламизации северной степи Внутренней Евразии.

Ключевые слова: монгольские воины, тибетский буддизм, Улус Джучи, ламинарный доспех, Золотая Орда.

E.R. Usmanova¹, I.I. Dremov², I.P. Panyushkina³, and A.V. Kolbina⁴

¹*Saryarka Archaeological Institute, E.A. Buketov Karaganda State University,
Universitetskaya 28, Karaganda, 100028, Republic of Kazakhstan
E-mail: emmadervish2004@mail.ru*

²*ООО "Georesurs KB",
Moskovskaya 84, Saratov, 410012, Russia
E-mail: iid57@yandex.ru*

³University of Arizona,
1215 E. Lowell St., Tucson, AZ 85721, USA

E-mail: ipanyush@email.arizona.edu

⁴Kostanay Regional Museum of Local History,
Altynsarina 115, Kostanay, 458000, Republic of Kazakhstan

E-mail: alina_ant@mail.ru

Mongol Warriors of the Jochi Ulus at the Karasuyl Cemetery, Ulytau, Central Kazakhstan

We present an archaeological study of medieval burials of warriors in the Karasuyl cemetery in the northwestern Betpakdala desert, near the southern Ulytau range in central Kazakhstan. The region was an eastern province of the Golden Horde, a ritual center of Jochi's clan and later Mongol rulers until the late 16th century. The excavated part of the cemetery includes five burials. Four were those of males (three Mongoloid and one Caucasoid), and one was that of a female. Based on artifacts and the results of radiocarbon analysis, the burials date to the late 13th and early 14th century. Artifacts include birch-bark quivers, iron and bone arrowheads, fragments of laminar armor, and knives. The burial rite, the artifacts, and the physical type of the individuals suggest that three of them were Mongol warriors buried according to the Tibetan Buddhist rite, following an unknown military conflict during the Jochi Ulus rule—the first such burials to be excavated. Absence of weapons and the scarcity of other artifacts in the grave of the Caucasoid male indicate a subordinate position in the military group. The cemetery reflects the early expansion of Buddhism beyond Tibet before the spread of Islam across the northern fringes of the Eurasian steppe.

Keywords: Mongol warriors, Tibetan Buddhism, Jochi Ulus, laminar armor, Golden Horde.

Введение

В середине XIII – XIV в. Джучи и джучидские кланы Улуса Джучи владели Дешт-и-Кыпчаком от Эмбы до Иртыша и от Южной Сибири до низовий Сырдарьи. О местных потомках Джучи ордуиченидах известно мало, т.к. они не проявляли активность во внешней политике. Сын Джучи Орду, как и его отец, имел полевую ставку на Иртыше и в Дешт-и-Кыпчаке. Территории Сарыарки и Улытау (юго-западная часть Казахского мелкосопочника) входили во владения ордуиченидов, проводивших в этих землях, по описаниям Рашид ад-Дина и Анонима Искандера, при внешней демонстрации вассалитета по отношению к ханам Сарая вполне самостоятельную и независимую политику [Тизенгаузен, 1941, с. 41–42, 130].

Историко-культурный ландшафт Улытау включает средневековые городища и поселения, оборонительные сооружения, что свидетельствует об активной урбанизации региона во времена Золотой Орды. Здесь, как полагают исследователи, находилась ставка Джучи-хана [Смаилов, 2015, с. 28]. Исламская погребальная традиция представлена мавзолеями и некрополями. Ранние доисламские погребения в восточной части Улуса Джучи археологически мало исследованы. Несколько раскопанных одиночных золотоординских погребений в Центральном Казахстане (долины рек Нура, Ащису, Ишим) отражают синкретический характер погребального обряда, сложившийся в результате смешения тюркских и монгольских традиций [Маргулан, 1959; Варфоломеев, Кукушкин, Дмитриев, 2017; Акишев, Хасенова, Мотов, 2008].

По историческим источникам, представители различных джучидских кланов вели постоянную борьбу

между собой, оспаривая власть наследников Чингисхана. Ввиду относительно малого размера кладбищ, формировавшихся в ходе внутриклановых военных конфликтов, выделение воинских могильников в природном ландшафте затруднено. Данная статья представляет результаты изучения погребального памятника, который был случайно обнаружен в Улытау в местах, где в первой половине XVIII в. предположительно происходили битвы между казахами и джунгарами [Ерофеева, Аубекеров, 2010].

Описание археологических и антропологических материалов

Могильник Карасуыл расположен в бассейне р. Сарысу в междуречье рек Буланты и Калмаккырган (Улытауский р-н, Карагандинская обл., Республика Казахстан). В районе сопки Карасуыл (координаты 47°20'28,8" с.ш., 66°24'32,3" в.д.) обнаружены ок. 20 погребальных сооружений, из которых 5 исследованы (раскопки Э.Р. Усмановой, 2011 г.) [Усманова, Дрёмов, Панюшкина, 2015]. Четыре сооружения расположены в ложбинах на склоне сопки. Надмогильные сооружения (обозначены общим термином «курган») состоят из беспорядочно сложенных камней, которые образуют подовальные конструкции диаметром 4–5 м, высотой до 0,5–0,7 м (рис. 1, 1–3, 5). На двух из них (кург. 1, 5) имеются надгробные обелиски из местного грубо оббитого плотного кварцита черного цвета (рис. 2, 2, 10) и на одной (кург. 5) – антропоморфная стела из сланца серого цвета (рис. 2, 11). Курган 4, расположенный на вершине сопки, в плане округлой формы, камни уложены в несколько слоев без раство-

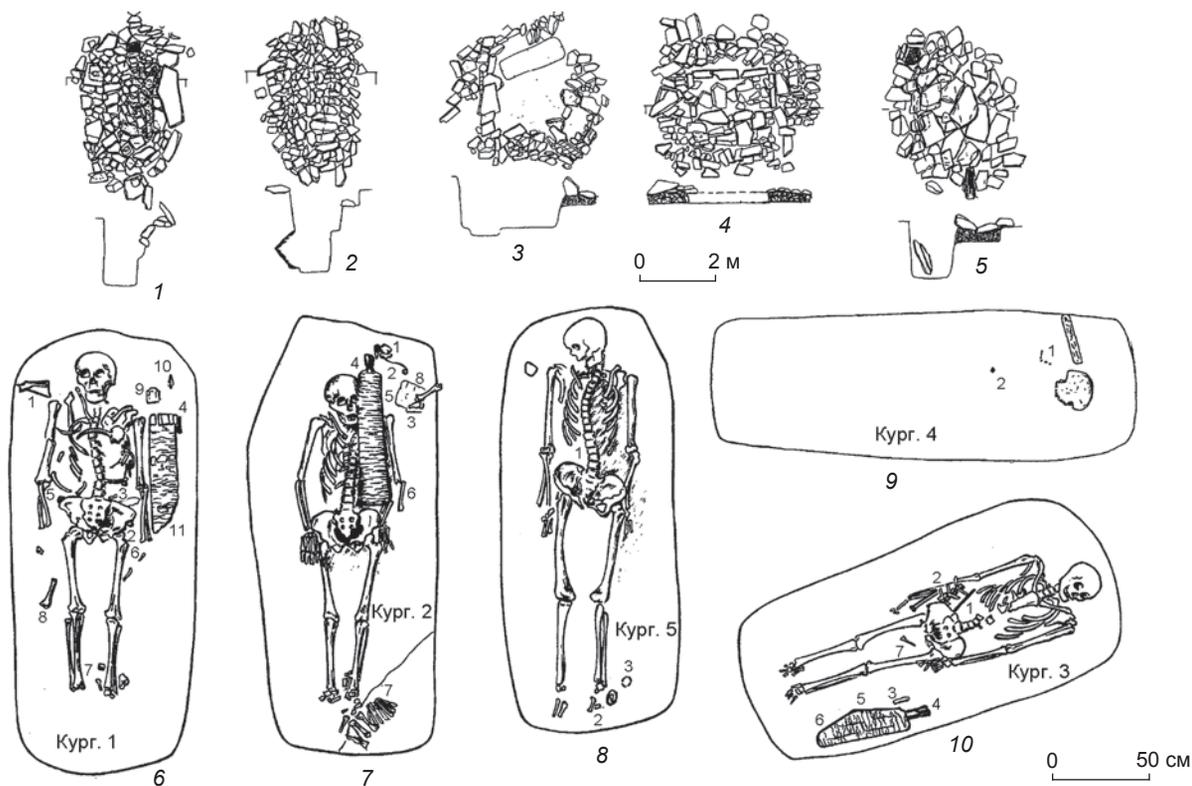

Рис. 1. Конструкции из камня над могилами (1–5), планы погребений (6–10) могильника Карасуыр.
 Курган 1: 1 – лопатка барана; 2–4 железные предметы; 5 – кресало с кремневой пластиной; 6 – железная пластина; 7 – астрагал с насечками; 8 – кость задней ноги барана; 9 – железные пластины от ламинарного доспеха; 10 – железные пластины; 11 – берестяной колчан. Курган 2: 1 – детали колокольчика; 2 – железный крюк; 3 – кость задней ноги овцы; 4 – железные и костяные наконечники стрел; 5 – берестяной колчан; 6 – костяная накладка на лук в виде лопаточки; 7 – ребра, голень, лопатка овцы; 8 – кремневая пластина. Курган 3: 1 – железный нож; 2 – кости барана; 3 – костяная накладка; 4 – железные наконечники стрел; 5 – бронзовые наклейки; 6 – берестяной колчан; 7 – кость барана. Курган 4: 1 – бусины из стекла; 2 – костяная застежка. Курган 5: 1 – железная проколка; 2 – железное кресало с пластиной; 3 – железное кольцо.

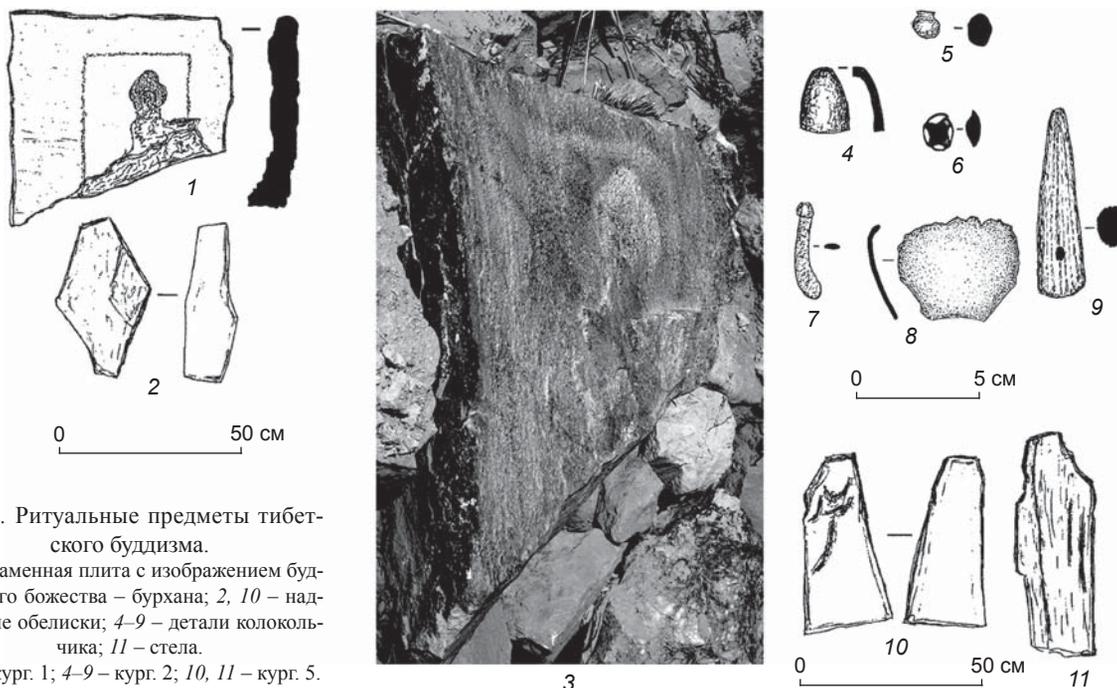

Рис. 2. Ритуальные предметы тибетского буддизма.
 1, 3 – каменная плита с изображением буддийского божества – бурхана; 2, 10 – надгробные обелиски; 4–9 – детали колокольчика; 11 – стела.
 1–3 – кург. 1; 4–9 – кург. 2; 10, 11 – кург. 5.

ра. Могила менее глубокая (0,5 м), чем остальные, по внешним сторонам оформлена уложенными плашмя камнями (см. рис. 1, 4, 9). В каждом кургане находилось по одному погребению в грунтовых ямах под прямоугольной формы без облицовки внутри. Могила размерами ок. 1 × 2 м, глубиной 1,2–1,4 м. Все умершие были погребены по обряду труположения, вытянуто на спине, с руками, положенными вдоль туловища, головой на С (кург. 1, 2, 5; см. рис. 1, 6–8), на СВ (кург. 3; см. рис. 1, 10) и на В (кург. 4; см. рис. 1, 9). Лицевая часть черепа обращена вверх (кург. 1, 2), вполоборота влево на Ю (кург. 3), вправо на ЮВ (кург. 5).

Погребальный инвентарь и поминально-ритуальные камни. Инвентарь включает три кресала с огнивыми кремнями (кург. 1–3; рис. 3, 6, 12, 13), два железных (однолезвийных) ножа, восемь наконечников стрел, из них пять железные плоские черешковые ромбовидные (рис. 3, 14–18) и три костяные черешковые листовидной формы (рис. 3, 9, 10); железные пластины ламинарного доспеха (два набора из нескольких спекшихся между собой пластин) (рис. 3, 5, 11), три берестяных колчана, два из них оформлены костяными пластинами с геометрическим орнаментом и па-

раллельными линиями (рис. 3, 1–4); две фронтальные костяные накладки на лук в виде лопаточки (рис. 3, 8) и отдельной пластины, железную ремennую пряжку (рис. 3, 7) и колчаный крюк. Металлические изделия плохой сохранности, некоторые из них плохо определены. В погребении кург. 1 находились баранья лопатка с обрезанным краем и бараний астрагал с тремя насечками. В погребениях кург. 1–3 обнаружены кости мелкого рогатого скота: ноги, ребра, позвонки.

В могиле кург. 2 около черепа погребенного лежали колокольчик и железный крюк, выполнявшие, возможно, ритуальную функцию. Колокольчик представлен бронзовой тонкой полусогнутой пластиной длиной ок. 4 см с едва заметными отверстиями по двум боковым сторонам (см. рис. 2, 8). Возможно, пластина выполняла функцию чехла, в котором находилось тулово колокольчика в форме конуса, свернутого из листа железа длиной ок. 2 см, диаметром 1,5 см (см. рис. 2, 4). В тулово были помещены железный язычок серповидной формы длиной до 3 см с утолщением на конце (см. рис. 2, 7) и две железные заклепки (см. рис. 2, 5, 6). Ниже параллельно бронзовой пластине лежали рога со сквозным отверстием, ко-

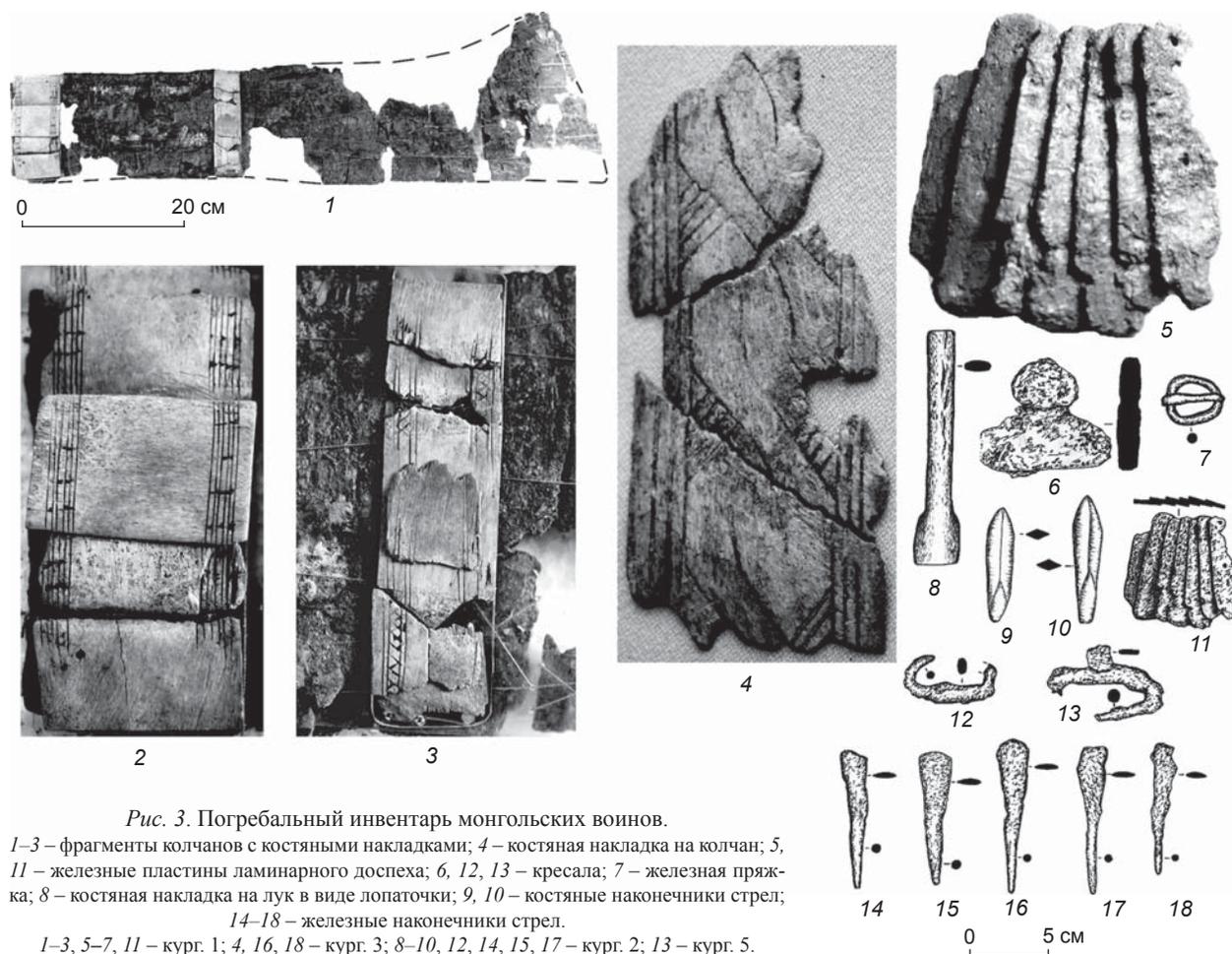

Рис. 3. Погребальный инвентарь монгольских воинов.

1–3 – фрагменты колчанов с костяными накладками; 4 – костяная накладка на колчан; 5, 11 – железные пластины ламинарного доспеха; 6, 12, 13 – кресала; 7 – железная пряжка; 8 – костяная накладка на лук в виде лопаточки; 9, 10 – костяные наконечники стрел; 14–18 – железные наконечники стрел.

1–3, 5–7, 11 – кург. 1; 4, 16, 18 – кург. 3; 8–10, 12, 14, 15, 17 – кург. 2; 13 – кург. 5.

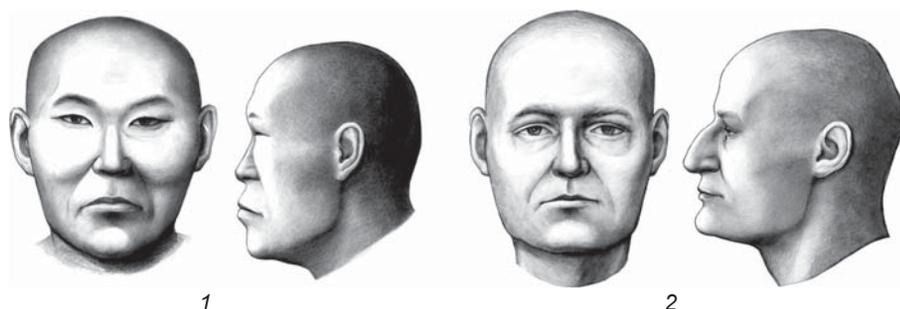

Рис. 4. Графическая реконструкция лица по черепу. Выполнена Е.А. Алексеевой (Институт проблем освоения Севера СО РАН).
1 – кург. 1; 2 – кург. 5.

торый, вероятно, являлся ручкой длиной до 5 см, диаметром 1,5 см (см. рис. 2, 9), и плохо сохранившиеся фрагменты железного крюка длиной ок. 10 см.

На бронзовой пластине обнаружен фрагмент двухслойной материи типа лампаса. Узор сформирован дополнительными утками – золотными нитями. С учетом способа тканья и использования золотных нитей местом изготовления ткани можно считать территории, простирающиеся от Ирана до Китая. По структуре ткань типична для текстиля XIII–XIV вв. [Орфинская, Усманова, 2015]. Железный колокольчик в футляре из бронзовой пластины, скорее всего, хранился в кошеле (чехле) из тканой материи с застежками в виде клепок.

С западной стороны от погребения кург. 1 находилась горизонтально лежащая каменная плита, на которой прослежены следы изображения, возможно бурхана (см. рис. 2, 1, 3). Плита трапециевидной формы из кварцита серо-зеленого цвета шириной 60 см, высотой 55–36 см. Ее поверхность ровная, но не гладкая, с естественной шероховатостью. В сколах и неровностях просматривается изображение головы с ушницей и нимбом. Голова* обрамлена полосой, которая формирует прямоугольник. Она выполнена с удалением корки камня. Торс образуют естественные сколы и неровности на камне. Изображения квадрата и головного убора имеют следы подправки – заравнивания поверхности и точечной сплошной выбивки, результаты которой четко просматриваются вдоль границы фигур**. Не исключено, что естественный рельеф поверхности камня был изменен методом выбивки с целью создания задуманного художественного образа.

Другой камень со следами обработки (сланец серого цвета), находившийся в наклонном положении, располагался к югу от каменной обкладки кург. 5. Первоначально он, скорее всего, был врыт вертикально. Это стела антропоморфной формы длиной 0,85 м, шириной в основании 0,34 м. Плоская по верхнему

контурю голова обозначена с боковых сторон искусственными сколами (см. рис. 2, 11).

Антропологическая характеристика погребенных. По данным краниологического исследования, скелеты принадлежали мужчинам в возрасте 25–30 лет (кург. 2) и 40–55 лет (кург. 1, 3, 5). Индивиды из кург. 1–3 относятся к центрально-азиатскому антропологическому типу монголоидной расы, представителями которой являются монголы, калмыки, буряты (рис. 4, 1). Индивид из кург. 5 определен как европеоид (рис. 4, 2). Данное захоронение не содержало воинского инвентаря, но по ориентации костяка на С и наличию кресала с кремнем оно аналогично остальным.

На посткраниальных скелетах трех индивидов выявлены признаки возрастных изменений в виде краевых разрастаний на позвонках, фалангах пальцев, пяточных костях. Отмечены дегенеративно-дистрофические изменения на позвоночнике индивидов из кург. 1 и 5. На первом скелете обнаружены признаки деформирующего артроза, следствием которого был анкилоз 2-го и 3-го шейных позвонков. Эта патология ограничивает поворот головы и шеи. На 10-м грудном позвонке зафиксирован крупный нарост в виде клюва (остеофит). На поясничных позвонках скелета молодого человека из кург. 2 также отмечены краевые разрастания. Такие патологии в поясничной области могут объясняться ранними физическими нагрузками на эту часть позвоночника, связанными с ежедневной верховой ездой.

Антропологическую принадлежность погребенного из кург. 4 установить невозможно ввиду плохой сохранности костей. Данное захоронение в отличие от других ориентировано на В. В нем обнаружена низка из 12 бусин с костяной застежкой. Она располагалась ниже черепа вдоль почти разрушенных фрагментов нескольких позвонков и, возможно, относилась к женскому накосному или шейному украшению. Бусины изготовлены из отрезка тянутой трубочки непрозрачного стекла*, что позволяет связать их по происхождению с Ближним Востоком.

*Определение образа на плите по фотографии выполнено А.Н. Дауманн (Институт археологии РАН, Москва).

**Определение способа нанесения изображения по фотографии выполнено А.Е. Рогожинским (научно-реставрационная лаборатория «Остров Крым», Алматы).

*Определение технологии изготовления бусин выполнено Ю.А. Лихтер (ООО «Археологические изыскания и строительство», Москва).

Хронологическая и культурная принадлежность могильника

Комплексы датированы радиоуглеродным методом по ребру человека из погребения кург. 1 (исследование выполнено в Университете Аризоны). Радиоуглеродный возраст образца (AA-103462) $707 \pm \pm 44$ л.н. Калибровочный интервал даты, рассчитанный в программе Calib 7.1 с использованием калибровочной кривой IntCal13, устанавливает календарную дату погребения между 1260–1300 гг. н.э. (1 σ) или 1220–1320 гг. н.э. (2 σ). Погребальный комплекс может датироваться концом XIII – началом XIV в. Этой дате не противоречат предметы вооружения и амуниции: наконечники стрел, фрагменты ламинарного доспеха, костяные накладки на лук, которые были распространены в наборах воинского вооружения Золотой Орды [Худяков, 2009].

Важными признаками средневековых монгольских захоронений являются ориентация погребенных на С и СВ, нахождение в изголовье умершего частей скелета овцы (как правило, костей передней или задней ног, а также позвонков). Ритуал помещения в могилу ноги овцы является основным в погребальных обрядах монгольских племен с XI в. Его проявления исследователи считают культуроспецифическими для монгольских захоронений на территории Золотой Орды, относящихся к XIII–XIV вв., поскольку они отражают новую форму обряда, принесенную монгольскими племенами в Дешт-и-Кыпчак [Костюков, 2010, с. 53].

В погребениях могильника Карасуыр обнаружены остатки жертвенных приношений в виде различных частей скелета овцы. В кург. 2 рядом с черепом человека находились кости задней ноги овцы (изначально нога была вертикально вкопана в материк), около костей – грудина, лопатка, кости передней ноги. В погребении кург. 3 на лучевой кости правой руки лежали кости передних ног и три позвонка барана. Между бедренными костями ног покоился позвонок барана. Кости животных из погребений принадлежали четырем особям, забитым в возрасте 13–36 мес.* Большая часть костей относилась к левой части туловища овцы (ребра, ноги), не исключено, что это имело обрядовое значение. В погребение кург. 2 были положены кости вместе с мясом (на костях имеются следы зубов грызунов), скорее всего, в качестве поминальной пищи для умершего, а в погребения кург. 1 и 3 – очищенные от мяса кости, которые, скорее всего, имели символическое значение; не исключено, что это были остатки поминальной тризны.

Характерное положение костей ноги барана в захоронении и ориентация погребенных на С с откло-

нениями к В – культуроспецифические элементы погребального обряда монголов XIII–XIV вв. [Акишев, Хасенова, Мотов, 2008, с. 62]. По всем диагностирующим признакам погребения кург. 1–3 могильника Карасуыр соответствуют монгольским обрядам (или обряду). И в этом культурном контексте следует рассматривать религиозную составляющую погребальной практики могильника Карасуыр.

Религиозная и социальная принадлежность погребенных

Тибетский буддизм начал распространяться среди монгольских правителей в середине XIII в., когда сын Угэдэй-хана Годан пригласил Кунга Гьелцена (1182–1251) – главу школы Сакья – в качестве своего духовного наставника. Активным сторонником тибетского буддизма в среде монгольской аристократии являлся Хубилай-хан (1215–1294). Тибетцы были полукочевым народом и адаптировали буддизм для кочевников. Тибетский буддизм на обыденном уровне имел много общих черт с монгольским шаманизмом, что облегчало его проникновение в среду монголов [Обычай...].

Погребальный обряд, принятый в тибетском буддизме, менее ограничен канонами, чем в других религиях. Основное значение придается ритуалу, сопровождающему похороны. Он зависит от многих показателей – даты рождения, социального статуса умершего, времени года проведения погребения и т.д. Форму и место погребального обряда, а также время его проведения определяет священник. Похороны у буддистов отличаются большим разнообразием. В погребальном обряде ламаистов используются древние языческие практики в сочетании с буддийским ритуалом [Герасимова, 1992, с. 151]. Этим объясняется многочисленность способов погребения: труп может быть размещен на вершине горы и скалистых горных склонах, захоронен в земле, на ее поверхности, в воде, на деревьях, на настиле, на столбовых конструкциях с последующим перезахоронением в могиле, кремирован, мумифицирован [Нефедьев, 1834, с. 201–202; Туччи, 2005, с. 308].

Исследованные погребения (кроме погребения кург. 4, которое, скорее всего, относится к другому времени) расположены на южных отрогах сопки. Такое размещение характерно для буддийского погребального обряда, т.к. оно отвечает монгольским и буддийским представлениям о Мировой Горе и расположении ворот храмов с южной стороны [Содномпилова, 2005, с. 239–240]. Способ захоронения (трупоположение) на могильнике Карасуыр соответствует одному из способов, принятых в ламаистской погребальной традиции. Следует отметить, что умершие были захоронены обнаженными: среди наборов во-

*Определение Э. Гаруда (Университет Экстера, Великобритания).

оружения и хорошо сохранившихся изделий из органических материалов нет ни одного предмета, который мог бы относиться к одежде. Положение костяков свидетельствует о том, что тела умерших не обертывали и не связывали. Зафиксированы следы лишь отдельных ритуальных манипуляций с обнаженными телами. Так, в кург. 2 у захороненного воина пальцы кисти правой руки были загнуты вовнутрь, а пяточные кости вывернуты вверх.

К культовым буддийским предметам относятся плита с образом бурхана (кург. 1), а также комплект из колокольчика и железного крюка (кург. 2). Колокольчики являются атрибутами шаманских и народных буддийских ритуалов на Алтае и в Тибете. В ламаизме колокольчик используется в паре с ваджрой; их держат в разных руках, но иногда ваджра может быть заменена крюком. По-видимому, в кург. 2 крюк выполнял функцию ваджры*.

К культовым вещам относятся бараний астрагал с тремя насечками и баранья лопатка с подрезанным краем (кург. 1). Эти предметы использовали для гадания многие кочевые народы, как монгольские, так и тюркские, что являлось пережитком шаманизма. Такие гадания (далны мэргэ) наиболее характерны для монголов, хазаро-монголов и калмыков. Подрезанный край на бараньей лопатке – признак использования предмета [Мохаммади, 2016]. Практика предсказания с помощью костей животных довольно долго сохраняется в ламаистской среде [Туччи, 2005, с. 255].

Инвентарь погребений по составу в целом однороден, хотя находки из погребений кург. 1, 5 выделяются спецификой, которая, вероятно, отражает социально-личностные черты погребенных. В кург. 1 обнаружены ритуальные предметы, связанные с буддийскими и шаманскими культурами, и самый представительный среди выявленных в других захоронениях набор вооружения. Особого внимания заслуживает колчан: в отличие от двух других колчанов он трапециевидной формы, изготовлен из бересты хорошего качества, сложенной в два слоя. Его устье и центральная часть украшены костяными накладками, орнаментированными гравировкой в виде четырех-пяти горизонтальных линий, которые инкрустированы черной краской (см. рис. 3, 1–3). Здесь же находился самый крупный фрагмент ламинарного доспеха из семи пластин, собранных вместе (см. рис. 3, 5, 11). Наличие на надмогильном сооружении кург. 1 плиты с изображением бурхана, а в захоронении гадальных костей позволяет предположить, что погребенный монгольский воин, облик которого был восстановлен по черепу (см. рис. 4, 1), выполнял воинские и сакральные функции. Похожее сакрально-воинское сочетание ве-

щей (атрибуты буддийского культа с колокольчиком) зафиксировано в кург. 2.

В погребении кург. 5, в котором обнаружен скелет европеоида (см. рис. 4, 1), вооружение отсутствовало, в ногах находились только кресало, железная проколка и кольцо (возможно, звено цепи). Однако умерший был предан земле в одном погребальном пространстве вместе с другими воинами, его захоронение оформлено насыпью из камней, стелой и обелиском в соответствии с принятой ритуальной практикой. Антропоморфная стела установлена только на данном погребении. По-видимому, индивид выделялся особенностями, обусловленными не только этнической и антропологической принадлежностью, но и более низким социальным статусом, хотя мог являться членом воинского коллектива. В соответствии со схемой разделения монгольского общества на социальные группы, предложенной Б.Я. Владимирцовым, этот погребенный относился, возможно, к третьему классу, к которому причисляли рабов или слуг, не имевших личного имущества. Это были, как правило, плененные на войне представители разных народов. По прошествии некоторого времени они переходили на положение вассалов и переставали отличаться от «простых людей» [2002, с. 414].

Типичный воин монгольской армии – конный лучник, в амуницию которого входили лук, колчан со стрелами, аркан, нож и сабля [Горелик, 2002]. Основой монгольского войска были первичные подразделения – десятки, во главе которых стояли десятники, как правило, выходцы из кочевых родов. Воины, погребенные на могильнике Карасуыр, вероятно, относились к тем, кто составлял основу монгольского воинства, о которых Б.Я. Владимирцов писал: «На первом месте стоят “простые воины”... По происхождению своему они принадлежали к родовичам различных монгольских родов, не вошедших в степную аристократию, “свободным” и unaganbogol’ам, которые последовали за Чингисом и его родом добровольно. Из их среды выходили десятники и, в более редких случаях, сотники» [2002, с. 414].

Заключение

Захоронения на могильнике Карасуыр имеют черты монгольской погребальной обрядности с элементами тибетского буддизма:

расположение могил в ложбинах на южном склоне горы;

наличие овальных каменных насыпей с вертикально установленными камнями-обелисками в надмогильной конструкции;

ориентация костяков на С и СВ;

наличие вертикально вкопанной кости ноги барана.

*Выражаем благодарность А.Н. Дауманн за консультацию по буддийской атрибутике.

Погребальный инвентарь трех раскопанных курганов включает вещи с буддийской символикой, предметы вооружения и жертвоприношений, характерные для монгольской кочевой традиции. Особенность погребального ритуала на могильнике Карасуыр проявляется в религиозном синкретизме: ламаизм сочетает базовые постулаты тибетского буддизма и языческие рудименты народных верований.

Рассмотренные погребения относятся к периоду, когда монголам еще не приходилось сопротивляться обращению в ислам. Определить причину формирования воинского погребального поля у сопки Карасуыр пока не представляется возможным. Вероятно, данная территория восточной провинции Улуса Джучи являлась зоной конфликта, во время которого возникла необходимость организации воинского кладбища. Появление некрополя могло быть вызвано и эпидемией, вспыхнувшей в военном отряде.

Радиоуглеродное датирование, антропологическое исследование, культурная атрибуция погребального инвентаря позволяют связать исследованные погребения могильника Карасуыр с воинами Улуса Джучи раннего периода распространения буддизма среди монгольских племен.

Благодарности

Полевые археологические исследования проведены в рамках проекта 2011 г. Казахского научно-исследовательского института проблем культурного наследия кочевников «Археологические исследования памятников в междуречье Буланты – Белеутты» (автор идеи проекта – канд. ист. наук И.В. Ерофеева). Камеральная обработка выполнена в рамках проекта Министерства образования и науки Республики Казахстана «Изучение и документирование культурных ландшафтов Центрального Казахстана с применением современных технологий и междисциплинарных методов» (грант № AP05132595).

Авторы выражают благодарность за помощь в проведении исследований директору Национального историко-культурного и природного музея-заповедника «Улытау» Б.С. Кожахметову, специалистам научно-реставрационной лаборатории «Остров Крым» (Алматы), участникам экспедиции А.С. Суслову, Ю.Е. Паршину, С.Л. Ладынскому, С.В. Колесникову, Ш.Х. Тажибаеву, Л.Д. Когай, В.В. Крюкову, А.Ж. Байдильдинову, а также соруководителю АОЗТ «Арай» (Лисаковск) В.М. Зайцеву.

Список литературы

Акишев К.А., Хасенова Б.М., Мотов Ю.А. К вопросу о монгольских погребениях XIII–XIV вв. (по материалам некрополя городища Бозок) // Бозок в панораме средневековых культур Евразии. – Астана: Евраз. нац. ун-т им. Л.Н. Гумилёва, 2008. – С. 56–65.

Варфоломеев В.В., Кукушкин И.А., Дмитриев Е.А. Средневековое погребение у аула Аюлы // История и археология Семиречья. – Алматы, 2017. – Вып. 5. – С. 167–173.

Владимирцов Б.Я. Работы по истории и этнографии монгольских народов. – М.: Вост. лит., 2002. – 557 с.

Герасимова К.М. Похоронные обрядники тибетских и монгольских авторов XVI–XIX вв. // Традиционная обрядность монгольских народов. – Новосибирск: Наука, 1992. – С. 133–157.

Горелик М.В. Армии монголо-татар X–XIV вв. Воинское искусство, оружие, снаряжение. – М.: Вост. горизонт, 2002. – 87 с.

Ерофеева И.В., Аубекеров Б.Ж. Ландшафтно-геоморфологические факторы формирования наступательной стратегии и тактики казахов-кочевников в войне с джунгарами 1723–1730 гг. // Роль кочевников евразийских степей в развитии мирового военного искусства: сб. мат-лов междунар. науч. конф. – Алматы, 2010. – С. 228–250.

Костюков В.П. Улус Шибана Золотой Орды в XIII–XIV вв. – Казань: Фэн АН РТ, 2010. – 200 с.

Маргулан А.Х. Раскопки погребения воина XIV века в долине реки Нуры // Тр. Ин-та истории, археологии и этнографии АН КазССР. – Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1959. – Т. 7: Археология. – С. 248–261.

Мохаммади И. Далны Мэргэ. – 2016. – URL: <http://asia-russia.ru/news/12322/> (дата обращения: 01.03.2017).

Нефедьев Н.А. Подробные сведения о волжских калмыках, собранные на месте. – СПб.: [Тип. Карла Крайя], 1834. – [Т.] VIII. – 286 с.

Обычай и традиции монголов. История принятия буддизма в Монголии // Legend Tour. – URL: <http://www.legend-tour.ru/rus/mongolia/informations/buddhism.shtml> (дата обращения: 06.03.2015).

Орфинская О.В., Усманова Э.Р. Ткань из погребения могильника Карасуыр // Булантинская битва: история исследований: науч.-информ. альбом. – Улытау: Нац. ист.-культ. и прир. заповедник-музей «Улытау», 2015. – С. 190–193.

Смаилов Ж.Е. Памятники археологии западной Сарыарки (Средневековые городища и поселения). – Караганда: Tengri Ltd, 2015. – 142 с.

Содномпилова М.М. Системы ориентации кочевников Центральной Азии // Изв. Лаб. древних технологий. – Иркутск, 2005. – Вып. 3. – С. 237–243.

Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. – Т. II: Извлечения из персидских источников. – 308 с.

Туччи Дж. Религии Тибета. – СПб.: Евразия, 2005. – 415 с.

Усманова Э.Р., Дрёмов И.И., Панюшкина И.П. Монгольские захоронения конца XIII – XIV в. Могильник Карасуыр, Улытау // Булантинская битва: история исследований: науч.-информ. альбом. – Улытау: Нац. ист.-культ. и прир. заповедник-музей «Улытау», 2015. – С. 162–173.

Худяков Ю.С. Вооружение кочевого населения северо-восточных районов Золотой Орды // Золотоордынская цивилизация. – Казань: Фэн, 2009. – Вып. 2. – С. 169–180.

Материал поступил в редколлегию 21.12.17 г.

DOI: 10.17746/1563-0102.2018.46.2.114-122
УДК 904

Н.В. Федорова

Государственное казенное учреждение
Ямало-Ненецкого автономного округа
«Научный центр изучения Арктики»
ул. Республики, 73, Салехард, 629008, Россия
E-mail: mvk-fedorova@mail.ru

Серебряные сосуды золотоордынского времени из Среднего Приобья

В статье обсуждаются некоторые вопросы, связанные с изучением одного из наиболее информативных источников для эпохи Средневековья – импортной серебряной посуды, в большом количестве обнаруженной на севере Западной Сибири. На основе характеристики трех серебряных сосудов золотоордынского времени из комплекса святилища Сайгатино I в Сургутском Приобье рассматривается возможная атрибуция этих и аналогичных изделий из данного и других регионов Сибири, Урала и Предуралья. Отмечается сложность определения мест изготовления серебряных сосудов эпохи Средневековья, объясняемая спецификой функционирования отдельных мастерских, а также школ мастеров-серебрodelов. Сделано предположение о нахождении таких мест на территории Булгарского улуса Золотой Орды, который возник на месте Волжской Болгарии с ее богатыми традициями изготовления художественного металла и обслуживания торговых путей, ведущих на север – в Предуралье и Западную Сибирь. В работе изучаются время и пути, по которым золотоордынская торевтика попадала в Западную Сибирь. Отмечается, что места ее обнаружения сосредоточены в небольшом районе Сургутского Приобья, а возможные пути продвижения маркируются аналогичными, но единичными вещами, найденными в Пермском Предуралье и на Северном Урале. Ставится вопрос о соответствии мест обнаружения серебряной импортной посуды в Западной Сибири территориям обских княжеств эпохи Средневековья: Кодского, Бардакова, Куноватского. Отмечается появление кладов, имеющих характер личного сокровища, что может свидетельствовать о появлении новой элиты в местных обществах. В качестве вывода предлагается рассматривать импортную серебряную посуду в целом и посуду золотоордынского времени в частности как показатель новых явлений в истории западно-сибирского Средневековья.

Ключевые слова: сосуды золотоордынского времени, урочище Сайгатино, Сургутское Приобье, Булгарский улус Золотой Орды, обские княжества.

N.V. Fedorova

Arctic Research Center of the Yamal-Nenets Autonomous District,
Respubliki 73, Salekhard, 629008, Russia
E-mail: mvk-fedorova@mail.ru

Silver Vessels of the Golden Horde Era from the Middle Ob Basin

This article addresses one of the most informative archaeological sources for reconstructing medieval history—imported silverware, which is abundant in northwestern Siberia. Based on three newly described silver vessels of the Golden Horde Age from the Saigatino I sanctuary in the Surgut region of the Ob basin, the possible attribution of these and similar specimens from Siberia and Ural is discussed. Locating the places where such items had been made is difficult for reasons relating to the functioning of individual workshops and of the silversmiths' schools in general. Nevertheless, a suggestion is made that the workshops were located in the Bulgar Ulus—a successor of the Volga Bulgaria, with its rich tradition of manufacturing jewelry and transporting it along the trade routes directed northward to western Ural and western Siberia. The time and the routes whereby the Golden Horde toreutics was brought to western Siberia are assessed. All finds in this region cluster within a small area in the Surgut region of the Ob basin, while the possible trade routes are marked by similar but isolated finds in

the Perm area and in northern Ural. The question is raised whether the finds of imported silverware in western Siberia fall within the territory of medieval Ob principalities—Koda, Bardakov, and Kunovatsky. The appearance of personal hoards may indicate the emergence of new elite. Generally, the imported silverware of the Golden Horde age is highly relevant to social developments in medieval western Siberia.

Keywords: Middle Ages, Golden Horde, Bulgar Ulus, silverware, Surgut, Ob basin, Ob principalities.

Введение

Серебряная посуда эпохи Средневековья представляет собой один из наиболее информативных источников по истории не только стран ее производителей – развитых цивилизаций Востока и Запада Евразии, но и ее «потребителей», возможно, «вторичных» – населения Северного Прикамья и севера Западной Сибири. Б.И. Маршак отмечал: «Нет другого вида источников, который показывал бы с такой очевидностью удивительную цельность, даже компактность средневекового мира от Западной Европы до Китая и от Прикамья до Индии» [1980, с. 3]. Но для того, чтобы понять и оценить важность этого источника для Обского Севера, нам нужно было уже давно отказаться от обозначений «Приобье» и «север Западной Сибири» при указании мест находок/концентрации сосудов того или иного круга. В необходимости этого убеждают, например, сведения об обнаружении серебряной посуды золотоордынского времени в ограниченном пространстве Сургутского Приобья, в основном в урочище Сайгатино. В данном месте сосредоточено большое количество памятников эпохи Средневековья. Коллекция серебряных сосудов золотоордынского времени из Сайгатино насчитывает шесть изделий: три из погребений и три из святилища. Это очень большая коллекция. Известны еще три сосуда из Среднего Приобья: чаша из Сургутского р-на [Яковлев, 2006], чаша и поддон, по-видимому, от другой чаши, без точной локализации места находки. В Нижнем Приобье не найдено ни одного предмета золотоордынской торевтики, хотя серебряные изделия XIII–XIV вв. и более раннего времени там не редкость [Сокровища Приобья, 2003, с. 33–34, 42–51, 70–71]. Все остальные золотоордынские сосуды обнаружены в лесостепном регионе – на Иртыше и в Тарском р-не бывшей Тобольской губ. [Сокровища Приобья..., 1996, с. 200–207].

В статье приводится подробное описание трех сосудов из комплекса Сайгатинского святилища (они в той или иной степени публиковались в 1990-е гг. в редких и малодоступных сегодня изданиях). Они отреставрированы и в настоящее время хранятся в фондах Сургутского краеведческого музея*. Кро-

ме того, предлагается атрибуция всех обнаруженных к настоящему времени сосудов золотоордынского времени как изделий мастеров Булгарского улуса Золотой Орды. Дается очерк процессов, в результате которых торевтика золотоордынского времени попала в Сургутское Приобье.

История обнаруженияклада

Клад из трех серебряных сосудов был найден случайно на месте Сайгатинского I святилища, расположенного на периферии Сайгатинского I могильника, в 1987 г. К сожалению, полной публикации материалов сайгатинских памятников до сих пор нет, поэтому важно восстановить точную картину условий их обнаружения. Известно, что предметы располагались один на другом: сверху вверх дном лежало блюдо, под ним также вверх дном – ложчатая чаша, под ней – кружка, причем отпавшаяся ручка кружки находилась отдельно.

На территории к северу от урочища Сайгатино при раскопках могильников IX–X и XIII вв. у пос. Зеленый Яр (ЯНАО) найдены многочисленные изделия (серебряные украшения и принадлежности костюма, а также посуда из бронзы и серебра), некоторые из них были определенным образом организованы, например, уложены рядом с керамическим сосудом. Находки интерпретированы как поминальные комплексы [Зеленый Яр..., 2005, с. 147–148, фото на цветных вклейках]. Интерпретация подкреплялась данными о ситуации на современных кладбищах обских угров, в т.ч. в пос. Зеленый Яр: после периодических посещений родственных могил жители поселка оставляли в межмогильном пространстве различные предметы (посуду и др.), служившие дарами умершим. У обско-угорских народов запрещено забирать принесенную на кладбище или святилище вещь.

История изучения

Первая подробная публикация этих предметов и прочих серебряных сосудов, обнаруженных в пределах урочища Сайгатино, появилась в 1991 г. Это был каталог выставки в Эрмитаже, посвященной 70-летию отдела Востока. Автором вступительной статьи

*Мы благодарим директора Сургутского краеведческого музея М.Ю. Селянину за возможность опубликовать сосуда из фондов музея.

и каталожных описаний шести сосудов, в т.ч. трех, найденных на святилище, был М.Г. Крамаровский, определивший находки как изделия «улусного» пласта золотоордынского художественного металла и датировавший их XIII–XIV вв. [1991, с. 11–15]. Краткое описание отдельных вещей «сервиза» без подробной атрибуции приведено в книге «Угорское наследие: Древности Западной Сибири из собрания Уральского университета» [1994, с. 124–125]. М.Г. Крамаровский в статье 78 каталога «Сокровища Приобья» упомянул чашу, подобную чаше на поддоне из погр. 31 Сайгатинского III могильника [1996, с. 208–210]. Он писал: «С сайгатинскими находками... появилась возможность представить себе процесс формирования одной из центральных групп золотоордынского серебра: в ее убранстве прослеживается замещение дальневосточных элементов исламскими» [Там же, с. 208].

Описания вещей

Кружка (чаша дорожная) (рис. 1). Серебро, выколотка, позолота, чеканка. Сосуд представляет собой кружку или, как еще называют подобные изделия, дорожную чашу с округлым дном и припаянной ручкой. Диаметр по верху 8,2 см, диаметр тулова 9,2 см, общая высота 6,3 см, длина ручки 4,3 см. Кружка была подробно описана М.Г. Крамаровским [1991, с. 25–26], здесь приводится его описание с нашими небольшими уточнениями. «Кружка с прямым вертикальным бортиком, раздутыми плечиками и округлым дном изготовлена выколоткой. Изнутри к бортику крепилась ручка. После того, как она сломалась, на это же место припаяли новую, не убрав припоя и фрагмента от старой. Новая ручка грубой работы, плоская, к нижней ее части припаяна трубочка. Вто-

рая ручка, в свою очередь, отпаялась, лежала внутри кружки*.

Орнамент выполнен с лица обводным чеканом и кольцевым пуансоном, позолочен, по-видимому, амальгамой. Вся остальная поверхность сосуда изнутри и снаружи покрыта серебряной амальгамой.

Орнамент расположен двумя зонами – по бортику и тулову. По бортику – растительный побег в виде плавно изогнутой лозы с отходящими от нее крупными полупальметтами. Фон довольно аккуратно зачеканен кольцевым пуансоном, листья разделаны сгруппированными по дуге штрихами, нанесенными плоским чеканом. Вниз, прямо от двойной рамки бордюра, отходят три крупных медальона в форме квадрифолиев с двойной обводкой, между ними помещено два медальона такой же формы, но меньших. В крупных медальонах на фоне, зачеканенном кольцевым пуансоном, среди растительного орнамента изображены: птица, какой-то хищник, заяц. Птица с распахнутыми крыльями, большим клювом. Хищник представляет собой фантастический гибрид волка и медведя: узкая длинная морда, круглые уши, абрис фигуры волчий, задние лапы – медвежьи, длинный пушистый хвост пропущен под задней лапой, поднят вверх. Заяц стоит на задних лапах, передние подняты. Головы животных повернуты назад, перья птицы, мускулатура и шерсть животных переданы штрихами. В маленьких медальонах на пуансонном фоне – растительный побег» [Там же, с. 26].

К этому описанию добавим, что у всех персонажей на шее обозначены своеобразные ошейники. Заяц изображен неправдоподобно крупным и опознается только по характерным длинным ушам, но больше напоминает хищника. От внешнего уголка его глаза отходит плавная короткая линия. Медальон с фигурой зайца выделяется наиболее богатым растительным орнаментом.

Чаша ложчатая (рис. 2). Серебро, выколотка, позолота, чеканка. Невысокая чаша с вертикальным бортиком, 12 выпуклыми ложками и, вероятно, поддоном, который был утрачен еще в древности. Диаметр по верху 14,3 см, высота чаши 4 см. Край венчика слегка утолщен. На дне заметен след припоя ножки сосуда. Орнамент нанесен с лица штихелем и кольцевым пуансоном, в медальонах на ложках чаши рельефный узор покрыт позолотой [Там же]. Бортик чаши орнаментирован кантом, состоящим из сгруппированных по дуге штрихов, внутри и снаружи

Рис. 1. Кружка (чаша дорожная) из урочища Сайгадино.

*В настоящее время сосуд отреставрирован, ручка припаяна.

Рис. 2. Чаша ложчатая из урочища Сайгатино.
Вид снаружи (а) и изнутри (б).

этих дуг – треугольник, составленный из трех оттисков кольцевого пуансона. На тулове чаши расположены 12 выпуклых ложков, из них 6 гладкие, еще 6 с декором. Во всех шести декорированных ложках медальоны обведены двойной рамкой, отделяющей верхние две трети площади ложков, низ которых не орнаментирован. В трех из шести медальонах изображен растительный орнамент в виде пышного побега, который напоминает цветок, расположенный на округлом стебле и окруженный мелкими листьями. В остальных медальонах – фигуры травоядных животных. В двух медальонах – образы стоящих козлов с закинутыми на спину длинными рогами, смыкающимися с растительным побегом. У животных открытые пасти, на шее что-то вроде гривы, глаза со штрихом, отходящим от внешнего угла глаза, передняя нога приподнята, на туловищах обозначены

ребра, низ живота и заднее бедро орнаментированы штрихами. В третьем медальоне изображено травоядное животное (козел?), лежащее со сложенными под животом ногами. В его открытой пасти – растительный побег, у глаза – длинный штрих, достигающий почти до шеи, вместо рогов изображены какие-то отростки, отдаленно напоминающие перья. Туловище животного орнаментировано штрихами, сгруппированными по дуге. Фон под изображением на всех медальонах зачеканен круглым пуансоном.

Блюдо (рис. 3). Серебро, выколотка, позолота, чеканка. Глубокое блюдо с отогнутым бортиком, в центре прикреплен выпуклый медальон. Диаметр 25,4 см, высота 4,4 см, ширина бортика 1,4 см. Блюдо выполнено из тонкого листа серебра, край бортика слегка утолщен. В трех местах по бортику имеются специально сделанные отверстия, возможно, здесь крепились какие-то элементы дополнительного декора. По мнению М.Г. Крамаровского, это были умбоны [Там же, с. 27]. Центральный медальон блюда укреплен на двух штифтах, в его центре имеется грубо пробитое квадратное отверстие. Орнамент на блюде и весь центральный медальон позолочены.

Центральный медальон состоит из плоского круга и укрепленной в его центре выпуклой восьмилепестковой розетки. Круг орнаментирован сгруппированными по дугам штрихами, нанесенными штихелем,

Рис. 3. Блюдо из урочища Сайгатино.

вверху и внизу дуг – сгруппированные по три отпечатки кольцевого пуансона. Таким же образом орнаментирована и розетка. Остальная часть блюда украшена узором, выполненным вращающимся инструментом типа циркуля. По бортику расположен фриз из листовидных фигур, образующих зигзагообразную линию. Сами фигуры позолочены, фон под них заполнен оттисками кольцевого пуансона.

Переход от бортика ко дну блюда задекорирован схематичными фигурами в виде пятичастных пальметт и подобных же цветов. Фигуры позолочены, обведены по краям оттисками кольцевого пуансона. Между ними расположены восьмеркообразные композиции, составленные из двух выпуклых позолоченных кружков и оттисков кольцевого пуансона.

Узор на дне блюда состоит из пяти кругов, в которые вписаны узкие розетки с шестью лепестками, соединенные трехчастными криволинейными фигурами. Фигуры и розетки позолочены, фон под ними заполнен отпечатками кольцевого пуансона. Между кругами сверху и снизу расположены трехчастные фигуры в виде листьев, скрепленных выпуклыми кружками. Фигуры позолочены, фон под них также заполнен отпечатками кольцевого пуансона.

Аналоги предметовклада

Кружка. Почти такой же по форме и оформлению сосуд был обнаружен в с. Камгорт в Чердынском р-не Пермской обл. Кружка найдена случайно ок. 1929 г., до 1959 г. хранилась в семье обнаружившей ее Е.Н. Афанасьевой. Предмет опубликован в альбоме «Чердынские клады. Сокровища археологических коллекций» [2013, с. 48–50]. В этой публикации сосуд назван ковшом, место его хранения в настоящее время не указано. С кружкой из Сайгатино находку из с. Камгорт сближают технология изготовления (выколотка по серебру, золочение орнамента, применение чеканки) и форма, хотя камгортская кружка несколько более приземистая. У изделий одинаковая по форме ручка; отличие в том, что у камгортской кружки ручка изготовлена в одно время с сосудом, а у сайгатинской – ручка более грубой работы, которую установили вместо утраченной. Различия имеются в орнаменте по бортику кружки: на сайгатинской – изогнутый растительный побег, на камгортской – пояс, составленный из сгруппированных по дуге штрихов и отпечатков кольцевого пуансона. Композиция декора тулова одинаковая: чередование более крупных и более мелких медальонов в форме квадрифолиев с двойной обводкой контура, только у камгортской кружки в них расположены исключительно растительные побеги. Аналогичны техника нанесения орнамента и заполнение фона отпечатками кольцевого пуансона.

Орнамент по бортику сосуда в виде изогнутой лозы с трехчастными листьями-полупальметтами известен на чаше из окрестностей пос. Понил Ивдельского р-на Свердловской обл. [Генинг, Крамаровский, 1973, рис. 2–9; Во дворцах..., 2008, с. 101], на чаше, найденной на р. Мал. Юган (Сургутское Приобье) [Яковлев, 2006, с. 145], а также на кубке с р. Иртыш [Генинг, Крамаровский, 1973, рис. 14; Во дворцах..., 2008, с. 101]. С ивдельской чашей сайгатинскую кружку сближает и наличие в декоре чередующихся более крупных и более мелких медальонов в форме квадрифолиев. Для всех вышеперечисленных сосудов характерны двойная обводка медальонов, разделение растительного побега чеканными штрихами, сгруппированными по дуге, а также заполнение фона для орнамента отпечатками кольцевого пуансона. Похожи и некоторые изображения животных. Так, на чаше с Мал. Югана имеется фигура крупного зверя с заячьими ушами, на ивдельской чаше в двух медальонах – фигуры крупных хищных птиц с распахнутыми крыльями. Практически на всех сосудах этого круга встречаются изображения зверей с хвостом, пропущенным под заднее бедро и заканчивающимся крупной пальметтой.

Чаша ложчатая. В фондах Ямало-Ненецкого музейно-выставочного комплекса (далее – МВК) им. И.С. Шемановского хранится ложчатая чаша (рис. 4), практически полностью аналогичная таковой из Сайгатино*. Совпадают даже размеры: диаметр по верху 14 см, высота 4,0 и 3,8 см. Обе чаши тонкостенные, изготовлены из серебра темного цвета, украшены 12 ложками, из них 6 гладкие, еще 6 с декором. На обеих чашах в орнаментированных ложках чередуются изображения растительных побегов и животных, выполненные чеканкой и позолоченные. Фон отделан отпечатками кольцевого пуансона. Сходство проявляется в оформлении бортика пояском из сгруппированных по дуге штрихов, дополненных отпечатками кольцевого пуансона, а также медальонов: двойная обводка контура под изображение, отсекающая верхние две трети ложка. Фигуры животных размещены на фоне изогнутых растительных побегов. Чаши различаются лишь по персонажам, изображенным в медальонах: на сайгатинской чаше это козлы (лани), на чаше из фондов музея в двух медальонах – хищные звери с пропущенным под заднее бедро хвостом, в одном – крупная фантастическая птица. Отметим, что у обеих чаш не сохранились поддоны, заметен лишь след от припоя в нижней части чаш.

Чередование гладких ложек и ложек с изображениями, а также орнамент по бортику из сгруппирован-

*Выражаем благодарность директору МВК им. И.С. Шемановского Т.В. Копцевой за предоставленную возможность опубликовать вещи из фондов музея.

Рис. 4. Чаша ложчатая из фондов МВК им. И.С. Шемановского. Вид сбоку (а) и со дна (б).

ных по дуге штрихов и отпечатков кольцевого пуансона встречены на чаше из Пермской губ. [Смирнов, 1909, № 223; Генинг, Крамаровский, 1973, с. 10, рис. 3; Во дворцах..., 2008, с. 101]. Аналогичный орнамент по бортику украшает чашу из Сайгатинского III могильника [Сокровища Приобья, 1996, с. 208–210]. Лотосовидные цветы в медальонах с растительным орнаментом напоминают чашу из пос. Понил [Генинг, Крамаровский, 1973, рис. 12]. Животные, представленные в медальонах сайгатинской чаши, уникальны.

Блюдо. Изделия, полностью аналогичные сайгатинскому блюду, не известны. Можно лишь назвать аналоги орнаментальным мотивам в его оформлении. Блюда с приклепанным на двух штырьках центральным медальоном и с умбонами (не сохранились) по бортикам, относящиеся к рассматриваемому или более раннему периоду, на приобских и сопредельных территориях не встречены. Вызывает вопросы наличие центрального отверстия в медальоне. Все известные сегодня блюда, одновременные и примерно одновременные сайгатинскому, не имеют признаков сборных конструкций, а высокие рельефы в центральных медальонах откованы (вычеканены) вместе с блюдом (чашей) (см., например, известную чашу со сценой полета Александра на грифонах) [Сокровища Приобья, 1996, с. 153].

Декор сайгатинского блюда состоит из двух различных частей – центрального медальона и орнамента на дне. Центральный медальон – выпуклая восьмилепестковая розетка на плоском основании – украшен мотивом сгруппированных по дуге штрихов с отпечатками кольцевого пуансона внутри. Это характерно для целой группы ложчатых чаш и кружек, сведения о которых приводились выше. Декор на дне блюда, выполненный с применением инструмента типа циркуля и состоящий из розеток с шестью узкими лепестками, над которыми расположены фигуры в виде сильно стилизованных пятичастных пальметт и цветков, находит аналогии в другой группе сосудов. В погр. 194 Сайгатинского IV могильника находилась круглая чаша со сходным декором в виде розетки с шестью узкими лепестками на дне и с пятичастными пальметтами по краю [Крамаровский, 1991, с. 25; Угорское наследие..., 1994, рис. на с. 124]. Параллели проявляются в технике нанесения орнамента с внутренней стороны плоским чеканом, покрытии позолотой элементов узора, а также расположении узора на фоне отпечатков пуансона. Практически такая же чаша была обнаружена недалеко от с. Губдор Чердынского уезда ок. 1907 г. [Смирнов, 1909, с. 15; Чердынские клады..., 2013, с. 28–30]. Я.И. Смирнов от-

нес ее к «полуевропейскому и полуазиатскому» типу [Смирнов, 1909, с. 15]. Аналогичным орнаментом украшена внутри поясная чаша из собрания фонда Марджани [Крамаровский, 2013, с. 214–215]. Обращает на себя внимание то, что декор нанесен снаружи, а ручка с «тонкой и завершенной графикой цветочных узоров» [Там же] явно диссонирует с остальной орнаментацией. М.Г. Крамаровский упоминает о группе из десяти сосудов, в которую входят чаша из собрания Марджани, две чаши из раскопок Н.И. Веселовского (хранятся в Государственном историческом музее, не опубликованы), две чаши из случайных сборов (?) (хранятся в Одесском археологическом музее, не опубликованы), чаша из Каширского р-на Воронежской обл., две находки из Сайгатино, а также ковшик с ручкой в виде протомы дракона из Саратовского краеведческого музея [Там же, с. 214–217]. Он полагает, что все вещи могли быть изготовлены в одной мастерской [Там же].

Атрибуция и датировки

Атрибуция сосудов из комплекса Сайгатинского I святилища и аналогичных им как важной части массива золотоордынской тюркетики XIII–XIV вв., а также их роль в становлении этого вида искусства неоднократно рассматривались в работах, пожалуй, самого авторитетного сегодня знатока золотоордынского художественного металла М.Г. Крамаровского [Генинг, Крамаровский, 1973; Крамаровский, 1991, 1996, 2008,

2012, 2013]. Он пишет о двух взаимосвязанных пластах золотоордынского художественного металла – «имперского», сложившегося в рамках Великого монгольского государства (1211–1260 гг.), и «улусного», сформировавшегося на чингизидской традиции в условиях независимых государств потомков Чингисхана. Анализируя конкретный материал Сайгатинских могильников и святылища, М.Г. Крамаровский делает важный вывод: «С сайгатинскими находками появилась возможность представить процесс формирования одной из центральных групп золотоордынского серебра» [1991, с. 15].

Таким образом, анализ конкретных предметов торевтики золотоордынского времени в Сургутском Приобье позволяет выявить некие механизмы взаимодействия различных культур центральной части Евразии в эпоху появления и функционирования монгольских государств. Это можно считать серьезным прорывом в истории Евразийского Средневековья, т.к. до сих пор монгольские государственные образования рассматривались почти исключительно в свете их роли как завоевателей, разрушивших домонгольские государства Европы и Азии. Представляется возможным сделать и более конкретные, но не менее важные выводы о механизмах этого взаимодействия. Неоднократно ставился вопрос о месте изготовления сайгатинских и аналогичных им сосудов. Предлагалось, в частности, возможным местом локализации этих центров считать территорию бывшей Волжской Болгарии, а именно Булгарского улуса Золотой Орды [Федорова, 1991, с. 202].

Интересно рассмотреть вопросы: можно ли отнести всю эту продукцию к работе конкретных болгарских мастеров, трудившихся уже в рамках улуса? вообще насколько возможно такое точное определение этнической принадлежности мастеров? В этой связи позволим себе длинную цитату из труда К.А. Руденко: «Ювелирные мастерские – понятие в данном случае условное. Подразумевается группа мастеров, объединенных определенным сходством творческой манеры, работавших в одно время и, возможно, в одном месте (территории). Работать они могли на рабочем месте и на подворье знатного горожанина, и при дворе эмира, и загородном владении богатого вельможи. Обнаружить конкретное место исполнения работы, учитывая характер материала и самого процесса, весьма затруднительно». Он же приводит пример: «Несмотря на достаточно большое количество археологических свидетельств ювелирного дела на Билярском городище, начиная от сырья до инструментов, самой мастерской ювелира-сребродельца обнаружить не удалось» [2015, с. 70]. Более того, средневековое мастерство вообще плохо укладывается в четкие национальные и даже государственные рамки, ему скорее свойственна многонациональность. Не в малой степени этому

способствовали монгольские завоевательные войны, приведшие к стягиванию – как принудительному, так и добровольному – мастеров различных профессий и национальной принадлежности в новых центрах. Выучка мастеров и их следование определенному стилю поддается фиксации, но и в этом случае мы не можем быть уверенными в точной локализации мастерской или мастерских. Работая в этих центрах с новыми заказчиками, мастера должны были учитывать их вкусы и потребности, в частности стремление к единообразию. Б.И. Маршак отмечает: «Все, что связано с боевой одеждой и снаряжением, а также с пирами-приемами было в значительной степени унифицировано» [1996, с. 42]. Он же подчеркивает важную роль китайских мастеров в формировании первоначального стиля золотоордынской торевтики: в результате наложения на «китайский» импульс других культурных влияний – иранских и среднеазиатских, потом славянских, западно-европейских и византийских – создавалась удивительная по своему разнообразию продукция, в которую входили кроме серебряных и золотых сосудов элементы костюма, украшения, парадное вооружение.

Сомневаясь в возможности точно определить место изготовления сайгатинских и аналогичных им сосудов, мы все-таки допускаем, что оно находилось на территории Булгарского улуса. В пользу этого предположения свидетельствует, в частности, продукция волжско-булгарских мастеров: с начала становления среброделия в X–XI вв. она демонстрирует «органическое сочетание традиций тюркского мира, художественных приемов и сюжетов городской культуры Средней Азии (сначала домусульманской согдийской, потом исламской) и изобразительных элементов, присущих языческому населению Урала и севера Западной Сибири» [Федорова, 2003а, с. 138]. Наше предположение подтверждается и наличием во всех относящихся к периоду после XIII в. комплексах, в т.ч. в Сайгатинских памятниках, большого количества серебряных украшений «булгарского» круга.

Золотоордынская торевтика в Приобье

Рассматривая вопрос о времени и путях, по которым золотоордынская торевтика продвигалась в Западную Сибирь (Приобье, Зауралье), исследователи пишут об огромной территории как о некоем единстве: «археологические объекты (имеются в виду сайгатинские. – Н. Ф.) принадлежат обским уграм» [Крамаровский, 1991, с. 11]. На самом деле начиная с рубежа эр и особенно в начале II тыс. н.э. территориального единства и единой исторической судьбы у народов, населявших северные, таежные и тундровые районы Западной Сибири, уже не существовало.

Это хорошо прослеживается по разным источникам, в т.ч. по материалам анализа локализации импортных изделий из серебра различных групп в разных районах Приобья. Так, иранские серебряные изделия VIII–IX вв., исламские X–XI вв., раннебулгарские и урало-венгерские найдены в бассейнах рек Сев. Сосьвы – Сыни, западно-европейские чаши второй половины XII в. обнаружены (когда места находок известны) в юго-восточной части территории Шурышкарского р-на ЯНАО, круглые бляхи с изображением сокольника – в пределах Сургутского уезда – Березовского окр. на территории современного Ханты-Мансийского автономного окр. [Федорова, 2003б, с. 17; 2014, с. 164]. Места обнаружения золотоордынской торевтики локализуются на более узкой территории – в Сургутском Приобье, за пределами которого сосуды золотоордынских мастеров, если и представлены, то единично, тогда как коллекция из района Сургута более чем представительна: восемь сосудов, датированных серединой XIII – первой половиной XIV в. Единственный сосуд (и отдельно поддон, скорее всего, от другой чаши (рис. 5)), хранящийся в фондах МВК им. И.С. Шемановского, не имеет привязки к месту.

Еще одна группа сосудов обнаружена на юге Западной Сибири, в лесостепной зоне – в Тарском окр. Тобольской губ., или «на Иртыше» (территория улуса Шабана) [Руденко, 2015, с. 33, карта]. Очевидно, что уровень общения различных группировок ордынской знати внутри лесостепной или степной зоны был намного выше, чем с таковыми таежной зоны, к которой относится Сургутское Приобье, никогда, кстати, не входившее в состав империи чингизидов. Иными словами, появление серебряных сосудов на Севере и на территориях, расположенных южнее, – результаты разных процессов.

Для поиска путей проникновения «сайгатинской группы» вещей в Западную Сибирь, вернее на территорию Сургутского Приобья, важными представляются находки, отчасти маркирующие эти каналы, например, чаши из Пермского края (пермская чаша, губдорская поясная чаша и кружка из Камгорта), а также чаша из Ивдельского р-на (север Свердловской обл.). Близость указанных изделий предполагает их изготовление золотоордынскими мастерами, причем трудившимися в определенном регионе. Ранее предполагалось, что этим регионом была бывшая Волжская Болгария, а ныне – Булгарский улус Золотой Орды [Федорова, 1991, с. 202]. Что может свидетельствовать в пользу этого предположения? Торговые пути из Волжской Болгарии на север Западной Сибири маркируются начиная с X в. многочисленными импортными вещами: от серебряной посуды до большого количества ювелирных украшений; их обилие стало причиной смены к началу II тыс. н.э. статусного

Рис. 5. Поддон чаши из фондов МВК им. И.С. Шемановского.

набора украшений и принадлежностей костюма у западно-сибирской элиты [Федорова, 2015, с. 80]. Можно продолжить спор о том, что именно из этого нового набора было изготовлено булгарскими мастерами, а что ювелирами Предуралья булгарской выучки [Руденко, 2015; Белавин, 2000], но это в данном случае не принципиально. Принципиальным представляется то, что ордынские сосуды, скорее всего, продвигались по проторенному пути из Булгар через северное Предуралье в Приобье. Причем именно в район Сургута. Очевидно, Сургутское Приобье стало местом концентрации этого вида художественного металла потому, что сосуды были получены в дар местной элитой. Сомнительно, что такая дорогая посуда могла быть всего лишь торговым эквивалентом.

В связи с анализом импортных товаров в пространстве культур – участников торговых операций В.П. Даркевич пишет о двух группах товаров – массовых импортных и завезенных драгоценных предметах. Предметы первой группы, по его мнению, отражают экономические связи, а второй – свидетельствуют об установлении международных контактов; они относятся к посольским дарам [Даркевич, 1975, с. 143].

Выводы

Проведенный анализ позволил уточнить значение предметов импорта из Булгарского улуса Золотой Орды не только в качестве составляющей собственно золотоордынской культуры, но и как показателя новых явлений в истории западно-сибирского Средневековья.

Места обнаружения серебряной импортной посуды в северных регионах Западной Сибири в общем

совпадают с гипотетическими территориями обских средневековых княжеств – Кодского (Сев. Сосьва, район Березова), Бардакова (район Сургута), Куноватского (бассейн Куновата) и отдельных городков (Лор-Вож на берегу оз. Шурышкарский Сор) [Федорова, 2015, с. 77]. Возможно, концентрация большого количества серебряных сосудов, относящихся примерно к одному периоду, в районе урочища Сайгатино указывает на одновременность их завоза.

Широко известны средневековые клады, найденные в таежной части Приобья. Некоторые из них по составу и способу захоронения можно рассматривать как личные сокровища. Таковы, например, клады, найденные в 1975 и 1976 гг. на Барсовой Горе (район Сургута): они содержат металлические вещи, в т.ч. импортные, аккуратно упакованы в металлический сосуд, пересыпаны древесной трухой. Эти характеристики свидетельствуют о переходе местного общества на ту ступень развития, которая предполагает появление особого слоя – элиты, а также концентрацию в руках ее представителей сокровищ, полученных, возможно, в качестве особых даров.

Список литературы

- Белавин А.М.** Камский торговый путь. Средневековое Предуралье в его экономических и этнокультурных связях. – Пермь: Изд-во Перм. гос. пед. ун-та, 2000. – 179 с.
- Во дворцах и в шатрах.** Исламский мир от Китая до Европы: каталог выставки. – СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2008. – 431 с.
- Генинг В.Ф., Крамаровский М.Г.** Ивдельская находка. – Л.: Аврора, 1973. – 44 с.
- Даркевич В.П.** Художественный металл Востока VIII–XIII вв. Произведения восточной торевтики на территории Европейской части СССР и Зауралья. – М.: Наука, 1975. – 198 с.
- Зеленый Яр:** археологический комплекс эпохи средневековья в Северном Приобье / ред. Н.В. Федорова. – Екатеринбург; Салехард: УрО РАН, 2005. – 368 с.
- Крамаровский М.Г.** Новые находки золотоордынского серебра из Приобья. Северо-китайские и исламские черты в торевтике XIII–XIV веков // Восточный художественный металл из Среднего Приобья. Новые находки: каталог временной выставки. – Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1991. – С. 11–28.
- Крамаровский М.Г.** Статьи: «Ковш поясной», «Ковш поясной», «Чаша на ножке» // Сокровища Приобья. – СПб.: Формика, 1996. – С. 200–210.
- Крамаровский М.Г.** Джучиды. Три этапа самоидентификации // Во дворцах и в шатрах. Исламский мир от Китая до Европы: каталог выставки. – СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2008. – С. 98–115.
- Крамаровский М.Г.** Человек средневековой улицы. Золотая Орда, Византия, Италия. – СПб.: Евразия, 2012. – 494 с.
- Крамаровский М.Г.** Статьи: «Поясная чаша», «Поясная чаша» // Десяносто девять имен Всевышнего. Классическое искусство исламского мира IX–XIX веков. – М.: Изд. дом Марджани, 2013. – С. 214–217.
- Маршак Б.И.** История восточной торевтики III–XI вв. и проблемы культурной преемственности: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – М., 1980. – 36 с.
- Маршак Б.И.** Предисловие // Сокровища Приобья. – СПб.: Формика, 1996. – С. 6–44.
- Морозов В.М., Шагунов Н.В.** Археологическое наследие Сургутского района: к истории научного исследования // Барсова Гора: 110 лет археологических исследований. – Сургут: Ист.-культ. науч.-производств. центр «Барсова Гора», 2002. – С. 62–72.
- Руденко К.А.** Булгарское серебро. Древности Биляра. – Казань: Заман, 2015. – Т. II. – 527 с.
- Смирнов Я.И.** Восточное серебро. Атлас древней серебряной и золотой посуды, найденной в пределах Российской империи. – СПб.: Имп. Археол. комиссия, 1909. – 18 с.+300 табл.
- Сокровища Приобья.** – СПб.: Формика, 1996. – 227 с.
- Сокровища Приобья.** Западная Сибирь на торговых путях средневековья: каталог выставки. – Салехард; СПб.: [б. и.], 2003. – 96 с.
- Угорское наследие:** Древности Западной Сибири из собраний Уральского университета. – Екатеринбург: Внешторгиздат, 1994. – 159 с.
- Федорова Н.В.** Золотоордынская торевтика в Приобье // Исследования по средневековой археологии лесной полосы Восточной Европы. – Ижевск: [б. и.], 1991. – С. 193–204.
- Федорова Н.В.** Торевтика Волжской Болгарии. Серебряные изделия X–XIV вв. из Зауральских коллекций // Тр. Кам. археол.-этногр. экспедиции. – Пермь: Изд-во Перм. гос. пед. ун-та, 2003а. – Вып. 3. – С. 138–153.
- Федорова Н.В.** Сокровища Приобья в истории западно-сибирского средневековья // Сокровища Приобья. Западная Сибирь на торговых путях средневековья: каталог выставки. – Салехард; СПб.: [б. и.], 2003б. – С. 9–28.
- Федорова Н.В.** Справа от солнца, слева от месяца: бляхи с сокольников (Предуралье и Западная Сибирь, эпоха средневековья) // Археология Арктики. – Екатеринбург: Деловая Пресса, 2014. – Вып. 2. – С. 162–174.
- Федорова Н.В.** Северный широтный ход в XI–XV вв.: постановка проблемы // Урал. ист. вестн. – 2015. – № 2 (47). – С. 73–82.
- Чердынские клады.** Сокровища археологических коллекций / сост. Г.Н. Чагин. – Пермь: Литер-А, 2013. – 143 с.
- Яковлев Я.А.** Новая находка золотоордынской торевтики из Сургутского Приобья // РА. – 2006. – № 2. – С. 144–147.

DOI: 10.17746/1563-0102.2018.46.2.123-130
УДК 904

С.В. Горохов, А.П. Бородовский
Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: gorokhov.sv@gmail.com; altaicenter2011@gmail.com

Некрополь Умревинского острога (Верхнее Приобье)

После утраты Умревинским острогом оборонительного и административного значения на его территории сформировался некрополь. В ходе археологических раскопок исследована часть кладбища вдоль северной, западной и южной тыловых стен, а также в центре острога. Изучено 83 захоронения, локализованных преимущественно в юго-западной и центральной части памятника. Выявлены три ритуальных погребения новорожденных: одно под юго-западной угловой набережной башней и два под строением в центре двора острога. Обнаружено массовое захоронение девяти человек разного пола и возраста, по ряду признаков аналогичное коллективным погребениям жителей Албазинского острога, умерших в ходе осады. Это послужило основанием для предположения о том, что исследованные захоронения Умревинского острога были совершены при схожих обстоятельствах. «Элитное» погребение подростка в мундире в центральной части двора острога позволило выявить признаки таких захоронений. В результате обобщения данных по всем погребениям были выделены две большие группы, обособленные в пространстве, на основе чего установлена хронологическая последовательность их формирования. Захоронения первой группы были совершены в период с 1740-х по 1790-е гг., второй – в начале XIX в. Анализ планиграфии кладбища показал, что строение в центральной части острога, возможно, являлось церковью Трех Святителей, известной по письменным источникам. В статье аргументированно доказывается закономерность формирования некрополя на территории двора острога. Остается открытой проблема локализации кладбища основателей и первопоселенцев.

Ключевые слова: Умревинский острог, некрополь, ритуальное захоронение, церковь Трех Святителей.

S.V. Gorokhov and A.P. Borodovsky
Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences,
Pr. Akademika Lavrentieva 17, Novosibirsk, 630090, Russia
E-mail: gorokhov.sv@gmail.com; altaicenter2011@gmail.com

The Cemetery at Fort Umrevinsky, in the Upper Ob Basin

After Fort (Ostrog) Umrevinsky had lost its defensive and administrative function, a cemetery emerged on its place. Excavations were carried out near the northwestern and southern palisade and in the center of the fort. Eighty-three graves, located mainly in the southwestern and central parts of the cemetery, were excavated. Among them were three ritual graves of newborns—one under the southwestern corner tower on the river bank, and two others under a structure in the center of the fort. We have also excavated a collective grave of nine individuals—males and females of various ages. Based on several criteria, this grave is similar to those at Fort Albazin, where victims of the siege had been buried. Similar circumstances may have been involved at Umrevinsky. In the central part of the fort, a grave of a high-ranking uniformed teenager was found. Based on the totality of traits, two large spatially separated groups of burials are described, and their chronological sequence is assessed. Graves of the first group date to 1740–1790; those of the second, to the early 1800s. Planigraphic analysis suggests that the structure in the center of the fort was likely the church of the Three Holy Hierarchs, known from written sources. The reasons why the cemetery was founded in the fort yard are discussed. The location of the place where the founders and pioneers are buried remains an open issue.

Keywords: Fort Umrevinsky, ritual graves, Three Holy Hierarchs church.

Введение

Русские остроги в Сибири являются многокомпонентными объектами археологического наследия, включающими элементы, которые, находясь вне острожного контекста, могут быть самостоятельными археологическими памятниками. Это некрополи, посады, церкви, клады, дороги и пр. Изучение сосуществования комплекса объектов в рамках археологического контекста острога представляется важной и актуальной задачей на современном этапе исследования памятников эпохи первоначального освоения русскими территории Сибири и Дальнего Востока. В настоящей статье представлены результаты интерпретации данных археологических раскопок некрополя Умревинского острога, основанного в 1703 г. на правом берегу р. Оби в 600 м к юго-западу от устья р. Умревы [Бородавский, Горохов, 2009].

Описание погребений и выделение групп захоронений

На территории Умревинского острога в ходе археологических исследований было обнаружено кладбище.

В 2000 г. А.В. Шаповалов выявил одиночное захоронение на северо-западном краю внутреннего двора острога. Раскопки, проведенные нами в 2002–2006 и 2015–2016 гг., позволили проследить планиграфию некрополя вдоль западного и южного тынов, а также у развалин сооружения в центральной части двора острога. В общей сложности было исследовано 83 захоронения. Наибольший интерес представляют погребения 2, 3, К, Р и У (рис. 1).

Погребение 2 находилось внутри периметра фундамента юго-западной угловой башни (рис. 2, 1). Контуры могильной ямы прослеживались в грунте по древесному тлену от колоды, в которую было помещено тело младенца. Размеры этой конструкции составляли 70×25 см, высота сохранившихся стенок ок. 5 см. Деревянное перекрытие полностью истлело. Захоронение располагалось на уровне материковой поверхности. Новорожденный ребенок (по определению антрополога Д.В. Позднякова) был погребен в вытянутом положении на спине, головой на запад, с перекрещенными на уровне голени ногами. Под левой тазовой костью лицевой стороной вниз лежал латунный нательный крест (рис. 2, 2). Погребение 2 расположено изолированно от основного массива могил некрополя. Внутри

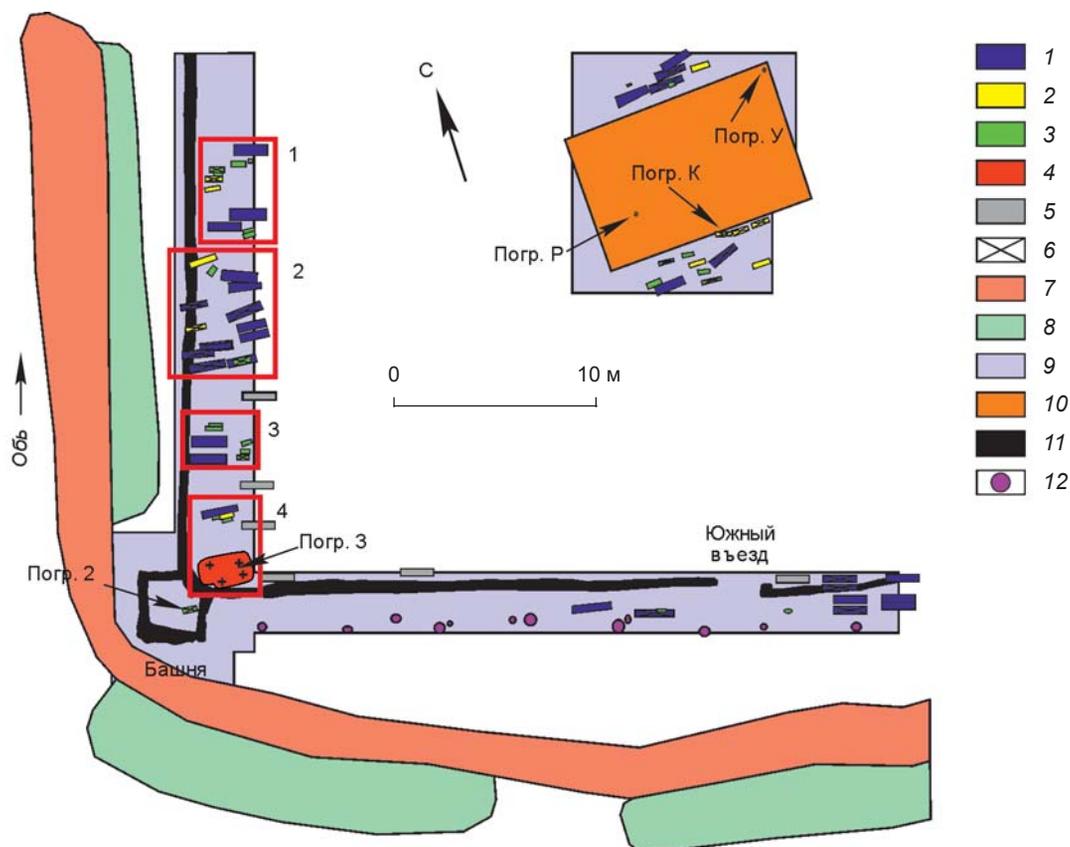

Рис. 1. План-схема исследованной части некрополя Умревинского острога.

1 – погребение взрослого человека; 2 – погребение подростка; 3 – погребение младенца; 4 – коллективное захоронение; 5 – законсервированные погребения; 6 – погребения с нательными крестами; 7 – ров; 8 – вал; 9 – раскоп; 10 – строение; 11 – канавка тына и фундамента башни; 12 – ямы от столбов ограды некрополя.

Рис. 2. Погребение 2 (1) и латунный нательный крест из него (2).

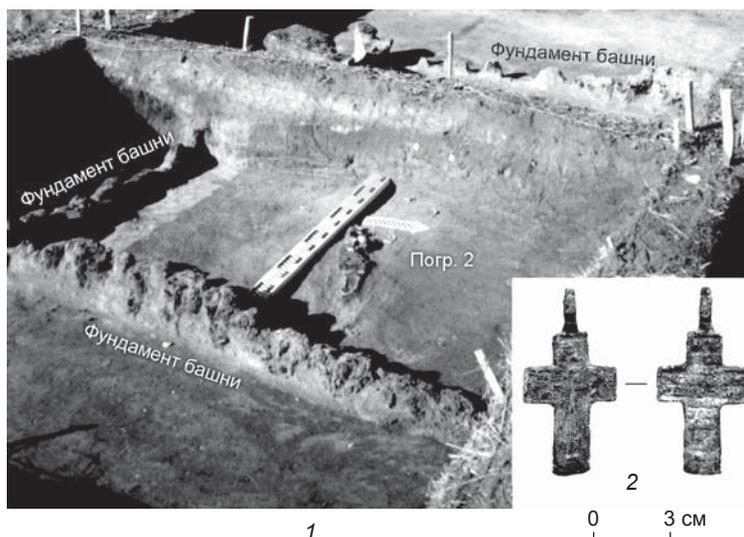
контура фундамента башни других захоронений нет.

Погребение У обнаружено под северным углом строения, расположенного в центральной части двора острога (см. рис. 1). Хаотичное скопление костей новорожденного находилось в слое погребенной почвы под строительным мусором от разрушенного здания. Сопроводительный инвентарь отсутствовал.

Погребение Р также обнаружено под строением в центральной части двора острога (см. рис. 1). Оно находилось под слоем строительного мусора (фрагменты кирпича-сырца и обожженного кирпича), образовавшегося в результате разрушения печи, на уровне материковой поверхности. Захоронение представлено хаотичным скоплением костей новорожденного. Сопроводительный инвентарь отсутствовал.

Погребения 2, Р и У имеют ряд общих признаков. Все – захоронения новорожденных, совершены без заглабления в материк, расположены в пределах строений (остальные вне сооружений) и на некотором удалении от других могил, в то время как прочие младенческие погребения либо находятся вблизи захоронений взрослых, либо группируются (см. рис. 1). Совокупность перечисленных признаков свидетельствует о том, что при возведении сооружений на территории Умревинского острога в 1730–1740-х гг. практиковалось совершение ритуальных захоронений новорожденных. Клеть, под которой располагалось погребение Р, являлась пристройкой к основной части сооружения. Вероятно, именно с этим связано наличие двух ритуальных захоронений под одним строением. Погребения 2, Р и У являются самыми ранними из обнаруженных на территории Умревинского острога, но они не относятся к исследованному погосту, т.к. были совершены в специфических ритуальных целях во время существования острога как военного и административного объекта, тогда как некрополь начал формироваться после утраты острогом своих функций.

Погребение 3 находилось около северо-восточного угла юго-западной башни и перерезало ее ленточный свайно-столбчатый фундамент на месте расположения дверного проема (см. рис. 1). Размеры ямы $2,6 \times 1,6$ м, глубина от материковой поверхности 33–61 см. Захоронение является коллективным и ярусным. Все погребенные лежали в вытянутом положении на спине, головой на запад. Всего в могиле, по определению антрополога Д.В. Позднякова, было захоронено девять

человек различного возраста и пола (три женщины, двое мужчин и четыре ребенка в возрасте до двух лет).

Погребение 3 имеет ряд общих признаков с коллективным захоронением (57 чел.) жителей Албазинского острога [Артемьев, 1999, с. 113, 114]. Толщина слоя, в котором находились погребения, в Умревинском остроге составляет 0,3–0,6 м, в Албазинском – 0,3 м. В обоих захоронениях присутствуют останки мужчин, женщин и детей. Оба погребения содержали относительно незначительное количество свидетельств насильственной смерти: в Умревинском остроге – одна свинцовая картечина и пробитая (возможно, штыком) грудина, в Албазинском остроге – два наконечника стрел и две свинцовые пули. Массовое захоронение в Албазинском остроге стало следствием гибели большого числа людей за короткий период времени в ходе осады. Наличие общих признаков позволяет предположить, что погребение девяти тел в Умревинском остроге тоже следствие вооруженного конфликта. Оно также может быть связано с обычаем хоронить бедняков, умерших без причастия, один раз в году [Gmelin, 1751, S. 161; Белковец, 1990, с. 105]. Дополнительным аргументом в пользу этой версии является присутствие среди погребенных женщин со свинцовой дробинкой в районе груди: в случае скорострительной смерти она могла остаться без причастия.

Погребение К примыкало к южной стене строения в центральной части острога (см. рис. 1, 3). Размеры могильной ямы $1,20 \times 0,45$ м, глубина от материковой поверхности 0,4 м. В могиле зафиксированы остатки гроба ($1,03 \times 0,35$ м), элементы которого были скреплены железными скобами и гвоздями. Гроб имел наклон на правый бок. В могиле находился скелет ребенка, погребенного в вытянутом положении на спине, головой на запад, со скрещенными на груди руками и ориентированного перпендикулярно к западной тыновой стене. В районе бедер, запястий и груди обна-

Рис. 3. Погребение К.

1 – общий вид; 2 – размещение монеты в погребении; 3 – фрагмент вышивки на мундире погребенного; 4 – нательный крест; 5 – монета.

ружены остатки мундира, представленные войлочной тканью темного цвета, золотым позументом (растительный орнамент в виде листьев и цветков), плетеными тесьмой и красными нитями (рис. 3, 3) [Бородавский, Горохов, 2009, с. 201–203, рис. 70–73]. Под одним из таких фрагментов лежал латунный нательный крест (рис. 3, 4). На костях сохранились остатки кожаных сапог. Слева от черепа под тленом от досок гроба находилась монета номиналом 2 копейки 1769 г. Сузунского монетного двора, лежавшая вензелем императрицы Екатерины II вверх (рис. 3, 2, 5). При раскопках юго-западной башни острога на фундаменте была обнаружена денга 1730 г., обращенная гербом Российской империи вверх. Учитывая этот факт, можно предположить, что монета в погребении ребенка в мундире (следовательно, состоящего на государственной службе), расположенная вензелем вверх, могла иметь символическое значение и отражать принадлежность погребенного к государственной системе Российской империи. Совокупность аргументов позволяет сделать вывод о преднамеренном помеще-

нии монеты в могилу. Во-первых, 61 монета из 62 (исключая ритуальные), обнаруженных в Умревинском остроге, происходит либо из строения в центральной части двора, либо с посада. На территории двора острога вне зданий найдена только одна монета. В прочих захоронениях монет также не обнаружено. Во-вторых, 2 копейки – один из самых крупных номиналов в нумизматической коллекции острога. Из 64 монет лишь пять имеют равный или больший номинал, поэтому вероятность случайного попадания монеты именно такого номинала в могилу невелика. В-третьих, размер двух копеек достаточно значителен (рис. 3, 5). При рытье могилы такую монету сложнее потерять и легче найти. Погребение было совершено в интервале 1769–1796 гг. Нижняя граница – год чеканки монеты, верхняя определяется окончанием правления Екатерины II (если рассматривать размещение монеты вензелем императрицы вверх как символически значимое).

Ряд признаков указывает на то, что данное захоронение «элитное»: 1) на погребенном расшитый мундир; 2) гроб с самым большим количеством железных деталей (две скобы и гвозди) из исследованных; 3) монета в погребении как символ

принадлежности к государственной системе Российской империи; 4) кожаная обувь. Место захоронения также должно иметь «престижный» характер. В русской православной традиции «элитные» места для могил располагались вблизи здания церкви. Из письменных источников известно, что в Умревинском остроге была церковь Трех Святителей, находившаяся внутри острожных стен (точное место расположения не указано) [Каменецкий, Элерт, 1986, с. 260]. Возможно, строение в его центральной части было культовым сооружением. В пользу этого говорит ориентация здания строго по линии запад–восток. Однако предметный комплекс данного объекта не позволяет сделать однозначный вывод о том, что оно являлось церковью. На культовый характер строения косвенно могут указывать обнаруженные в нем три медные застежки от книг, возможно, богослужебных. Наличие книг свидетельствует о том, что здесь были грамотные люди. В середине XVIII в. это, вероятнее всего, либо чиновники, либо священнослужители. Данное сооружение существенно отличается от жилых постро-

ек на посаде острога и имеет черты «элитарности»: высокий подклет, отсутствие погребца, значительная площадь (ок. 70 м²), большая печь из кирпича-сырца и обожженного кирпича, слюдяные окна.

Проведенные исследования некрополя на территории Умревинского острога позволяют сделать предварительные выводы о его планиграфии. В северной части раскопа на месте западной тыновой стены захоронения отсутствуют. Лишь в северо-западном углу расположено одиночное погр. 1. В южной части можно выделить четыре плотные группы захоронений. Первая состоит из трех взрослых, двух детских и шести младенческих погребений (см. рис. 1). Боль-

шинство из них (за исключением трех) ориентировано строго перпендикулярно к западной тыновой стене. Погребений с нательными крестами относительно немного (см. таблицу).

Группа 2 включает 11 взрослых, два детских и два младенческих захоронения (см. рис. 1). Все погребения, кроме двух, ориентированы строго по линии запад–восток. Данную группу отличает перерезание тремя могилами тыновой канавки (рис. 4, 2), относительно большое количество нательных крестов и малая доля детских и младенческих захоронений (см. таблицу).

Группа 3 состоит из двух взрослых и пяти младенческих погребений (см. рис. 1). Почти все (кроме од-

Основные характеристики групп погребений

Группа	Ориентация погребений	Пересечение деревянных оборонительных сооружений	Доля погребений с нательными крестами, %	Доля детских погребений, %
1	Перпендикулярно западной стене	Нет	18,2	72,7
2	Запад–восток	Есть	46,7	26,7
3	Перпендикулярно западной стене	Нет	14,3	71,4
4	Запад–восток	Есть	30,8	53,8
Погребения в центральной части двора острога	»	–	42,1	68,4
Погребения вдоль южной стены	Параллельно южной стене	Есть	36,4	18,2

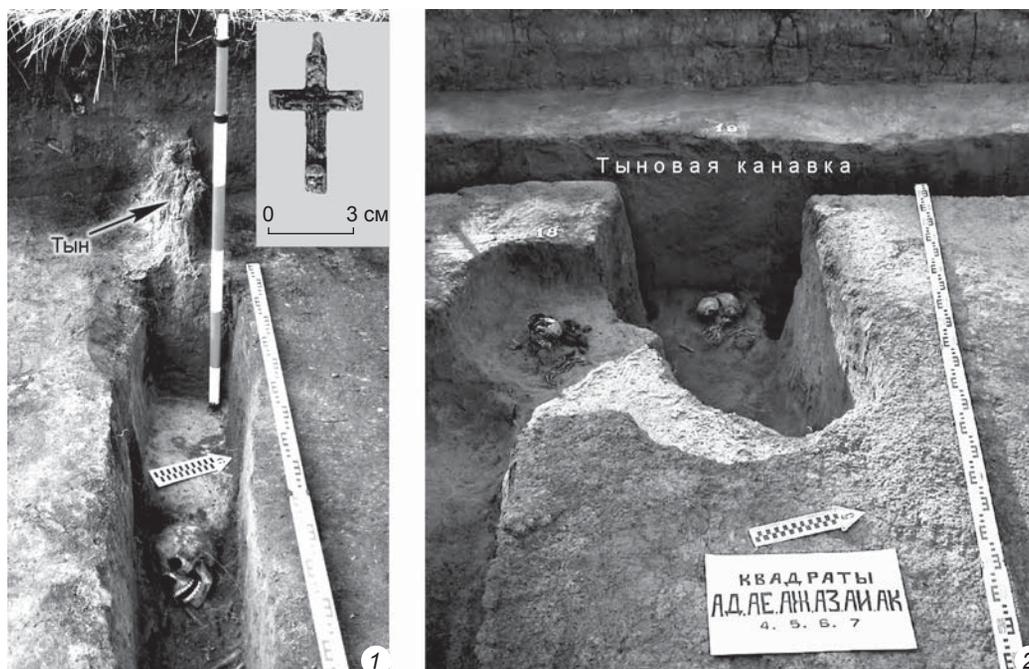

Рис. 4. Погребение 46 в канавке южной тыновой стены (1) и погр. 19, частично расположенное в канавке западной тыновой стены (2).

ного младенческого) ориентированы строго перпендикулярно к западной тыновой стене. Нателный крест обнаружен только в одном погребении (см. *таблицу*). Взрослые и младенцы захоронены на одинаковой и аномально малой для данного некрополя глубине – 10–15 см от уровня материковой поверхности.

Группа 4 включает 13 погребений, объединенных в два конгломерата (см. рис. 1). Все ориентированы по линии запад–восток. Один конгломерат (северный) состоит из четырех захоронений (взрослого, подростка и двух младенцев), расположенных на трех ярусах; второй представлен вышеописанным коллективным погр. 3 (также три яруса), которое перерезает фундамент юго-западной башни. Треть погребений содержат нателные кресты (см. *таблицу*).

Группа захоронений у строения в центральной части внутреннего двора острога состоит из шести взрослых, шести детских и семи младенческих погребений. Почти все (кроме погребения К) ориентированы по линии запад–восток. Могила примыкает к наружной стороне северной или южной стен строения либо располагаются вблизи них (см. рис. 1). Доля захоронений с нателными крестами относительно большая (см. *таблицу*).

Группа погребений вдоль южной тыновой стены состоит из девяти взрослых и двух младенческих захоронений. Они расположены с ее внешней и внутренней стороны (см. рис. 1), а два (взрослых) непосредственно в тыновой канавке (см. рис. 4, 1). Все могилы ориентированы параллельно южной стене с отклонением от линии запад–восток. В четырех взрослых захоронениях присутствовали нателные кресты (см. *таблицу*).

Обсуждение результатов

Хронологию формирования того или иного участка некрополя Умревинского острога может отражать ориентация могильных ям, факты пересечения погребениями остатков деревянных оборонительных сооружений и доля захоронений с нателными крестами. По указанным признакам выделенные группы объединяются в две макрогруппы (см. *таблицу*). Первая включает группы 2, 4 и погребения в центральной части двора острога. Ее характеризуют ориентация могил по линии запад–восток, пересечение могильными ямами остатков деревянных оборонительных сооружений (рис. 4, 2) и высокая доля захоронений с нателными крестами. Вторая макрогруппа состоит из групп 1 и 3. Ее признаки – ориентация перпендикулярно к западной тыновой стене, отсутствие фактов перерезания могильными ямами остатков деревянных оборонительных сооружений и малая доля погребений с нателными крестами. Группа захоро-

нений вдоль южной тыновой стены имеет признаки как первой, так и второй макрогруппы (см. *таблицу*).

Вероятно, макрогруппы формировались не синхронно. Первая может быть датирована по группе захоронений в центральной части двора острога. Особенности расположения погребений в данном месте обусловлены существованием строения в этой части памятника, т.к. все захоронения, кроме ритуальных, находятся вдоль северной и южной стен здания. По нумизматическим данным, сооружение было построено в 1740-х гг. и просуществовало до 80-х гг. XVIII в. В заполнении могильных ям присутствует строительный мусор. Следовательно, захоронения совершались здесь после разрушения строения, т.е. не ранее 1780-х гг., но и не значительно позже, т.к. могилы не перерезают основания его стен, а значит, на момент совершения захоронений контуры сооружения были еще видны на местности. Таким образом, все могилы на данном участке, а также погребения групп 2 и 4 (входят в первую макрогруппу) могут быть датированы 40–90-ми гг. XVIII в. Посад при остроге, который располагался южнее и севернее укреплений, согласно нумизматическим данным, сформировался в 1740-х гг. и просуществовал до 1790-х. Вероятно, среди погребения первой макрогруппы есть захоронения и жителей посада.

Вторая макрогруппа могла сформироваться как до, так и после первой. На более раннее ее формирование указывают низкая доля погребений с нателными крестами (если предположить, что металлические нателные кресты в первой половине XVIII в. были менее доступны для населения Умревинского острога, чем во второй) и то, что могильные ямы в некоторых случаях расположены вплотную к западной тыновой стене, но не перерезают ее канавку, а значит (если исключить фактор случайного совпадения), стена на момент совершения захоронений еще существовала (см. рис. 1). Ориентация могил перпендикулярно к западной тыновой стене может свидетельствовать как о более раннем, так и о более позднем времени совершения погребений. При рытье могильной ямы работники, вероятно, ориентировались на строение в центральной части двора острога (возможно, церкви), как расположенное по линии запад–восток. Следовательно, до появления этого здания и после его разрушения данный ориентир отсутствовал. Однако было известно, что р. Обь течет на север (стены острога расположены параллельно реке или перпендикулярно к ней), поэтому она могла служить ориентиром. Можно было ориентироваться также на ранее совершенные захоронения. Однако большая плотность погребений приводила к быстрому слиянию насыпей и потере их индивидуальных признаков. Могила зарастала густой растительностью летом, а зимой были покрыты снегом, что затрудняло определение их ориентации.

Аргументов в пользу того, что вторая макрогруппа сформировалась позже первой, больше. Здесь выше процент детских и младенческих захоронений (до появления посада в остроге, вероятно, находился только временный гарнизон, состоявший преимущественно из взрослых мужчин). В первой половине 1730-х гг. Умревинский острог был реконструирован (появились башни), соответственно, он функционировал как военный объект, а не как кладбище, поэтому совершение погребений на территории двора острога представляется немотивированным. Все захоронения в гробах (более поздняя конструкция, чем колода), зафиксированные в раскопе вдоль западной тыновой стены, ориентированы перпендикулярно к ней (характерная черта второй макрогруппы). Могилы группы 1 являются крайними северными в этом раскопе. Далее погребений нет, хотя место для них есть. Этот край некрополя, вероятно, сформировался одним из последних. Ориентация погребений второй макрогруппы такая же, как могил в раскопе вдоль южного тына. Последние в некоторых случаях пересекают тыновую канавку и расположены за пределами двора острога, в пространстве между тыновой стеной и идущей параллельно более поздней оградой кладбища. Следовательно, данная группа погребений появилась после разрушения южной тыновой стены, т.е. достаточно поздно. По совокупности аргументов более вероятно, что вторая макрогруппа сформировалась позже первой.

По-видимому, некрополь не распространяется за пределы системы рвов и валов. На это указывает ряд косвенных свидетельств: 1) на участках, где обнаружена линия ограды некрополя в пределах земляных оборонительных сооружений, не зафиксировано расположение погребений за забором кладбища; 2) анализ геофизической карты площади острога и сопредельных территорий также свидетельствует об отсутствии захоронений за пределами земляных оборонительных сооружений в непосредственной близости от них [Горохов, 2006]; 3) как показали раскопки, значительная площадь внутреннего пространства острога кладбищем не занята вовсе либо плотность погребений такова, что достаточно места для размещения захоронений между существующими могилами.

Вероятно, на первом этапе формирования некрополя оградой служила тыновая стена, оставшаяся от острога. Со временем она приходила в негодность и частично разбиралась. В определенный момент погребения, совершавшиеся вдоль западной стены острога, стали перерезать канавку тына. Новая ограда кладбища сооружалась в пространстве между тыновой стеной и системой земляных оборонительных сооружений, как это имеет место на исследованном участке вдоль южного тына, где ограда некрополя располагалась в 1–1,5 м к югу от тыновой стены (см. рис. 1).

Появление некрополя на территории Умревинского острога не случайно. Ряд факторов делают это место предпочтительным для устройства кладбища. Некрополь и острог имеют схожие структурные элементы, которые после прекращения функционирования последнего продолжают существовать: система рвов и валов, а в данном случае и тыновая стена. В конце XVIII в. пришедшие в негодность деревянные конструкции острогов иногда могли использоваться для сооружения кладбищенских оград. Например, в 1791 г. собравшиеся на сход крестьяне намеревались так использовать деревянные оборонительные сооружения Бердского острога [Сметанин, 1983, с. 14]. Значимость наличия готовых рвов при устройстве некрополей в окрестностях Умревинского острога подтверждается кладбищем с. Шумиха (Болотнинский р-н Новосибирской обл.). Оно расположено в 2 км к северу от острога на возвышенной площадке средневекового городища, опоясанного мощной системой земляных оборонительных сооружений, которые вплоть до настоящего времени отчетливо видны на местности. Городища и остроги возводились на возвышенных и сухих местах, что также является значимым при выборе места для кладбища. Еще один важный фактор – наличие деревянной церкви Трех Святителей. В настоящее время точное место расположения церкви не установлено, но из письменных источников известно, что после того, как острог утратил оборонительное значение и пришел в запустение, церковь продолжала функционировать [Миненко, 1990, с. 51].

Заключение

Некрополь на территории острога – явление достаточно традиционное. Аналогичным образом ситуация обстоит с Братским, Илимским, Красноярским, Албазинским, Зашиверским и Иркутским острогами [Крадин, 1988, с. 121]. В Илимске некрополь сформировался на западном участке внутреннего пространства острога [Молодин, 1999, с. 113–114], в Красноярске – в юго-западном углу укрепленного посада [Тарасов, 2000, с. 150], в Зашиверске – в церкви [Окладников, Гоголев, Ащепков, 1977, с. 84, 123]. В Албазинском остроге погребения сосредоточены в центральной части [Артемьев, 1996]. В каждом конкретном случае необходимо учитывать причины возникновения некрополей на территории памятников для правильной интерпретации особенностей их формирования. Например, в Албазинском остроге расположение в центральной части двора связано с осадой и последующим оставлением острога в течение короткого промежутка времени. Другая ситуация характерна для Илимского и Красноярского острогов. Здесь кладбища

формировались в мирное время на протяжении длительного периода вдоль тыновых стен. Многие илимские погребения перерезают пришедшие в негодность оборонительные сооружения. Одинокое захоронение в церкви Зашиверского острога, судя по обнаруженной сопроводительной монете 1746 г., было совершено в период, когда храм существовал уже на протяжении почти полувека [Окладников, Гоголев, Ащепков, 1977, с. 123].

Изучение внутренней структуры некрополя и его соотношения с прочими объектами острога позволило установить последовательность формирования различных участков кладбища и существенно уточнить историю Умревинского острога. По-прежнему остается нерешенным вопрос о месте расположения кладбища основателей и первопоселенцев острога, умерших до начала формирования исследованного некрополя.

Перспективным представляется сравнение городских и острожных некрополей с сельскими кладбищами и погостами при монастырях для выяснения их специфических черт, обусловленных характером культуры тех поселений, которым они принадлежат. В настоящее время создана достаточная источниковая база для начала сравнительных исследований. В последние десятилетия изучены такие русские сельские погребальные памятники, как Староалейка II, Изюк I, Горноправдинский могильник [Кирюшин и др., 2006; Татаурова, 2010; Зайцева, 2008], а также некрополи при томском Богородице-Алексиевском, тобольском Абалакском и верхотурском Николаевском монастырях [Боброва, 2017; Данилов, 2012; Курлаев, 1998].

Благодарность

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-50-00036).

Список литературы

Артемьев А.Р. Останки непогребенных защитников Албазинского острога // РА. – 1996. – № 1. – С. 185–196.

Артемьев А.Р. Города и остроги Забайкалья и Приамурья во второй половине XVII – XVIII вв. – Владивосток: [б. и.], 1999. – 336 с.

Белковец Л.П. Иоганн Георг Гмелин: 1709–1755. – М.: Наука, 1990. – 144 с.

Боброва А.И. Некрополь томского мужского Богородице-Алексиевского монастыря // Культура русских в археологических исследованиях. – Омск: Наука, 2017. – С. 387–389.

Бородовский А.П., Горохов С.В. Умревинский острог: Археологические исследования 2002–2009 гг. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. – 244 с.

Горохов С.В. Корреляция археологических и геофизических данных по материалам Умревинского острога // Археология, этнология, палеоэкология Северной Евразии и сопредельных территорий. – Красноярск: Краснояр. гос. пед. ун-т, 2006. – Т. I. – С. 195–197.

Данилов П.Г. Православный некрополь XVII–XVIII веков в селе Абалак Тобольского района: итоги и перспективы исследований // Вестн. НГУ. Сер.: История, филология. – 2012. – Т. 11, № 7. – С. 158–163.

Зайцева Е.А. Противоаварийные работы на могильнике «Горноправдинский» в Ханты-Мансийском районе Ханты-Мансийского автономного округа–Югры в полевом сезоне 2007 года (предварительные результаты) // Сохранение археологического наследия в условиях интенсивного хозяйственного освоения: опыт, проблемы, решения. – Ханты-Мансийск: Полиграфист, 2008. – С. 51–58.

Каменецкий И.П., Элерт А.Х. Городской ландшафт Сибири в путевых описаниях уездов Г.Ф. Миллера // Проблемы охраны и освоения культурно-исторических ландшафтов Сибири. – Новосибирск: Наука, 1986. – С. 253–262.

Кирюшин Ю.Ф., Казаков А.А., Фролов Я.В., Воробьев А.А. О погребальной обрядности населения Верхнего Приобья в XVIII–XIX веках (по материалам могильника Староалейка II) // Этнографо-археологические комплексы: Проблемы культуры и социума. – Омск: Наука, 2006. – С. 149–169.

Крадин Н.П. Русское деревянное оборонное зодчество. – М.: Искусство, 1988. – 192 с.

Курлаев Е.А. Церковная археология: раскопки в Николаевском монастыре г. Верхотурья в 1989–1990 гг. // Археологические и исторические исследования в г. Верхотурье. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 1998. – С. 92–109.

Миненко Н.А. По старому Московскому тракту. – Новосибирск: Кн. изд-во, 1990. – 184 с.

Молодин В.И. Некрополь Илимского острога: палеодемографические реконструкции // Евразийская лесостепь в эпоху металла. – Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 1999. – С. 113–120.

Окладников А.П., Гоголев З.В., Ащепков Е.А. Древний Зашиверск: Древнерусский заполярный город. – М.: Наука, 1977. – 211 с.

Сметанин Е.Н. Бердск (краткий исторический очерк). – Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1983. – 40 с.

Тарасов А.Ю. Некрополь Покровской церкви Красноярского острога (предварительное сообщение) // Наследие древних и традиционных культур Северной и Центральной Азии. – Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2000. – Т. II. – С. 150.

Татаурова Л.В. Погребальный обряд русских Среднего Прииртышья XVII–XIX вв.: По материалам комплекса Изюк-I. – Омск: Апельсин, 2010. – 284 с.

Gmelin J.G. Reise durch Sibirien, von dem Jahr 1733 bis 1743. – Göttingen: Verlegts Abram Vandenhoecks seel., Wittwe, 1751. – Th. I. – 652 S.

Материал поступил в редколлегию 16.08.16 г., в окончательном варианте – 10.05.17 г.

DOI: 10.17746/1563-0102.2018.46.2.131-139
УДК 904+571.53

П.А. Косинцев¹, О.П. Бачура¹, В.С. Панов²

¹Институт экологии растений и животных УрО РАН
ул. 8 Марта, 202, Екатеринбург, 620144, Россия
E-mail: kpa@ipae.uran.ru; olga@ipae.uran.ru

²Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: pvs7zeitlos@gmail.com

Бурый медведь (*Ursus arctos* L.) из святилища в Канинской пещере (Северный Урал)

Изучены голоценовые остатки бурого медведя из Канинской пещеры. Они накапливались в эпоху поздней бронзы, раннем и позднем железном веке в результате деятельности человека. В статье описаны состав элементов скелета и характер раздробленности костей. Определены половозрастной состав особей, остатки которых использовались в обрядах, и сезон проведения обрядов. Установлено, что во все периоды основным объектом обрядовых действий были головы медведей. Череп и нижние челюсти раскалывались на несколько частей по стандартным схемам. Другие части тела использовались в обрядах значительно реже. Большая часть костей посткраниального скелета также разбивалась на несколько частей. Такое обращение с костями этого хищника противоречит обрядам обских угров, посвященных медведю. В эпоху бронзы в подобных действиях использовали головы взрослых самцов и самок. В это время обряды проводили в основном зимой, меньше летом и осенью и очень редко весной. В эпоху железа также использовали головы главным образом взрослых особей, преимущественно самцов. В этот период обряды проводили круглый год, но чаще летом и зимой. Сезонных медвежьих праздников не было. Реконструированы некоторые элементы обрядов, не имеющие аналогий с обрядами, которые совершают в настоящее время обские угры в случае добычи медведя. Современные обряды, связанные с медведем, у обских угров сформировались в конце эпохи железа.

Ключевые слова: Урал, бурый медведь, святилища, обряды, бронзовый век, железный век.

P.A. Kosintsev¹, O.P. Bachura¹, and V.S. Panov²

¹Institute of Plant and Animal Ecology,
Ural Branch, Russian Academy of Sciences,
8 Marta 202, Yekaterinburg, 620144, Russia
E-mail: kpa@ipae.uran.ru; olga@ipae.uran.ru

²Institute of Archaeology and Ethnography,
Siberian Branch, Russian Academy of Sciences,
Pr. Akademika Lavrentieva 17, Novosibirsk, 630090, Russia
E-mail: pvs7zeitlos@gmail.com

Remains of Brown Bear (*Ursus arctos* L.) from the Kaninskaya Cave Sanctuary in the Northern Urals

Fossil remains of brown bear from Kaninskaya cave in the northern Ural are described. They were accumulated during the Late Bronze Age, Early Iron Age, and Late Iron Age as a result of human activity. We analyze the composition of skeletal elements and the nature of their fragmentation. Sex and age of individuals whose bones were apparently used in rituals are assessed, and the seasonality of these ceremonies is evaluated. The main object of ceremonial actions during all chronological periods was the head. Crania and mandibles were cracked into several parts according to one and the same fashion. Other skeletal parts were used much less often. Most postcranial bones were likewise broken into several pieces. Such practices differ from modern Ob Ugrian bear rituals. In the Bronze Age, heads of adult male and female bears were used, and the ceremonies were performed mainly in winter; less often in summer and autumn, and very rarely in spring. In the Iron Age, too, heads of adult animals, mostly males, were used, and ceremonies were held throughout the year but more often in summer and in winter. Seasonal bear rites were not practiced. Certain elements of rites, differing from those of modern Ob Ugrians, are reconstructed. Modern Ob Ugrian bear rituals were formed in the Late Iron Age.

Keywords: Ural, brown bear, sanctuaries, ceremonies, Bronze Age, Iron Age.

Введение

На Урале известно более 100 голоценовых местонахождений остатков бурого медведя (*Ursus arctos* L.) [Косинцев, Ражев, 1993]. В них обнаружены от одной до нескольких тысяч костей. Большие скопления голоценовых остатков бурого медведя найдены в археологических памятниках, расположенных в пещерах Северного и Среднего Урала [Косинцев, 1995, 1996, 2000; Кузьмина, 1971]. Почти все эти объекты датируются эпохой железа [Ерохин, Чаиркин, 1995; Канивец, 1964; Чаиркин, Косинцев, Бородин, 2005]. В это время рассматриваемую территорию занимало преимущественно угорское и/или угро-самодийское население [Генинг, Голдина, 1989; Оборин, 1989]. В системе празднично-обрядовой деятельности обских угров бурый медведь имел особый сакральный и социальный статус [Васильев, 1948; Чернецов, 2001]. Это находило отражение в периодических (сезонных) и спорадических (по случаю удачной охоты) медвежьих праздниках, во время которых совершался комплекс обрядов, связанных с медведем, с последующим захоронением его черепа и костей [Васильев, 1948; Чернецов, 2001]. Одним из мест захоронений были пещеры [Лепехин, 1780; Паллас, 1786]. Не исключено, что в пещерах совершались и обряды.

Одним из местонахождений, содержащих самое большое количество костей бурого медведя, является Канинская пещера на Северном Урале, которая использовалась в качестве святилища на протяжении более 2 тыс. лет – от позднего этапа бронзового века до Средневековья [Канивец, 1964]. Археологические материалы из этой пещеры опубликованы В.И. Канивцом [1964]. Коллекция остатков медведя из пещеры насчитывает ок. 2 тыс. костей, которые составляют более 60 % всех костных остатков [Кузьмина, 1971]. Подробный анализ остатков медведя из Канинской пещеры не проводился. Имеются сведения о количестве и наиболее многочисленных элементах скелета [Там же]. В представленной работе на основании анализа костных остатков из Канинской пещеры характеризуется промысловая и обрядовая деятельность древнего населения Северного Урала, связанная с медведем.

Материалы и методы

Канинская пещера расположена в верхнем течении р. Печоры (Троицко-Печорский р-н, Республика Коми), в районе устья р. Унья (координаты 62°01'36" с.ш.; 58°10'42" в.д.). Раскоп, который занимал в ней предвходовую площадку, входной грот и начало внутреннего хода, вскрыл все рыхлые отложения, содержавшие культурные остатки [Канивец,

1964]. Археологически Канинская пещера исследована практически полностью. Археологические материалы и костные остатки залежали в трех верхних литологических слоях мощностью от 0,4 до 0,7 м [Там же]. В них найдены бронзовые изделия сейминско-турбинского типа, керамика (более 1 500 экз.) лебяжской, гляденовской и ванвиздинской культур, каменные, костяные и металлические наконечники стрел (свыше 780 экз.), украшения и элементы костюма, немногочисленные орудия труда (ок. 100 экз.) [Там же]. Артефакты датируются эпохой бронзы, ранним железным и поздним железным веком. Нижний слой относится к эпохе поздней бронзы, а два верхних – к раннему железному веку и Средневековью. Остатки медведя, согласно их залеганию в слоях, разделены на две группы – поздней бронзы (далее – бронзовый век) и железного века. К первой группе отнесена 261 кость минимум 16 особей, ко второй – 1 634 кости минимум 80 особей. Поскольку был исследован весь культурный слой эпохи голоцена, полученная выборка костей медведя представляет собой генеральную совокупность остатков из отложений в пещере. Вероятно, это не все кости, которые попали в пещеру, часть костей до погребения в отложениях, возможно, разрушилась на поверхности или была вынесена из пещеры.

Для уточнения хронологической принадлежности костей проведено радиоуглеродное датирование методом ускорительной масс-спектрометрии (AMS). Была использована стандартная методика обработки костных материалов АВА [Brock et al., 2010]. Химическая экстракция коллагена проводилась в лаборатории пробоподготовки ИАЭТ СО РАН. Навески коллагена по 17 мг сожгли независимо в непрерывном потоке гелия (элементный анализатор Euro EA 3028, EuroVector, Милан, Италия). Углекислый газ из потока выделили криогенно с помощью жидкого азота. Углекислоту конвертировали в графит на железном катализаторе и передали для датирования в лабораторию Университета Аризоны (г. Тусон, США).

Датирована задняя половина нижней челюсти из слоя 2, которая была отрезана вертикально по телу челюсти. По ней получена дата $2\ 046 \pm 33$ л.н. (NSKA-00848), которая соответствует началу позднего голоцена (субатлантик 1), раннему железному веку, времени существования гляденовской культуры [Васкул, 1997]. В районе Канинской пещеры находится еще несколько пещер, в которых также найдены кости бурого медведя. Определены даты по костям из Медвежьей пещеры: $29\ 527 \pm 320$ л.н. (NSKA-00846 BP) и $12\ 045 \pm 79$ л.н. (NSKA-00847), и из грота Фигурный: $13\ 085 \pm 58$ л.н. (NSKA-00849). Они указывают на то, что кости медведя попали в отложения пещер в позднем плейстоцене, и это не связано с деятельностью человека в голоцене.

При описании состава и количества элементов скелета медведя учитывалась степень раздробленности костей. Целых костей очень немного, потому выделена группа условно целых костей. Она включает собственно целые кости, целые эпифизы и диафизы, и все они обозначены как целые кости (табл. 1).

Самцы и самки бурого медведя хорошо различаются по наибольшим показателям длины и ширины корня клыка [Koby, 1949; Yoneda, Abe, 1976; Baryshnikov, Mano, Masuda, 2004]. Нами проведены измерения по этим признакам клыков в выборках эпохи бронзы и железного века. Для определения соотношения самцов и самок в выборках построены скаттер-диаграммы. Достоверность отличий соотношений самцов

и самок в выборках от соотношения 1 : 1 проверялась с помощью критерия χ^2 [Лакин, 1990].

Для определения сезона гибели особей изучены годовые слои, которые образуются в цементе и дентине зубов млекопитающих [Клевезаль, 1988]. По этому признаку время гибели медведей можно установить с точностью до сезона [Завацкий, 1984; Inukai, Kadosaki, 1974; Craighead et al., 2014]. Для анализа отобраны 57 изолированных зубов бронзового и железного веков. Отбор производился с учетом принадлежности зуба отдельной особи, его положения (правый – левый), возраста (степень стертости коронки) и размеров. Часть зубов взята из нижних челюстей со следами обработки человеком, т.е. из жертвенных комплексов. Определялся воз-

Таблица 1. Состав и количество элементов скелета бурого медведя из Канинской пещеры

Элемент	Эпоха бронзы		Железный век	
	ц.*	ф.*	ц.	ф.
Череп (Cranium)	0	41	2	468
Нижняя челюсть (Mandibula)	0	36	7	79
Зубы (Dentes)	109	20	727	131
Подъязычная (Hyoidium)	8	0	3	0
Атлант (Atlas)	11	2	32	0
Шейный позвонок (Vertebrae cervicales)	0	0	2	2
Грудной позвонок (Vertebrae thoracales)	0	0	0	7
Поясничный позвонок (Vertebrae lumbales)	0	0	1	0
Крестец (Sacrum)	0	0	0	1
Хвостовой позвонок (Vertebrae caudalis)	0	0	2	0
Грудина (Sternum)	2	0	3	0
Ребро (Costae)	1	8	6	34
Лопатка (Scapula)	3	2	5	10
Таз (Pelvis)	0	0	0	1
Плечевая (Humerus)	0	1	0	5
Локтевая (Ulna)	0	0	3	4
Лучевая (Radius)	0	0	0	3
Бедренная (Femur)	0	0	0	6
Большая берцовая (Tibia)	0	0	0	5
Малая берцовая (Fibula)	0	2	2	3
Пяточная (Calcaneus)	0	0	1	0
Запястье, предплюсна (Carpus, tarsus)	2	0	21	0
Метаподии (Metapodium)	3	2	8	5
Фаланга 1 (Phalanges 1)	2	2	17	2
Фаланга 2 (Phalanges 2)	2	0	11	0
Фаланга 3 (Phalanges 3)	2	0	9	0
Сесамовидная (Sesamoideum)	0	0	6	0
<i>Всего, экз.</i>	145	116	868	766

*ц. – условно целые кости, ф. – фрагменты костей.

раст особи. Возраст молодых особей до 2 лет определялся по прорезыванию зубов [Клевезаль, 2007].

Результаты исследования

Описание костных остатков медведя. Состав элементов скелета в обеих выборках эпохи бронзы и эпохи железа одинаковый (табл. 1). Доминируют изолированные зубы, многочисленны фрагменты черепа и нижней челюсти, целые первые шейные позвонки (атланты). Крайне мало остальных костей скелета. Почти все они представлены фрагментами. На костях отсутствуют следы зубов крупных хищников. На некоторых костях имеются погрызы мышевидных грызунов. Черепа сильно фрагментированы. Только два черепа можно назвать условно целыми. Остальные черепа представлены фрагментами. Черепа разбиты в области глазниц (рис. 1, линии 1-1' и 2-2'). У нескольких черепов отбиты затылочные мыщелки и пробита мозговая коробка, иногда с двух сторон (рис. 1, а, линия 3-3' и область 4). Такие повреждения могли появиться только в результате целенаправленных действий человека.

Практически все нижние челюсти разбиты. Одни расколоты поперек перед или за m_2 , у других отбита

передняя часть в области клыка (с) (рис. 1, б, линия 6-6') или нижняя часть тела челюсти (рис. 1, б, линия 7-7'); в ряде случаев отбита восходящая ветвь (рис. 1, б, линия 8-8'). На отдельных нижних челюстях прослеживаются следы орудий. У нескольких челюстей на теле перед или за m_2 имеются глубокие вертикальные прорезы, по которым они были сломаны.

Изолированные зубы в основном целые (табл. 1). Часть щечных зубов представлена фрагментами, которые могли разрушиться в процессе или после захоронения. Почти все клыки целые. Возможно, они специально извлекались из нижних челюстей человеком. Для этого от нижней челюсти отбивалась часть альвеолы клыка (рис. 1, б, линия 6-6').

Почти все первые шейные позвонки целые (табл. 1). На них отсутствуют следы орудий, которые указывали бы на то, что атланты были отделены от черепа и принесены в пещеру отдельно. Очевидно, что их отчленили от туши медведя вместе с головой. Большая часть остальных позвонков представлена фрагментами. У большинства ребер отбиты головки, они разрушены или сломаны примерно в средней части.

Почти у всех трубчатых костей отбиты верхний и нижний концы. Чаще всего диафиз трубчатых костей раскалывался вдоль на несколько частей. Иногда концы или середину диафиза подрубали по периметру и кость разламывали. Метоподии представлены целыми экземплярами, а также разбитыми примерно в середине на две части. Кости запястья, заплюсны и почти все фаланги целые. Имеется только четыре разбитые фаланги 1 (табл. 1).

Кости медведя, особенно нижняя челюсть, метоподии, фаланги, трубчатые кости, весьма прочные, поэтому маловероятно, что описанные выше разрушения произошли естественным путем в процессе и после захоронения их в слое. На костях отсутствуют погрызы хищников. Следовательно, описанные выше повреждения могли быть только результатом действий человека.

Среди остатков имеются подъязычные кости (табл. 1). Их наличие в отложениях, наряду с атлантами, указывает на то, что в пещеру приносили целые головы с нижними челюстями и первым шейным позвонком. Судя по количеству атлантов, было принесено как минимум 13 голов в эпоху бронзы и 32 в железном веке (табл. 1).

Отделы скелета в выборках эпохи бронзы и железного века представлены практически одинаково (табл. 2). Среди них преобладают черепа и нижние челюсти (без учета изолированных зубов), очень немного костей остальных отделов скелета – 9 и 8 % соответственно (табл. 2). Доля костей посткраниального скелета составляет 36 и 28 % соответственно.

В выборке железного века обращает на себя внимание разница в количестве верхних и нижних клы-

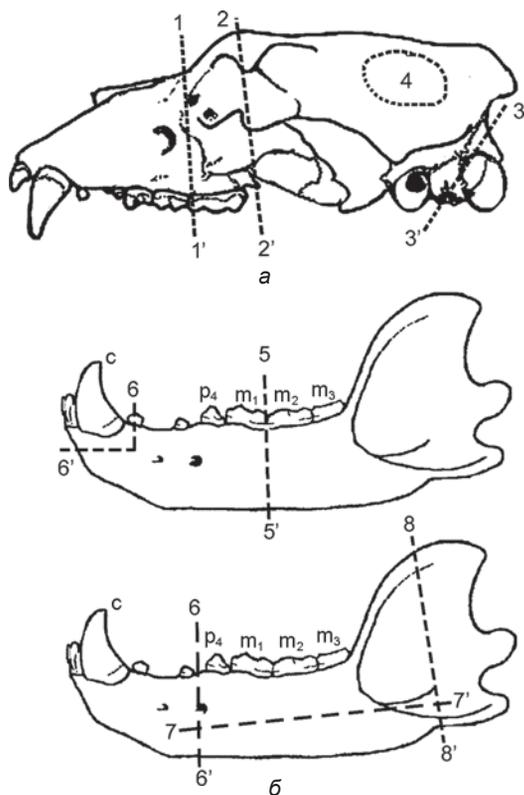

Рис. 1. Наиболее характерные повреждения черепа (а) и нижней челюсти (б) бурого медведя.

Таблица 2. Соотношение отделов скелета и степень раздробленности костей бурого медведя из Канинской пещеры, %

Отделы	Эпоха бронзы			Железный век		
	ц.*	ф.*	Всего	ц.	ф.	Всего
Скелет головы (череп, нижняя челюсть)	3	29	32	1	33	34
Изолированные зубы	42	8	50	44	8	52
Осевой скелет (позвонки, ребра)	5	4	9	3	3	6
Скелет конечностей						
Проксимальные части (лопатка, таз, плечевая, лучевая, локтевая, бедренная, берцовая кости)	1	2	3	1	2	3
Дистальные части (кости запястья, заплюсны, метаподии, фаланги 1–3)	4	2	6	4	1	5
<i>Всего костей, экз.</i>	145	116	261	868	766	1 634

*См. усл. обозн. в табл. 1.

Таблица 3. Количество самцов и самок бурого медведя в Канинской пещере

Клык	Сторона	Эпоха бронзы		Железный век	
		Самцы	Самки	Самцы	Самки
Верхний	Правая	2	2	31	22
	Левая	1	5	46	26
	<i>Всего, экз.</i>	3	7	77	48
Нижний	Правая	2	3	17	7
	Левая	5	2	18	11
	<i>Всего, экз.</i>	7	5	35	18

ков (табл. 3). Верхних клыков в 2 раза больше, чем нижних. Количество нижних клыков примерно соответствует количеству особей, определенных по количеству атлантов, верхних и нижних челюстей. Верхних клыков больше, чем найденных в пещере черепов. Соотношение верхних правых и левых клыков не отличается от соотношения 1 : 1, т.е. от их количества в челюстях. По нашему мнению, этот избыток можно объяснить тем, что в пещеру приносили изолированные верхние клыки, которые вынимали из части черепов. А черепа захоранивали в других местах.

Половой состав особей медведя. Если при проведении обрядов в пещере не учитывался пол животных, то соотношение остатков самцов и самок должно быть близко к 1 : 1. На скаттер-диаграммах самцы и самки наиболее четко разделяются по размерам нижних клыков (рис. 2). На диаграммах в выборках эпохи бронзы по верхним клыкам выделяются три самца и семь самок, а по нижним клыкам – семь самцов и пять самок (табл. 3). Эти соотношения близки к соотношению 1 : 1. Следовательно, в выборке эпохи бронзы остатки самцов и самок представлены примерно в равном количестве. В выборке железного века самцы преобладают над самками (рис. 2): 77 и 48 верхних клыков, 35 и 18 нижних (табл. 3). Эти различия статистически

достоверны. Следовательно, в этой выборке остатков самцов достоверно больше, чем самок.

Сезон гибели особей медведя. В выборке эпохи бронзы представлены особи, погибшие летом – в конце зимы. Преобладают особи, ставшие добычей в зимнее время. Остатки особей, убитых весной, отсутствуют (табл. 4). В выборке железного века особи, убитые во все сезоны года; наиболее многочисленны особи, погибшие зимой и летом (табл. 4). Объем изученной выборки эпохи бронзы небольшой, поэтому различия, касающиеся сезонов гибели животных в эпоху бронзы и железном веке, нельзя считать абсолютными. Однако несомненно, что в эпоху бронзы весной животных погибало значительно меньше, чем в эпоху железа.

Возрастной состав особей медведя. Индивидуальный возраст по годовым слоям и смене зубов [Клеветаль, 1988, 2007] определен для 16 особей из выборки эпохи бронзы и 48 особей из выборки эпохи железа. Это небольшое количество, поэтому мы можем дать лишь самую общую характеристику возрастного состава животных. В выборке эпохи бронзы 1 особь полувзрослая (2–3 года), 4 – в возрасте 3–7 лет, 8 – в возрасте 10–15 лет и 3 – старше 15 лет. В выборке железного века 8 особей молодых (4 особи в возрасте до 1 года и 4 в возрасте 1–2 года), 3 – полувзрос-

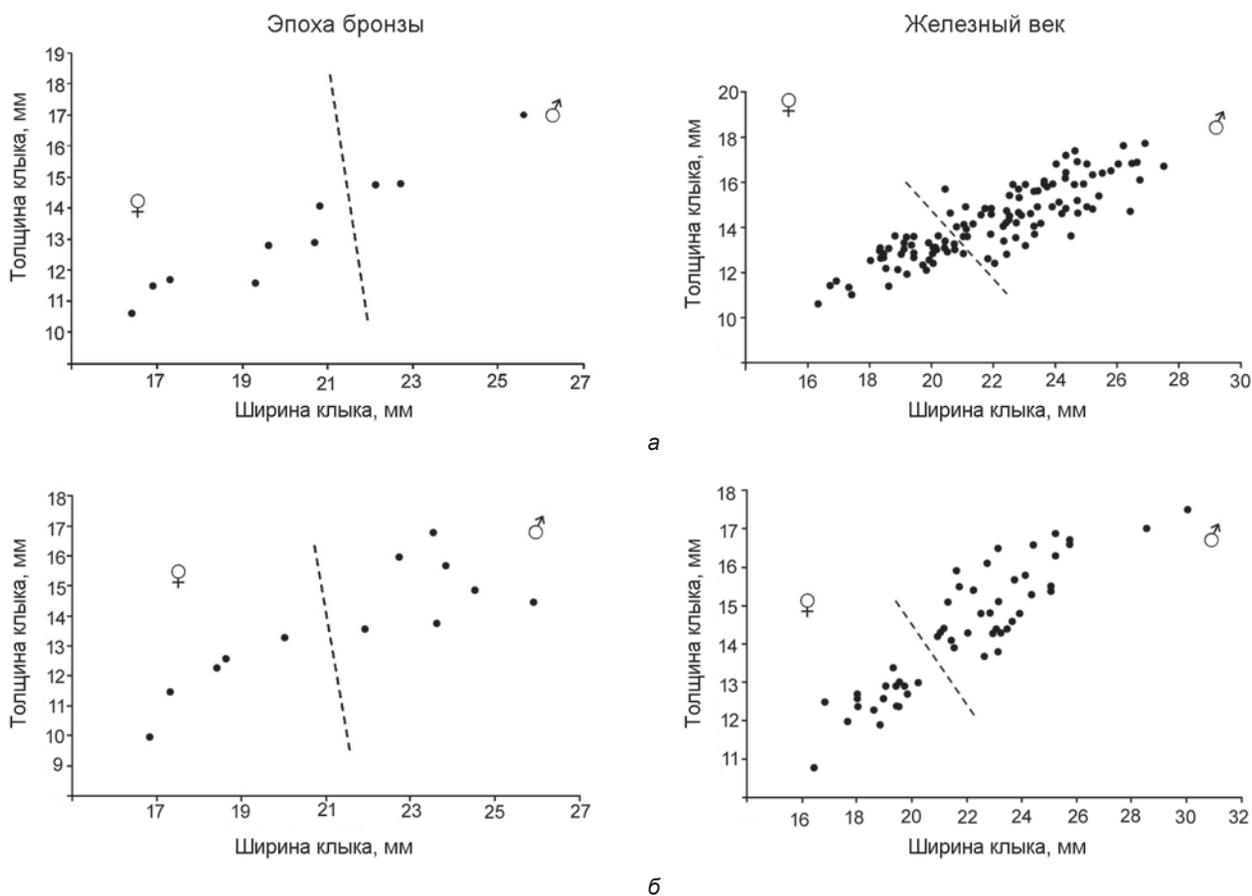

Рис. 2. Соотношение ширины и толщины верхних (а) и нижних (б) клыков бурых медведей из Канинской пещеры.

Таблица 4. Количество особей бурого медведя из Канинской пещеры, погибших в различные сезоны

Сезон	Эпоха бронзы			Железный век		
	а.*	б.*	Всего	а.*	б.*	Всего
Зима	6	2	8	12	1	13
Весна	0	0	0	7	1	8
Лето	4	0	4	7	5	12
Осень	3	0	3	9	0	9
Всего	13	2	15	35	7	42

*а. – индивидуальный зуб; б. – зуб из нижней челюсти, обработанный человеком.

лые 2–3 года, 10 – в возрасте 3–7 лет, 19 – в возрасте 8–15 лет и 8 – старше 15 лет. Как видно, в выборках доминируют взрослые и старые особи.

Обсуждение

При анализе полученных данных прежде всего встает вопрос: все ли кости медведя попали в отложения Ка-

нинской пещеры в результате деятельности человека? Дело в том, что бурый медведь использует пещеры для зимней спячки, во время которой часть особей погибает, кости погибших попадают в отложения [Косинцев, Бачура, 2015; Оводов, 1970]. Если в этих же пещерах человек проводил обряды с использованием частей туш медведей, то кости медведя накапливались в отложениях в результате естественной гибели и деятельности человека. Разделить эти два комплекса костей

не всегда просто. Особенно трудно дифференцировать кости со следами искусственных повреждений. Возникает проблема определения факторов накопления целых костей. Решить ее может помочь тафономический анализ. В случае естественной гибели животного в пещере остается его полный скелет. В отложения попадают 34 позвонка, 28 ребер, 20 метаподий, 46 фаланг и 22 крупные кости. Изученная выборка включает 15 позвонков (без учета атлантов), 49 ребер, 18 метаподий и 47 фаланг (см. табл. 1), большая часть которых имеет признаки искусственных повреждений. Отсутствуют целые тазовые, плечевые, лучевые и большеберцовые кости. Нет ни одной таранной кости и коленной чашечки, имеется только одна пяточная кость (см. табл. 1). Как видим, в выборке нет полного комплекта костей даже для скелета одной особи. Вместе с тем очень велико количество костей черепа, нижней челюсти и зубов (см. табл. 1) и принадлежат они как минимум 96 особям. Очевидно, что кости медведя накопились в Канинской пещере в результате деятельности человека. Конечно, полностью не исключена вероятность наличия в выборке отдельных костей естественной погибших особей.

Анализ соотношения отделов скелета показывает, что в выборках доминируют изолированные зубы, кости черепа и нижние челюсти (см. табл. 2). Люди приносили в пещеру медвежьи головы с нижней челюстью, и совершали там с ними обрядовые действия. Доля таких голов была большой, но определить, в каком виде их приносили – целиком или отдельно черепа, челюсти или их части – невозможно. В эпоху бронзы в пещеру попали головы или их части минимум 16 особей, а в эпоху железа – минимум 80 особей. Доля костей осевого скелета, проксимальных и дистальных частей конечностей небольшая (см. табл. 2). В выборке эпохи бронзы эти кости представляют минимум четырех особей, а в выборке эпохи железа – минимум восемь особей. Очевидно, что части скелета приносили в значительно меньшем количестве, чем головы. Однако представить, в каком виде кости посткраниального скелета доставлялись в пещеру, невозможно. Согласно составу элементов скелета, это могли быть куски грудной клетки, части конечностей, лапы или отдельные кости. Возможно, в ряде случаев головы и лапы были с остатками шкуры. Если приносили части туловища или конечностей, то их окончательно разделяли уже в пещере. Но, вероятно, никогда не приносили тушу с полным комплектом костей.

Почти все черепа, нижние челюсти и большая часть костей посткраниального скелета намеренно разбивались. Схема разбивания черепа и нижней челюсти была достаточно устойчивой. Пробивалась мозговая коробка, череп разбивался в области глазниц, очень редко отбивались затылочные мышечки (см. рис. 1). Нижние челюсти чаще всего раскальва-

ли на две половины, реже откальывали заднюю, резцовую части или нижний край. Кости посткраниального скелета расчленяли по разным схемам. Ребра разбивали посередине, у трубчатых костей отбивали верхний и нижний концы и/или эпифиз. Большая часть черепов и нижних челюстей, вероятно, кости посткраниального скелета, были разбиты в пещере.

Прослеживаются параллели в действиях с костями медведя обитателей Северного Урала эпох бронзы и железа и современного аборигенного населения Урала и Западной Сибири. У коми и удмуртов существовал [Конаков, 1983], а у обских угров существует и сегодня [Васильев, 1948; Гондатти, 2000; Молданов, 2010; Соколова, 2002; Чернецов, 2001] обычай ритуального захоронения черепа и костей медведя в лесу, озере или дома в укромном месте. Черепа иногда помещают на крыше домов или хозяйственных построек. В XVIII в. манси Среднего и Северного Урала уносили черепа медведей в пещеры [Лепехин, 1780; Паллас, 1786]. Вероятно, традиция помещать кости добытых медведей в пещеры сформировалась не позднее эпохи бронзы и сохранялась до этнографического времени.

Имеются существенные различия в действиях древнего и современного населения. Почти все кости медведя в Канинской пещере намеренно разбиты. Такое обращение с костями медведя не характерно для современных обских угров. Их традиция, как отмечают почти все исследователи, запрещает разбивать кости медведя [Васильев, 1948; Гондатти, 2000; Молданов, 2010; Соколова, 2002; Чернецов, 2001]. Только Н.Н. Харузин видел в представлениях остяков и вогулов о том, что только грешный и оскорбивший медведя человек будет иметь долгую жизнь, основу для обычая увечить череп медведя [1899]. Человек имел право разбивать кости убитого им медведя-людоеда [Гондатти, 2000]. Но мнение Н.Н. Харузина не подтверждается исследователями культуры обских угров. Случаи раскалывания костей медведя-людоеда являются исключительными. Можно предположить, что в конце железного века или немного позднее исчез обычай дробить кости медведя перед захоронением и сформировалась традиция оставлять их целыми.

Проведенные исследования позволяют определить сезон добычи животного, а не совершения обрядов с его костями. Не исключено, что в древности добыча медведя и обряды происходили в разные сезоны. Если исходить из этнографических данных [Там же; Конаков, 1983; Соколова, 2002; Чернецов, 2001], то можно предположить, что обрядовые действия совершались в тот же сезон, в который медведь был добыт. В эпоху бронзы большая часть животных была добыта зимой, заметно меньше – осенью и летом, не представлены особи, убитые весной (см. табл. 3). Но объем изученной выборки небольшой и не позволяет утверждать, что весной не охотились на медве-

дя. Весьма вероятно, что этим занимались в течение всего года, но реже всего весной. В эпоху железа промысел медведей проводился относительно регулярно круглый год, но основную часть добывали зимой и летом (см. табл. 3).

Из этнографии известно, что у обских угров были периодические (сезонные) и спорадические (по случаю удачной охоты) медвежьи праздники [Чернецов, 2001; Соколова, 2002]. Периодические празднества устраивали ежегодно зимой с конца декабря до конца марта [Соколова, 2002]. У коми зафиксированы только спорадические обряды, связанные с добычей медведя [Конаков, 1983]. Если бы в древности, в частности в эпоху железа, практиковались периодические медвежьи праздники, то в отложениях преобладали бы остатки, характерные для сезона (сезонов) проведения ритуала. Однако имеющиеся материалы не позволяют сделать такой вывод. Можно предположить, что проводились либо периодические праздники каждый сезон, либо вместо них – спорадические обряды по случаю удачной охоты на каждого медведя, или имело место и то, и другое. В связи с последней версией трудно объяснить равномерное распределение особей по сезонам в выборке эпохи железа. Нам представляется наиболее вероятной вторая интерпретация. Периодические медвежьи праздники сформировались поздно, в конце эпохи железа.

Результаты анализа возрастного и полового состава показывают, что в эпоху бронзы и железа в обрядах использовали преимущественно остатки взрослых животных (см. табл. 4). Однако по соотношению полов выборки в разные периоды различаются. В материалах эпохи бронзы остатки самцов и самок представлены равными долями (см. табл. 2). В эпоху железа остатки самцов достоверно чаще использовались в обрядах, по сравнению с остатками самок (см. табл. 3). Современные обские угры добывают молодых и взрослых животных, как самцов, так и самок [Васильев, 1948; Гондатти, 2000; Соколова, 2002; Чернецов, 2001]. Ни в одной из этнографических работ нет указаний на избирательный промысел особей по возрасту или полу. Следовательно, современные обские угры добывают медведей (в частности, для медвежьих праздников) не избирательно. Вероятно, так было и в эпоху бронзы. Но в эпоху железа в обрядах использовали преимущественно остатки самцов. Позднее эта традиция исчезла.

Заключение

Проведенные исследования показали, что остатки бурого медведя в Канинской пещере накапливались в результате деятельности человека в эпоху бронзы, раннем железном веке и Средневековье. Их результа-

ты позволяют в общем виде реконструировать некоторые элементы обрядов. Доминирование в костном комплексе остатков медведя свидетельствует о том, что медведь был одним из главных объектов обрядов. Во все периоды их важнейшим атрибутом были головы медведей. Черепа и нижние челюсти раскалывались на несколько частей по стандартным схемам. Череп разбивался в области глазниц, часто пробивалась мозговая коробка. Нижняя челюсть обычно раскалывалась на две части, у нее часто отбивались нижний край, задняя часть или резцовый отдел. В эпоху железа в пещеру приносили, наряду с головами, отдельные клыки, вынутые из черепов. Другие части тела использовались в обрядах значительно реже. Большая часть костей посткраниального скелета также разбивалась на несколько частей. Такое обращение с костями медведя противоречит обрядам, которые проводят с остатками медведя современные народы коми и обские угры. Вероятно, почтительное отношение к его костям сформировалось в конце железного века.

В эпоху бронзы для обрядов в пещере использовали головы взрослых самцов и самок. В эпоху железа также использовали головы главным образом взрослых особей, преимущественно самцов. В эпоху бронзы обряды проводили в основном зимой, реже – летом и осенью и, вероятно, очень редко весной. В эпоху железа обряды совершались равномерно в течение года, но чаще летом и зимой. Можно полагать, что в древности не было медвежьих праздников, приуроченных к определенному сезону. Обряды проводились круглый год. Сезонные медвежьи праздники появились в конце эпохи железа.

Результаты анализа остеологических материалов из Канинской пещеры свидетельствуют о том, что в эпоху поздней бронзы, раннего железного века и Средневековье у населения Северного Урала медведь был одним из главных жертвенных животных. Однако обряды, совершавшиеся в древности, не имеют прямых аналогов в этнографической современности. Полученные данные позволяют сделать вывод о том, что известные у современных обских угров обряды, связанные с добычей медведя, в частности сезонные медвежьи праздники, сформировались в современном виде в конце эпохи железа.

Благодарности

Описание материала выполнено в рамках государственного задания Института экологии растений и животных УрО РАН. Анализ материала проведен сотрудниками ИЭРиЖ УрО РАН за счет гранта РФФИ (проект № 14-04-92104), сотрудниками ИАЭТ СО РАН – за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-50-00036). Благодарим коллектив Лаборатории ускорительной масс-спектрометрии Университета Аризоны (г. Тусон, США) за техническую помощь.

Список литературы

- Васильев Б.А.** Медвежий праздник: Медвежьи мифы у народов Севера // СЭ. – 1948. – № 4. – С. 78–104.
- Васкул И.О.** Памятники гляденовской культурной общности // Археология Республики Коми. – Сыктывкар: ДиК, 1997. – С. 349–399.
- Генинг В.Ф., Голдина Р.Д.** Этнические процессы на Урале в эпоху великого переселения народов у истоков формирования народностей Урала // История Урала с древнейших времен до 1861 г. – М.: Наука, 1989. – С. 117–122.
- Гондатти Н.Л.** Культ медведя у инородцев Северо-Западной Сибири // Выдающиеся губернаторы Тобольские и Сибирские / сост. С. Пархимович, С. Туров. – Тюмень: Изд-во Ю. Мандрики, 2000. – С. 445–466.
- Ерохин Н.Г., Чаиркин С.Е.** Лобвинская пещера – местоположение, стратиграфия, хронология // Материалы по истории современной биоты Среднего Урала. – Екатеринбург: Екатеринбург, 1995. – С. 3–16.
- Завацкий Б.П.** Определение возраста медведя по слоям в цементе корня зуба // Регистрирующие структуры и определение возраста млекопитающих: (унификация методов определения возраста, оценка динамики численности млекопитающих): тез. докл. Всесоюз. конф., 22–25 мая 1984 года. – М., 1984. – С. 17–19.
- Канивец В.И.** Канинская пещера. – М.: Наука, 1964. – 136 с.
- Клевезаль Г.А.** Регистрирующие структуры млекопитающих в зоологических исследованиях. – М.: Наука, 1988. – 285 с.
- Клевезаль Г.А.** Принципы и методы определения возраста млекопитающих. – М.: Тов-во науч. изд. КМК, 2007. – 283 с.
- Конаков В.Д.** Коми. Охотники и рыболовы во второй половине XIX – начале XX в. – М.: Наука, 1983. – 248 с.
- Косинцев П.А.** Остатки крупных млекопитающих из Лобвинской пещеры // Материалы по истории современной биоты Среднего Урала. – Екатеринбург: Екатеринбург, 1995. – С. 58–102.
- Косинцев П.А.** Фауна крупных млекопитающих Северного Урала в позднем плейстоцене и голоцене // Материалы и исследования по истории современной фауны Урала. – Екатеринбург: Екатеринбург, 1996. – С. 84–109.
- Косинцев П.А.** Человек и медведь в голоцене Северной Евразии (по археозоологическим данным) // Народы Сибири: история и культура. Медведь в древних и современных культурах Сибири / ред. И.Н. Гемуев, Н.А. Алексеев, И.В. Октябрьская. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. – С. 4–9.
- Косинцев П.А., Бачура О.П.** Массовое захоронение позднплейстоценовых бурых медведей (*Ursus arctos* L., 1758) на Северном Урале // Докл. АН. – 2015. – Т. 462, № 2. – С. 249–251.
- Косинцев П.А., Ражев Д.И.** Бурый медведь в голоцене Урала // Медведи России и прилегающих стран – состояние популяций. – М.: Наука, 1993. – Ч. 1. – С. 120–137.
- Кузьмина И.Е.** Формирование териофауны Северного Урала в позднем антропогене // Тр. Зоол. ин-та АН СССР. – 1971. – Т. 49. – С. 44–122.
- Лакин Г.Ф.** Биометрия. – М.: Высш. шк., 1990. – 352 с.
- Лепехин И.И.** Дневниковые записки путешествия по разным провинциям Российского государства в 1771 году. – СПб.: Имп. акад. наук, 1780. – Ч. III. – 404 с.
- Молданов Т.** Отношение к костным останкам медведя у народов Северо-Западной Сибири // Очерки традиционной культуры хантов: избранное. – Ханты-Мансийск: Тип. Печатное дело, 2010. – С. 94–97.
- Оборин В.А.** Зарождение раннефеодальных отношений у народов Урала // История Урала с древнейших времен до 1861 г. – М.: Наука, 1989. – С. 131–138.
- Оводов Н.Д.** Остатки бурых медведей (*Ursus arctos* L.) в пещерах Сибири и Дальнего Востока // Бюл. Моск. об-ва испытателей природы. Отд. биологии. – 1970. – Т. LXX, № 4. – С. 116–126.
- Паллас П.С.** Путешествие по разным местам Российского государства. – СПб.: Имп. акад. наук, 1786. – Ч. II, кн. I. – 476 с.
- Соколова З.П.** Культ медведя и медвежий праздник в мировоззрении и культуре народов Сибири // Этногр. обозр. – 2002. – № 1. – С. 41–62.
- Харузин Н.Н.** Медвежья присяга. Тотемические основы культа медведя у остяков и вогулов. – Москва: Печатня А.И. Снегиревой, 1899. – 72 с.
- Чаиркин С.Е., Косинцев П.А., Бородин А.В.** Комплексные археолого-палеонтологические исследования на восточном склоне Северного Урала // Культуры и народы Западной Сибири в контексте междисциплинарного изучения. – Томск: Том. гос. ун-т, 2005. – С. 212–220.
- Чернецов В.Н.** Медвежий праздник у обских угров. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2001. – 49 с.
- Baryshnikov G.F., Mano T., Masuda R.** Taxonomic differentiation of *Ursus arctos* (Carnivora, Ursidae) from south Okhotsk sea islands on the basis of morphometrical analysis of skull and teeth // Russian J. of Theriol. – 2004. – Vol. 3, N 2. – P. 77–88.
- Brock F., Higham T., Ditchfield P., Bronk Ramsey C.** Current Pretreatment Methods for AMS Radiocarbon Dating at the Oxford Radiocarbon Accelerator Unit (ORAU) // Radiocarbon. – 2010. – Vol. 52, N 1. – P. 103–112.
- Craighead J.J., Craighead F.C., McCutchen H.E.** Age determination of Grizzly Bears from fourth premolar tooth sections // The J. of Wildlife Management. – 2014. – Vol. 34, N 2. – P. 353–363.
- Inukai T., Kadosaki M.** The number of annuli and the time of annuli formation in different kinds of *Ursus arctos yesoensis* teeth // Jap. J. appl. Ent. Zool. – 1974. – Vol. 18. – P. 139–144.
- Koby F.E.** Le dimorphisme sexuel des canines d'*Ursus arctos* et d'*Ursus spelaeus* // Rev. Suisse Zool. – 1949. – Vol. 56. – P. 675–687.
- Yoneda M., Abe H.** Sexual dimorphism and geographic variation in the skull of the Ezo Brown Bear (*Ursus arctos yesoensis*) // Memoirs Faculty Agric. Hokkaido Univ. – 1976. – Vol. 9. – P. 265–276.

DOI: 10.17746/1563-0102.2018.46.2.140-148
УДК 904+571.53

Т.В. Лобанова¹, О.В. Кардаш^{2, 3}

¹Институт экологии растений и животных УрО РАН
ул. 8 Марта, 202, Екатеринбург, 620144, Россия

E-mail: lota_64@mail.ru

²Сургутский государственный университет
ул. Ленина, 1, Сургут, 628412, Россия

³Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия

E-mail: kov_ugansk@mail.ru

Костные остатки животных в ритуально-обрядовых комплексах Городка Монкысь урий

В статье приводятся результаты исследования костных остатков животных из археологического памятника Городок Монкысь урий конца XVI – XVII в., который находится на р. Большой Юган в центре таежной Приобья Западной Сибири. Прослеживается связь костных остатков некоторых видов диких (северный олень, лось, бурый медведь, волк) и домашних (собака) животных с археологическими артефактами и объектами жилого комплекса городка. Выявлены десять ритуальных костных комплексов, описаны их видовой состав, элементы скелета, характер раздробленности и возрастные особенности костей. Приведены этнографические и фольклорные данные о ритуальных практиках автохтонного населения Западной Сибири, связанных с жертвоприношениями различных животных. Установлено, что семь костных комплексов располагались в жилых постройках городка, шесть комплексов содержали целые скелеты северного оленя и их фрагменты, а также кости черепа лося. Комплексы объединяют, вероятно, материалы ритуалов принесения строительных жертв божам при возведении построек городка, а также жертвоприношения по случаю рождения детей. Выделены три костных комплекса, находившихся вне жилых построек городка: кости собаки и бурого медведя – остатки погребальных и поминальных обрядов древнего населения. Описанные ритуальные комплексы отражают культурные традиции юганских хантов, которые были зафиксированы этнографами в XIX–XX вв.; они являлись продолжением традиций древних угорских и самодийских народов.

Ключевые слова: таежная зона, Западная Сибирь, кости, ритуальный комплекс, поминальный обряд, Юганские ханты.

T.V. Lobanova¹ and O.V. Kardash²

¹Institute of Plant and Animal Ecology,
Ural Branch, Russian Academy of Sciences,
8 Marta 202, Yekaterinburg, 620144, Russia

E-mail: lota_64@mail.ru

²Surgut State University,
Lenina 1, Surgut, 628412, Russia

³Institute of Archaeology and Ethnography,
Siberian Branch, Russian Academy of Sciences,
Pr. Akademika Lavrentieva 17, Novosibirsk, 630090, Russia

E-mail: kov_ugansk@mail.ru

Animal Bones in Ritual Accumulations at Monkys Uriy

At Monkys Uriy, a late 16th–17th century fort on the Bolshoy Yugan River, in the taiga zone of the Ob basin, Western Siberia, bones of wild animals (reindeer, elks, brown bears, and wolves) and those of domestic dogs were found in residential areas together with artifacts. We describe ten ritual accumulations of bones, species composition, that of skeletal elements, fragmentation types, and the age of animals. Seven accumulations of bones were found at residential quarters. Six of them contained complete or partial skeletons of reindeer and cranial bones of an elk. These accumulations may indicate construction sacrifices and those marking

childbirth. Three bone accumulations found outside the residence area include bones of a dog and a brown bear, evidently sacrificed during funerary rites. Ethnographic and folkloric evidence suggests that such sacrifices were practiced by the Yugan Khanty as late as the 19th and 20th centuries and had been rooted in ancient traditions of Ugrians and Samoyeds.

Keywords: *Taiga zone, Western Siberia, bones, ritual complex, funerary rite, Yugan Khanty.*

Введение

Для средневекового населения таежной зоны Западной Сибири млекопитающие – один из основных компонентов природной среды, от которого зависела жизнь общины. Вместе с другими природными объектами млекопитающие были частью мифов жителей тайги и персонажами их обрядовых, ритуальных действий, остатки которых образуют ритуальный комплекс. В нашем понимании ритуальный комплекс – это следы ритуалов, предметы, сопровождающие деятельность, которая не относится к бытовым и хозяйственным занятиям, но зачастую так или иначе связана с ними вполне определенной системой мифологических представлений. Как среди артефактов, так и среди костных остатков мы выделяем материалы, которые по составу или месторасположению могут маркировать зону ритуальных действий, а также помочь реконструировать религиозную или ритуальную деятельность населения.

Городище Монкысь урий (Частухинский урий) – один из немногих памятников коренных жителей таежного Приобья, археозоологическая коллекция которых была подробно описана и проанализирована [Косинцев, 1994, 2005; Лобанова, Косинцев, 2015]. Целью данного исследования является атрибутирование назначения части костных остатков животных из городища Монкысь урий.

Материальная культура и вещевой комплекс тех или иных групп населения могут меняться под воздействием внешних факторов, но ритуальная деятельность, основанная на мифологическом мировоззрении, сохраняется. Таким образом, мы получаем целый комплекс данных и источников для исторических реконструкций и проведения на их основе идентификации населения, оставившего тот или иной археологический объект.

Описание памятника и археозоологической коллекции

Монкысь урий относится к серии городков – административных центров территориальных общин коренного населения, которые функционировали в XV–XVII вв. в Западной Сибири. Развалины городка Монкысь урий (городище Частухинский урий) находятся в Сургутском р-не Ханты-Мансийского авт. окр. – Югры, в 4,3 км к юго-западу от пос. Угут (координаты 60° 28' 23.6" с.ш., 74° 00' 10.4" в.д.). Укрепление рас-

положено на останце террасы левого коренного берега р. Бол. Юган, при впадении ручья Нексап в старицу Частухинский урий.

Городище Частухинский урий (остатки исторического городка Монкысь урий) было обнаружено в первой половине 1980-х гг. местным краеведом П.С. Бахлыковым. Первые научные археологические изыскания проведены в 1990 г. экспедицией под руководством В.И. Семеновой [Семенова, 2005]. В 2011–2013 гг. археологические исследования городища были продолжены экспедицией ООО «НПО “Северная археология-1”» под руководством Г.П. Визгалова, О.В. Кардаша, Н.В. Шатунова.

По итогам археологических исследований выделены два этапа функционирования памятника – сначала как родового поселения – юрта, затем как городка Монкысь урий, которые представляют небольшой (порядка 150 лет) период хозяйственной и ритуальной деятельности одной этнической группы населения. Городок Монкысь урий – укрепленный населенный пункт, оборонительно-жилой комплекс которого размещался на вершине останца и состоял из пяти построек. Склоны и подножие холма были хозяйственно-производственной территорией (рис. 1). Раскопками был вскрыт и «погребальный комплекс», включавший захоронения людей, которые погибли при штурме городка. Объекты «погребального комплекса» находились в постройках городка, ставшего своеобразным некрополем. Ритуальная практика на поселении проходила в пределах оборонительно-жилого комплекса [Там же, с. 86–88].

В ходе раскопок были собраны костные остатки, накопившиеся за периоды строительства, функционирования и гибели городка Монкысь урий. На склонах холма найдены материалы, попавшие туда позднее при деформации культурного слоя.

Археозоологическая коллекция состоит из 1 908 костей млекопитающих, птиц и рыб, из них 99 % принадлежат 11 видам современных домашних и диких млекопитающих. Среди остатков млекопитающих наиболее многочисленны кости северного оленя *Rangifer tarandus* (1 057 ед.) и лося *Alces alces* (400 ед.). Значительно меньше остатков бобра *Castor fiber* (63 ед.), бурого медведя *Ursus arctos* (52 ед.) и волка *Canis lupus* (17 ед.). Единичны кости таких видов, как лисица *Vulpes vulpes* (6 ед.), заяц-беляк *Lepus timidus* (4 ед.), песец *Vulpes alopex* (2 ед.), росомаха *Gulo gulo* (1 ед.) и соболь *Martes zibellina* (2 ед.). Домашние животные представлены собакой *Canis*

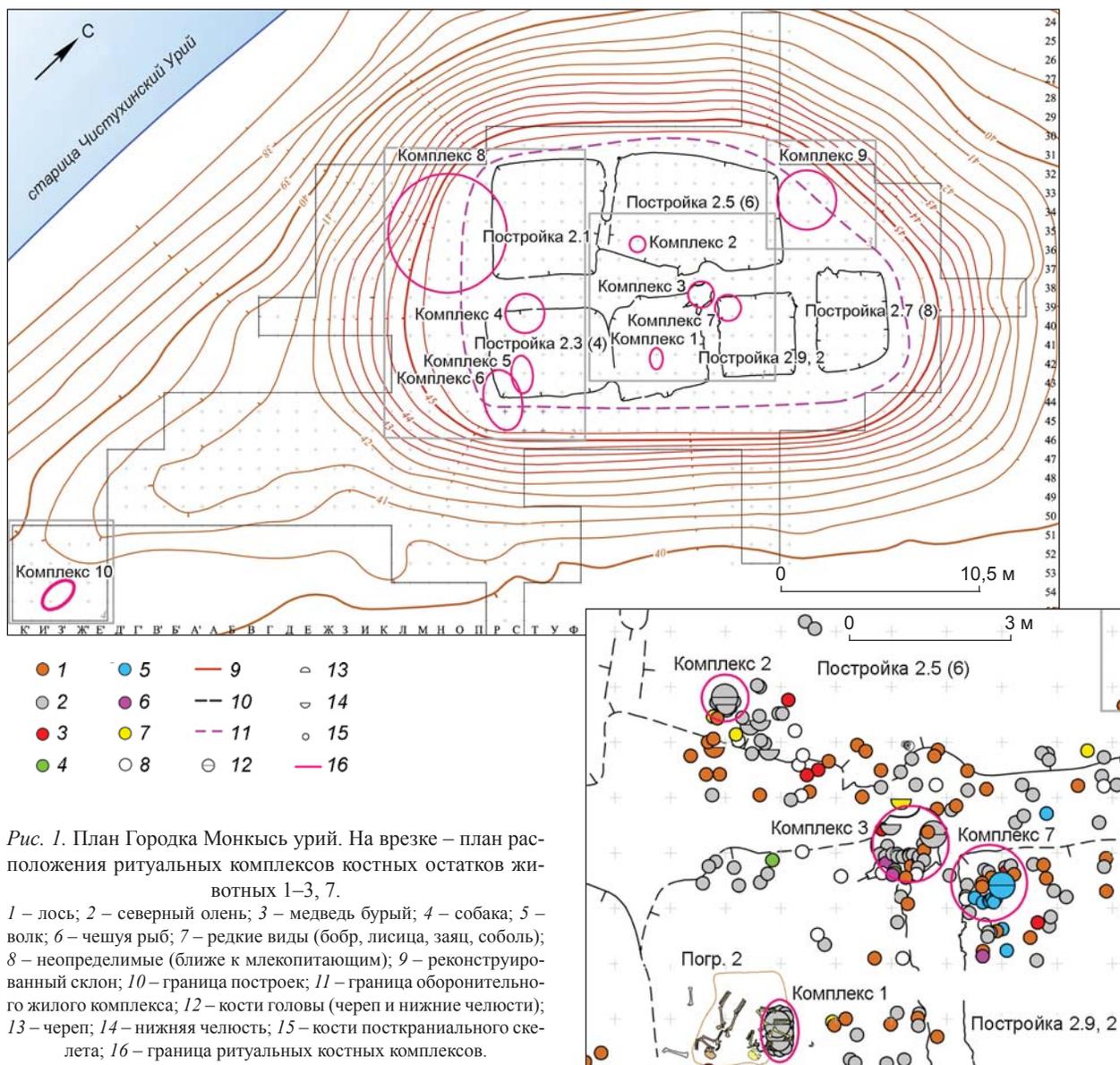

Рис. 1. План Городка Монкысы урий. На врезке – план расположения ритуальных комплексов костных остатков животных 1–3, 7.

1 – лось; 2 – северный олень; 3 – медведь бурый; 4 – собака; 5 – волк; 6 – чешуя рыб; 7 – редкие виды (бобр, лисица, заяц, соболь); 8 – неопределимые (ближе к млекопитающим); 9 – реконструированный склон; 10 – граница построек; 11 – граница оборонительного жилого комплекса; 12 – кости головы (череп и нижние челюсти); 13 – череп; 14 – нижняя челюсть; 15 – кости посткраниального скелета; 16 – граница ритуальных костных комплексов.

familiaris (81 ед.) и, вероятно, домашним северным оленем. Особенностью коллекции можно считать отсутствие костей лошади *Equus caballus*; костные остатки этого вида довольно многочисленны на археологических памятниках таежной зоны Западной Сибири [Косинцев, Морозов, Терехова, 1988, с. 62]. Возможно, это связано с функциональной спецификой комплекса. Преобладающая часть пушных видов представлена исключительно (лисица, соболь, россомаха) или в большей мере (заяц, бобр) нижними челюстями, в некоторых из них были отверстия для привешивания на одежду. Среди остеологических материалов северного оленя, лося и медведя имеются элементы всех частей скелета. Практически все кости копытных сильно раздроблены. Кости медведя преимущественно целые, разбиты лишь некоторые трубчатые кости

верхних отделов конечностей. Все кости собак, найденные на памятнике, при попадании в слой были целыми и, как правило, составляли фрагменты скелетов.

С учетом расположения остеологических остатков животных нами было выделено десять костных комплексов (рис. 1), на наш взгляд, связанных с ритуальной деятельностью. Эти комплексы можно разделить на две группы. Первая включает скопления костей, иногда относящиеся к захоронениям целых (или фрагментов) тел животных, находившиеся в ямах или в углах жилых построек. Вторую группу образуют целые посткраниальные скелеты или их фрагменты, а также кости головы (череп и нижние челюсти) хищных и копытных животных, которые связаны, как правило, с человеческим захоронением, в редких случаях – с материальными остатками ритуалов, посвященных погибшим людям.

Рассмотрим семь комплексов остатков костей животных и связанных с ними артефактов, появившихся в процессе деятельности жителей городка, при его строительстве и функционировании.

Комплекс 1 зафиксирован в северо-восточной части постройки 2.3 (4) в яме VII (рис. 1). Он был открыт и описан В.И. Семеновым в 1990 г. Яма размерами 89 × 46 см находилась ниже пола постройки, что позволяет предполагать ее создание до возведения жилого строения. В центре ямы лежал фрагмент рога, под ним – фрагменты черепа и кости трех особей северного оленя. Среди костей были обнаружены проколка, восемь лапчатых подвесок и две серебряные подвески-шишки [Семенова, 2005, с. 24]. Все трубчатые кости, часть фаланг и значительная часть позвонков расколоты, следовательно, животные были съедены. Кости трех особей оказались смешанными, что свидетельствует о синхронном захоронении, судя по возрасту молодой особи, в конце лета – начале осени [Косинцев, 2005, с. 158]. Плотность залегания костей и отсутствие между ними каких-либо следов деревянной или берестяной обкладки позволяют предположить, что останки животных были закопаны в оленьей шкуре [Семенова, 2005, с. 87].

Комплекс 2 зафиксирован в южном углу постройки 2.5 (6) в яме VIII (рис. 1). Он описан В.И. Семеновым в 1990 г. Яма размерами 57 × 50 см была почти квадратной формы. По ее краям располагались измельченные кости северных оленей (21 ед.), единичные кости лося и бобра. В юго-западной части ямы лежала верхняя часть черепа северного оленя с небольшими рожками, рядом – фрагмент верхней челюсти. На самом дне ямы отмечены следы деревянного настила, угольки и куски обожженной глины [Там же, с. 28]. Согласно определениям зоологов, части скелетов северного оленя из ямы VIII принадлежали двум особям моложе 3 и старше 5 лет, которые были умерщвлены и разделаны в конце осени – начале зимы [Косинцев, 2005, с. 158–159].

Комплекс 3 зафиксирован под северным углом постройки 2.3 (4) в яме XIX (рис. 1). Он исследовался в 2012 г. Яма размерами не более 1,5 × 1,5 м имела аморфные очертания, что, на наш взгляд, является следствием разрушений, связанных со строительством городища. В яме находились 39 костей животных нескольких видов, в основном северного оленя (30 ед.). Вероятнее всего, яма относилась к периоду существования на холме юрта Монкысь урий.

Комплекс 4 зафиксирован около западной стены постройки 2.3 (4) (рис. 2). Он выделен по коллекцион-

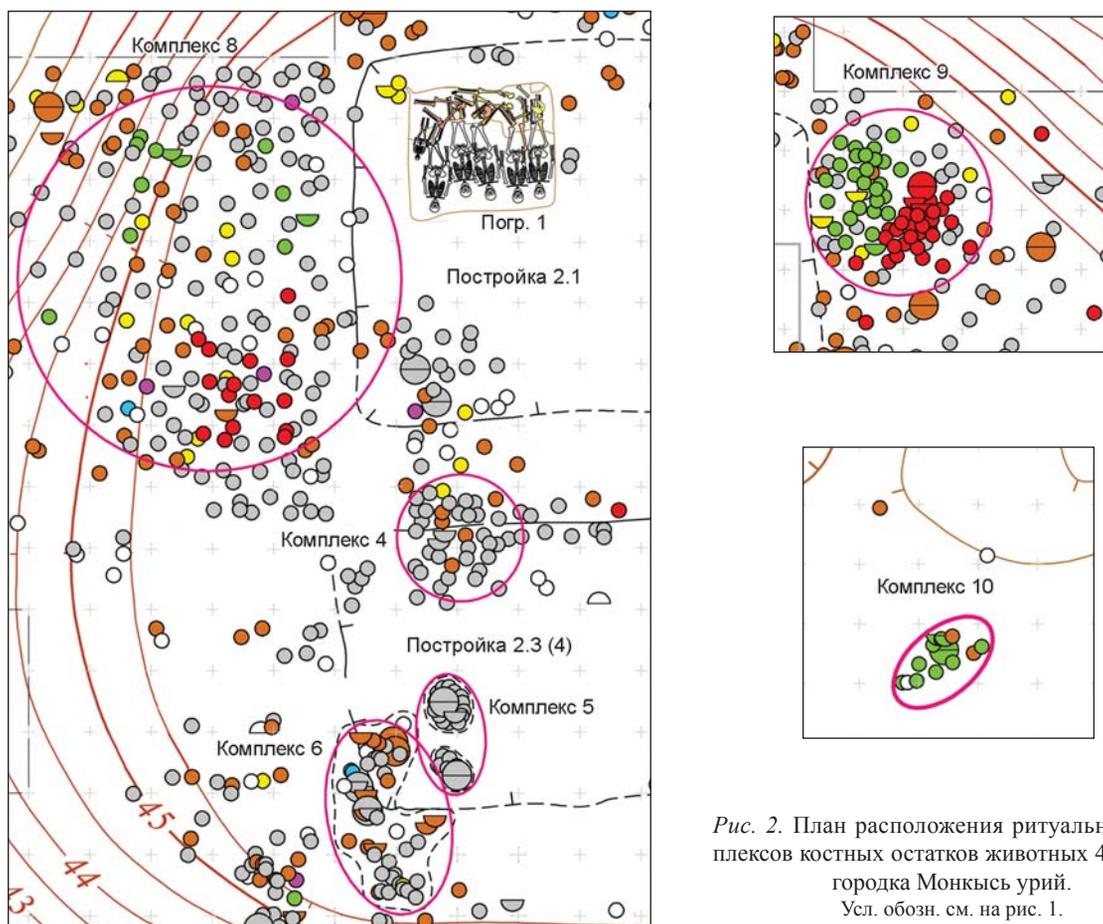

Рис. 2. План расположения ритуальных комплексов костных остатков животных 4–6, 8–10 городка Монкысь урий. Усл. обозн. см. на рис. 1.

ной описи 1990 г. и исследован в 2011 г. Ям или углублений, связанных с этим комплексом, не прослежено. На небольшой (ок. 4 м²) площадке были сосредоточены ок. 50 костей северного оленя не менее чем двух особей и шесть костей лося.

Комплекс 5, состоящий из двух локальных скоплений, зафиксирован в южном углу постройки 2.3 (4) (рис. 2). Он исследован В.И. Семеновой в 1990 г., но выделен нами на основании анализа ее коллекционной описи. Уровень нахождения находок позволяет предположить, что кости животных залежали в двух ямах, располагавшихся ниже уровня пола постройки. Скопления включали части скелетов трех особей северного оленя (кости головы, ног, осевого скелета, 57 ед.) разного возраста. В состав комплекса входили фрагменты как минимум двух черепов, один из них с пеньками рогов. Вполне вероятно, что ямы были единым целым.

Комплекс 6 зафиксирован в южном углу оборонительно-жилого сооружения, под южным углом постройки 2.3 (4), ниже уровня ее пола (рис. 2). Скопление костей (38 ед.) размерами не более 3,5 × 1,5 м имело аморфную форму. Возможно, изначально оно было больше, но в процессе разрушения культурного слоя часть костей (73 ед.) переместилась по склону ниже. Ям или углублений, связанных с данным скоплением, не прослежено. Центральную часть комплекса маркировал слой с участками прокаленной почвы, насыщенными углем и костями животных. Большая часть находок – фрагменты черепов и нижние челюсти лося (40 ед.), среди которых встречаются парные, а также кости всех частей тела северного оленя (52 ед.). Некоторые кости обожжены. Часть комплекса 6 была раскопана еще в 1990 г. Не исключено, что комплекс 6 включал комплекс 5, который состоит из костей северного оленя.

Необходимо отметить, что в составе комплекса были 6 русских монет XVI в. и свинцовые пули. Наличие монет, очевидно, связано с формированием культового комплекса. Пули попали в комплекс, возможно, при обстреле городка во время его штурма.

Комплекс 7 зафиксирован в западном углу постройки 2.9.2 (см. рис. 1). Здесь было расчищено 13 костей взрослого волка. Сохранились целый череп, левая нижняя челюсть со сбитым наполовину клыком, все позвонки шейного отдела, кроме первого, и пять следующих за ними грудных позвонков. Кости головы залежали в яме ниже уровня пола постройки, а шейные позвонки – в культурном слое выше. В стволе седьмого шейного позвонка сохранился фрагмент вставленной внутрь ветки дерева. Позвонки грудного отдела располагались отдельно – в развале чувала постройки. Вероятно, часть позвоночного столба и голова волка были насажены на ветку дерева и хранились (коптились?) около чувала. Кости головы зверя ока-

зались ниже других остатков, возможно, при перестройке очага. Сейчас сложно объяснить назначение этого костного комплекса. В этнографической и археологической литературе мы не встречали описания подобных культовых предметов. Можно утверждать, что он относится ко времени функционирования городка Монккысь урий.

Семь первых описанных комплексов, на наш взгляд, являются прямыми свидетельствами ритуальной деятельности людей в период строительства и функционирования городка Монккысь урий. Мы не будем анализировать каждый из них в отдельности, поскольку считаем, что все комплексы, возможно, за исключением двух последних, создавались с одной целью и имели религиозную основу. Комплексы 1 и 2 (ямы VII и VIII, раскопки 1990 г.) В.И. Семенова, принимая во внимание сведения К.Ф. Карьялайнена, однозначно определила как культовые [2005, с. 86–88]. С точки зрения традиционной культуры разных народов культовые (жертвенные) комплексы, размещенные на земле или в земле, предназначались для божеств «нижнего мира». В религиозной традиции юганских хантов известны два божества, особо значимые в «подземных» делах. Первый – это Хынь-ики или Мых-ики – «Земляной (подземный) мужик» – злое божество «нижнего мира», олицетворяющее силы смерти и влияющее, как и небесные боги, на жизнь людей «среднего мира». В «нижнем мире» ему противостоит доброе женское божество Мых-анки или Мых-ими – «Мать-земля» (досл.: «земляная женщина»), которая не является женой Хынь-ики. По отношению к Мых-анки ритуалы совершают с определенной периодичностью, помимо предметов, ей посвящают самку оленя. Во время обряда с земли снимают дерн, укладывают шкуру с головой и рогами, в которую помещают кости оленя, и закрывают ее дерном так, чтобы рога и нос животного торчали из земли. Мых-анки приносят жертву по случаю рождения детей или смерти кого-либо из родных. Такой ритуал должен выполнить также мужчина, когда становится взрослым (ики). Считается, что жертвоприношение Мых-анки должны делать семьи [Визгалов, Кардаш, 2010, с. 110].

К.Ф. Карьялайнен упоминает также о жертвах духу почвы жилого места. Во время этого ритуала кости заворачивали в шкуру и погребали в жилище под нарами у задней стены, около дома или рядом с поселением. Общепринятой жертвой считался олень, а традиционным временем проведения ритуала – конец лета – начало зимы [Карьялайнен, 1995, т. II, с. 98; 1996, т. III, с. 64–66]. В целом такие ритуалы совершались по случаю перехода людей из одного состояния в другое для защиты от злого божества «нижнего мира», способного навредить живым людям. Предваряя дальнейший анализ, отметим,

что строительство и заселение нового дома можно охарактеризовать как изменение не просто условий проживания, а жизненного состояния, т.е. как переход из одного состояния в другое, причем в то время, когда человек наиболее уязвим и для естественных сил, и для мифологических.

С учетом приведенных этнографических сведений и материалов раскопок можно уточнить хронологию ритуальных комплексов 1–7. Комплексы 2 и 3 из ям VIII и XIX соответственно, а также комплекс 4 (не связан с ямой или углублением), содержащие помимо останков северного оленя небольшую примесь костей животных других видов, скорее всего, относятся к периоду начального заселения останца, когда на его вершине было построено три жилища юрта Монкысь урий. Вполне вероятно, для новых поселенцев было важно отдать дань уважения подземным божествам и попросить у них защиты. Не исключено, что указанные комплексы ориентированы на поклонение Мых-анки – «Матери-земле». При последующей перестройке жилищ эти ранние комплексы были повреждены. Поэтому их информативная ценность не столь велика, как остальных комплексов.

Наиболее ярким является комплекс 1, относящийся к яме VII. Он выделяется наличием украшений, свидетельствующих, вероятно, о высоком статусе жертвователей. Кроме того, найденный в комплексе костяной наконечник мог воплощать некую защитную функцию. Судя по расположению ямы, ритуал проводился внутри недавно построенного и функционировавшего жилища и вряд ли был направлен исключительно на защиту дома. Поскольку яма неглубокая и кости, вероятно, были завернуты в шкуру, данный комплекс можно связывать с ритуалом жертвоприношения, посвященного Мых-анки, который проводился, возможно, по случаю рождения ребенка. Немногочисленность таких комплексов позволяет полагать, что ритуал совершался в связи с появлением на свет не каждого младенца. Вероятно, мы имеем дело со следами жертвоприношений по случаю рождения прямых наследников глав родов или общинных вождей.

Что касается комплекса 6, то, по всей видимости, именно он являлся результатом жертвоприношения божествам по случаю завершения строительства фундамента дома – отсыпки строительной площадки перед возведением всего оборонительно-жилого комплекса. Его особенностью является наличие серебряных монет, которые именно с этого времени на севере Западной Сибири становятся атрибутом жертвоприношения на общинных святилищах. Монеты позволяют определить не только значение ритуального комплекса, но и время его формирования: рубеж XVI–XVII вв., точнее – не ранее 1596 г. Комплекс был обращен явно ко всем богам. Однако с учетом того, что это было своеобразное «захоронение» остатков

ритуального действия, костей животных и монет (двух видов), можно предположить, что комплекс был ориентирован в основном на божества «нижнего мира» – Хынь-ики и Мых-анки. Само местоположение этого ритуального комплекса также неслучайно и является знаковым: это южный угол (южная часть) оборонительно-жилого комплекса. Именно к южному углу оборонительно-жилого комплекса Надымского городка примыкала площадка с кострищем, вокруг которого совершались коллективные общинные ритуалы жертвоприношения, здесь участники действия оставляли кости и черепа жертвенных животных [Кардаш, 2013, с. 59–62].

На территории городка обнаружены также комплексы костей, напрямую не связанные с жилищами. Три из них, относящиеся к погр. 1 и 3, на наш взгляд, являются остатками поминальных ритуалов.

Комплекс 8 зафиксирован в юго-западной части оборонительно-жилого комплекса, в 2–5 м к югу от погр. 1 (см. рис. 2). Скопление содержало кости собак (37 ед., как минимум двух особей) и буроого медведя (25 ед., фрагменты диафизов бедренной, большеберцовой и верхнего конца локтевой кости, кости левой и правой передних лап взрослой особи, а также шейные и грудные позвонки). К этому же скоплению, по нашему мнению, относятся череп и нижние челюсти медведя, находившиеся в заполнении погребения [Косинцев, 2005, с. 159]. Все кости залежали в верхней части культурного слоя на участке наружной оборонительной стены. Нахождение в данном месте большого количества костей в период функционирования городка было бы невозможно. Их относительно рассредоточенное расположение мы связываем с оползанием грунта, обусловленного, возможно, расширением корневой системы растущих здесь деревьев. Кости животных были сгруппированы на почти горизонтальной площадке близ захоронения. Рядом с этим местом – на склоне холма – найдены череп лося и два черепа северного оленя.

Комплекс 9 зафиксирован в северо-восточной части оборонительно-жилого комплекса в верхней части культурного слоя, к северо-востоку от погр. 3 (см. рис. 2). Скопление составляют целый череп и две нижние челюсти буроого медведя, лежавшие на левой лопатке. Мозговой отдел черепа пробит справа, нижние клыки наполовину сбиты. Рядом находились 14 костей передних и задних конечностей медведя, принадлежавшие как минимум трем особям. Там же обнаружены часть скелета собаки, а также отдельные кости как минимум еще двух особей собак (всего 37 ед.). Место расположения этих находок практически полностью совпадает с местом нахождения комплекса 8 около погр. 1. Это участок наружной оборонительной стены и относительно горизонтальная площадка близ захоронения. Костные материалы комплекса 9 почти

не подверглись вторичному перемещению, поэтому некоторые кости собаки лежали в анатомическом порядке. Нахождение в этом же скоплении и вокруг него костей черепа и ног лося, а также северного оленя трудно связывать с поминальным обрядом, хотя кости, рассыпанные по склону, ранее, возможно, располагались рядом с погребением.

Комплекс 10 зафиксирован к югу от оборонительно-жилого сооружения, у подножия холма (см. рис. 2), на территории производственно-хозяйственного назначения. Скопление состояло из костей собаки (11 ед. одной особи). Они залегали в верхней части культурного слоя к югу от очага. Рядом обнаружено несколько медных наконечников стрел – часть ритуально-поминального комплекса, который относился к захоронениям защитников городка. Кости собаки расположены в стороне от погребений, но их связь с поминальными комплексами более чем возможна, поскольку собака – животное, значимое в хозяйстве, быту и имевшее особый статус в культовой практике жителей городка, кроме того, рядом имелись артефакты.

Необходимо отметить, что только в комплексе 10 в составе скелетных остатков собаки имеется фрагмент черепа; нигде более на территории городка черепов собак не обнаружено. В остальных комплексах в относительно большом количестве представлены целые нижние челюсти, в т.ч. парные.

Останки медведя и собаки, причем в явном парном сочетании, находились рядом с захоронениями защитников городка. Плечевая кость медведя найдена и рядом с погребенными в постройке 2.3 (4) женщинами, а отдельные кости собаки – у стены этого сооружения.

Попытаемся понять, как могли сочетаться в религиозно-обрядовой сфере медведь и собака, образующие особый культовый тандем. На Бол. Югане главным божеством, покровителем реки и ее жителей считается третий сын верховного божества Нуми-Торума, именуемый Ягун-ики. Его воплощением является медведь [Визгалов, Кардаш, 2010, с. 104–111]. Наличие рядом с погребениями костных остатков медведя – земного представителя Ягун-ики, сына верховного небесного божества, по нашему мнению, маркирует социальный статус погребенных. Этого же мнения придерживается и В.И. Семенова. Она ссылается на К.Ф. Карьялайнена, который приводит данные об убийстве медведя по случаю погребения и сообщает, что зубы, черепа, кости животных кладут в могилу шаманов как атрибуты зверей-помощников [1994, т. I, с. 82, 96; Семенова, 2005, с. 88].

Имеется еще одно этнографическое свидетельство использования коренными жителями р. Бол. Юган частей скелета медведя в ритуальных и даже магических целях. По их представлениям, голова и шкура медведя, представленные в сакральной позе – голова с поднятыми лапами, защищают души живых людей

от мертвых родственников или «маячек» (местный вариант образа умершего), способных унести душу живого человека в «нижний мир» [Кулемзин, 1984, с. 130, 131]. Кости медведей на рассматриваемом памятнике были найдены как рядом с могильными ямами, так и в самих захоронениях, которые, по религиозным представлениям аборигенов Сибири, являлись новыми домами умерших. В соответствии с этими воззрениями останки медведя у каждой могилы, возможно, выполняли охранительную функцию.

Аборигенное население проводило траурные церемонии, чтобы не только защитить живых от умерших, но и угодить мертвым родственникам, вероятно, рассчитывая на их «помощь» в ином мире [Карьялайнен, 1994, т. I, с. 128–129]. У южных групп обских остяков существовало представление о том, что душа человека, погибшего неестественной смертью (убитого людьми или дикими животными), попадает в космологический верх, а умершего естественной смертью – уходит вниз – в «нижний мир». «Кто умер насильственной смертью или в схватке с медведями, тот сразу попадает на небо, а кто в кровати или другой обычной смертью, тот должен долго служить строгому богу под землей...» [Там же, с. 142]. Не в этих ли представлениях кроется объяснение значения обнаруженных нами останков медведей? Возможно, кости медведей – это остатки жертвоприношений, сделанных для защиты живых от мертвых и для создания максимальных условий для вознесения погибших родственников в «верхний мир» – к небесному божеству. Здесь проявляется сущность медведя как посредника (привратника, охраняющего проход) между «средним» и «нижним» мирами [Шмидт, 1989, с. 15, 18]. Следует отметить, что предлагаемый нами вариант трактовки – лишь одно из возможных объяснений.

Какова же роль собаки в этом тандеме? Собака у коренных сибирских народов имела особый культовый статус, который был связан с ее предполагаемой посреднической функцией сопровождения умерших в иной – «нижний» – мир. У самодийских народов Ниж. Приобья жертвоприношение собаки являлось ординарным событием. В угорской среде, наоборот: у большинства групп живущих здесь хантов существовал запрет на убийство собаки [Перевалова, 2004, с. 289]. Исключение составляли северные ханты: у них наблюдались обе традиции. У одних родов были божества-покровители в образе собаки и их святилища, а также специальные святилища для принесения искупительной жертвы в случае нечаянного или преднамеренного убийства собак. У других родов практиковались жертвоприношения собаки [Там же]. Редким исключением в среде обских угров Среднего Приобья – в плане культового отношения к собаке – являются именно юганские ханты. До недавнего времени у них повсеместно существовал обычай убивать

собаку умершего охотника и оставлять ее на могиле хозяина; такой же обряд бытовал и на Казыме [Кулемзин, 1984, с. 142]. Вполне вероятно, что установленное этнографами различное отношение к собаке самодийских и угорских народов является поздним или локальным явлением. При этом отношение к медведю как «божественному существу» было как у ненцев, так и у хантов. Тем не менее охоту на бурого медведя, особенно в ритуальных целях, практиковали только ханты или ненцы хантыйского происхождения [Головнев, 1995, с. 461].

С учетом всей этой информации можно предположить, что собаки, останки которых обнаружены около погр. 1 и 3, принадлежали жителям городка, захороненным в данных могилах. Вместе с тем совместное расположение костей медведя и, вероятно, полных скелетов собаки позволяет полагать, что собака считалась неким спутником медведя, сопровождавшим его в иной мир.

В свете этой гипотезы не до конца ясно, почему захоронение собаки (комплекс 10) находится рядом с очагом. Поминальный очаг у хантов – атрибут траурной церемонии, он имеется на каждом кладбище. Вполне возможно, что совершались отдельные жертвоприношения собак (помимо тех, которые принадлежали погибшим). В любом случае мы интерпретируем комплекс 10 как поминальный, связанный с траурными церемониями. Следует отметить, что зафиксированный нами факт жертвоприношения собак позволяет говорить о связи населения городка с самодийской культурной традицией, возможно, в основе не ненецкой, а селькупской.

Завершая описание свидетельств поминального обряда, рассмотрим сакральную функцию северного оленя в культуре аборигенов таежного Приобья. Согласно этнографическим данным, у юганских хантов обряд жертвования северного оленя был непременной составляющей траурной церемонии [Карьялайнен, 1994, т. I, с. 114–115; Кулемзин, 1984, с. 142–143]. У большинства обских угров олень считался одним из важнейших «подарков» умершему родственнику: в потустороннем мире ему предстояло быть едовым животным для покойного владельца. На могиле умерщвляли оленей, на которых при жизни ездил сам покойный. Во время обряда туши оленей либо оставляли целиком на могиле, либо поедали во время церемониальной трапезы, в которой «участвовал» и дух покойного. После этого кости могли закопать, собрать в шкуру и оставить на земле либо повесить на дерево [Кулемзин, 1984, с. 142–143]. Рядом с могилкой оставляли нарту и упряжь. Наличие транспортного оленеводства у жителей городка подтверждено археологически. По археологическим материалам реконструируется использование упряжки из двух оленей. Пары черепов северного оленя обнаружены

в 3 м к югу от комплекса 1 (погр. 1), на склоне, куда останки могли скатиться, а также в 3,5–4,5 м к северо-западу от комплекса 2 (погр. 3). По-видимому, это неслучайно: значительная часть костей северного оленя, находившихся около комплексов 8 и 9, принадлежала жертвенным животным, убитым во время совершения поминальной церемонии у могил. Судя по «дисперсному» распространению остеологических материалов, вероятнее всего, кости были оставлены на поверхности, завернутыми в оленью шкуру. Впоследствии под действием естественных факторов шкура истлела, кости были «расташены» вокруг могил и по склону холма.

Представленные интерпретации во многом гипотетичны. Тем не менее следует отметить большую значимость анализа костных остатков для воссоздания отдельных элементов мировоззрения древнего населения Большого Югана.

Заключение

На основании анализа было установлено, что часть костных остатков образует скопления, которые соотносятся с пространственной структурой поселения – сооружениями или захоронениями. Можно выделить как минимум семь костных комплексов, локализованных во внутреннем пространстве жилищ. Они, вероятно, отражают ритуалы, связанные с функционированием городка, домостроительной и хозяйственной деятельностью, семейными традициями. Еще три комплекса находятся за пределами жилищ по склону и являются свидетельствами погребальной и поминальной обрядности.

Некоторые костные скопления, включающие артефакты, мы считаем возможным соотнести с ритуальными археологическими комплексами. Концентрирующиеся около погребений костяные и медные наконечники стрел являются артефактами, которые ассоциируются с поминальной обрядностью. Поэтому наличие медных наконечников около захоронения собаки, расположенного у подножия холма и непосредственно не связанного с могилами, позволяет считать это погребение свидетельством поминальных ритуалов. Таким же «маркером» служат украшения, обнаруженные в яме VII. Возможно, подобные артефакты могли быть и в других костных скоплениях, но сейчас трудно определить, были они утеряны в период функционирования городка или в более позднее время. В этом случае интерпретировать скопление костей северного оленя или медведя можно с привлечением этнографических и фольклорных источников. Такой анализ позволяет объективно идентифицировать костные остатки и соответственно реконструировать бытовую и ритуальную деятельность коллективов из-

учаемого поселения. На основе разработанных реконструкций возможно воссоздание мифологической картины мира и культурных традиций населения.

Описанные ритуальные костные комплексы соответствуют культуре юганских хантов, которая была зафиксирована этнографами в XIX–XX вв. Это позволяет провести параллели между населением XX и XVI–XVII вв. и достоверно обосновать этническую принадлежность жителей городка, что, в свою очередь, может стать основой для ретроспекции и идентификации населения, жившего на этой территории в более ранние периоды.

Список литературы

- Визгалов Г.П., Кардаш О.В.** Святылище Ай-орт-ики на реке Малый Салым: Историко-этнологическое исследование. – Нефтеюганск: Северная археология; Екатеринбург: АМБ, 2010. – 216 с.
- Головнев А.В.** Говорящие культуры: Традиции самодийцев и угров. – Екатеринбург: УрО РАН, 1995. – 606 с.
- Кардаш О.В.** Надымский городок князей Большой Карачи (Обдорские городки в конце XVI – первой трети XVIII в.: История и материальная культура). – Екатеринбург; Салехард: Магеллан, 2013. – 360 с.
- Карьялайнен К.Ф.** Религия югорских народов / пер. с нем. Н.В. Лукиной. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1994. – Т. I. – 152 с.; Т. II. – 1995. – 284 с.; Т. III. – 1996. – 247 с.
- Косинцев П.А.** Костные остатки из средневековых святылищ Западной Сибири // Мировоззрение народов Западной Сибири по археологическим и этнографическим данным. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1985. – С. 76–78.
- Косинцев П.А.** Этноархеологический памятник «Частухинский Урий» // Археологические микрорайоны Западной Сибири: мат-лы Всерос. семинара «Интеграция археологических и этнографических исследований». – Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 1994. – Ч. 2. – С. 117–123.
- Косинцев П.А.** Костные остатки из памятника Частухинский Урий // Семенова В.И. Поселение и могильник Частухинский Урий. – Новосибирск: Наука, 2005. – Прил. 3. – С. 157–160.
- Косинцев П.А., Морозов В.М., Терехова Л.М.** Млекопитающие в системе природопользования средневекового населения Западной Сибири // Современное состояние и история животного мира Западно-Сибирской низменности. – Свердловск: Изд-во УрО АН СССР, 1988. – С. 52–64.
- Кулемзин В.М.** Человек и природа в верованиях хантов. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1984. – 192 с.
- Лобанова Т.В., Косинцев П.А.** Археозоологическое исследование костных останков животных из раскопок городка Монкысь урий (городища Частухинский урий). 1990, 2011–2013 годы // Кардаш О.В., Визгалов Г.П. Городок Монкысь урий: к истории населения Большого Югана в XVI–XVII веках (по результатам комплексного археологического исследования): в 2 т. – Екатеринбург: Караван, 2015. – Т. II: Источники и специальные исследования. – Прил. 4.2. – С. 137–164.
- Первалова Е.В.** Северные ханты: этническая история. – Екатеринбург: Ин-т истории и археологии УрО РАН, 2004. – 414 с.
- Семенова В.И.** Поселение и могильник Частухинский Урий. – Новосибирск: Наука, 2005. – 164 с.
- Шмидт Е.А.** Традиционное мировоззрение северных обских угров по материалам культа медведя: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Л., 1989. – 18 с.

*Материал поступил в редколлегию 01.07.16 г.,
в окончательном варианте – 25.04.17 г.*

Ю.Е. Березкин

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
Университетская наб., 3, Санкт-Петербург, 199034, Россия
E-mail: berezkin1@gmail.com

Отражение картины мира в традиционных нарративах: реконструкция глобальных тенденций распространения и хронологической последовательности появления мотивов мифологии

Для реконструкции последовательности появления представлений о мире и человеке проанализировано ареальное распределение мотивов, выделенных из традиционных нарративов (примерно 25 тыс. текстов). Статистическая обработка позволила выявить комплексы мотивов, соответствующие путям древнейших миграций. Оценки базируются на результатах сопоставления комплексов одинаковых мотивов в Старом и Новом Свете. Используемая методика открыла возможность впервые проследить эпохальную динамику развития мифологии на основе анализа данных. Наиболее древний комплекс, отражающий южный путь расселения человека из Африки, связан с объяснением происхождения смерти. Мотивы этой группы хорошо представлены в Африке к югу от Сахары, в Южной Евразии, Океании и Америке (особенно в Южной), но редки на севере Евразии, в Американской Арктике и Субарктике. Мотивы, относящиеся к теме появления человека, его анатомии, отношений полов, характерны для циркумтихоокеанского мира. Эта тема стала развиваться у вышедших из Африки популяций после освоения Юго-Восточной Азии, но до начала заселения Нового Света. С учетом географии распространения мотивов, посвященных космогонии и этиологии природных явлений, можно предположить, что некоторые из них возникли на юге Евразии, были принесены в Сибирь и уже оттуда проникли в Америку. Представления, которые являлись основой интерпретации небесных объектов, развились позже всего. Эти мотивы обильны только в Северной Евразии, откуда многие были принесены в Северную, но не в Южную Америку.

Ключевые слова: эволюция представлений о мире, мифологические мотивы, древние миграции, выход из Африки, заселение Америки.

Y.E. Berezkin

Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera), Russian Academy of Sciences,
Universitetskaya nab. 3, St. Petersburg, 199034, Russia
E-mail: berezkin1@gmail.com

Manifestation of Worldviews in Traditional Narratives: Reconstruction of Global Tendencies in the Spread and the Chronology of Emergence of Mythological Motifs

Data on the areal distribution of motifs extracted from ca 25,000 traditional narratives were computed with the purpose of revealing a chronology of the emergence of particular mythological themes. The statistical processing of this material allowed selection of sets of motifs that probably correspond to the routes of major prehistoric migrations known thanks to archaeology and population genetics. Our conclusions are largely based on the comparison of similar sets of motifs in the Old and New Worlds, the time of the peopling of America and its particular episodes being more or less known (initial peopling by Pacific and then by continental Siberian groups). Thanks to the methods applied, the epochal dynamics of the development of mythology were for the first time reconstructed by using systematized data, and not by proceeding from general assumptions. The earliest complex, which is related to the explanation of the mortal nature of man and the loss of the easy life, corresponds to the southern route by which humans of the modern type moved from Africa to the Indo-Pacific borderlands of Asia. These motifs are abundant in sub-Saharan Africa, the

southern part of Eurasia, Oceania and America (especially South America), but rare in northern Eurasia and the American Arctic and Subarctic. Motifs relating to the origin of man, human anatomy, and relations between the sexes are most typical of the Circumpacific world. This theme probably first developed in Southeast Asia among the people who came from Africa, but before the time when their earliest groups reached America. The geographic distribution of motifs relating to cosmogony and cosmology, and to the etiology of natural phenomena, plants, and animals suggests that many of the corresponding motifs initially appeared in southern Eurasia, were then brought to Siberia, and from there brought to the New World (this movement could be explained by the gradual northward displacement of population after the Late Glacial Maximum). The ideas relating to the interpretation of celestial objects were the last to develop. Corresponding motifs are only abundant in Northern Eurasia, from where many of them were brought to North America but not to South America. Interpretations of celestial objects in European cosmonymy mostly date to the Bronze Age, if not to Iron Age technology, while some are related to the spread of world religions.

Keywords: Traditional worldviews, mythological motifs, prehistoric migrations, out-of-Africa, America's peopling.

Аналитический каталог фольклора и мифологии мира: устройство и цели создания

Благодаря успехам археологии и популяционной генетики наши знания о далеком прошлом стали много детальнее, чем четверть века назад. Однако существуют проблемы, которые эти дисциплины не могут решить. Одной из них является оценка времени распространения определенных тем, сюжетов и образов фольклора и мифологии. Суждения по этому поводу, высказывавшиеся в последние 200 лет, зависели от общих представлений исследователей о развитии человечества и не имели под собой конкретной доказательной базы. Изучение эпохальной стратиграфии представлений о мире и фольклорных сюжетов было одной из главных целей создания нами электронного каталога фольклора и мифологии мира.

В настоящее время каталог содержит более 50 тыс. резюме текстов (<http://www.ruthenia.ru/folklore/berezkin/>, обновление в конце каждого года). В цифровом виде эти данные обобщены в корреляционной таблице, включавшей на конец марта 2018 г. сведения о распространении 2 440 мотивов по 944 традициям. Статистическая обработка столь массового материала позволила выявить такие тенденции в фольклоре и мифологии мира, которые иным способом заметить и тем более проанализировать вряд ли возможно.

Основной аналитической единицей нашего каталога служит мотив. Мотивы делятся на две главные категории. Категория А включает эпизоды повествований, которые имеют отношение к космологии и этиологии, и образы, которые связаны с представлениями о мире (например: радуга как змея, Большая Медведица – семеро братьев, на луне виден кролик, и т.п.). Мотивы категории Б – это эпизоды повествований о приключениях и проделках. Некоторые из данных мотивов соответствуют сюжетам фольклорных указателей, созданных по системе ATU (Aarne–Thompson–Uther [Uther, 2004]), или их отдельным вариантам или фрагментам. Другие, особенно распространенные за пределами Европы, в имеющихся указателях аналогий не находят. В представленной работе будут учитываться только

мотивы категории А. Сильно упрощая картину, мы можем назвать их собственно мифологическими, а мотивы категории Б – «сказочными».

Раздельная статистическая обработка мотивов категорий А и Б выявила их разное ареальное распределение в Старом Свете*. Мотивы категории Б в основном отражают относительно недавние (последние тысячи лет) межэтнические контакты в обществах

*Эта обработка происходит следующим образом. В цифровом виде наша база данных является бинарной (состоящей из нулей и единиц) таблицей, в которой строки соответствуют этносам (традициям), а столбцы – мотивам. Таким образом, каждая традиция характеризуется набором из нулей и единиц, по которым различными способами можно определить степень сходства традиций друг с другом. Один из таких способов основан на принципах факторного анализа: признаки (в нашем случае – мотивы) представляются в виде сумм небольшого числа неких скрытых переменных (факторов). В результате обработки данных таблицы конкретной традиции соответствуют значения всего лишь нескольких факторов, т.е. происходит сокращение числа переменных. Один из вариантов факторного анализа использует в качестве факторов главные компоненты (ГК), которые формально следуют из другой задачи – найти линейную комбинацию признаков, для которой дисперсия максимальна. Количество таких максимумов совпадает с размерностью задачи. Наибольший из максимумов соответствует 1-й ГК, второй максимум – 2-й ГК и т.д. В нашем случае первые три-четыре компоненты обычно берут на себя ок. 20 % изменчивости данных. Этого достаточно, чтобы дифференцировать всю совокупность традиций по совокупности огромного числа мотивов. Остальные 80 % информации касаются множества разнородных тенденций, действующих на локальном уровне и актуальных лишь для небольшого числа традиций. В каждой ГК есть два полюса, противопоставляющих группы традиций, которые наиболее отличны друг от друга. Но если в материале прослеживается одна мощная тенденция, с которой остальные по значимости не сопоставимы, 1-я ГК выявляет по сути дела лишь один полюс, который представлен традициями с высокими абсолютными значениями индексов. Абсолютные значения традиций противоположного полюса невелики. Иногда (хотя и не обязательно) соответствующие традиции объединяются лишь благодаря отсутствию в них мотивов, характерных для противоположного полюса.

с высокой демографической плотностью, сложной социальной организацией и развитыми средствами коммуникации [Березкин, 2015; Berezkin, 2015a]. Мотивы категории А тоже могут преодолевать этноязыковые границы, но происходит это гораздо медленнее. Проникновение этих мотивов на новые территории происходит не столько в результате обмена информацией между людьми, сколько переселений самих носителей традиций. Для территорий Нового Света, Океании и Австралии с их более низкой демографической плотностью и менее сложной социоэкономической организацией, по сравнению с другими регионами, различия в распространении мотивов между двумя категориями не столь существенны.

Мировое распределение мифологических мотивов по темам

Накопление материала позволило перейти к новому этапу исследования – раздельной обработке отдельных тематических групп мотивов, входящих в категорию А. Из этой совокупности были выделены четыре группы, которые вместе характеризуют основное ядро мировой мифологии. Первую группу составляют мотивы, объясняющие и описывающие смертную природу людей, утрату легкой жизни и первоначального изобилия, вторую – происхождение человека и общества, особенности анатомии и социальной организации, отношения между полами, третью – происхождение мира в целом, стихий и природных явлений, растений и животных, четвертую – небесные объекты, т.е. солнце и луну, лунные пятна, звезды и созвездия. Мотивы четвертой группы представляют собой раздел третьей, но поскольку они многочисленны и легко выделяются среди прочих, мы обработали их отдельно.

Различия в ареальном распределении мотивов данных категорий оказались значительными. Открывшиеся закономерности позволяют не только выявить региональные различия между мифологиями, но и наметить эпохальную последовательность появления мифопоэтических представлений.

Начнем с мотива происхождения смерти. Это узкая тема, поэтому общее число учтенных в каталоге мотивов данной группы невелико – 33. Соответственно на картах, отражающих результаты статистического анализа, много лакун: традиции, в которых зафиксированы один-два мотива, имеют близкие к нулю значения ГК и на картах-схемах не показаны. Доли изменчивости, отражающие даже основные тенденции в распределении мотивов, также малы. Тем не менее полученная картина не хаотична, но свидетельствует о концентрации указанных мотивов на одних территориях и об их редкости на других (рис. 1, 2). Особенно важно, что «смертные» мотивы широко распростра-

нены в тропической Африке, где мотивы остальных тематических групп, относящихся к категории А, почти не представлены. Другая значимая особенность распределения состоит в том, что отдельные наборы «смертных» мотивов характерны для Северной и Южной Америки, Меланезии, Африки (к югу от Сахары), Центральной Азии, но не для Западной Европы, севера Сибири и севера Северной Америки. В этих районах тема происхождения смерти и трудной жизни представлена слабее, чем на других территориях*.

Обращают на себя внимание центрально-азиатские параллели «смертным» мотивам в Западной Африке (рис. 2). Это один из многих примеров недавнего проникновения в данный регион средиземноморского фольклора – вероятно, через арабов (см.: [Березкин, 2013, с. 57–71; Berezkin, Duvakin, 2016]).

Тема происхождения человека, отношений полов и т.п. в мировом масштабе представлена гораздо большим числом мотивов – 207. Однако в Центральной и Южной Африке подобных мотивов меньше, чем объясняющих происхождение смерти. Мотивы данной тематической группы более всего характерны для индо-тихоокеанской окраины Азии (неарийская Индия, Тайвань, Филиппины, северо-восток Сибири) и особенно для Меланезии и Америки (рис. 3). Многие меланезийские и американские повествования на указанную тему очень похожи [Березкин, 2002; Васильев и др., 2015, с. 355, 362–369]. Что касается Северной Африки и юго-западной части Евразии, то мотивы данной категории здесь имеются, однако в меньшем количестве, чем в Америке или Меланезии, а набор их менее разнообразен. Часть «сексуальных» мотивов в Африке и Евразии характерна не для мифологической прозы, а для волшебной сказки. Такие мотивы распространялись, скорее всего, не в глубокой древности, а недавно вместе со сказочным фольклором.

Мотивы, связанные с сюжетами о происхождении окружающего мира и его элементов, в нашей выборке наиболее многочисленны – 478 (рис. 4). Они слабо представлены в Африке, в частности, на этом континенте почти нет мотивов, объясняющих появление разных видов растений. Мотивы третьей группы

*Отметим, что речь идет о разнообразии мотивов, а не о значении основанных на них мифов в конкретных культурах. Например, число записей мифов о происхождении смерти у койсанских народов Южной Африки вполне сопоставимо с числом таковых у банту Восточной Африки. Однако у койсанов это практически единственный сюжет («ложная весть» с участием луны и зайчихи), тогда как у бантуязычных народов есть много различных мифов о происхождении смерти. Отмеченное для Южной Африки отчасти касается и Австралии, для которой характерен недостаток данных, поэтому на наших картах этот континент плохо представлен.

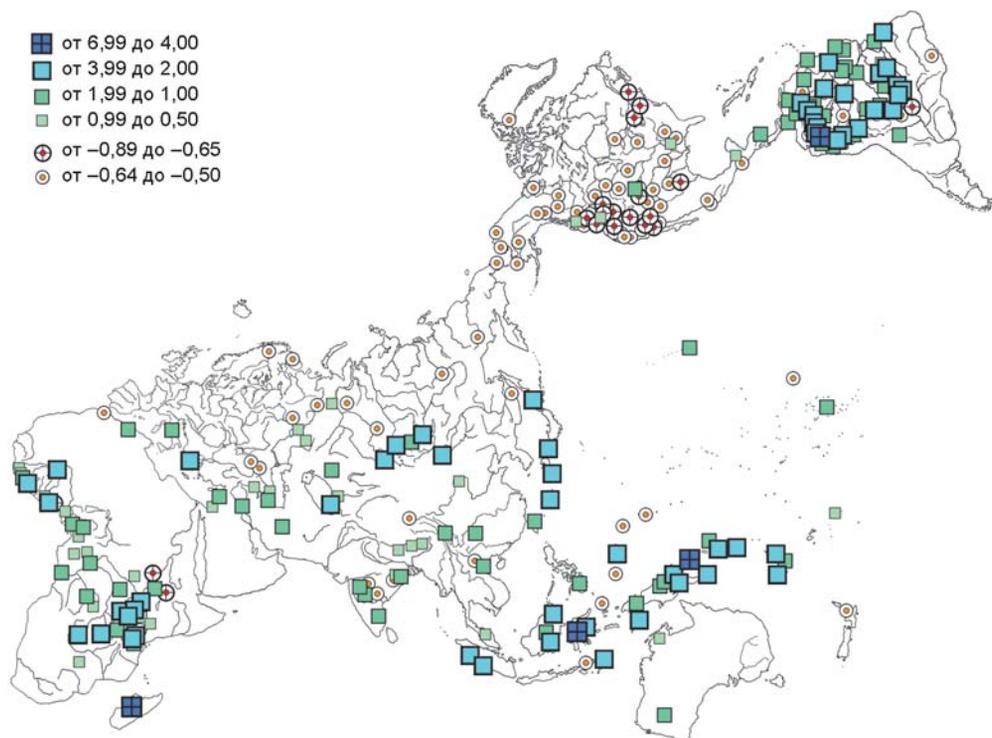

Рис. 1. Распределение 33 мотивов, объясняющих смертную природу людей, по 517 традициям. 1-я ГК. Доля дисперсии 2,57 %. Традиции с низкими абсолютными величинами математических индексов (от 0,49 до −0,49) не показаны.

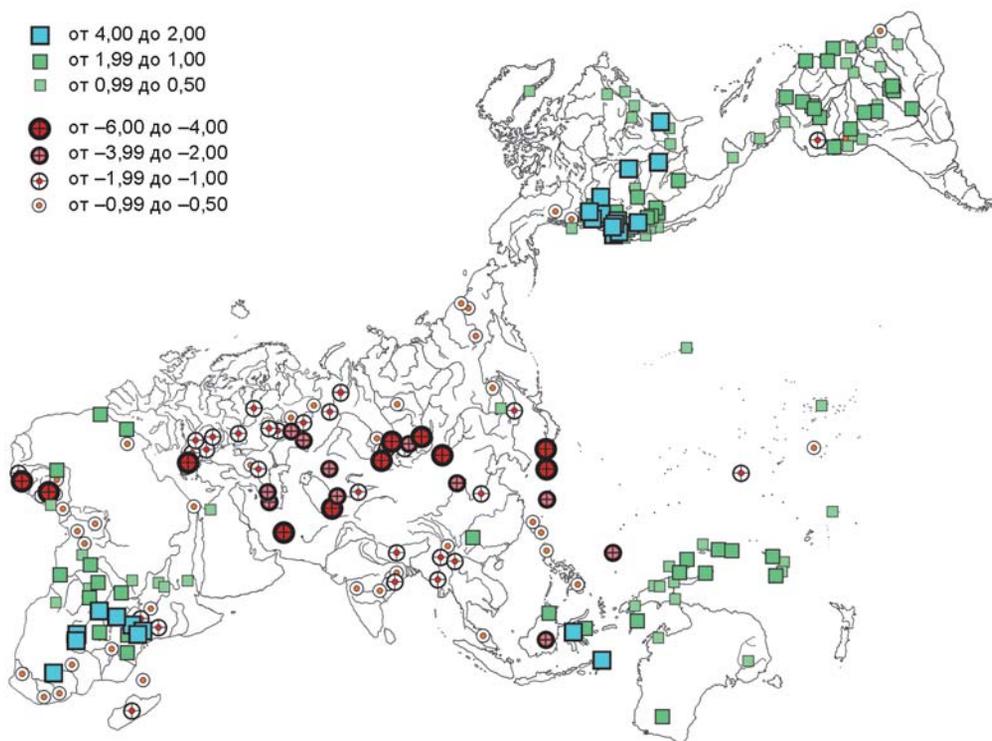

Рис. 2. Распределение 33 мотивов, объясняющих смертную природу людей, по 517 традициям. 2-я ГК. Доля дисперсии 2,21 %. Традиции с низкими абсолютными величинами математических индексов (от 0,49 до −0,49) не показаны.

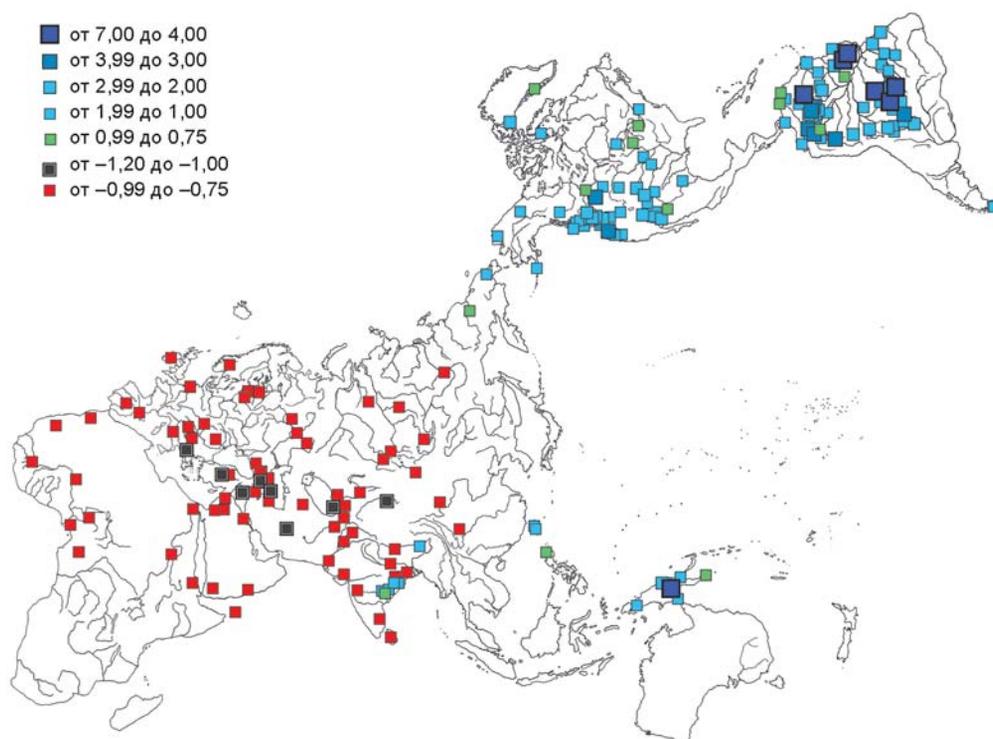

Рис. 3. Распределение 207 мотивов, отражающих представления о происхождении человека и общества, человеческой анатомии и отношениях полов, по 815 традициям. 1-я ГК. Доля дисперсии 9,16 %. Традиции с низкими абсолютными величинами математических индексов (от 0,99 до −0,74) не показаны.

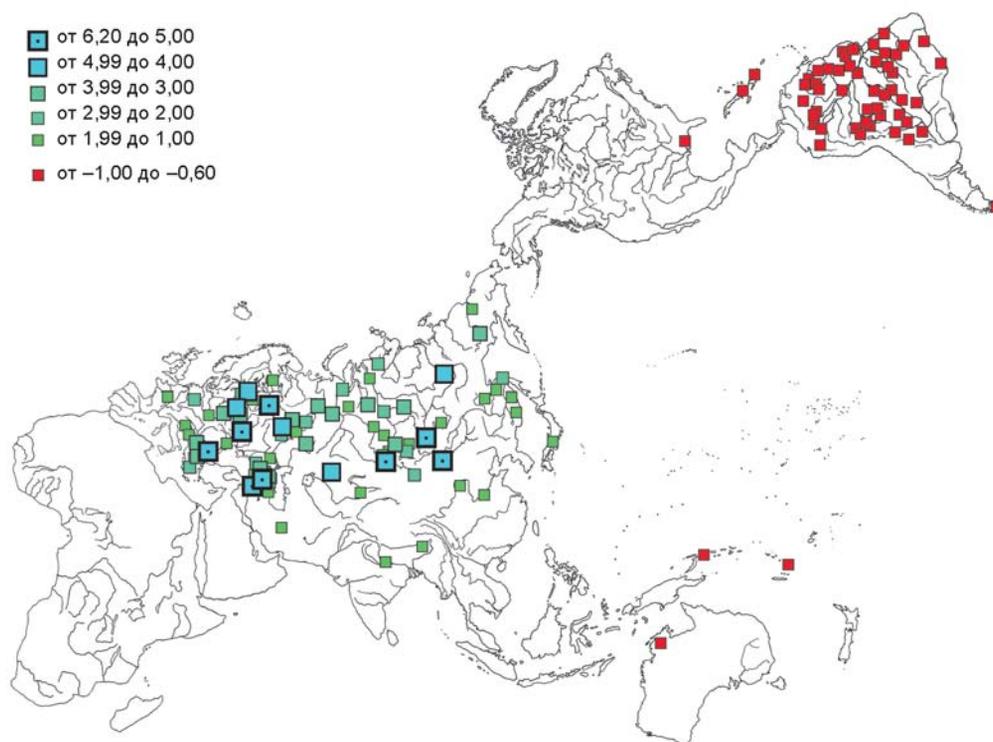

Рис. 4. Распределение 478 мотивов, связанных с представлениями о происхождении окружающего мира и его элементов, по 881 традиции. 1-я ГК. Доля дисперсии 5,28 %. Традиции с низкими абсолютными величинами математических индексов (от 0,99 до −0,59) не показаны.

наиболее разнообразны в континентальной Евразии и в несколько меньшей степени – Америке. Правда, на карте распределения мотивов Северная Америка почти пуста (рис. 4). Это объясняется не малочисленностью мифов о появлении земли, животных или растений у североамериканских индейцев, а тем, что здесь встречаются мотивы, характерные как для континентальной Евразии, так и для Южной Америки и Меланезии. Поскольку эти два полюса уравновешивают друг друга, 1-я ГК дает близкие к нулю математические индексы для отдельных традиций. Поэтому более показательны данные 2-й ГК, противопоставляющей Сибирь и Америку западным и юго-западным областям Евразии и Африке (рис. 5).

Распределение мотивов четвертой категории (их всего 200), связанной с интерпретацией небесных светил, напоминает таковое для второй группы, но в нем роль Европы более значительна, а роль Южной Америки – гораздо слабее (рис. 6, 7). В традициях населения экваториального пояса и Южного полушария данная группа мотивов мало представлена.

Интерпретация данных

Мировые тренды в распределении мотивов четырех описанных категорий выражены настолько ярко, что

случайный характер распределения исключен. Объяснить полученную картину можно в рамках функционального или исторического подхода. Выбирая первый, мы должны признать, что повышенный интерес к одним разделам мифологии и игнорирование других обусловлены зависимостью представлений от внешних факторов. Однако, судя по картам, ни с природными, ни с хозяйственными, ни с социополитическими обстоятельствами предпочтение одних разделов мифологии другим не коррелирует. Следовательно, исторический подход является основным, в рамках которого следует интерпретировать материал.

Мотивы, объясняющие смертную природу людей, – единственные в категории А, которые хорошо представлены в Африке на территории к югу от Сахары. Суть высказанной нами гипотезы, альтернатива которой пока не просматривается, состоит в том, что мифы о происхождении смерти появились самыми первыми – еще до того, как люди современного типа распространились по остальной ойкумене [Березкин, 2007а, 2013, с. 31–54; Березкин, Боринская, 2014; Васильев и др., 2015, с. 354–355]. Переселенцы из Африки принесли свою мифологию в Южную, Юго-Восточную и Восточную Азию, а оттуда много позже – в Америку. Набор «смертных» мотивов в Центральной Азии отличается от представленного в Индо-Тихоокеанской зоне, но и здесь прослеживаются

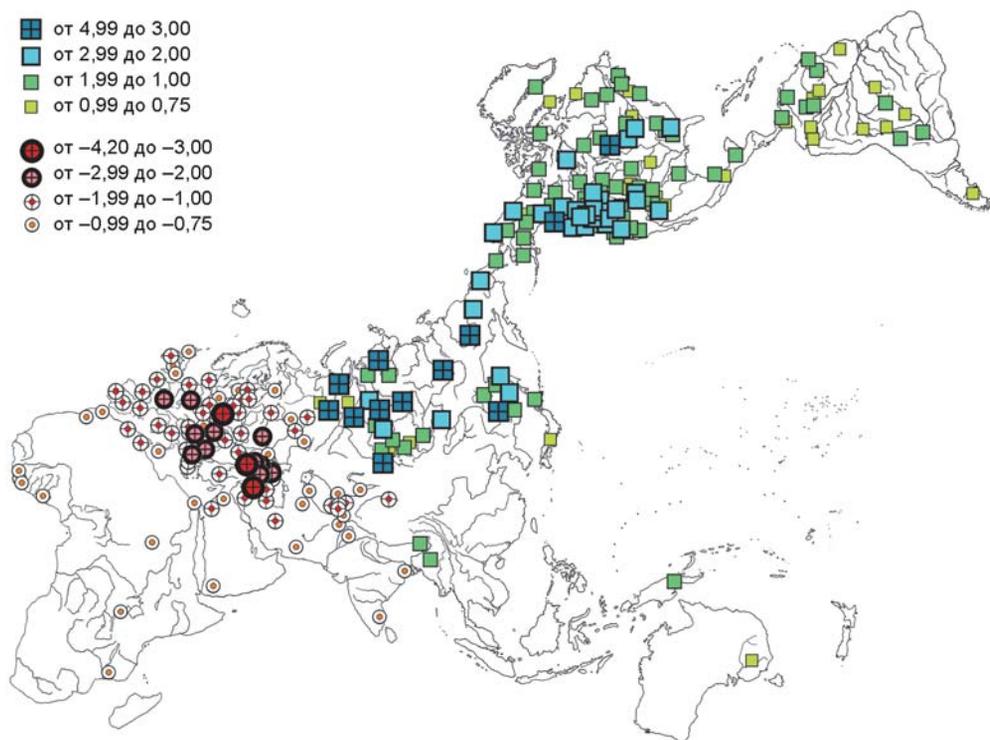

Рис. 5. Распределение 478 мотивов, связанных с представлениями о происхождении окружающего мира и его элементов, по 881 традиции. 2-я ГК. Доля дисперсии 3,93 %. Традиции с низкими абсолютными величинами математических индексов (от 0,74 до –0,74) не показаны.

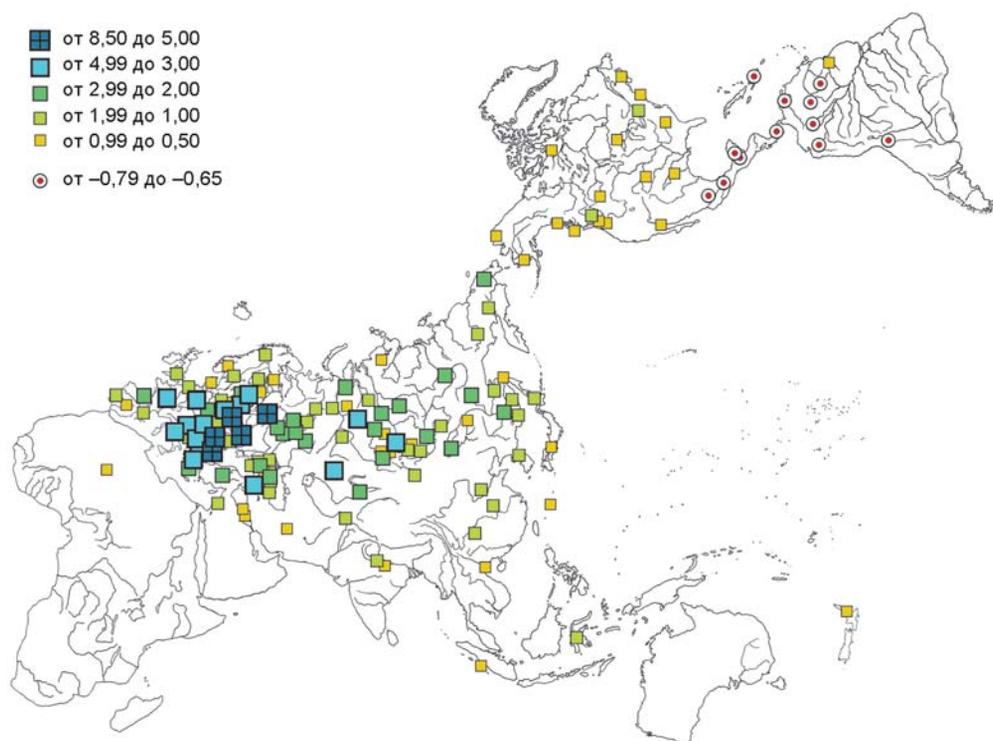

Рис. 6. Распределение 200 мотивов, связанных с интерпретацией небесных светил, по 815 традициям. 1-я ГК. Доля дисперсии 5,49 %. Традиции с низкими абсолютными величинами математических индексов (от 0,49 до $-0,65$) не показаны.

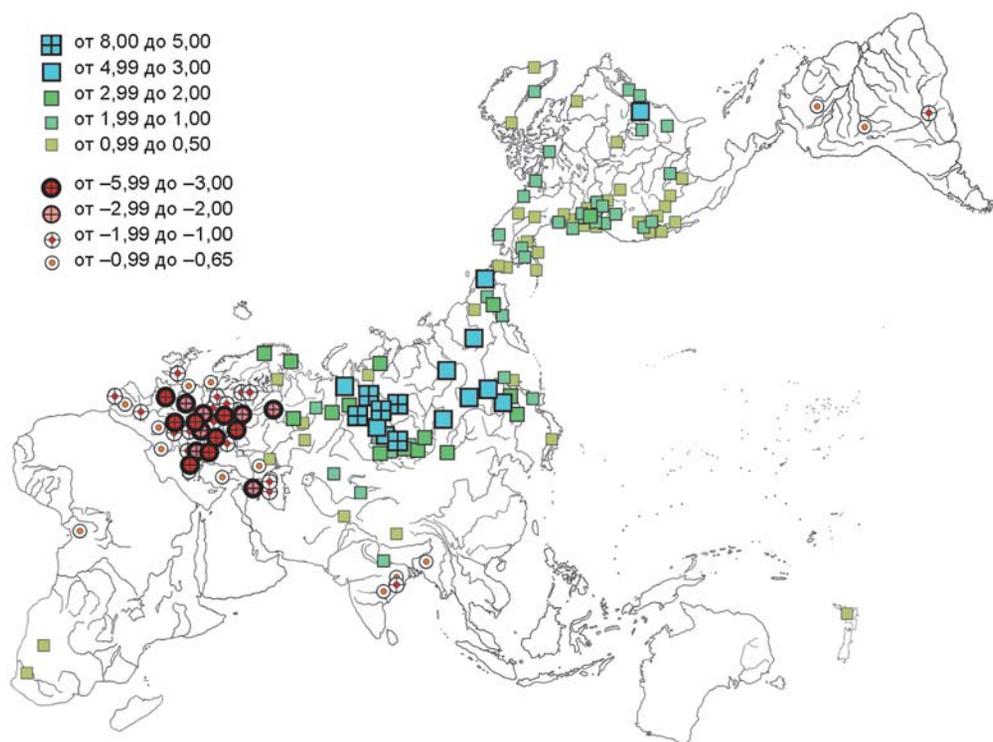

Рис. 7. Распределение 200 мотивов, связанных с интерпретацией небесных светил, по 815 традициям. 2-я ГК. Доля дисперсии 3,53 %. Традиции с низкими абсолютными величинами математических индексов (от 0,49 до $-0,64$) не показаны.

отдельные африканские параллели. Малое разнообразие соответствующих мотивов в циркумарктической зоне можно объяснить эффектом «бутылочного горла». Как в первичном, так и в повторном (после ледникового максимума) освоении высоких широт участвовали, вероятно, немногочисленные и небольшие по составу группы людей, что должно было привести к случайной утрате одних сюжетов и росту популярности других.

Большее разнообразие и большую популярность мотивов второй группы (происхождение человека, его анатомии, особенностей отношений между полами) в индо-тихоокеанском мире, по сравнению с континентальной Евразией, также вряд ли надо считать закономерным результатом воздействия каких-то мощных и долговременных факторов. Скорее всего, это опять-таки историческая случайность. Ничто не свидетельствует о том, что обитатели Сибири или Европы в повседневной жизни уделяли осмыслению данной сферы культуры меньше или больше внимания, чем индейцы или меланезийцы, да и как такое внимание вообще можно оценить количественно? Речь идет не об этнографии, а о фольклоре, который лишь опосредованно связан с другими сферами культуры. Поскольку многие конкретные мотивы данной группы в Азии на ее индо-тихоокеанской окраине и в Америке, особенно в Южной, одинаковы, можно предположить, что к западу и востоку от Тихого океана они возникли не самостоятельно и, возможно, появились в Азии до начала заселения Нового Света, скорее всего, ранее 15, а, может быть, и 20 тыс. л.н.

Большая популярность мотивов данной группы в циркумтихоокеанском регионе и меньшая – в континентальной Евразии, а также различия в конкретных наборах мотивов есть прежде всего свидетельство продолжительной изоляции этих частей ойкумены друг от друга. Некоторые разделяющие их пустынные территории, особенно высокогорные, были освоены лишь с появлением производящего хозяйства [Chen et al., 2015]. Что касается территории к югу от Сахары на африканском континенте, то там разного рода истории про «странные браки», «странную анатомию» и т.п., а также подробно разработанные антропологические мифы, столь характерные для коренного населения Америки и Юго-Восточной Азии, вряд ли когда-либо имели широкое распространение.

Третья группа мотивов – та, которая касается космогонии, космологии и этиологии различных явлений и существ – стала, вероятно, формироваться одновременно со второй и первоначально, по-видимому, тоже на юге – в Южной и Юго-Восточной Азии. Ее проникновение на север, в Сибирь, откуда многие мотивы попали в Америку, можно сопоставить с восточно-евразийским континуумом генофонда, который выявили О.П. Балановский и его коллеги [Баланов-

ский, 2014, рис. 10, 3]. Что было в Северной Евразии раньше, какие мифологические образы могли существовать у обитателей Янской стоянки на территории Якутии или культур европейского палеолита, определить невозможно.

Самый яркий комплекс мотивов третьей группы, связывающий Индию, Сибирь и Северную Америку, касается мифа о ныряльщике за землей [Березкин, 2007б; Васильев и др., 2015, с. 371–379; Напольских, 1991]. Другой характерный пример – «спор о времени»: животные-первопредки определяют число единиц времени для определенных сезонов года или части суток [Васильев и др., 2015, с. 379–381]. Эта тема представлена в Индонезии, на северо-востоке Индии, в Южной Сибири, Северной Америке и Патагонии, причем сибирско-североамериканские и североамериканско-патагонские варианты детально похожи. Существует также обширный комплекс мотивов, касающихся появления полезных растений, который объединяет весь циркумтихоокеанский мир, но не включает континентальные районы Евразии. В тропической Африке, где примерно такие же, как в Амазонии и Меланезии, природные условия, преобладающие формы земледелия и уровень социальной сложности, ничего подобного нет. Данный комплекс мотивов должен был сформироваться до перехода к производящей экономике, а далее – как в Азии и Океании, так и в Америке – должен был быть независимо использован, чтобы объяснить появление культурных видов [Berezkin, 2015b, p. 59–60].

Четвертая группа мотивов, связанная с космогонией, – в основном продукт северо-евразийского культурогенеза. Из Сибири многие мотивы были перенесены в Северную Америку, но лишь немногие достигли Южной. В Австралии космогония тоже хорошо разработана, но там она иная по содержанию, а недостаток данных не позволяет обрисовать мотивные комплексы внутри самого австралийского континента. Некоторые сюжеты, связанные с осмыслением солнца и луны, возможно, зародились еще на африканской прародине. Интерпретация Млечного Пути как реки или змея, характерная главным образом для циркумтихоокеанского региона, могла быть известна самым первым мигрантам в Новый Свет [Березкин, 2017, с. 31–46]. Однако соединение звезд в созвездия, имеющие мифопоэтическое осмысление, и разнообразная интерпретация лунных пятен вряд ли получили большое распространение ранее завершающего периода заселения Америки, т.е. до 14–12 тыс. л.н. Богатство соответствующих представлений, характерное для Северной Америки, Сибири и Европы, намного превосходит все то, что известно для более южных регионов. Особенным разнообразием отличается космогония Европы, однако это результат достаточно позднего развития. Для европейской космо-

ними характерны реалии как минимум бронзового, если не железного века, многие варианты истолкования лунных пятен и Млечного Пути явно появились уже после распространения христианства.

Выводы

Анализ тенденций распространения мифологических мотивов позволяет получить информацию о разных эпохах. По глубине охвата эти данные сопоставимы с материалами археологии и генетики. Они проливают свет на эволюцию культуры за последние 15, а в отдельных случаях 30 и даже 60 тыс. лет. Если говорить об эпохальном тренде развития мифологии, то тема смертной природы человека была, по-видимому, осмыслена первой, во всяком случае ничего более раннего до нас не дошло. Напротив, интерпретация объектов ночного неба стала развиваться поздно и не везде. Не менее важен другой вывод. У развития мифологии, как и у эволюции в целом нет законов, если не считать общей тенденции к усложнению, элемент случайности очень велик. Различия между циркумтихоокеанскими и континентально-евразийскими мифологиями обусловлены тем, что контакты между соответствующими популяциями на протяжении многих тысячелетий были ограничены.

Оценка времени появления определенных особенностей мифологии основана на сравнении данных по Старому и Новому Свету, время заселения которого известно. Другим репером служит время выхода человека современного типа из Африки. О некоторых особенностях мифологии индо-тихоокеанской периферии Азии времени порядка 20 тыс. л.н. можно судить по соответствующим южно-американским параллелям, а о сибирских мифологиях финального плейстоцена – по параллелям с Северной Америкой.

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-18-03384). Благодарю за помощь участников проекта С.А. Боринскую, Е.Н. Дувакина и А.В. Рубановича.

Список литературы

Балановский О.П. Генетические данные о заселении Высоких широт // Первоначальное заселение Арктики человеком в условиях меняющейся природной среды. – М.: ГЕОС, 2014. – С. 408–422.

Березкин Ю.Е. [Рецензия] // Этногр. обозр. – 2002. – № 6. – С. 172–177. – Рец. на кн.: Gender in Amazonia and Melanesia. An Exploration of the Comparative Method. – Berkeley, Los Angeles; L.: Univ. of California Press, 2001. – 392 p.

Березкин Ю.Е. Происхождение смерти – древнейший миф // Этногр. обозр. – 2007а. – № 1. – С. 70–89.

Березкин Ю.Е. Космогонические сюжеты «ныряльщик за землей» и «выход людей из земли» (о гетерогенном происхождении американских индейцев) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2007б. – № 4. – С. 110–123.

Березкин Ю.Е. Африка: миграции, мифология. Ареалы распространения фольклорных мотивов в исторической перспективе. – СПб.: Наука, 2013. – 319 с.

Березкин Ю.Е. Распространение фольклорных мотивов как обмен информацией, или Где запад граничит с востоком // Антропологический форум. – 2015. – № 26. – С. 153–170.

Березкин Ю.Е. Рождение звездного неба: представления о ночных светилах в исторической динамике. – СПб.: Музей антропол. и этногр. (Кунсткамера) РАН, 2017. – 316 с.

Березкин Ю.Е., Боринская С.А. О чем говорили наши далекие предки // Природа. – 2014. – № 12. – С. 48–54.

Васильев С.А., Березкин Ю.Е., Козинцев А.Г., Пейрос И.И., Слободин С.Б., Табарев А.В. Заселение человеком Нового Света: опыт комплексного исследования. – СПб.: Нестор-История, 2015. – 680 с.

Напольских В.В. Древнейшие этапы происхождения народов уральской языковой семьи: данные мифологической реконструкции (прауральский космогонический миф). – М.: Ин-т этнол. и антропол. им. Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР, 1991. – 189 с.

Berezkin Yu. Spread of folklore motifs as a proxy for information exchange: contact zones and borderlines in Eurasia // Trames. A J. of Humanities and Social Sciences. – 2015а. – Vol. 19, N 1. – P. 3–13.

Berezkin Yu. Folklore and mythology catalogue: its lay-out and potential for research // The Retrospect Methods Network Newsletter. – 2015b. – N 10. – P. 56–70.

Berezkin Yu., Duvakin E. Buried in a head: African and Asian parallels to Aesop's fable // Folklore. – 2016. – Vol. 127, N 1. – P. 91–102.

Chen F.H., Dong G.H., Zhang D.J., Liu X.Y., Jia X., An C.B., Ma M.M., Xie Y.W., Barton L., Ren X.Y., Zhao Z.J., Wu X.H., Jones M.K. Agriculture facilitated permanent human occupation of the Tibetan Plateau after 3600 B.P. // Science. – 2015. – N 347 (6219). – P. 248–250.

Uther H.-J. The Types of International Folktales. – Helsinki: Suomalainen Tiedeakatemia, 2004. – Vol. 1. – 619 p.; Vol. 2. – 536 p.; Vol. 3. – 285 p.

*Материал поступил в редколлегию 10.06.16 г.,
в окончательном варианте – 12.07.16 г.*

АГУ – Алтайский государственный университет
АН РТ – Академия наук Республики Татарстан
АО – Археологические открытия
АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа
ВДИ – Вестник древней истории
ГАНИИИЯЛ – Горно-Алтайский научно-исследовательский институт истории, языка и литературы
ГИМ – Государственный исторический музей
ДВО РАН – Дальневосточное отделение РАН
ИА РАН – Институт истории РАН
ИАЭТ СО РАН – Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН
ИГМ СО РАН – Институт геологии и минералогии им. В.С. Соболева Сибирского отделения РАН
ИЭРиЖ УрО РАН – Институт экологии растений и животных Уральского отделения РАН
КСИА – Краткие сообщения Института археологии
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР
НГУ – Новосибирский государственный университет
РА – Российская археология
СА – Советская археология
САИ – Свод археологических источников
СГЭ – Сообщения Государственного Эрмитажа
СПбГУ – Санкт-Петербургский государственный университет
СФУ – Сибирский федеральный университет
СЭ – Советская этнография
ТИЭ – Труды Института этнографии
ЯНАО – Ямало-Ненецкая автономная область

- Агатова А.Р.** – кандидат геолого-минералогических наук, старший научный сотрудник Института геологии и минералогии им. В.С. Соболева СО РАН, пр. Академика Коптюга, 3, Новосибирск, 630090, Россия; научный сотрудник Уральского федерального университета, ул. Мира, 19, Екатеринбург, 620002, Россия. E-mail: agatr@mail.ru
- Астафьев А.Е.** – научный сотрудник Мангистауского государственного историко-культурного заповедника, Республика Казахстан. Маңғыстау мемлекеттік тарихи-мәдени қорығы, 3-ші шағынаудан, 66, Ақтау, 130001, Қазақстан Республикасы. E-mail: aasta@list.ru
- Бачура О.П.** – кандидат биологических наук, старший научный сотрудник Института экологии растений и животных УрО РАН, ул. 8 Марта, 202, Екатеринбург, 620144, Россия. E-mail: olga@ipae.uran.ru
- Березкин Ю.Е.** – доктор исторических наук, заведующий отделом Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Университетская наб., 3, Санкт-Петербург, 199034, Россия. E-mail: berezkin1@gmail.com
- Богданов Е.С.** – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: bogdanov@archaeology.nsc.ru
- Бородовский А.П.** – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: altaicenter2011@gmail.com
- Ветров В.М.** – кандидат исторических наук, доцент, заведующий лабораторией Педагогического института Иркутского государственного университета, ул. Нижняя Набережная, 6, Иркутск, 664011, Россия.
- Волкова Е.В.** – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия. E-mail: volk_h@mail.ru
- Горохов С.В.** – кандидат исторических наук, младший научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: gorokhov.sv@gmail.com
- Демонтерова Е.И.** – кандидат геолого-минералогических наук, старший научный сотрудник Института земной коры СО РАН, ул. Лермонтова, 128, Иркутск, 664033, Россия. E-mail: dem@crust.irk.ru
- Деревянко А.П.** – академик РАН, доктор исторических наук, научный руководитель Института археологии и этнографии СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: derev@archaeology.nsc.ru
- Доброва О.П.** – научный сотрудник Центра палеоэтнологических исследований, Новая пл., 12, стр. 5, Москва, 109012, Россия. E-mail: russa-dolya@mail.ru
- Дрёмов И.И.** – кандидат исторических наук, археолог, ООО «Георесурс-КБ», ул. Московская, 84, Саратов, 410012, Россия. E-mail: iid57@yandex.ru
- Дураков И.А.** – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия; доцент Института истории, гуманитарного и социального образования Новосибирского государственного педагогического университета, ул. Вилюйская, 28, Новосибирск, 630126, Россия. E-mail: Idurakov@yandex.ru
- Зенин В.Н.** – доктор исторических наук, заведующий отделом Института археологии и этнографии СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: vzenin@archaeology.nsc.ru
- Канева Е.В.** – кандидат химических наук, младший научный сотрудник Института геохимии им. А.П. Виноградова СО РАН, ул. Фаворского, 1А, Иркутск, 664033, Россия. E-mail: kaneva@igc.irk.ru
- Кардаш О.В.** – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Сургутского государственного университета, ул. Ленина 1, Сургут, 628412, Россия; научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: kov_ugansk@mail.ru
- Колбина А.В.** – научный сотрудник Костанайского областного историко-краеведческого музея, Республика Казахстан. Қостанай облыстық тарихи-өлкетану музейі, Алтынсарин көш., 115, Қостанай, 458000, Қазақстан Республикасы. E-mail: Alina_ant@mail.ru
- Косинцев П.А.** – кандидат биологических наук, старший научный сотрудник Института экологии растений и животных УрО РАН, ул. 8 Марта, 202, Екатеринбург, 620144, Россия. E-mail: kra@ipae.uran.ru
- Кубарев Г.В.** – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: gvkubarev@gmail.com

- Кундо Л.П.** – ведущий технолог-реставратор Института археологии и этнографии СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: kundoludmila@ngs.ru
- Лобанова Т.В.** – старший инженер Института экологии растений и животных УрО РАН, ул. 8 Марта, 202, Екатеринбург, 620144, Россия. E-mail: lota_64@mail.ru
- Молодин В.И.** – академик РАН, доктор исторических наук, заместитель директора Института археологии и этнографии СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия; главный научный сотрудник Новосибирского государственного университета, ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: Molodin@archaeology.nsc.ru
- Непоп Р.К.** – кандидат геолого-минералогических наук, старший научный сотрудник Института геологии и минералогии им. В.С. Соболева СО РАН, пр. Академика Коптюга, 3, Новосибирск, 630090, Россия; научный сотрудник Уральского федерального университета, ул. Мира, 19, Екатеринбург, 620002, Россия. E-mail: rnk@igm.nsc.ru
- Панов В.С.** – инженер Института археологии и этнографии СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: pvs7zeitlos@gmail.com
- Панюшкина И.П.** – кандидат биологических наук, адъюнкт-доцент Университета Аризоны, США. University of Arizona, 1215, E. Lowell St., Tucson, AZ 85721, USA. E-mail: ipanyush@email.arizona.edu
- Пашкова Г.В.** – кандидат химических наук, научный сотрудник Института земной коры СО РАН, ул. Лермонтова, 128, Иркутск, 664033, Россия. E-mail: pashkova.gv@yandex.ru
- Полосьмак Н.В.** – член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: polosmaknatalia@gmail.com
- Рыбалко А.Г.** – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: rybalko@archaeology.nsc.ru
- Савенкова М.М.** – кандидат искусствоведения, доцент Воронежского государственного педагогического университета, ул. Ленина, 86, Воронеж, 394043, Россия. E-mail: savenkova-m@yandex.ru
- Слюсаренко И.Ю.** – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия; старший научный сотрудник Новосибирского государственного университета, ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: slig1963@yandex.ru
- Тетенькин А.В.** – кандидат исторических наук, доцент, научный сотрудник Иркутского национального исследовательского технического университета, ул. Лермонтова, 83, Иркутск, 664074, Россия. E-mail: altet@list.ru
- Ткачѳв А.А.** – доктор исторических наук, заведующий сектором Института проблем освоения Севера Тюменского научного центра СО РАН, ул. Малыгина, 86, Тюмень, 625026, Россия. E-mail: sever626@mail.ru
- Ткачѳва Н.А.** – кандидат исторических наук, доктор социологических наук, профессор Тюменского индустриального университета, ул. Володарского, 38, Тюмень, 625000, Россия. E-mail: sever626@mail.ru
- Усманова Э.Р.** – научный сотрудник Сарыаркинского археологического института Карагандинского государственного университета им. академика Е.А. Букетова, Республика Казахстан. Академик Е.А. Бѳкетов атындагы Қарағанды мемлекеттік университетінің Сарыарқа археологиялық институты, Университет көш., 28, Қарағанды, 100028, Қазақстан Республикасы. E-mail: emmadervish2004@mail.ru
- Федорова Н.В.** – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, заведующая сектором Государственного казенного учреждения Ямало-Ненецкого автономного округа «Научный центр изучения Арктики», ул. Республики, 73, Салехард, 629008, Россия. E-mail: mvk-fedorova@mail.ru
- Шах М.А.** – старший преподаватель и куратор Центра изучения Центральной Азии Кашмирского университета, Индия. Centre of Central Asian Studies University of Kashmir, Hazratbal, Srinagar-190006, Jammu & Kashmir, India. E-mail: shahajmal7@gmail.com
- Янина Т.А.** – доктор географических наук, заведующая лабораторией Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, ГСП-1, Ленинские горы, Москва, 119991, Россия. E-mail: didacna@mail.ru